

Ор63
А87

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОРЕНБУРЖЬЯ

<http://kraeved.opck.org>
История Оренбурга Оренбург, 1999

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ОРЕНБУРЖЬЯ**

ВЫПУСК III

ББК 63. 4

А 87

Археологические памятники Оренбуржья. Выпуск 3. –
Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1999. – 236 с.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Оренбургского государственного педагогического университета, протокол № 138 от 12.01.1999 г.

Настоящий научный сборник статей археологов Оренбурга, Самары, Уфы и Санкт-Петербурга является ежегодным изданием, в котором публикуются результаты и итоги исследований в Оренбуржье, вводятся в научный оборот ценные источники по истории южноуральского населения разных периодов: эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Ряд статей посвящен проблемам взаимодействия природы и человека, а также изучению древних производств.

Книга предназначена для археологов, историков, краеведов, студентов исторических факультетов.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук Н. Л. Моргунова (отв. редактор),
кандидат исторических наук Ю. С. Зобов,
м. н. с. Д. В. Мещеряков,
м. н. с. М. В. Халяпин.

Рецензенты:

кандидат исторических наук, профессор ОГПУ Ю. С. Зобов;
кандидат исторических наук, директор Самарского краеведческого музея
им. П. В. Алабина Л. В. Кузнецова.

ISBN 5-7689-0064-0

<http://kraeved.opck.org>
История Оренбуржья

© Оренбургский государственный
педагогический университет, 1999
© Печатный Дом «ДИМУР», 1999

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных статей продолжает публикацию материалов из раскопок на территории Оренбургской области и в соседних прилегающих районах («Археологические памятники Оренбуржья», Оренбург, 1997, 1998 гг.). Идея создания данного, ставшего периодическим, издания возникла в связи с необходимостью объединить усилия всех работающих в нашей области археологов и ввести в научный оборот многочисленные источники, полученные в Оренбуржье за последние годы. Помимо задачи опубликовать результаты полевых исследований археологов из разных научных центров в одном издании, редколлегия стремится к публикациям статей и обобщающего, проблемного характера, а также статей, посвященных итогам исследований смежных наук.

Редколлегия не придерживается принципа проблемной тематики сборников. В них мы включаем статьи по материалам всех эпох в хронологическом порядке. Данный сборник, как и два предыдущих, ярко демонстрирует, что в Оренбуржье археологические исследования в большей степени проводятся на памятниках бронзового и раннего железного веков. К сожалению, пока в области известны единичные стоянки людей каменного века, что объясняется трудностями в их поиске. Столь же недостаточно изучены культуры кочевников эпохи средневековья (от IV до XV–XVI вв.), раскопки курганов которых производились лишь эпизодически, в основном уфимскими археологами.

Археологические памятники в Оренбуржье представляют исключительный интерес не только для истории Южного Урала, но и для всей отечественной исторической науки. Не случайно, что раскопки любого памятника наряду с уже знакомыми ученым находками приносят и много нового, ранее неизвестного, а порой и уникального. Материалы таких археологических памятников, как курганы Пятимары, Филипповские, Болдыревские, Тамар-Уткульские, Сара, Покровские, стоянки Ивановская, Елшанка, посе-

ления Горное, Родниковое и др., вошли в перечень наиболее ценных источников по истории степных народов России и всей Евразии. Объяснение тому во многом заключается в особом географическом положении оренбургских степей, во все эпохи открывавших пути для общения и культурных связей местных племен и народов с населением Европы и Азии, с одной стороны, с другой – с населением лесной зоны и южными культурами Средней Азии, Кавказа, Сев. Причерноморья.

В настоящий сборник также вошли статьи, посвященные публикациям как уже привычных материалов эпохи бронзы и раннего железного века, так и достаточно выдающихся, вносящих новые представления о культуре, хозяйстве и общественных структурах населения Южного Урала на разных исторических ступенях его развития. Таковы публикации результатов раскопок курганных могильников в Курманаевском районе, произведенных экспедицией Оренбургского педуниверситета в 1991 г. (статья С. В. Богданова). Все погребения в курганах относятся к древнеямной культуре и синхронизируются с ее релинским этапом. Подобных памятников в Приуралье и Среднем Поволжье пока единицы, и поэтому данные материалы приобретают важное значение в решении проблемы формирования средневожской и приуральской групп древнеямной КИО. Проблема соотношения и культурного единства последних поднимается в работе М. А. Турецкого. Выводы исследователя не бесспорны, но заслуживают внимания и дальнейшей разработки.

По-своему уникальны находки в курганах у с. Уранбаш Октябрьского района (статья Н. Л. Моргуновой). В них обнаружены достаточно обычные, совершенные по стандартному обряду погребения срубной культуры, правда, что тоже уже давно отмечено в Оренбуржье, с признаками влияния алакульской культуры. Но исключительности могильника заключается в его расположении в непосредственной близости от древних шахт по добыче медной руды на Каргалинском место-

рождении, что и нашло отражение в материалах могильника, являвшегося, вероятно, некрополем рудокопов бронзового века, причем начиная с «ямного» периода. Материалы раскопок погребений срубной культуры разных лет вводят в научный оборот статьи М. В. Халыпина, О. В. Овчинниковой, Е. В. Кабановой. Особенно хочется отметить, что Е. В. Кабанова, сотрудник музея, не только занимается раскопками, но и проводит большую работу по выявлению новых памятников археологии и их охране на территории Бугурусланского района.

Скифо-сарматскому периоду в Приуралье посвящены статьи Ю. В. Зуева и Р. Б. Исмагилова, Н. Л. Моргуновой и Д. В. Мещерякова, Л. А. Краевой, В. Н. Мышкина, В. А. Скарбовенко и А. А. Хохлова. Важное значение для изучения сарматской истории приобретают материалы гумаровских курганов, уже сравнительно давно раскопанных в Кувандыкском районе, но до сих пор не известных специалистам в полном объеме, за исключением одного погребения с найденными в нем золотыми бляхами в виде фигур оленей. Между тем, без сомнения, все погребения могильника не входят в разряд рядовых и представляют значительный интерес. Столь же исключительны материалы конца прохоровского периода из могильника у с. Бердянка Оренбургского района. Необычна редкая сохранность погребальных камер с катакомбами значительных размеров, а также уникальность целого ряда предметов, в том числе золотых украшений, железного оружия, почти целой кирасы, аналогичной найденной в знаменитых Прохоровских курганах. Параллели последним прослеживаются и на других находках в Бердянских курганах, что дает основания для пересмотра хронологической позиции Прохоровского могильника.

Вводу в научный оборот многочисленных впускных погребений, обнаруженных при раскопках разных курганов в Западном Оренбуржье, посвящена статья Л. А. Краевой. Ее заслугой является то, что собраны и подготовлены к публикации материалы, которые остались без внимания, так как все они происходят из могильников, основу которых составляют захоронения бронзового века. Последним и посвящались предыдущие публикации памятников.

Для изучения истории сарматской культуры Оренбуржья важное значение имеют материалы раскопок из соседних областей, в том числе погребальные комплексы Гвардейского курганного некрополя, расположенного на границе с Бузулукским районом (В. Н. Мышкин и др.).

Принципиальное значение приобрели в последние годы исследования проблемы природного ок-

ружения человека в древности, проводящиеся совместно археологами, почвоведом и представителями других, смежных наук. К сожалению, подобные исследования в Оренбуржье пока только начинаются, но должны иметь продолжение в дальнейшем. В этом плане перспективны предложения О. С. Хохловой и соавторов ее статьи, публикуемой в предлагаемом сборнике. В 1998 г. ОАЭ совместно с ними проводились исследования на поселениях абашевской и срубной культур у с. Буланово Октябрьского района, которые, без сомнения, позволят получить в дальнейшем необходимые данные о климатических условиях и природном окружении людей в эпоху бронзы, а также в другие периоды в степном Оренбуржье.

Большой шаг за последние 20 лет был сделан в археологии в изучении древних производств. В г. Самаре возникла самостоятельная группа специалистов, занимающихся историей гончарства. Отрадно, что результаты их деятельности плодотворно сказались и на большей информативности многих керамических материалов в публикациях в настоящем сборнике (статья Н. Л. Моргуновой, В. Н. Мышкина, Л. А. Краевой).

Кроме того, в сборнике мы предлагаем статьи Н. П. Салугиной и И. Н. Васильевой, целиком посвященные изучению керамики из памятников Поволжья и Приуралья по методике, разработанной А. А. Бобринским.

Все вышесказанное свидетельствует о большой научной значимости археологического наследия Оренбуржья, а вместе с тем и важности решения проблемы его сохранения для будущих поколений. Необходимо подчеркнуть, что эта проблема достаточно злободневна для нашей области. Проведенная в 1992 году инвентаризация состояния памятников археологии показала, что оно в целом неудовлетворительное. Так как до 1977 года в Оренбурге не было собственных археологов, которые могли бы проводить археологические работы в зонах новостроек, многие памятники уже погибли безвозвратно. Большой урон до сих пор наносится древним курганам и поселениям распашкой земель и их использованием под хозяйственные нужды. Видимо, до начала освоения целинных земель число курганов в оренбургских степях во много раз превышало современные данные. К их числу можно причислить и ряд памятников, утраченных в ходе освоения газового комплекса, нефтяных промыслов, а также мелиоративного, дорожного и иного строительства. В 30-е годы экспедицией ГАИМК под руководством Б. Н. Гракова в зоне Орских новостроек и будущего Ириклинского водохранилища были выявлены многие сотни древних курганов и стоянок. Ныне они затоплены или застроены Орско-Халиловским комбинатом.

Многое было утрачено, но главное упущение – это то, что многие годы не велась работа по выявлению и учету археологического наследия. За короткий срок ликвидировать этот пробел очень сложно, так как для этого требуется время. Однако за последние 20 лет Оренбургская археологическая экспедиция немало потрудились в данном направлении. Практически уже во всех районах области побывали наши археологи и выявили в общей сложности около 2000 памятников, списки которых недавно утверждены Законодательным Собранием области. В настоящее время совместно с топографами проводится повторный обезд районов, начиная с наиболее изученных, с целью более точного картографирования памятников и составления охранных обязательств с собственниками земель. Необходимо в этом плане отметить, что, несмотря на очень сложное финансовое положение в области, Оренбургская администрация не отворачивается от довольно запущенных проблем с охраной культурного и исторического наследия в нашем крае, что особенно отчетливо проявилось в принятии Закона «Об охране и использовании памятников

истории и культуры в Оренбургской области» (1996 г.), который направлен прежде всего на координацию и регулирование отношений властей, собственников и исследователей по поводу использования и охраны исторического, культурного и археологического наследия.

В заключении хочется выразить надежду, что данное издание не будет последним, а помещенные в сборнике работы будут способствовать решению ключевых вопросов археологии в широком хронологическом и культурном диапазоне и значительно пополнят фонд источников по истории Южного Урала и сопредельных территорий, а также будут способствовать делу распространения культуры, просвещения и воспитания молодого поколения.

Редколлегия выражает глубокую признательность и благодарность администрации Оренбургской области в лице ее руководителей В. В. Елагина, А. И. Зеленцова, А. Г. Ивановой, А. М. Русанова, В. В. Ренева и других, способствующих и поддерживающих развитие археологических исследований в Оренбуржье.

СРЕДНЕВОЛЖСКО-ПРИУРАЛЬСКИЙ ВАРИАНТ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Прошло около 30 лет с момента создания работы Н. Я. Мерперта «Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы», в которой автором было обосновано выделение девяти вариантов ямной культурно-исторической области. Новые открытия ямных памятников в степной и лесостепной зонах позволили дополнить и уточнить выводы Н. Я. Мерперта как по внутреннему содержанию выделенных им вариантов, так и дали возможность говорить о новых локальных вариантах. Особенно интенсивно эта работа велась на материалах западных районов распространения ЯКИО, где были исследованы тысячи ямных погребений. Так были выделены левобережный (орельско-самарский) вариант (Марина З. П., 1982, с. 63–68), южнобугский вариант (Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д., 1986), днестро-дунайская культура как локальный вариант ямной культуры (Алексеева И. Л., 1992). Однако не во всех случаях многократное увеличение исследованных комплексов на территории определенного региона приводило к выделению новых локальных групп. Так, в результате исследования ямных памятников на Среднем Дону (Синюк А. Т., 1983, с. 120–132), территории, не включенной Н. Я. Мерпертом ни в один из вариантов ямной культуры, не было отмечено того своеобразия материалов, которое бы позволило выделить здесь локальный вариант. То же самое можно сказать и о прикубанской группе ямных памятников (Трифонов В. А., 1991, с. 109–123), рассматриваемых в рамках II и III общеямных периодов (по Н. Я. Мерперту).

Проблема выделения того или иного варианта культуры, а тем более культурно-исторической области, выходит за рамки конкретно-археологического историко-этнографического исследования и относится к области теории науки. Не углубляясь в теорию, остановимся на конкретно-археологическом аспекте, т. е. попытаемся выяснить, в чем состоит своеобразие средневолжско-приуральских памятников ямной культуры, интуитивно выделяемых исследователями в особую группу, суще-

ствуют ли признаки, позволяющие объединить их в один вариант.

Для выделения нового варианта могут служить различные аспекты сложения и развития ямной культуры в данном районе: особенности хозяйственного и социального уклада, контакты с автохтонным населением и этнокультурным окружением, географический фактор и т. д.

Впервые о своеобразии приуральских ямных памятников писала Э. А. Федорова-Давыдова, отмечая в качестве местного признака положение костяков на боку (Федорова-Давыдова Э. А., 1971, с. 49). Она же впервые обратила внимание на сходство приуральских комплексов с погребениями района Самарской Луки. Н. Я. Мерперт, рассматривая приуральские ямные погребения, акцентировал свое внимание на том сходстве, которое эти памятники демонстрировали при сравнении их с нижневолжскими, констатируя полное совпадение как в деталях обряда, так и в инвентаре. В качестве локальной особенности отмечался лишь такой признак, как отклонение погребенных к правому боку (Мерперт Н. Я., 1974, с. 91). Вслед за К. Ф. Смирновым Н. Я. Мерперт не считал возможным выделять приуральские ямные погребения в отдельную локальную область. Однако, в отличие от К. Ф. Смирнова, отмечавшего отсутствие в Приуралье наиболее архаичных погребений (Смирнов К. Ф., 1965, с. 159), Н. Я. Мерперт считал оренбургские степи, наряду с Нижним Поволжьем, зоной культурогенеза ямной культуры.

За последние 25 лет фонд ямных погребений значительно увеличился. В Среднем Поволжье исследовано более 80 комплексов, а в Приуралье — более 100 погребений. Среди них не встречено погребений, которые можно отнести к т. н. группе древнейших подкурганных (бережновских) погребений (Дремов И. И., Юдин А. И., 1992, с. 18–31), синхронизируемых с поздней стадией хвалынской культуры. Отсутствие подобных комплексов ставит перед исследователями задачу выявления ранних погребений на территории Среднего По-

вожья и Приуралья вне рамок культурно-хронологической схемы, согласно которой хвалынская культура явилась основным компонентом сложения ямной культуры на территории Волго-Уралья. Более того, подробный анализ признаков погребального обряда этих двух культур дает картину значительного различия (Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И., 1990, с. 83–85), которое нельзя объяснить только причинами хронологического порядка. Специфичность хвалынской керамики и отсутствие большинства ее характеристик в ямной керамике еще больше усиливает основания искать компоненты сложения ямной культуры не только и не столько в среде хвалынских древностей (Барынкин П. П., 1992, с. 22).

В целом процесс, реконструируемый как переход оседлого неолитического населения к кочевому образу жизни в южных районах лесостепной Заволжья и, как следствие, изменение характера изучаемых археологических памятников (от поселенческих и незначительного числа погребальных к исключительно погребальным), достаточно сложен и окончательно не выяснен. Важнейшее значение в этом процессе отводится аридизации климата в раннем суббореале (Васильев И. Б., 1995, с. 211), хотя в степной части волго-уральского междуречья, и особенно в лесостепной зоне, этот процесс был менее резким (Иванов И. В., Васильев И. Б., 1995, с. 147; Синюк А. Т., 1996, с. 35–36).

Возникнув как степная культура, раннеямная культура постепенно осваивает лесостепную зону Волго-Уральского региона. На этом этапе ямные памятники демонстрируют значительное сходство с нижневожскими комплексами. Это выражается как в погребальном обряде, так и, особенно, в керамике. Такое сходство обусловлено, прежде всего, появлением репинской керамики. Эта керамика представляет собой горшки круглодонной формы с четко выделенной шейкой, часто желобчатым венчиком, орнаментированные горизонтальными линиями, свисающими треугольниками, выполенными отпечатками веревочки, гребенчатым штампом, наколами, рядами жемчужин или ямок по основанию шейки. В тесте сосудов имеется примесь раковины. Такие комплексы немногочисленны – Екатериновка V/1, Покровка, 15/2, Лопатино II, 3/2 на Средней Волге, Герасимовка II, 4/2, Петровка, 1/2 – в Приуралье. К этому периоду можно отнести и комплексы, в которых обнаружены металлические предметы архаичных форм, восходящих к неолитической эпохе. Это погребения из Приуралья – Нижняя Павловка V, 1/2, Илек, 1/1, где найдены топоры – клевцы и Увак, 12/4 с медным молотком. Погребение с керамикой репинского типа встречено на территории Уральской области (Кресты, 29). Мало-

численность раннеямных погребений в средневожско-приуральском регионе свидетельствует, скорее всего, об эпизодичности первых проникновений ямных племен в этот район (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994). Время расселения ямных племен к северу и северо-востоку от Нижнего Поволжья – первая половина III тыс. до н. э., вероятнее всего, вторая четверть. Можно предположить пути этого движения, картографировав имеющиеся ямные памятники (см. карту). Надо отметить, что в географическом плане средневожско-приуральский район представляет собой единую зону южно-лесостепного и степного ландшафтов, объединенную хорошо развитой системой рек, главными из которых являются Самара и Урал в своем среднем течении, которые имеют в основном широтное направление. На территории Самарского Заволжья граница степи и лесостепи проходит несколько севернее, чем в Оренбургском Приуралье – по нижней Самаре и Большому Кинелю (Ильина Н. С., Симонова Н. И., 1996, с. 68). Памятники ямной культуры приурочены в основном к притокам Волги и Самары, также имеющим преимущественно широтное направление – Малый Иргиз, Чагра, собственно Самара, Кутулук, Малый Кинель, Сок, Бузулук. Ямные памятники практически отсутствуют на территории между реками Большой Иргиз и Чагра. Приуральская группа приурочена, прежде всего, к Уралу и его притокам – Чагану, Иртеку, Кинделе, Илеку. Западнее, на территории, простирающейся от Урала до верховий Большого и Малого Узены, памятники ямной культуры пока не обнаружены. Локализация ямных памятников около рек не случайна и, видимо, связана с формой хозяйства и образом жизни средневожско-приуральских ямных племен.

Географическая обособленность данного района служит одним из оснований для выделения локального варианта. Другой причиной такого выделения является то единство в погребальном обряде, которое демонстрируют памятники ямной культуры Средней Волги и Приуралья на последующем этапе. По ряду признаков заметно определенное отличие от нижневожских памятников.

1. Значительное количество крупных курганов (свыше 30 м в диаметре и 2 м в высоту). В Среднем Поволжье – 18%, в Приуралье – 12%, а на Нижней Волге только 6%.

2. Практически полное отсутствие стратифицированных курганов. Каждое погребение на Средней Волге и в Приуралье совершено под индивидуальной насыпью в отличие от Нижнего Поволжья, где достаточно многочисленны случаи многократного использования насыпи для впускных погребений.

3. Одним из самых заметных признаков своеобразия средневожско-приуральских ямных погребений являются сложные ступенчатые конструкции могил, характерные исключительно для данного района (более 30 погребений в Приуралье, 9 – на Средней Волге).

4. Исключительно средневожско-приуральским является обряд сожжения деревянных и растительных перекрытий (15 случаев).

5. Обкладка стен могильной ямы растительными циновками практиковалась в основном в Среднем Поволжье (13 случаев) и Приуралье (5 случаев).

6. Наличие органических покрывал на погребенных зафиксировано в 14 случаях на Средней Волге и в Приуралье, а на Нижней Волге только в 3 случаях.

7. Использование растительных подстилок достигает в Среднем Поволжье и Приуралье 70% от всего числа погребений, тогда как в Нижнем Поволжье этот обычай зафиксирован лишь в 20% всех погребений.

8. Значительно чаще использовалась подсыпка охры в средневожско-приуральских погребениях (73%), чем в нижевожских погребениях (около 40%).

9. Различные действия с огнем были произведены в 40% погребениях на Средней Волге, в 27% – в Приуралье и лишь в 17% погребений на Нижней Волге.

10. Характерной особенностью является положение погребенных на спине с завалом на правый бок или на правом боку. В Среднем Поволжье такое положение зафиксировано в 28%, а в Приуралье – в 75% от всего числа погребений, где поза была установлена.

Таким образом, практически по всем основным категориям признаков погребального обряда со всей очевидностью прослеживается устойчивое единство норм погребальной обрядности для средневожских и приуральских ямных комплексов. Несомненно, это единство не могло быть полным в силу значительной по площади территории. Однако следует отметить, что наиболее яркие памятники обоих регионов демонстрируют значительное сходство (Утевка I, Красносамарская I–III, Кашпир III, Владимировка, Преполовенка – в Среднем Поволжье; Болдырево I, IV, Герасимовка I, II, Тамар-Уткуль VII, VIII, Изобильное I, II – в Приуралье).

Это сходство дополняется значительным единообразием погребального инвентаря. В меньшей степени это относится к керамике, в которой наряду с общими формами, типа сосудов из Барышкинова, 3/6, 4/1, 5/1, Трудового II, 5/1 и других, встречаются и специфические, присущие

только этому району сосуды. Картографирование типов керамики дает следующую картину. На Средней Волге, как это ни странно, не встречаются сосуды самого распространенного типа ямной посуды – круглодонные, бесшейные формы, хотя восточнее, на Урале, они представлены достаточно широко (сюда входят вышеназванные памятники). На самом востоке приуральского района, в памятниках типа Тамар-Уткуль, найдены формы, присущие только этому району и имеющие аналогии в ранних погребениях Притоболья (Верх. Алабуга, Убаган) (Потемкина Т. М., 1982, с. 159–172).

Особой спецификой отличается керамика из средневожских погребений, относимых исследователями к позднеямной и раннеполтавkinской группам памятников (Васильев И. Б., 1979, с. 24–52; Кузнецов П. Ф., 1989, с. 42–43). Керамика из Утевки I, 1/1, 2/1, 3/1, Красносамарского I, 4/2, Владимировки, 4/4, Сускана, 2/1, Преполовенки, 9/1, Светлого Озера, 3/1 и ряда других несомненно отличается от классической ямной керамики, прежде всего, своей плоскодонной формой и специфическим орнаментом, главным компонентом которого зачастую выступает шагающая гребенка, ряды ямочных вдавлений и гребчатого штампа. Плоскодонная керамика встречается на всей территории распространения ямных памятников, в том числе и на Нижней Волге. Относительно орнамента можно отметить, что причиной его появления является, вероятней всего, влияние северных и северо-восточных культурных образований на ямное население средневожского района, который представляет собой наиболее северный район расселения ямников (Сальников К. В., 1962, с. 43; Багаудинов Р. С., Пятых Г. Г., 1977, с. 33–39; Васильев И. Б., 1979, с. 45–46). На территорию лесостепи проникали племена волосовской и гаринско-борской культур, керамические комплексы которых найдены на стоянках в бассейне рек Сок, Самара, Уса (Виловатовская, Елшанские, Шигонские, Чесноковская I, Большераковская II, Гундоровская, Лебяжинка IV, Чекалоно IV) (Овчинникова Н. В., 1996, с. 14–15). Представляя собой небольшие общины оседлого населения, они не могли сыграть значительной роли в культуре подвижных ямных скотоводов, хотя отдельные элементы нашли свое отражение в материальном комплексе тех ямных племен, которые занимали смежную территорию, прежде всего – лесостепную часть Поволжья.

Керамика, будучи более динамичным элементом погребального обряда, чем другие стороны культа, связанного со смертью (могильные сооружения, положение умерших, ориентировка и другие признаки), в наибольшей степени отражала происходившие изменения, в том числе и инокультур-

ные влияния. Как показывает анализ погребений, где была обнаружена подобная керамика (II и III группы по Васильеву), все они сооружались согласно основным нормам ямной погребальной обрядности, что не дает возможности выделять их в особый ранний этап полтавкинской культуры.

Средневожско-приуральские ямные памятники отличает богатство и разнообразие форм металлического инвентаря. Это связано прежде всего с близостью к известному Каргалинскому междуречью, начало функционирования которого относится к рубежу IV–III тыс. до н. э. (Черных Е. Н., 1997, с. 30). Возможно, близостью к Каргалам объясняется наличие значительного скопления ямных памятников по р. Урал и его притокам Кинделе, Иртеку и Илеку (Болдырево, Барышников, Тамар-Уткуль, Увак и др.), на которых обнаружено большое количество орудий труда и оружия – ножи, тесла, долота, топоры, уникальные топоры-клевцы из Нижней Павловки и Илека, молоток из Увака, тесло-молоток из Барышников (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994). Средневожские памятники, вероятно, в связи с достаточной удаленностью от медистых песчаников Приуралья, демонстрируют не столь значительное богатство металлического инвентаря. Однако уникальный набор из Утевки I, 1/1, колтубанские находки, крупные ножи из Владимировки, Кашира, Преполовники, Покровка и, наконец, уникальный, весом 1,5 кг, мед-скипетр из Кутулука – свидетельства мощного всплеска металлургии, основанной на использовании местной, приуральской меди. По сравнению со сред-

невожско-приуральским вариантом типологический состав металлического инвентаря из ямных погребений Нижней Волги выглядит очень бедно. Это подтверждает мысль о значительном своеобразии в морфологическом плане изделий из металла приуральского района в рамках циркум-понтинской металлургической провинции (Черных Е. Н., 1978, с. 61; Орловская Л. Б., 1994, с. 112–115), хотя большинство из них находят свои параллели в материалах майкопского и новосвободненского типов (Мунчаев Р. М., 1975, с. 243–245; Трифонов В. А., 1991, с. 118–119).

Среди других категорий инвентаря в плане местного своеобразия можно отметить такой тип вещей, как костяные рогатые булавки, найденные в погребениях Герасимовка II, 4/2(5 экз.), Покровка, 17/1, Лопатино, 3/2 и близкая к ним по типу булавка из Тамар-Уткуля VII, 1/1. Являясь хронологическим репером (время их бытования предшествует распространению самых ранних молоточковидных булавок), рогатые булавки маркируют и локальное своеобразие, поскольку встречаются только в Приуралье и на Средней Волге, и отсутствуют на Нижней Волге, хотя в большом количестве известны на Нижнем Дону, в Предкавказье и Северном Причерноморье (Княшко В. Я., 1989, с. 76–80; Михайлов Б. Д., 1976, с. 256).

Таким образом, погребения ямной культуры средневожско-приуральского региона демонстрируют свою специфику и своеобразие по отношению к нижевожским материалам и могут быть объединены в локальный вариант ямной культурно-исторической области.

Список литературы

- Агалов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И., 1990. Хвалынский неолитический могильник. Саратов.
- Алексеева И. Л., 1992. Курганы эпохи палеометалла в северо-западном Причерноморье. Кишинев.
- Багаутдинов Р. С., Пятых Г. Г., 1977. Новые данные о восточных связях полтавкинских племен // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Барышник П. П., 1992. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Васильев И. Б., 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Васильев И. Б., 1995. К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.
- Дремов И. И., Юдин А. И., 1992. Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА. № 4
- Иванов И. В., Васильев И. Б., 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.
- Ильина Н. С., Симонова Н. И., 1996. Данные растительного покрова Заволжья под влиянием антропогенных факторов // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара.
- Княшко В. Я., 1989. Рогатые амулеты раннего бронзового века // Известия Ростовского областного музея краеведения. Выпуск 6. Ростов-на-Дону.
- Кузнецов П. Ф., 1989. Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск – Куйбышев.
- Марина З. П., 1980. Левобережный вариант древнеямной культурно-исторической общности // Курганы степного Поднепрья. Днепрпетровск.
- Мерперт Н. Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.

Мерперт Н. Я., 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н. э.). Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М.

Михайлов Б. Д., 1976. Ямное погребение с полисуром на Мелитопольщине. // СА. № 1.

Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994. Памятники древнейшей культуры на Илеке. Екатеринбург.

Мунчаев Р. М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Овчинникова Н. В., 1996. Хронология и периодизация энеолитических поселений в лесостепном Поволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.

Орловская Л. Б., 1994. Цветной металл Болдыревского I могильника // Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Памятники древнейшей культуры на Илеке. Екатеринбург.

Потемкина Т. М., 1982. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.

Сальников К. В., 1962. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Т. 1. Уфа.

Синюк А. Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего

Дона. Воронеж.

Синюк А. Т., 1996. Природно-географическая среда, этногенетические процессы и основы экономики в бронзовом веке донской лесостепи // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара.

Смирнов К. Ф., 1965. Древнейшая культура в оренбургских степях // Новое в советской археологии. М.

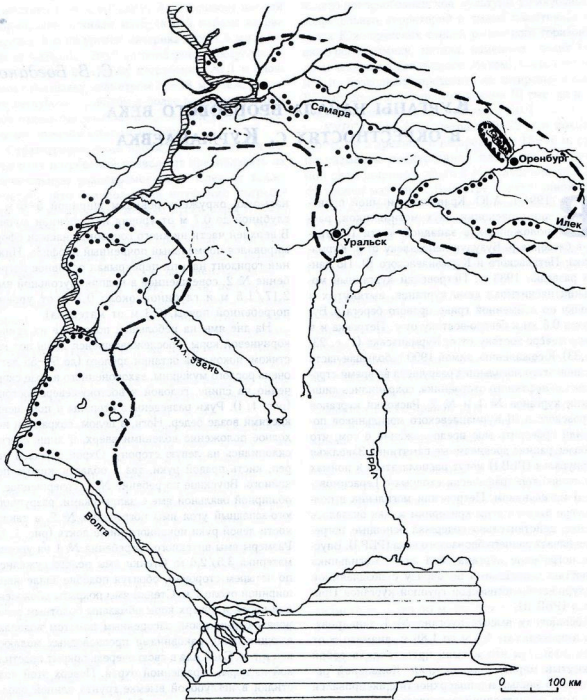
Трифонов В. А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.

Федорова-Давыдова Э. А., 1971. Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

Черных Е. Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4.

Черных Е. Н., 1997. Каргалы – крупнейший горно-металлургический комплекс Северной Европы в древности // РА. № 1.

Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д., 1986. Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант). Киев.

1

2

3

- 1 - границы нижеволжского варианта;
- 2 - границы средневолжско-приуральского варианта;
- 3 - Каргалинское месторождение.

КУРГАНЫ НАЧАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА В ОКРЕСТНОСТЯХ С. КУРМАНАЕВКА

В 1991 г. А.Ю. Кравцовым и мной проведены раскопки двух могильников, расположенных в западной части Приуралья в бассейне р. Бузулук неподалеку от с. Курманаевка: Петровского и Курманаевского III. По данным разведки 1983 г., Петровский курганный могильник насчитывал семь курганов, вытянутых в цепочку по пойменной гриве правого берега р. Бузулук в 0,5 км к северо-востоку от с. Петровка и в 6 км к северо-востоку от с. Курманаевка (1, с. 23, рис. 33). К сожалению, зимой 1990 г. большая часть курганов этого могильника разрушена во время строительства нефтяного отстойника, сохранились лишь насыпи курганов № 1 и № 2. Раскопки курганов Петровского и III Курманаевского могильников позволили проверить мое предположение о том, что наиболее ранние древнейшие памятники Заволжья и Приуралья (РБВ I) могут располагаться в поймах в условиях, топографически сходных с Герасимовским II могильником. Петровский могильник в полной мере отвечал этим критериям и, как оказалось позднее, действительно содержал основные погребения начала раннего бронзового века (РБВ I). Впускное погребение кургана № 1 этого могильника полностью сопоставимо по обряду с позднеймой культурно-хронологической группой курганов Приуралья (РБВ II).

Абсолютная высота кургана № 1 варьировалась в пределах от 1,5 м до 1,86 м, диаметр — от 30 до 50 м, так что насыпь представляла собой вытянутый меридианально овал. Кольцевой ровик сильно заплыл и с поверхности фиксировался только по разнотравной растительности, контрастировавшей с полынно-типчаковыми сообществами на поверхности насыпи.

Нижний горизонт насыпи, мощностью до 1 м и диаметром около 26–27 м, выраженный очень плотным темно-коричневым гумусированным суглинком, обильно насыщен в нижней части всевозможными карбонатными новообразованиями и сформирован, в основном, продуктами гумусового горизонта древней почвы. Подкурганная площадка диаметром около 15–16 м, перекрытая этой

насыпью, окружена ровиком шириной 5–6 м и глубиной до 0,7 м от уровня погребенной почвы. В верхней части нижнего горизонта насыпи сформировался нормальный почвенный профиль. Нижний горизонт насыпи перекрывал основное погребение № 2, совершенное в подпрямоугольной яме 2,17/1,5 м и глубиной около 0,7 м от уровня погребенной почвы (0,3 м от материка).

На дне ямы на небольшой подстилке из темно-коричневой коры, прослеживавшейся лишь под костяком, покоились останки зрелого (до 50–55 лет), очень рослого мужчины, захороненного в позе скорченно на спине, головой к востоку-северо-востоку (рис. 1, I). Руки разведены в стороны и помещены кистями возле бедер. Ноги, в целом, сохранили исходное положение коленями вверх, и лишь слегка склонились на левую сторону. Охрой окрашен череп, кисть правой руки, таз и область живота покойного. Впускное погребение № 1, совершенное в обширной овальной яме с заплечиками, разрушило юго-западный угол ямы погребения № 2, а также кости левой руки покойного ниже локтя (рис. 1, I). Размеры ямы впускного погребения № 1 на уровне материка 3,5/2,6 м. Стенки ямы полого сужались по четырем сторонам, образуя подобие заплечиков шириной около 1 м. Стенки ямы покрыты обожженной корой и поверх коры обмазаны болотным зеленовато-серым илом, засоренным пометом водоплавающих птиц, раковинами пресноводных моллюсков и т. п. Слой ила в свою очередь покрыт подстилкой из коры, окрашенной охрой. Поверх этой подстилки в неглубокой выемке грунта длиной около 1,5 м и шириной около 0,4 м покоились останки молодого мужчины, захороненные скорченно на правом боку головой к северо-востоку (рис. 1, I). Кисти рук сведены перед тазом, колени упирались в северную стенку ямы. Охрой окрашены стопы, таз, кисти и надбровья черепа. Останки покойного очень плотно завернуты в подобие чехла из нескольких слоев коры и буквально «втиснуты» в узкую выемку на дне ямы. Верхний горизонт насыпи мощностью менее 1 м и диаметром 36–40 м сложен перемешанным светло-серым суглинком, переходящим от

буровато-серого в нижней части горизонта к палево-желтому в верхней части. Этот горизонт насыпи сформирован выкидом материковой породы из рва шириной 3 м на уровне материка и до 1,5 м глубиной от материка. Этот поздний ровик, безусловно, соответствует впускному погребению № 1 и опоясывает площадку диаметром 35–38 м. Между ранним неглубоким ровиком и более поздним сохранились отдельные участки погребенной почвы, перекрывающие ольховым нижней насыпи.

Стратиграфические наблюдения, различия обряда этих погребений позволяют предполагать их значительную разновременность. Следует также отметить, что в заполнении впускного погребения № 2 встречались мелкие куски охры и угли, а на уровне погребенной почвы и в запялье более древнего ровика – кальцинированные кости мелкого рогатого скота и фрагменты сосудов, используемые, очевидно, в качестве жаровен. Сосуд № 1, реконструированный практически полностью, представляет собой небольшой округлодонный горшок с высоким горлом, орнаментированный по шейке и плечикам горизонтальными рядами шнуровых оттисков. Тем же шнуром на внешней и внутренней поверхности нанесены «зачесы». Поверхность черного цвета, покрыта нагаром. Черепок рыхлый, слоистый, содержит обильную примесь толченой раковины (рис. 1, II).

Сосуд № 2, вероятно, морфологически близок первому (рис. 1, III). Он представлен семью фрагментами одной сильно прокаленной коковины. Черепок выщелочен, рыхлый, содержит примесь раковины, прокал поверхности неровный, цвет черепка от черного до светло-желтого. На внутренней и внешней поверхностях видны затертые «зачесы» шнуром. По плечикам сосредоточен орнамент из треугольников, заполненных наколами треугольной лопаточки. Срез венчика украшен насечками, переход от шейки к плечикам украшен пояском неглубоких ямок.

Третий сосуд представлен лишь одним фрагментом толстостенного сосуда, покрытого глубокими «зачесами» перевитым шнуром и грубыми «гусеничками» – рядами оттисков перевитого шнура.

Первые два сосуда, несомненно, соответствуют раннему стратиграфическому горизонту кургана № 1. По форме, фактуре, технике орнаментации, композициям и элементам орнамента они близки керамике североприкаспийских стоянок репинского горизонта Волго-Уральского варианта ямной культуры (2, с. 90, рис. 9; 3, с. 185–186, рис. 6–7). Менее определена степень сходства с миниатюрными погребальными сосудами быковского типа курганов Повольжья и Приуралья (4, с. 237, рис. 22, 1–3, 16; 5, с. 26, рис. 2, 4; 6, с. 49, рис. 1, 2). Многочисленные, достаточно репрезентативные, коррес-

понденции относительно ранним древностям майкопско-новосовободненской культуры Прикубанья и сопредельных территорий в ямных памятниках востока Южноурских степей репинского горизонта, включая керамику, металл, каменные орудия (молоты-чеканы с клювовидным обухом), пастовые бусы и т. п., позволяют определить их датировку концом IV тыс. до н. э. – первыми веками III тыс. до н. э., т. е. хронологическими рамками РБВ I.

КУРГАН № 2 диаметром 20–22 м и высотой 0,6–0,7 м в древности не превышал 15–16 м, судя по размерам подкурганной площадки, окруженной рвом шириной около 3 м и глубиной до 0,5 м от уровня материка. В центре подкурганной площадки в неглубокой выемке, заполненной золой и крупными охры, находились кальцинированные кости мелкого рогатого скота (череп, позвонки, кости ног и таза). Несколько южнее центра располагалась подпрямоугольная яма основного в кургане погребения № 1.

Размеры ямы – 1,2/1 м, глубина – 0,6 м от уровня погребенной почвы. На подстилке из коры скорченно на спине, головой на восток находились останки ребенка 3–5 лет (рис. 2, I). В исходном положении колени были приподняты вверх, но несколько завалились вправо, череп вторично смещен на грудь – теменем вверх. Плохо сохранившиеся кости правой руки вытянуты вдоль туловища, левая рука слегка согнута в локте и накрывает кистью левое крыло таза. Охрой окрашена область стоп, левое плечо и северо-восточный угол ямы. Это захоронение по всем признакам соответствует основному погребению кургана № 1.

III Курманаевский курганный могильник расположен в 1,5 км к востоку от с. Курманаевка на пойменной гриве правого берега р. Бузулук, тыловой шов поймы восточнее памятника занимает старичное оз. Черное. Могильник насчитывал три кургана, все они относились к древнейшей культуре.

КУРГАН № 1 доминировал в могильнике, его диаметр – около 40 м, высота – от 1 до 1,7 м по северо-восточной поле. В 8–9 м по сторонам основного погребения № 1 древняя почва выбрана неглубоким (до материка), но очень широким (20–30 м) кольцом. Гумусовым грунтом из этого ровика сформировано ядро насыпи диаметром 27–30 м. Сверху насыпь облицована мощным слоем слабогумусированного очень плотного суглинка и материковой глиной, взятой из углубления первоначального рва, по его периферии в 23–25 м от центра кургана. Севернее ямы основного захоронения на уровне погребенной почвы и в заполнении ровика встречались угли и зола. При расчистке одного из скоплений заметились контуры овальной ямы размерами 1,5/0,8 м, ориентированной широтно. Яма прорыта до языковатого пред-

материкового горизонта. Выкид из ямы лежал на погребенной почве севернее ямы. На дне ямы расчищены плохо сохранившиеся останки молодой женщины, засыпанные золой (погребение № 2). Останки захоронены в позе скорченно на левом боку, головой к западу. Возле колен выявлено скопление охры, сам костяк не окрашен (рис. 2, II). По всей видимости, погребения этого типа правильнее называть не впускными, поскольку они сооружались до возведения насыпи, а совместными — под одной насыпью.¹

Обширная яма основного погребения № 1 на уровне погребенной почвы нарушена норами грызунов. Очевидно, в устье ямы были устроены неровные заплечики-ступеньки, устланные корой. Ниже материка на глубине 2,85 м от вершины стенки ямы довольно плавно сузились от ширины 3/2,5 м до 1,7/1,3 м, образуя подобие заплечиков-ступенек шириной от 0,2 до 0,7 м и далее ко дну на глубину 1,8 м от уровня ступенек опускались вертикально.

На дне ямы в позе скорченно на правом боку головой к востоку-северо-востоку захоронены останки зрелого мужчины, сплошь окрашенные охрой. Степень скорченности слабая, руки очень плотно прижаты к телу и вытянуты к бедрам. Останки туго завернуты в подобие чехла или «кокона» из темно-коричневой коры (рис. 2, III). По сторонам таза и за спиной покойной, вне пределов «кокона» лежали четыре комка охры яйцеобразной формы. Подстилка по дну отсутствовала. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с захоронением частично разложившегося трупа, очень плотно «запакованного в кокон», как и в отдельных захоронениях VII Тамар-Уткульского, I Болдыревского и других могильников.

КУРГАН № 2 диаметром около 22 м и высотой 0,5 м располагался в 30 м восточнее кургана № 1. Исходя из размеров подкурганной площадки, в древности его диаметр не превышал 11–12 м. Дугообразный ровик кургана фактически прирезан к широкому рву более раннего кургана № 1. Ровик прорыт несколько ниже уровня материка, в профиль отчетливо видно, что нижний горизонт насыпи сформирован гумусовым горизонтом древней почвы, а северо-восточная полая укрепленна выкидом материковой глины из ровика. Ширина дугообразного рва кургана № 2 около 3 м. Характерно, что яма основного погребения № 1 смещена к юго-западному краю подкурганной площадки. На уровне материка (1,6 м от 0) обширная яма (3,6/3 м) этого погребения снабжена ступеньками-заплечиками, ниже она приобрела воронкообразную форму, сужаясь до размеров 1,5/0,7 м и приобретая четкие подпрямоугольные очертания. Глубина ямы от уровня материка — 1,55 м. На дне ямы, покоились окрашен-

ные охрой останки зрелого мужчины в позе скорченно на правом боку головой к востоку (рис. 3, I). Верхняя часть останков вторично смещена на грудь, так что правая рука сдвинулась локтем вперед, хотя в исходном положении кисти обеих рук, очевидно, были сведены в области паха. В заполнении могилы встречались угли, зола, древесная кора и кусочки охры.

КУРГАН № 3 находился в 30 м южнее. Современный диаметр насыпи 19–20 м, высота 0,19–0,23 м. Как и курган № 2, он располагался возле юго-восточного края ровика кургана № 1, но основное погребение находилось не на краю подкурганной площадки, а в ее центре. В древности диаметр кургана составлял 15–16 м. Севернее ямы основного погребения № 1 на уровне погребенной почвы прослеживалось скопление золы. Яма очень неровная, трапецеобразной формы размерами 2,6/1,5 м. Глубина ямы от уровня погребенной почвы 0,6 м. На уровне материка с трех сторон — восточной, южной и западной она снабжена заплечиками-ступеньками шириной 0,5 м. В придонной части размеры ямы 1,5/1,1 м. Дно ямы неровное, понижается к западной стенке. На дне ямы в позе скорченно на правом боку на подстилке из коричневой коры, головой к северо-востоку захоронены останки зрелой женщины (рис. 3, II). Правая рука протянута к бедрам, левая согнута в локте так, что ее кисть заведена под плечевую кость правой. Верхняя часть туловища за исключением черепа, костей правой руки и лопатки вторично смещена на спину. На кисти правой руки под густым слоем охры обнаружена тщательно заполнированная булавка длиной 11 см. Головка булавки оформлена в виде лопаточки со сквозным отверстием, ниже на стержне выделены два перехвата. Возле булавки лежал кольцеобразный срез полой кости, использовавшийся в комплекте с булавкой, очевидно, в качестве обоймы (рис. 3, III). Характерная изогнутость стержня булавки свидетельствует о предварительном размягчении ее исходной роговой заготовки.

Как и Тамар-Уткульский экземпляр (7, с. 43, рис. 3, 17), булавка из III Курманаевского могильника, очевидно, морфологически связана с рогатыми застежками, распространенными в курганных погребениях репинского горизонта ямной культуры (6, с. 49, рис. 6–10). Стержни последних ниже завершая эпизодически оформляются поперечной планкой, ограниченной перехватами (8, с. 6). Прототипы этих изделий значительно древнее и восходят к культовым костяным и роговым стержням с рогатыми или лопаткообразными навершиями с символикой «рогатого змея», распространенным в раннеэнеолитических земледельческо-скотоводческих культурах Северной Месопотамии, Анатолии

и Балкан. Их дериватами в раннеэнеолитических памятниках Восточной Европы в какой-то мере могут быть т. н. «рукоятки» из Хвалынского и Хлопчовского могильников.

Попытки синхронизации роговых застезек из погребений репинского горизонта с молоточковидными булавками (9, с. 112, рис. 9, П) нельзя признать успешными, линия развития этой категории изделий от рогатых застезек с относительно коротким стержнем начала бронзового века – к молоточковидным булавкам в конце РБВ – начале СБВ, определенная В.Н. Княшко, более обоснованна, она подтверждается всем арсеналом стратиграфических наблюдений последних десятилетий. Восточно-европейские экземпляры булавок с лопаткообразными или рогатыми навершиями рожками вверх (7, с. 4–5, рис. 9, 2) или вниз (10, с. 120, рис. 1, П) и поперечной планкой на стержне, ограниченной перехватами, в культурно-хронологическом плане следуют за рогатыми застезками репинского горизонта, предшествуя наиболее ранним экземплярам молоточковидных булавок.

Курганы у с. Петровка и с. Курманаевка, хотя и не отличаются богатством инвентаря, тем не менее, представляют большой интерес как стратиграфические и планиграфические эталоны древнейших памятников Приуралья. Они отчетливо продемонстрировали хронологический приоритет погребений под насыпями курганов небольших и средних размеров, расположенных в поймах, в простых неглубоких ямах со скорченными на спине останками

покойных с восточной или северо-восточной ориентировкой. Несомненно, они предшествуют погребениям в простых или ступенчатых ямах под насыпями небольших или крупных размеров, расположенных на площадках первых надпойменных террас или в пойме, с останками, скорченными на правом боку с ориентировкой в восточный сектор. Первые отражающие раннюю ступень древнейших памятников Волго-Уральских степей (РБВ I² – основные погребения Петровского могильника), вторые – позднюю (РБВ II – позднейшие погребения III Курманаевского могильника и впускное погребение в насыпи кургана № 1 Петровского могильника). Планиграфия III Курманаевского могильника еще раз отчетливо продемонстрировала, что развитие некрополей позднейшего времени начиналось с возведения насыпей больших курганов (диаметр подкурганный площадки свыше 22–23 м), более поздние курганы вписывались в уже трансформированный микроложбинный рельеф площадки, повторяя форму пойменных грив или гривистых вершин террасы близ дуговых склонов. Для площадок курганов, расположенных как в поймах, так и на надпойменных террасах, характерна приуроченность к древним песам: Курманаевский III могильник – оз. Черное; Петровский могильник – ложе староречья р. Бузулук южнее курганов и т. д. Облицовка насыпей больших курганов глиной и выбор места под курганное строительство на берегу плеса, очевидно, отвечали эстетическим и сакральным критериям строителей древнейших курганов.

Примечания

1. Серия подобных захоронений невелика, она включает лишь несколько погребений VII Тамар-Уткульско-го и IV Ефимовского могильника. Положение останков, ориентировка, отсутствие охры на костях, наличие углей или золы позволяют рассматривать их в качестве особого варианта совместных захоронений нескольких субъектов, где один окрашен охрой и погребен в стереотипной позе – в центре ямы, скорченно на правом боку головой в восточный сектор, а останки второго подзахоронены рядом в той же яме или ее заполнении, не окрашены охрой, часто расчленены или обожжены (Тамар-Уткуль VIII 4/1, 5/1, Пятилетка 5/1 и др.). Последние, как и останки покойных в совместных погребениях в одной могиле или под одной насыпью, не окрашенные охрой, захоронены на левом боку или на спине, часто по принципу антитезы, хотя и не несущие

признаков трупорасчленения или кремации, как в кургане № 3 Изобильненского могильника, очевидно, равномерно связывать с практикой человеческих жертвоприношений. О многообразии ее проявлений дают представление материалы, представленные мной в специальной работе (6, с. 48–60). Сегодня серия позднейших захоронений с человеческими жертвоприношениями значительно шире, установлены их новые оригинальные варианты, в частности, сопровождение основного покойного фрагментами человеческих останков (Тамар-Уткуль VIII – 11, с. 22, рис. 10) или же полными кремациями («Большой Делуровский Мар» – 12, с. 20).

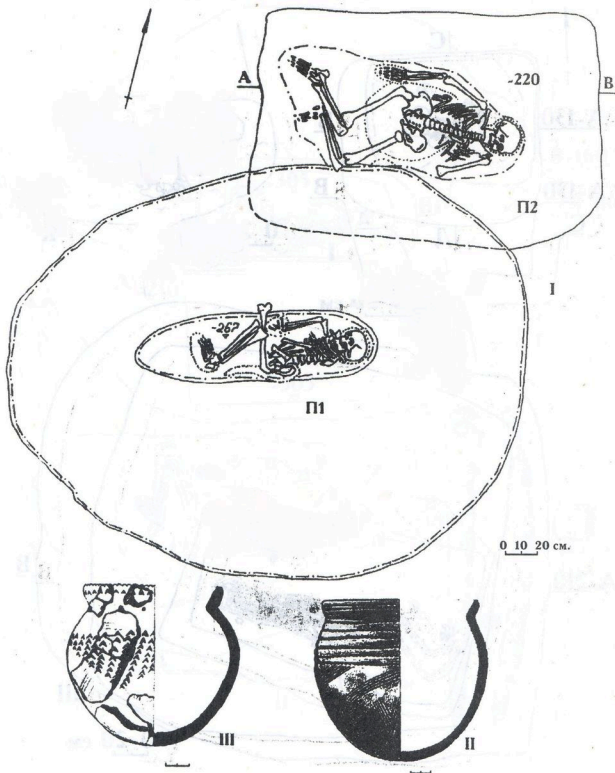
2. Более подробно периодизация и хронология ямных памятников Приуралья, их ландшафтно-архитектурное своеобразие рассмотрены в статье «Древнейшие курганные культуры востока южноуральских степей» (13, с. 9–11).

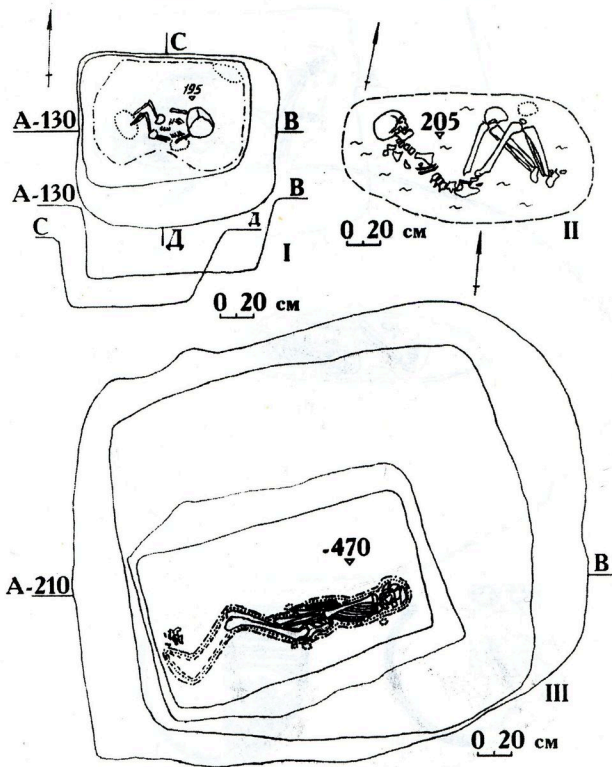
Список литературы

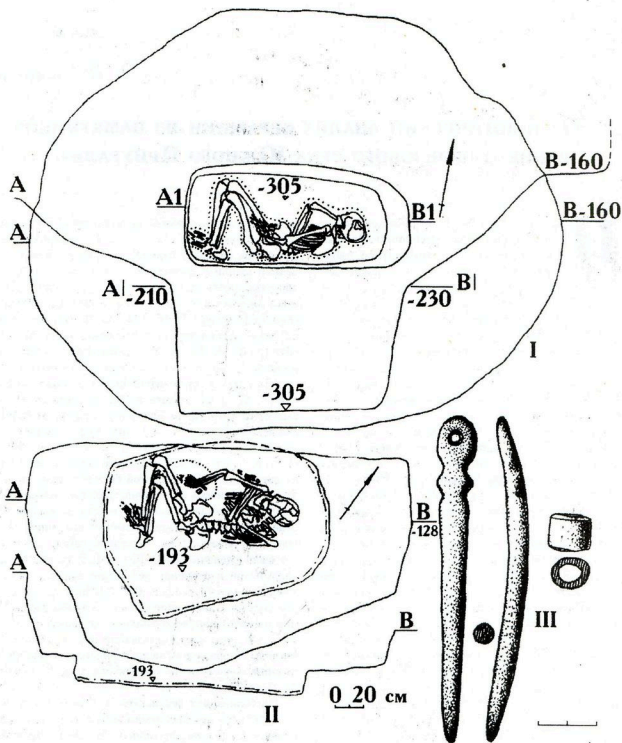
1. Богданов С.В. Отчет о разведках, проведенных в Бузулукском, Курманаевском и Оренбургском районах Оренбургской области в 1983 г. Оренбург, 1984 // Архив ИА РАН.
2. Барынкин П.П. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего неолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.
3. Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Стоянка Кызыл-Хак II – памятник эпохи ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы Древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
4. Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.
5. Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
6. Богданов С.В. Парные погребения древнеямной культуры с расчлененными костяками // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990.
7. Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Древнеямная культура Приуралья // СА. 1991. № 2.
8. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Самара, 1986.
9. Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Л, 1991.
10. Мельник А.А., Сердюкова И.Л. Реконструкция погребальной повозки ямной культуры // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев, 1988.
11. Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.
12. Богданов С.В. «Большой Дедуровский Мар» // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург, 1998.
13. Богданов С.В. Древнейшие курганные культуры востока южнорусских степей // Степи Евразии. Оренбург, 1997.
14. Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л. Погребения древнеямной культуры на р. Иртек в юго-западном Оренбуржье // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара, 1991.

Подписи к рисункам

- Рис. 1. Планы погребений и инвентарь к. № 1 Петровского могильника: I – соотношение основного п. № 2 и впускного п. № 1 в к. № 1 Петровского могильника; II – III сосуды из насыпи к. № 1 Петровского могильника.
- Рис. 2. Планы погребений Петровского и Курманаевского III могильников: I – п. № 1 к. № 2 Петровского могильника; II – п. № 2 к. № 1 Курманаевского III могильника; III – п. № 1 к. № 1 Курманаевского III могильника.
- Рис. 3. Планы погребений курганов III Курманаевского могильника: I – п. № 1 к. № 2; II – п. № 1 к. № 3; III – роговая булава и обойма из п. № 1 к. № 3.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ*

Памятники ямной культурно-исторической общности на территории Приуралья – явление яркое, самобытное, сложное. Их самобытность определяется прежде всего географическим положением. Они расположены на крайней восточной периферии огромного мира степных скотоводов. Как справедливо замечает Н. Л. Моргунова, «археологические памятники периферийных районов несут в себе более полную информацию о разнокультурных этнических группах и их генезисе» (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1991, с. 4). Кроме того, в Оренбургской области расположены открытые месторождения медистых песчаников, и наиболее крупное из них – Каргалинское месторождение, начало разрабатываться, по мнению Е. Н. Черных, именно в ямную эпоху (Черных Е. Н., 1966, с. 68–69; 1997, с. 23), что также наложило отпечаток на своеобразие памятников раннего бронзового века.

Археологические памятники древнейшей культуры (в основном курганные могильники) на территории Южного Приуралья располагаются компактными группами на краях первых надпойменных террас. К настоящему времени наиболее детально изученными являются четыре группы памятников, именуемых по названию рек, в долинах которых они концентрируются: 1) иртекская; 2) бузулукская; 3) среднеуральская; 4) илекская (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., там же, с. 4, 6). История изучения памятников данного региона достаточно полно отражена в литературе (Смирнов К. Ф., 1965; Федорова-Давыдова Э. А., 1971; Мерперт Н. Я., 1974; Моргунова Н. Л., 1992, с. 5–27; Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994; Моргунова Н. Л., Турецкий М. А., 1998, с. 3–16 и др.). Все исследователи при решении вопросов определения культурной принадлежности, выделения локальных вариантов, определения хронологической позиции памятников обращаются к керамическому материалу. Изучаются морфологические особенности глиняной посуды – форма и орнамент. Самая общая типология керамики приводится в монографии Н. Я. Мерперта, где

были собраны все имеющиеся к концу 60-х годов сосуды из ямных погребений. Основой для выделения типов служило наличие или отсутствие выделенной шейки у сосудов. В результате было получено два преобладающих типа. В отдельную группу были вынесены сосуды, отнесенные к древнейшим формам (Мерперт Н. Я., 1974, с. 49, 62). Позже к проблеме типологии керамики ямной культуры обратились М. А. Турецкий. Основными признаками, по которым возможно разделение всего керамического массива, автор считает форму венчика сосуда и его дна. В результате по форме венчика были выделены три отдела, керамика которых по форме дна делилась на группы. Группы, в свою очередь, по общей пропорциональности (отношение между высотой сосуда и его максимальным диаметром и между высотой сосуда и высотой венчика) делились на типы. Получилось достаточно дробное деление материала. К сожалению, автор не ставил задачи определения культурно-хронологической позиции каждого типа керамики. Но некоторые наблюдения все же были сделаны. Типы III-1 и III-2 имеют черты хвалынской и особенно репинской культур, на керамике типов I-B-1, I-B-2, II-1, II-2 (все три типа – это сосуды с уплощенным дном и слабо выраженной шейкой) отмечено влияние катакомбной культуры в период сосуществования двух культур. По мнению автора, это привело в дальнейшем к формированию керамики полтавкинского типа (Турецкий М. А., 1988, с. 78–91).

В публикациях результатов раскопок и в статьях по отдельным проблемам ямной культуры приводятся отдельные сведения о технологии изготовления керамики. Они касаются прежде всего составов формовочных масс, которые можно определить визуально (например, Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994, с. 52; Турецкий М. А., 1988, с. 80 и др.). Исследование такого сложного образования, как ямная культурно-историческая общность, требует привлечения как можно большего числа источников, в том числе и технологии изготовления глиняной посуды. В предлагаемой статье помимо

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда (проект № 98-01-401)

общего анализа технологии приводятся конкретные технологические сведения по каждому сосуду (Приложение 1). Вводятся в научный оборот новый пласт источников, которые необходимо привлекать к обсуждению проблем истории древнеямных племен, в частности, вопросов формирования локальных вариантов культурно-исторической общности.

Анализ технологии проводился по методике, разработанной А. А. Бобринским (Бобринский А. А., 1978). При разработке методики он основное внимание уделил решению двух задач: 1) выделению технологической информации и 2) выяснению современных возможностей привлечения данных технологического анализа для изучения истории восточно-европейского населения (там же, с. 14). Выделение информации проводится путем изучения поверхностей и свежих изломов изделий с помощью бинокулярного микроскопа и сравнения полученных данных с эталонными и экспериментальными сериями. Источниковедческий анализ полученной информации позволяет выявить сведения не только из истории технологии. Механизм поведения различных навыков в гончарстве в условиях смещения разных групп населения позволяет проследить генетическую преемственность между хронологически разными группами древнего населения, исследовать процессы смещения между носителями разных культурных традиций изготовления керамики, выяснить детали демографического, этнокультурного характера, которые происходили в истории населения отдельных поселков, районов, географических регионов (Бобринский А. А., 1979, с. 4). Поэтому целью данной работы является реконструкция культурных традиций в гончарстве ямной культуры Волго-Уралья и на этой основе – выяснение культурного состава населения и поиск его возможных истоков.

Мы, вслед за автором методики, рассматриваем гончарное производство как систему взаимосвязанных навыков труда, имеющую свою собственную структуру. Внутри этой структуры выделяются три последовательные стадии, которые делятся на ступени:

I) подготовительная стадия, связанная с отбором и подготовкой исходного сырья и составлением формовочных масс;

II) созидательная, включающая особенности конструирования, формообразования и обработки поверхностей;

III) закрепительная, связанная с приданием изделиям прочности и водонепроницаемости.

Именно в такой последовательности велось исследование керамики из памятников ямной культуры Южного Приуралья.

Для анализа было предложено 15 сосудов из 14 погребений, которые происходили из всех че-

тырех территориальных групп. Наиболее представленной оказались иртекская и илекская группы – по 6 сосудов; 13 сосудов происходят из погребений, которые исследователи относят к ямному времени, и 2 сосуда – к полтавкинскому. На первом этапе исследования, при выделении технологических традиций, они рассматриваются вместе. Сосуды имеют разную степень сохранности, многие реставрированы, частично записованы, некоторые представлены только фрагментами. Поэтому не по всем сосудам получена условно полная информация, которая выделялась в соответствии со стадиями и ступенями, т. е. в соответствии с естественной структурой гончарного производства. Прежде всего отметим, какую информацию можно выделить по данному материалу.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ

На ступени отбора исходного сырья основное внимание обращалось на следующие аспекты: 1) пирометрические особенности сырья (ожелезненное – неожелезненное); 2) характер сырья. В результате последних методических разработок (Бобринский А. А., Васильева И. Н., 1998) выяснилось, что сырьем для изготовления древнейшей керамики часто служили илы. Выявление качественных особенностей естественных примесей сырья позволяет определить его характер: ил или глина; 3) качественные и количественные особенности естественного песка, на основании чего определялась степень запесоченности сырья. Для данной коллекции в качестве рабочего варианта предлагается следующая шкала запесоченности: 1) слабо запесоченное сырье, содержащее песок размером от 0,1 до 1,0 мм в концентрации 1:7 – 1:8 и менее; 2) сырье средней запесоченности: песок размером 0,5–1,8 мм в концентрации 1:5 – 1:6; 3) запесоченное сырье с песком размером от 0,8 до чуть больше 1 мм в концентрации 1:4 – 1:5. Следует отметить, что размерность песка в каждом отдельном сосуде может варьировать в указанных пределах. Такая группировка сырья важна при исследовании керамических коллекций в качестве разделителя материала.

При составлении формовочных масс изучался качественный состав минеральных и органических добавок. Для минеральных примесей определялась их крупность и концентрация. По возможности исследовался качественный состав шамота. Поскольку *шамот* – это старые дробленые сосуды, выявление такой информации позволяет выделять своеобразные временные цепочки существования различных рецептов формовочных масс и их устойчивые составы. Органические примеси выделялись по

наличию качественно определенных остатков растительного происхождения и различных пустот от жидкой составляющей органического вещества.

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ

Способы конструирования.

Определялась программа изготовления *начина* и непосредственные приемы его изготовления. Особая значимость начинов как источника информации заключается в их способности оставаться неизменными долгое время даже в условиях длительного смещения населения. Они, таким образом, являются хранителями «генетической» информации о населении.

На ступени конструирования *полого тела* выделялась информация о «строительных» элементах, из которых делалось покое тело, и о способах их наложения. Навыки конструирования полого тела также изменяются очень медленно при смещении населения. По устойчивости к процессам смещения они занимают второе место после начинов.

На ступени *формообразования* производилось выделение следов, связанных с использованием форм-моделей, выдавливания и выбивания.

Обработка поверхностей. Выделялась информация о способах механической обработки поверхности (заглаживание и лощение) и инструментах, используемых при выполнении этой операции (пальцы гончара, ткань, овчина, деревянный скребок).

Закрепительная стадия.

По закрепительной стадии производства методика выделения информации находится в стадии разработки, поэтому определения по данной стадии, приводимые в статье, носят предварительный характер. Известна работа А. А. Бобринского, в которой он предлагает методику выделения по керамике случаев низкотемпературного обжига (Бобринский А. А., 1989, с. 20–25). В результате проведенных им экспериментов выяснилось следующее. Если после помещения в воду фрагмент сосуда сразу стал распадаться, значит, температурное воздействие было ниже 450° при небольшой выдержке. У данных фрагментов сохранялась естественная пластичность, т. к. при 450°–470° гончарные глины необратимо утрачивают это свойство (Бобринский А. А., 1989, с. 21). Когда изделия обжигались при 450° в течение длительного времени, после суточного пребывания в воде они не распались, вокруг них образовался разреженный осадок, а сам черепок можно было размять пальцами. Эти особенности были использованы нами при анализе керамики ямной культуры.

Кроме того, для выделения следов температурного воздействия на глиняные изделия по излому черепка использовались результаты работ экспедиции по изучению древнего гончарства. В течение ряда лет в экспедиции проводились эксперименты по определению условий (разные обжиговые устройства, виды топлива, время обжига), влиявших на цветные особенности поверхности сосуда и его излома. В результате проведенных экспериментов выяснилось, что при резком подъеме температуры до 850°–980° и выдержке сосудов при этой температуре 15–20 мин. в изломе изделия с внешней и внутренней стороны образуется осветленный слой толщиной не более 1,5–1,8 мм, середина черепка остается темно-серого, почти черного цвета.

ПОДГОТОВКА ОБРАЗЦОВ К АНАЛИЗУ

Перед непосредственным анализом небольшие части сосудов дополнительно нагревались в окислительной атмосфере до 850°. По такому черепку легче определяется ожелезненность сырья, четче выделяется шамот и случаи использования нескольких разноокрашенных глин.

В соответствии с описанной выше методикой выявления случаев низкотемпературного обжига по небольшому фрагменту от каждого сосуда помещались в воду на сутки. По характеру поведения черепков (разрушался полностью, образовывался разреженный осадок и т. д.) делался вывод о характере температурного воздействия на изделие.

По сочетанию всех элементов технологии была сделана попытка выделения *технологических групп*, т. е. устойчивых систем изготовления посуды.

Ниже приводится обобщенная информация по всем ступеням гончарной технологии.

ОТБОР ИСХОДНОГО СЫРЬЯ

При анализе исходного сырья зафиксировано использование двух его видов: глиноподобных материалов (илов) и глин.

Илы. Они подразделяются на два подвида по степени запесоченности. Для удобства работы они обозначены: *И-1* – слабозапесоченные и *И-2* – среднезапесоченные (табл. 4 – 1, 3, 5, 6; табл. 5 – 1, 3, 4).

И-1. В составе данного сырья фиксируются следующие составляющие: 1) цветной окатанный песок с размером зерен от 0,1 до 1,0 мм в небольшой концентрации (примерно 1:7); 2) оолитовый бурый железняк размером до 2 мм. Он может быть темно-серого или различных оттенков коричнево-

го цвета; 3) мелкие, размером до 1,0 мм охристые включения; 4) небольшие округлые комочки нерастворившейся глины; 5) малое количество (часто единичные включения) мелкой раковины размером чуть более 1,0 мм, представленной окатанными частицами с разрушенной естественной структурой, часто чешуйками; 6) растительность, вероятно, водного характера в виде нитевидных и стеблевидных извилистых отпечатков в небольшой концентрации размером в длину до 1,0 см.

И-2. В данном сырье отмечены следующие естественные компоненты: 1) песок цветной окатанный с размером зерен 0,5–1,3 мм в концентрации примерно 1:5 – 1:6; 2) обломочные включения абсолютно чистой глины типа сланцевой. Они не связаны, например, с дроблением исходного материала, поскольку имеют ненарушенную внешнюю оболочку; 3) оолитовый бурый железняк темно-серого и темно-коричневого цвета; 4) оолитовые карбонатные включения; 5) отпечатки водной растительности в виде пучков водорослей размером до 2,0 см в длину; 6) отпечатки животных организмов типа моллюска.

Следует особо отметить, что растительные остатки распределяются в черепке обоих видов сырья очень неравномерно.

Глина представлена тремя видами: железистой (ОГ), нежелезистой (НОГ) и железистой глиной, засоренной естественными включениями раковины (ОГр), которые, в свою очередь, разделяются по степени запесоченности на подвиды.

Ожелезненная глина первого подвида (ОГ-1) содержит в своем составе цветной окатанный песок размером до 0,5 мм в концентрации примерно 1:7 – 1:8 и оолитовый бурый железняк. Данную глину допустимо определять как слабозапесоченную.

Ожелезненная глина второго подвида (ОГ-2). В ней фиксируется окатанный цветной песок размером 1,0–1,8 мм в концентрации примерно 1:6 и обломочный бурый железняк ярко-коричневого цвета. Это глина средней степени запесоченности.

Нежелезистые глины по количеству песка делятся также на два подвида: среднезапесоченные (НОГ-1), в которых присутствует окатанный и остроугольный прозрачный кварцевый песок размером чуть больше 1,0 мм в концентрации примерно 1:6 – 1:7 и сильно запесоченные (НОГ-2), в которых тот же песок представлен в концентрации примерно 1:5–1:4.

Следует отметить, что глиноподобное сырье применялось как отдельно, так и в смеси с другими, глины же, как правило, использовались только в смеси либо с илами, либо с глинами же. По памятникам виды сырья распределяются следующим образом (табл. 1).

Способы обработки исходного сырья оказались возможным изучить только в случаях использования чистых глин, железистых и нежелезистых. Они дробились и смешивались в сухом состоянии, о чем свидетельствует наличие округлых комочков того же сырья.

При составлении **формовочных масс** использовались следующие компоненты: шамот, дресва, дробленая раковина и органика.

Шамот представлен крупным (2 и более мм) и средним (1,0–1,9 мм) размером в концентрации 1:3–1:4. Зафиксирован шамот из разного по пирометрическим особенностям сырья: железистого и смеси железистого и нежелезистого. По составу он различен. Шамот из глиняных концентратов содержит шамот и органику растительного происхождения. Шамот из железистого сырья двух видов. Первый содержит раковину и отпечатки растительной органики. Этот состав можно рассматривать двояко: 1) как использование илов для производства посуды, впоследствии пошедшей на изготовление шамота (Тамар-Уткуль VIII, к. 8, п. 1), и 2) как искусственное введение в глину дробленой раковины и органики растительного происхождения (табл. 5 – 5). Во втором виде шамота (из железистого сырья) зафиксирован шамот и отпечатки растительной органики.

Дресва приготовлена из песчаных пород, ее крупность 0,5–0,9 мм, она вводилась в формовочную массу в концентрации 1:4–1:5. В черепке данная дресва фиксируется по более или менее остроугольным включениям конгломератного состава, насыщенного окатанным песком.

Искусственно введенная *дробленая раковина* характеризуется следующими признаками: 1) остроугольностью очертаний; 2) разноразмерностью (от менее 1,0 мм до 5 мм и более); 3) наличием включений раковины как с сохранившейся структурой, так и с расщеплением по горизонтальным слоям; 4) однотонно серым цветом излома, что предполагает предварительную ее подготовку, в частности, нагревание на углях. Такой эффект неоднократно наблюдался нами в ходе экспериментальных работ; 5) значительная концентрация (табл. 5 – 6).

Органика представлена в формовочных массах в виде органических растворов. В ряде случаев можно предположить, что растворы составлены на основе растительных компонентов. Они фиксируются в черепке в виде участков с «чешуйчатым» налетом, в котором встречаются мельчайшие (до 0,5 мм) растительные отпечатки. Другие органические растворы представлены в виде аморфных пустот с белесым «паутинообразным», черным блестящим, коричнево-желтым налетом на их стенках.

Сочетание указанных компонентов дает представление о *навыках составления формовочных*

масс. Зафиксированы следующие сочетания искусственных компонентов в составе формовочных масс: 1) вводился только органический раствор (2 сосуда); 2) дробленая раковина + органический раствор (1 сосуд); 3) дресва + органический раствор (1 сосуд); 4) шамот крупный + органический раствор (10 сосудов); 5) шамот средний + дробленая раковина + органический раствор (1 сосуд). Всего зафиксировано 12 рецептов формовочных масс.

По сочетанию особенностей исходного сырья и составов формовочных масс (табл. 2) можно отметить следующее. При использовании в качестве исходного сырья глины гончары вводили в формовочную массу только шамот и органический раствор (посуда из могильников Трудовое II, Тамар-Уткуль VIII, к. 8, п. 1, Линевка III, Барышников, к. 3, п. 6, III Ефимовский, к. 2, п. 2). Шамот этих сосудов изготовлен как из глины, так и из илстых материалов. Гончары, применявшие илстые материалы, как чистые, так и в смеси с нежелезистой глиной, использовали почти все зафиксированные рецепты формовочных масс. В ряде сосудов (Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1 и к. 5, п. 1), изготовленных из илстого сырья, шамот сделан, вероятно, из глинистых материалов. По крайней мере, в его составе не зафиксирована раковина и органика, которую хотя бы предположительно можно отнести к водной растительности.

Анализ исходного сырья и формовочных масс как исследованных сосудов, так и сосудов, из которых сделан шамот, позволяет сделать предположение, что навыки отбора разных видов сырья (глин и шлов) и формовочной массы, составленной по рецепту шамот + органический раствор, для изучаемого населения были устойчивыми и сосуществовали во времени.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОСУДЫ

Первая ступень изготовления посуды — начин. Выделено две программы конструирования начин: додно-емкостная и смешанная емкостная — емкостно-донная. Десять из одиннадцати сосудов, по которым сделаны заключения, изготовлены по додно-емкостной программе. По способам создания додно-емкостные начини подразделяются на 2 группы: спирально-лоскутные, изготовленные с применением *форм-моделей* (табл. 6 — 2, 3, 6; табл. 6 — 1, 2, 5, 7, табл. 7 — 5) и спирально-жгутовые без использования моделей (табл. 7 — 1; табл. 7 — 3, 4). Зафиксированы в основном формы-емкости, кроме двух сосудов из мог. Тамар-Уткуль VIII, к. 8, п. 1, где использовалась форма-

основа. Судить о характере форм-моделей сложно, можно лишь предположить, что применялась кожаная прокладка, о чем свидетельствуют следы на внешней поверхности сосудов. Среди начин, изготовленных без форм-моделей, выделяется один «двухслойный», когда поверх первого слоя спирали и выбивания его наращивается второй слой. Особым образом изготовлен сосуд, происходящий из мог. Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1 (табл. 7 — 2). Первоначально с помощью коротких жгутов по спирали с использованием формы-емкости делались стенки емкости сосуда без дна. Затем к ней примазывалась верхняя часть (венчик), т. е. наличие *емкостный* начин. После этого сосуд первоначально вращивался вверх дном и конструировалась донная часть. Условно короткие жгуты примазывались с внутренней стороны и оставшееся отверстие закладывалось кончиком короткого жгута, т. е. так, как это делается при создании *емкостно-донного* начини. Именно поэтому программа конструирования начини была определена как смешанная *емкостная* — *емкостно-донная*.

Способы изготовления *полого тела* также различны. Зафиксировано три способа его конструирования: 1) спирально-лоскутный из коротких жгутов (Трудовое II, Герасимовка II, все исследованные сосуды из мог. Тамар-Уткуль VIII) (табл. 6 — 3, 4; табл. 6 — 1, 2); 2) из целого жгута по спирали (Болдырево IV, Линевка III) (табл. 6 — 6; табл. 6 — 5); 3) из ленты, наращиваемой по кольцевой траектории (Барышников, к. 4, п. 1; Изобильное I) (табл. 7 — 1; табл. 6 — 7).

Придание сосудам формы начиналось еще в процессе конструирования, когда использовались формы-модели. Завершался процесс *формообразования* при помощи приемов выбивания.

Поскольку навыки изготовления начини относятся к группе субстратных, т. е. таких, которые даже в условиях смешения населения сохраняют свою культурную специфику, можно предполагать, что население, владевшее навыками изготовления додно-емкостного спирально-лоскутного начини с использованием форм-моделей, было достаточно культурно однородным. Результатами контактов с инокультурными группами можно объяснить наличие различных способов конструирования *полого тела*.

Навыки *обработки поверхности* посуды из ямных памятников относятся к классу безгрунтовочных. Зафиксировано преобладающее использование заглаживания и только в одном случае (Линевка III) — лощения. Лощение проводилось по подсушенной основе. Способы заглаживания довольно разнообразны: пальцами гончара, тканью, кусочком овчины, деревянным скребком, иногда штампом, оставляющим параллельные одинаково углубленные и выступающие бороздки. Часто на

одном сосуде сочетаются два вида инструментов для заглаживания. Например, деревянный скребок и овчина (Барышников, к. 4, п. 1; Тамар-Уткуль VIII, к. 8, п. 1), деревянный скребок и пальцы (Болдырево I, к. 2; Тамар-Уткуль VIII, к. 5, п. 1) и т. д.

Для изучения способов придания сосудам прочности небольшие фрагменты каждого сосуда на сутки помещались в воду. Согласно методике А. А. Бобринского (Бобринский А. А., 1989, с. 20–23), велась наблюдения за особенностями «поведения» обломков в воде. В двух случаях (Линевка III и Тамар-Уткуль VIII, к. 8, п. 1, с. 2) возможно было с трудом размять пальцами черепок, но никаких жгутиков скатать не удалось. Остальные сосуды не изменили своих характеристик, сосуды не только не распались в воде, не разминались хотя бы с трудом пальцами, но и не выпадал разреженный осадок. Следовательно, была утрачена не только естественная пластичность, но и следы остаточной естественной пластичности материала, т. е. температурное воздействие было не ниже 450°.

Цвет излома у изучаемых сосудов был либо однородно темно-серый, либо так называемый трехцветный, т. е. с осветленными слоями с внешней и внутренней сторон, либо темно-серый с осветленным слоем с внешней стороны.

Сосуды, имеющие однотонный темно-серый излом (Болдырево I, к. 2, Линевка III, Тамар-Уткуль VIII, все исследованные сосуды, Трудовой II), обжигались, вероятно, в кострищах или очагах без доступа кислорода, укрытые углями и золой при достаточно длительной выдержке при температур не ниже 470°.

Осветленный слой, только с внешней стороны толщиной 0,5–0,9 мм, может свидетельствовать о кратковременном воздействии высоких температур, не ниже 650° и, возможно, о способе помещения сосуда в обжиговое устройство – вверх дном, в результате чего внутренняя поверхность без достаточного доступа кислорода окрашивалась в серый цвет, а наружная – в светлый (Изобильное I, Пятилетка).

Осветленные слои с обеих сторон, так называемый трехцветный излом. Толщина слоев от 0,5 до 2,5 мм, границы их в одном случае четкие, в другом – более размытые. Наличие трехцветности излома свидетельствует о кратковременном воздействии высоких температур, причем, как показали эксперименты, время воздействия таких температур для образования слоев подобной толщины – до 20 мин. Четкость или размытость слоев можно, вероятно, связывать с резким или более постепенным прекращением воздействия высоких температур.

Таким образом, можно высказать самое общее предположение об особенностях работ, выполняемых на завершающей, закрепительной стадии про-

изводства. Придание сосуду прочности осуществлялось в процессе обжига посуды либо при создании восстановительной атмосферы при длительном воздействии температур не ниже 450°; либо при кратковременном воздействии температур не ниже 650° в условиях окислительной атмосферы. Все сведения, полученные по закрепительной стадии производства, следует считать предварительными, для их уточнения необходима постановка серии экспериментов.

Суммируя данные по технологии по всем ступеням производственного процесса, можно выделить технологические группы. Технологическая группа – это устойчивая система изготовления сосуда, свойственная родственной группе гончаров. В основу выделения технологических групп положены навыки конструирования посуды как наиболее устойчивые. Всего выделено 6 таких групп (табл. 3). Для характеристики этих групп привлекаются данные по всем ступеням технологии. К культурно однородным группам можно отнести сосуды, у которых обнаруживается близость по всем ступеням технологии.

I технологическая группа. Начин донно-емкостный, мелкий дозлементный, изготовленный спирально-лоскутным способом с использованием форм-моделей. Полое тело конструировалось также спирально-лоскутным способом (Герасимовка II, Трудовое II, Тамар-Уткуль VIII, к. 8). На ступени отбора исходного сырья и составления формовочных масс зафиксированы следующие традиции. При использовании глиноподобных илстых материалов добавлялась дробленая раковина и органика; при использовании глин (одной и глиняных концентратов) составлялась формовочная масса по рецепту шамот + органика. Поверхность сосудов обрабатывалась деревянным скребком, кусочком овчины и пальцами. При обжиге два сосуда испытывали воздействие температур не ниже 450° при восстановительной атмосфере, один – кратковременное воздействие температур не ниже 650°.

В данной группе выделяется сосуд из мог. Герасимовка II. Он архаичен по морфологическим особенностям, авторы раскопок датируют его наиболее ранним временем – третьей четвертью III тыс. до н. э., остальные сосуды относятся исследователями к последней четверти III тыс. до н. э. (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1991, с. 47). Он отличается от всех сосудов этой группы и по технологии: в отличие от других сосудов, он изготовлен из ила с примесью раковины. Остальная посуда изготовлена из глин с примесью шамота и органичного раствора (табл. 6, 1–4).

II технологическая группа характеризуется изготовлением спирально-лоскутного донно-емкостного мелкого дозлементного начина с использо-

ванием форм-моделей и полового тела из жгутов по спирали (Болдырево IV, Линевака III). Сосуды, отнесенные к данной группе различаются по исходному сырью: в одном случае использовался глиноподобный илстый материал, в другом – смесь двух глин, и имеют одинаковый рецепт составления формовочных масс: шамот + органика. Заглаживание поверхностей производилось деревянным скребком, сосуд из Линеваки III имеет лощение. Обжигались сосуды либо без достаточного доступа кислорода при длительном воздействии температур не ниже 470°, либо при кратковременном воздействии высоких температур не ниже 650° (табл. 6 – 5, 6).

III технологическая группа. Начин донно-емкостный мелкий доэлементный спирально-лоскутный, изготовлен с использованием формы-емкости, полое тело сделано из лент по кольцевой траектории (Барышников, к. 4, п. 1). В качестве исходного сырья служила смесь ила и нежелезистой глины. При составлении формовочной массы добавлялся органический раствор. Поверхность сосуда заглаживалась деревянным скребком и кусочком овчины. При обжиге сосуд испытал кратковременное воздействие высоких температур. Сосуд датирован авторами последней четвертью III тыс. до н. э. (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1991, с. 47; Моргунова Н. Л., Турецкий М. А., 1998, с. 6) (табл. 6 – 7).

IV технологическая группа характеризуется изготовлением донно-емкостного спирально-жгутового начина без применения форм-моделей и полового тела из лент, наращиваемых по кольцевой траектории (Изобильное I). В качестве исходного сырья использовалась смесь ила и нежелезистой глины. При составлении формовочных масс добавлялась дрова и органика. Поверхность заглажена тканью. Обжигался сосуд при кратковременном воздействии высоких температур. Данный сосуд и по составу формовочных масс, и по конструированию заметно отличается от всех остальных. По конструктивной схеме он соотносится с сосудами полтавтинского времени. Это не противоречит дате могильника Изобильное I – периоду средней бронзы (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994, с. 78) (табл. 7 – 1).

V технологическая группа. Сосуд относится один сосуд из могильника Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1. Выделен смешанный емкостный – емкостно-донный начин, изготовленный с применением формы-емкости. В качестве исходного сырья служил ил. При составлении формовочных масс использовался шамот и органика. Заглажен сосуд пальцами и деревянным скребком. Обжиг проводился при длительном воздействии температур не ниже 470° при недостаточном доступе кислорода. Дата сосуда определена авторами последней четвертью – рубежом III–II тыс. до н. э. (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1991, с. 47) (табл. 7 – 2).

VI технологическая группа. Начин донно-емкостный, спирально-жгутовой, изготовлен, вероятно, на плоскости. В одном случае зафиксировано два слоя жгутов, наращиваемых по спирали. Способы конструирования полового тела установить не удалось. Можно предположить зональность их изготовления. К этой группе относятся два плоскостных сосуда (Болдырево I, к. 2 и Медведка, к. 7, п. 1), датированных полтавтинским временем (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1991, с. 47). Сосуды отличаются и по исходному сырью, и по формовочным массам. В одном случае (Болдырево I) отбиралось глиноподобное илстое сырье, к которому добавлялся органический раствор, в другом (Медведка) – использовалась смесь ожелезненной глины, засоренной естественными включениями раковины, и нежелезистой глины. К этой смеси добавлялись шамот, дробленая раковина и органика в виде раствора (табл. 7 – 3, 4).

Внутри I технологической группы можно выделить одну группу посуды, которую очень условно можно отнести к изделиям *культурно родственной группы гончаров*. Для этих сосудов зафиксированы общие навыки по всем ступеням технологии. Сюда входят два сосуда из мог. Тамар-Уткуль VIII, п. 8 и сосуд из мог. Трудовой II, к. 5, п. 1.

Выделенные технологические группы не являются хронологическими. Они отражают конкретный этап истории древних племен. Поиски истоков выделенных технологических групп на сегодняшний день преждевременны, необходимо проведение подобного анализа керамики из других групп памятников ямной культурно-исторической общности. Можно лишь отметить неоднородный культурный состав изучаемого населения.

Более общим понятием по отношению к гончарным навыкам на всех ступенях технологии являются **представления населения об исходном сырье**, из которого должна делаться посуда. Различие керамики по этому признаку – свидетельство того, что она оставлена изначально не родственными группами населения (Бобринский А. А., 1978, с. 69; он же, 1994, с. 16). По исследованному материалу выделяется три группы носителей гончарных навыков, имевших разные *представления* об исходном сырье (табл. 1, 2):

I) гончары, использующие глиноподобные илстые материалы (Герасимовка II, Болдырево I и IV, Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1 и к. 5, п. 1, Пятилетка).

II) мастера, применявшие глины чистые или концентраты (Барышников, к. 3, п. 6, Трудовой II, Тамар-Уткуль VIII, к. 8, III Ефимовский, Линевака III, Барышников, к. 3, п. 6, Медведка).

III) данная группа фиксирует признаки смешения между носителями разных представлений об

исходном сырье (Барышников, к. 4, п. 1, Изобильное I), когда используются концентраты, составленные из ила и глины.

Таким образом, в истории формирования гончарной технологии племен ямной культуры (по материалам Южного Приуралья) намечаются две линии развития. Это наблюдение, при накоплении материалов, можно будет привлекать к обсуждению проблемы формирования локальных вариантов ямной культурно-исторической общности. Уже сейчас можно говорить, что для гончарства эпохи неолита – энеолита Нижнего и Среднего Повол-

жья (исследования И. Н. Васильевой) характерно использование в качестве исходного сырья илов и глин. Причем, по материалам самарской археологической культуры, отмечено, что носителями представлений об илах как исходном сырье выступают местные племена, а носители навыков использования глины – пришлые (см. статью в настоящем сборнике). Вероятно, уже сейчас можно предполагать, что одним из компонентов сложения ямной культуры (в ее Волго-Уральском варианте) был местный, связанный с носителями представлений об илах как об исходном сырье.

Таблица 1. Распределение видов исходного сырья по памятникам

Памятник	Сырье								
	И-1	И-2	ОГ-1	ОГр	НоГ1+ОГр	И-1+НоГ2	ОГ1+НоГ1	И1+НоГ1	ОГ2+ИсГ1
Бар., 3/6					+				
Бар., 4/1						+			
I Болд., 2/насыпь	+								
IV Болд., 2/5	+								
Гер. II, 4/2	+								
III Ефим., 2/2					+				
Изоб. I, 5/1								+	
Лин. III, 1/1									+
Медв., 7/1					+				
Пятил., 3/насыпь		+							
Т-У. VIII, 4/1		+							
Т-У. VIII, 5/1		+							
Т-У. VIII, 8/1, с1							+		
Т-У. VIII, 8/1, с2							+		
Труд. II, 5/1				+					

Таблица 2. Соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс

ФМ ИС	Орг. р-р	ДР+О р-р	Ш+ДР+О р-р	Д+О р-р	Ш+О р-р
И-1	+	+			+
И-2					+++
ОГ-1					+
ОГр					+
НоГ1+ОГр			+		+
И-1+НоГ2	+				
ОГ1+НоГ1					++
И-1+НоГ1				+	
ОГ2+НоГ1					+

ФМ – формовочная масса; ИС – исходное сырье.

Таблица 3. Выделение технологических групп

Начин полое тело	Д-Е, лоскут по спирали	Д-Е, жгут по спирали	Е - ЕД, лоскут по спирали
лоскут, спираль	I <i>И+ДР+О</i> (Гер. II, 4/1); <i>Г+Ш+О</i> (Труд. II, 5/1, Т-Утк. VIII, 8/1-2 сосуда)		V <i>И+Ш+О</i> (Т-Утк. VIII, 4/2)
жгут, спираль	II <i>И+Ш+О</i> (IV Болд., 2/5); <i>Г+Г+Ш+О</i> (III Лик, 1/1)		
лента, кольцо	III <i>И+Г+О</i> (Бар., 4/1)	IV <i>И+Г+Д+О</i> (I Изоб., 5/1)	
зональность		VI <i>И+О</i> (I Болд., 2/нас.); <i>Г+Г+Ш+ДР+О</i> (Медв., 7/1)	

Список сокращений к таблице:

Д-Е - донно-емкостный начин;

Е - ЕД - емкостный - емкостно-донный начин;

И - ил; Г - глина; Д - дресва; ДР - дробленая раковина;

Ш - шамот, О - органика.

Приложение 1

Курганный могильник Барышников, к. 3, п. 6.

Сосуд происходит из погребения № 6, которое является основным в кургане. Погребенный (ребенок) лежал в скорченном положении на спине, головой на северо-восток. За черепом находился небольшой круглодонный горшочек (табл. 7 - 5) с орнаментом в верхней части из горизонтальных рядов и полуovalных фестонов, образованных оттисками конца узкой лопаточки или шепочки (Моргунова Н. Л., Турецкий М. А., 1998, с. 4).

В качестве исходного сырья применялась ожелезненная слабо запесоченная глина, содержащая в своем составе мелкий песок (0,5-0,9 мм) в небольшой концентрации, бурый железняк оолитовой и аморфной формы темно-коричневого цвета, единичные включения окатанной раковины размером до 1,0 мм. По указанным признакам данное сырье с большой долей вероятности можно отнести к глинам.

При составлении формовочной массы к глине добавлялся шамот средних размеров (0,9-1,5 мм) в концентрации 1:4 и органика. В составе шамота четко фиксируется только растительная органика. В формовочную массу органика вводилась в виде раствора, составленного на основе растительных компонентов. В изломе черепка это проявляется в виде сильно измельченных растительных отпечатков (до 0,7 мм), аморфных пустот и налетов желтовато-коричневого цвета. Признаков дробления глины не зафиксировано, поэтому можно предполагать использование ее во влажном состоянии.

Сосуд реставрирован из мелких частей, поэтому о конструировании можно судить лишь предположительно. На внешней поверхности сосуда, в нижней его части зафиксированы отпечатки волоса и своеобразная «складчатость», что допустимо соотносить с формой-емкостью. Вероятно использование лоскутов при кон-

струировании, о чем свидетельствует характер спаев между элементами на горизонтальном изломе сосуда.

Поверхность сосуда записована. На отдельных участках отмечены следы заглаживания внешней поверхности пальцами.

Термическая обработка. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда светло-коричневого цвета. Излом имеет трехцветную структуру. С внешней стороны наблюдается четкий коричневый слой толщиной 0,5–1,2 мм, с внутренней стороны – коричневый слой толщиной 0,5–1,0 мм, менее четкий, местами расплывчатый, сердцевина темно-серого цвета. Это свидетельствует о том, что в процессе обжига сосуд испытал недолговременное воздействие высоких температур.

Курганный могильник Барышников, к. 4, п. 1.

Сосуд (табл. 6 – 7) происходит из погребения в юго-восточном секторе кургана. Костяк взрослого человека, вероятно, женщины, лежал скорченно на спине, головой на северо-восток. В ногах умершего лежал круглодонный горшок с небольшим уступчиком под венчиком и небрежным орнаментом из ногтевых вдавлений вдоль ребра и ниже по тулову (Моргунова Н. Л., Турецкий М. А., 1998, с. 4).

В качестве *исходного сырья* использовалась смесь двух видов. Основным выступает ожествленное глиноподобное сырье, содержащее следующие естественные примеси: 1) цветной кварцевый окатанный песок размером 0,1–0,9 мм в небольшой концентрации; 2) мелкие (до 1,0 мм) охристые включения; 3) единичные включения мелкой (до 1,0 мм) окатанной раковины; 4) растительность водного характера, фиксирующаяся по нитевидным и плавно изогнутым отпечаткам, круглым в сечении. Судя по составу естественных включений, допустимо квалифицировать этот вид сырья как илестное. К нему была добавлена дробленая нежелезистая глина. В ее составе содержится значительная концентрация прозрачного кварцевого остроугольного и окатанного песка размером 0,5–1,5 мм. Данную глину можно определить как запесоченную. Она определяется в черепке по наличию небольших округлых комочков глины кремового цвета и отдельных песчинок, в складках которых остались частички указанной глины.

При составлении *формовочной массы* никаких минеральных примесей не добавлялось. Можно предположить введение органического раствора. Он фиксируется по наличию аморфных пустот с желтоватым налетом на их поверхности.

Конструирование. Начин сосуда, донно-емкостный, мелкий доэлементный делался в форме-емкости спирально-лоскутным способом. Судя по особенностям наложения элементов, полое тело конструировалось из лент по кольцевидной траектории, поскольку именно для лент характерно попеременное наложение элементов. Форма сосуду придавалась еще в процессе конструирования, дополнялась выбиванием (табл. 6 – 1). Выбивание фиксируется по наличию уплощенных участков на внеш-

ней поверхности сосуда и по ориентации раковины в изломе с внешней стороны.

Поверхность сосуда заглажена деревянным скребком и, вероятно, кусочком овчины.

Внешняя и внутренняя поверхности сосуда светло-коричневого цвета. В изломе с обеих сторон фиксируется осветленный слой толщиной: с внешней стороны 1,5–2,0 мм, с внутренней – 2,0–2,5 мм, середина – серого цвета. Переход от осветленных слоев к середине не очень четкий, плавный. Это свидетельствует о том, что в процессе *термической обработки* сосуда он испытал воздействие высоких температур, причем резко прекращения этого воздействия не было, сосуд остывал постепенно.

I Болдыревский курганный могильник, к. 2, насыпь

Сосуд был обнаружен в заполнении грабительского вкопа. Само погребение было полностью разграблено. Сосуд горшковидной формы, орнаментирован по верхней части тулова и венчику горизонтальными рядами линий и свисающими с них заштрихованными треугольниками. Ряды линий и треугольников, нанесенных гребенчатым штампом, разделены горизонтальными рядами треугольных вдавлений. В придонной части сосуд орнаментирован зигзагом и вертикальными отрезками штампа (табл. 7 – 3). Поверхность тулова между зонами орнамента покрыта беспорядочными штриховыми расчесами (Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л., 1991, с. 125).

В качестве *исходного сырья* служил глиноподобный илестый материал, содержащий в своем составе следующие естественные примеси: 1) мелкий (до 0,5 мм) окатанный цветной кварцевый песок в небольшой концентрации; 2) оолитовый бурый железняк темного цвета; 3) мелкая (до 1,0 мм) раковина со сглаженными краями в небольшой концентрации; 4) растительность водного происхождения, фиксирующаяся по длинным нитевидным отпечаткам (табл. 5 – 1); 5) отдельные «складчатые» отпечатки, напоминающие отпечатки тела моллюска. Признаков использования в сухом состоянии не наблюдалось.

При составлении *формовочной массы* никаких минеральных примесей не добавлялось, использовалось только указанное сырье + органический раствор, фиксирующийся по аморфным пустотам.

Из-за плохой сохранности сосуда информация по способам конструирования предположительная. Можно констатировать донно-емкостный, вероятно, спирально-жгутовой начин (табл. 7 – 3), полое тело лепилось из коротких жгутов по спиральной траектории, отдельно наращивалась из жгута верхняя часть сосуда. Окончательную форму сосуду придавали с помощью выбивания, что фиксируется по наличию небольших площадок от колотушки на поверхности сосуда и по ориентации раковины. С внешней стороны излома сосуда фиксируется ориентация раковины параллельно стенкам сосуда.

Внешняя поверхность сосуда заглаживалась пальцами, внутренняя – деревянным скребком, возможно, штампом.

Обжиг. Обе поверхности сосуда и излом однотонного темно-серого цвета. После суточного пребывания в воде сосуд не изменил своих качественных характеристик, пластичность утрачена окончательно. Можно предположить, что в процессе термической обработки сосуда в течение длительного времени испытывал температуры не ниже 470°.

IV Болдыревский курганный могильник, к. 2, п. 5.

Сосуд происходит из впускного погребения. В 20 см ниже уровня костяка под гумусированной забутковкой дна ямы находилась прослойка из коричневой супеси, при вскрытии которой в северо-восточном углу ямы был обнаружен круглодонный керамический сосуд баночной формы со стянутым устьем (табл. 6 – 5). Вся его внешняя поверхность покрыта глубокими беспорядочными расчесами, выполненными среднезубчатым штампом (Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л., 1991, с. 127, 130).

В качестве *исходного сырья* использован илистый материал средней степени запесоченности, содержащий в своем составе: 1) окатанный цветной кварцевый песок размером 0,5–0,9 мм; 2) оолитовый бурый железняк темного цвета размером до 1,5 мм; 3) округлые комочки абсолютно чистой нерастворившейся глины; 4) очень малое количество раковины с окатанными краями; 4) нитевидные и длинные стеблевидные, округлые в сечении отпечатки растительности.

При составлении *формовочной массы* к исходному сырью добавлялись крупный шамот в концентрации 1:3 и органический раствор. Зафиксирован шамот трех видов: 1) из ожеженной, вероятно, слабо запесоченной глины (здесь и далее при описании шамота термин «глина» употребляется условно, т. к. часто невозможно определить, использовалась ли глина или илы), к которой в качестве искусственных примесей добавлен шамот и органика; 2) из ожеженной же глины с раковинной; 3) из смеси ожеженной и нежеженной глин. Их качественный состав пока не поддается определению. Органический раствор составлен, вероятно, на основе растительных компонентов. Он фиксируется по наличию аморфных пустот с белым налетом на стенках и сильно измельченным растительным отпечатком (до 0,5 мм) в малой концентрации. Кроме того, указанный органический состав как бы обволакивает минеральные частицы, в частности шамот, и оставляет тот же белый налет на их поверхностях.

Конструирование сосуда проводилось в два приема. Начин делался в форме-емкости из лоскутов, наращиваемых по спиралевидной траектории. Такой вид начин можно определить как донно-емкостный одноэлементный, т. е. лоскуты четко фиксируются до наибольшего расширения тулова. Верхняя часть сосуда изготовлена из жгутов по спирали. Форму сосуду придавали в процессе конструирования, завершая этот процесс выбиванием, что фиксируется по наличию уплотненных участков на поверхности сосуда (табл. 6 – 5).

Курганный могильник Герасимовка II, к. 4, п. 2.

Сосуд происходит из погребения, где были захоронены два черепа. Это круглодонный сосуд без выделенной шейки (табл. 6 – 1). Вся поверхность сосуда орнаментирована глубокими горизонтальными прочерченными линиями – каннелорами. В верхней части тулова нанесен ряд глубоких круглых ямок, срез венчика украшен насечками. Стенки сосуда внутри были окрашены охрой (Порохова О. И., 1992, с. 94). Сосуд разбится, вероятно, еще в древности, в трещины затекла охра.

В качестве *исходного сырья* использовалось ожеженное слабо запесоченное глиноподобное сырье (ил), в котором отмечено наличие: 1) толстых прозрачных кварцевых песчинок размером до 0,5 мм; 2) оолитового бурого железняка ярко-коричневого цвета размером до 1,0 мм; 3) мелкой окатанной раковины, не имеющей перламутра; 4) отпечатков растительности водного происхождения, возможно, водорослей. Они представлены в виде пучка нитевидных отпечатков и в небольшой концентрации.

При составлении *формовочной массы* использовалась дробленая раковина и органический раствор (табл. 5 – 6). Искусственный характер дробленой раковины определяется по следующим параметрам: 1) наличие остроугольных частиц, имеющих следы дробления; 2) расщепление раковины по горизонтальным слоям; 3) размер остроугольных частиц раковины от мельчайших до 3–5 мм; 4) значительная концентрация.

Наличие в формовочной массе органического раствора фиксируется по аморфным пустотам с паутинообразным белесым налетом на стенках.

Конструирование. Сосуд делался в два приема. Начин конструировался из лоскутов по спиральной траектории в форме-емкости. Данный начин можно определить как мелкий доэлементный. Судить о форме-емкости можно по следующим признакам: статичные следы на внешней поверхности сосуда и способы наложения элементов. Емкость, или *полое тело*, делалась из коротких жгутов по спиральной траектории. Окончательную форму сосуду придавали с помощью выбивания (табл. 6 – 1).

Обработка поверхности. Изнутри на поверхности сосуда фиксируется охра. Внешняя поверхность первоначально заглаживалась пальцами, на отдельных частях сосуда имеются следы обработки деревянным скребком.

При *обжиге* сосуд испытал длительное воздействие температур не ниже 470°. Об этом свидетельствует поведение черепка после суточного пребывания в воде. Вокруг черепка образовался незначительный осадок из глинистых частиц, но сам черепок не распался и не разминался пальцами, т. е. пластичность глины утрачена окончательно.

III Ефимовский курганный могильник, к. 2, п. 2.

Условия нахождения сосуда из указанного погребения к настоящему времени не опубликованы, я располагаю только фрагментом сосуда, поэтому ограничусь изложением некоторых технологических особенностей.

В качестве *исходного сырья* использовалась смесь двух

глин: ожелезненной и неожелезненной. Основной выступает ожелезненная слабо запесоченная глина, имеющая в своем составе мелкий цветной кварцевый песок, оолитовый бурый железняк темного цвета и небольшое количество раковины с окатанными краями. Вторая глина представлена округлыми включениями неожелезненной глины размером до 4 мм в концентрации примерно 1:5. Обе глины перед смешиванием находились в сухом состоянии, о чем свидетельствуют округлые комочки глины с теми же естественными примесями, что и основные.

При составлении *формовочной массы* к смеси двух глин добавлялся шамот средних размеров (1,0–1,9 мм) в концентрации 1:4 и органический раствор. Наличие раствора определяется по участкам излома с характерными черными блестящими пленками, по аморфным пустотам с таким же темным налетом на стенках и очень сильно измельченным растительным отпечаткам (до 0,5 мм) в малой концентрации. В составе шамота фиксируется раковина, определить ее искусственный или естественный характер не представляется возможным.

По поводу особенностей *конструирования* можно лишь отметить, что использовался лоскутный способ.

Курганный могильник Изобильное I, к. 5, п. 1.

Сосуд происходит из насыпи кургана над погребением. Погребенный лежал скорченно на правом боку, головой на северо-восток. Сосуд светло-серого цвета, с раздутым туловом и слабо выраженным уступом при переходе к высокому горлу. Дно небольшое, уплощенное (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994, с. 47) (табл. 7 – 1).

Исходное сырье представлено смесью двух видов сырья: ожелезненного илитоуго и неожелезненной глины. Основное сырье (ил) – слабо запесоченное. Из естественных примесей в нем присутствуют: 1) окатанный цветной песок размером до 1,0 мм в небольшой концентрации (табл. 4 – 2); 2) мелкая окатанная раковина; 3) обломочный бурый железняк ярко-коричневого цвета; 4) растительная органика, представленная мелкими нитевидными отпечатками; 5) небольшие округлые комочки нерастворившегося чистого глинистого вещества. Неожелезненная глина средней пластичности представлена округлыми комочками кремового цвета размером до 1,5 мм. Она добавлялась в сухом состоянии в небольшой концентрации.

При составлении *формовочной массы* добавлялись дрова и органический раствор. Дрова представлена песчаниковой породой, размеры частиц 0,9–1,5 мм. При дроблении песчаника он распадался на отдельные песчинки. Концентрация дровы в формовочной массе 1:4 – 1:5. Добавление органического раствора фиксируется наличием аморфных пустот с черным блестящим налетом на стенках.

Конструирование сосуда. Первоначально из жгутов по спирали делался доно-емкостный мелкий доэлементный *начин*. Диаметр жгута приблизительно 1,0–1,5 см. После небольшого выдавливания пальцами и заглаживания кон-

струировалось *полое тело*. Для этого использовались ленты шириной около 2 см, которые наращивались по кольцевидной траектории (табл. 7 – 1). Начальное *формообразование* происходило еще при конструировании. Верхняя часть сосуда примазывалась с внутренней стороны в последнюю очередь. Окончательная форма сосуда придавалась путем небольшого выбивания.

Обработка поверхности. Зафиксированы следы механического заглаживания кусочком ткани.

Обжиг. Сосуд имеет светло-серый цвет с редкими буроватыми пятнами по тулову. В изломе черепка, в местах пятен, прослеживается внешний осветленный слой коричневого цвета толщиной 0,5–0,9 мм. Границы слоя четкие. Сосуд, вероятно, прошел температуры каления, но воздействие этих температур было недолгим.

Курганный могильник Линевка III, к. 1, п. 1.

Круглодонный сосуд с раздутым туловом и широким, резко отогнутым на внешнюю сторону венчиком. Он находился над погребением над уровнем запелюшков. Погребенный лежал скорченно на правом боку, головой на северо-восток. Сосуд орнаментирован в верхней части тулова двумя рядами изогнутых отрисков и расчесами (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994, с. 52). Сосуд средних размеров, его высота 13,4 см (табл. 6 – 6).

В качестве *исходного сырья* использовалась смесь двух глин: ожелезненной и неожелезненной. Основной является ожелезненная среднезапесоченная глина. В ее составе фиксируется цветной кварцевый окатанный песок с размером частиц 0,1–0,8 мм и железистые включения ярко-коричневого цвета, похожие на обломочный бурый железняк. К ней в небольшой концентрации добавлялась неожелезненная глина средней запесоченности, имеющая в своем составе прозрачный кварцевый, часто остроугольный песок с размером частиц 0,5–1,0 мм. Обе глины перед смешиванием находились в сухом состоянии, о чем свидетельствуют округлые комочки тех же глины, что и в основном сосуде.

Формовочная масса составлялась по рецепту: смесь двух глин + шамот + органический раствор. Шамот представлен также из смеси двух глин, где основная глина – слабо запесоченная ожелезненная, и к ней добавлена неожелезненная глина. Шамот крупного и среднего размера с преобладанием частиц 1,5–2,5 мм, концентрация его в формовочной массе 1:3. В составе шамота зафиксированы также шамот и органика.

Органический раствор в составе формовочной массы представлен аморфными пустотами с белесым налетом на стенках, измельченными растительными остатками, черными блестящими растеками. Растительные представлены мелкими (до 1,5 мм) единичными плоскостными отпечатками. Кроме того, этот раствор как бы обволакивает минеральные частицы, в частности шамот. В результате этого на поверхности шамота фиксируется тот же белесый налет.

Конструирование. *Начин* делался лоскутным спиралевидным налетом в форме-емкости, что фиксирует-

ся по статичным следам на внешней поверхности сосуда. Характер формы-емкости определить затруднительно, возможно предположение о кожаной прокладке. *Полое тело* наращивалось из жгута по спирали. Отдельно примазывался верхний жгут с внутренней стороны венчика (табл. 6 – 6). Придание сосуду формы (*формообразование*) происходило одновременно с конструированием, а завершалось небольшим выбиванием.

Обработка поверхности. Зафиксировано заглаживание обеих поверхностей деревянным скребком. После этого внешняя поверхность сосуда частично была залощена. *Лощение* производилось галькой по подсушенной основе, о чем свидетельствуют характерные короткие очень тонкие бороздки на поверхности сосуда и нитевидные трещины.

Обжиг. Сосуд имеет темно-серую поверхность и такой же однотонный излом. Можно предположить, что обжиг проводился без доступа кислорода (в углях, золе) достаточно длительное время.

Курганный могильник Медведка, к. 7, п. 1.

Сосуд происходит из погребения, в котором костяк лежал скорченно на спине, головой на восток. В погребении находился плоскостонный сосуд горшковидной формы с уступчиком (табл. 7 – 4), который по шейке был украшен горизонтальными рядами гребенчатого штампа, а ниже – рядом треугольных вдавлений (Моргунова Н. Л., Крацов А. Ю., 1991, с. 39, 41).

В качестве *исходного сырья* применялась смесь двух глин. Основная глина – ожеженная, слабо запесоченная, содержащая в своем составе мелкий и средний окатанный цветной песок в небольшой концентрации, оолитовый бурый железняк темного цвета и окатанные частицы раковины с разрушенной структурой, некоторые частицы раковины имеют остроугольные очертания, что, вероятно, может свидетельствовать о ее дроблении вместе с глиной. Вторая глина – нежеженная средней степени запесоченности, с прозрачным кварцевым песком. Она добавлялась в сухом состоянии.

При составлении *формовочной массы* использовался шамот средних размеров + органический раствор + дробленая раковина. Шамот добавлялся в концентрации 1:4 – 1:5. В его составе зафиксирован рецепт: глина ожеженная + раковина. Органический раствор фиксируется по очень малому количеству сильно измельченных растительных отпечатков и аморфных остаткам. Часть раковины можно считать искусственно введенной. Она характеризуется остроугольностью очертаний, частями раковины как с горизонтальным расщеплением по отдельным слоям, так и включениями раковины с сохранившейся структурой, преимущественно серым цветом всего излома раковины.

Конструирование. Зафиксирован донно-емкостный мелкий доэлементный начин, выполненный из жгутов по спиралевидной траектории. Дно сосуда делалось в

два слоя: первый – спирально-жгутовой с сильным выбиванием, на него наращивался второй слой, который подвергался выдавливанию. Полое тело делалось, вероятно, зонами из лоскутов, наращиваемых по спиральной траектории (табл. 7 – 4). Форма сосуда придавалась еще в процессе конструирования, окончательное *формообразование* происходило с помощью выбивания.

Поверхность сосуда заглаживалась, возможно, кусточком овчины.

Курганный могильник Пятилетка, к. 3, насыпь.

Сосуд, окруженный глиняная чаша, наполненная углями, обнаружен в западной поле кургана на уровне погребенной почвы. Размеры устья сосуда – 54–45 см, высота – 17,4 см, толщина стенок – 1–3 см (табл. 7 – 6). Исследователи связывают этот сосуд с основным погребением № 2. Костяк мужчины старше 50 лет (костяк № 1) был скорчен на правом боку, головой на северо-восток. В ногах и у таза костяка № 1 находились останки подростка около 10 лет (костяк № 2) (Богданов С. В., Крацов А. Ю., Моргунова Н. Л., 1992, с. 80–81).

В качестве *исходного сырья* отбиралось глиноподобное илистое сырье средней запесоченности, содержащее в своем составе следующие естественные примеси: 1) песок цветной кварцевый окатанный и остроугольный с размером частиц 0,5–1,3 мм в концентрации примерно 1:5; 2) обломочные включения чистой (аналогичной спандей) глины; 3) оолитовый бурый железняк темного цвета; 4) растительность водного характера в виде нитевидных пучков и плоскостных отпечатков с очень мелким рельефом (табл. 4 – 1, 5).

При составлении *формовочной массы* к илистому сырью добавлялся крупный шамот (размером более 2,0 мм) в концентрации 1:3. В шамоте зафиксирована ожеженная слабо запесоченная глина и искусственные примеси: шамот и растительная органика. Кроме того, в сосуде фиксировались мелкие – до 1 мм – отпечатки растительного происхождения, возможно, они были в составе раствора, увлажняющего формовочную массу.

Определение *способов конструирования и обработки поверхности* не проводилось, т. к. в моем распоряжении была только небольшая часть сосуда.

Обжиг. Сосуд имеет коричневатую внешнюю поверхность. В изломе с внешней стороны фиксируется осветленный слой толщиной 0,9–1,0 мм, остальная часть излома темно-серого цвета. Предполагается, что при обжиге сосуд испытал кратковременное воздействие высоких температур.

Курганный могильник Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1.

Сосуд происходит из единственного, основного погребения. Погребение парное. Костяк № 1 лежал скорченно на правом боку, головой на восток. Костяк № 2 лежал головой на запад. Его череп лобными долями ка-

саялся пяточными костями погребенного № 1. Между тазовыми костями погребенных находился глиняный сосуд.

Сосуд с утолщенным округлым дном, широким устьем и венчиком, отогнутым на внешнюю сторону. Поверхность сосуда частично покрыта расчесами. Внутри его сохранился порошок охры (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994, с. 25) (табл. 7 – 2). Сосуд имел трещину, видимо, еще до помещения его в могилу. В эту трещину затекла охра, находившаяся в сосуде.

В качестве *исходного сырья* применялся ожелезненный глиноподобный илистый материал средней запесоченности. В его составе фиксируются следующие естественные примеси: 1) крупный и средний (отдельные песчинки до 2 мм) цветной кварцевый песок; 2) оолитовый бурый железняк темного цвета (табл. 4 – 3); 3) растительность водного характера, фиксирующаяся по длинным нитевидным и стеблевидным отпечаткам без видимой характерной деформации, которая присуща растительным остаткам из навоза жвачных животных (табл. 4 – 3; 5 – 4).

При составлении *формовочных масс* использовались крупный шамот и органический раствор. Шамот представлен двух видов: 1) из ожелезненной, вероятно, средне запесоченной глины. В его составе фиксируется шамот (из ожелезненной глины и из смеси двух глин) и растительная органика; 2) из смеси двух видов сырья, где основным выступает ожелезненное сырье, а не ожелезненная глина присутствует в качестве добавки. Определить состав данного вида шамота не удалось. Присутствие органического раствора в составе формовочной массы определяется предварительно по аморфным пустотам с красноватым налетом на их стенках.

Зафиксирована довольно сложная система *конструирования*. Можно предполагать использование формы-емкости, хотя следы на внешней поверхности очень нечеткие. Вначале делались стенки емкости сосуда. При использовании формы-емкости наложение элементов шло с верхней части сосуда, с устья, т. е. будущий сосуд находился вверх дном. Применялись короткие жгуты, которые наращивались по спиральной траектории, т. е. делался емкостный начин. После изготовления основной части емкости примазывался верхний элемент – «венчик». На следующем этапе конструирования сосуд вновь ставился «вверх дном» и делалась донная часть с использованием условно коротких жгутов, которые примазывались с внутренней стороны. Завершался процесс конструирования «закладыванием отверстия» с внешней стороны (табл. 7 – 2), т. е. так, как это делается при емкостно-донном начине. Здесь мы имеем дело с явным смещением в навыках изготовления посуды. Вероятно, программу конструирования можно определить как смешанную емкостную – емкостно-донную.

Обработка поверхности. Зафиксировано заглаживание при помощи пальцев гончара и деревянного скребка, в результате чего образовались своеобразные «расчесы».

Обжиг. Сосуд имеет серую поверхность и такой же излом. После суточного пребывания в воде черепок не изменялся, не разминается пальцами. Это означает, что

при обжиге без достаточного количества кислорода сосуд испытал температуры выше 450°.

Курганный могильник Тамар-Уткуль VIII, к. 5, п. 1.

Сосуд происходит из основного, единственного погребения. В погребении лежали два детских костяка. Костяк № 1 лежал скорченно на правом боку, головой на северо-восток. Костяк № 2 лежал позади костяка № 1 скорченно на спине, головой на северо-восток. Под юго-западной стенкой могилы расчищен глиняный сосуд. Сосуд круглодонный, вертикальных пропорций, с выделенным слабопрофилированным горлом (табл. 7 – 7). Верхняя часть тулова ornamentирована двумя горизонтальными рядами «елочки», выполненной среднезубчатый штампом. Нижняя часть тулова и внутренняя поверхность сосуда покрыта расчесами (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994, с. 28).

В качестве *исходного сырья* использовалось ожелезненное глиноподобное илистое сырье средней запесоченности. Естественными примесями к нему являются: 1) песок цветной, кварцевый крупностью 0,5–1,2 мм в концентрации примерно 1:6; 2) оолитовый бурый железняк темного цвета; 3) мелкая раковина (до 1,0 мм), окатанная, с разрушенной структурой, в очень небольшой концентрации; 4) наличие, наряду с раковиной, округлых включений карбонатного типа, по структуре напоминающих раковину, мягких (разрушаются игол), 5) отпечатки растительного и животного происхождения водного характера (табл. 4 – 6; 5 – 3).

При составлении *формовочной массы* к илистому сырью добавляли крупный шамот в концентрации 1:4 и органический раствор, который фиксируется по наличию аморфных пустот с характерным белесым налетом. Шамот в составе формовочной массы представлен двух видов: 1) из ожелезненного средне запесоченного сырья с карбонатными включениями и 2) из смеси ожелезненной и не ожелезненной глин, где основной выступает ожелезненная глина. В составе шамота в ряде случаев фиксируется тот же состав: шамот + растительная органика.

Сосуд реставрирован из мелких кусочков, поэтому восстановить способ *конструирования* не оказалось возможным. Можно лишь высказать предположение о применении лоскутного налепа.

Поверхность сосуда заглажена деревянным скребком.

Обжиг. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда темно-серого цвета с редкими бурыми пятнами. Излом черепка однотонного серого цвета. После помещения фрагмента сосуда на одни сутки в воду черепок не изменил своих характеристик, что может свидетельствовать, что в процессе обжига были достигнуты температуры каления. Пластичность глины утрачена окончательно.

Курганный могильник Тамар-Уткуль VIII, к. 8, п. 1.

Под курганной насыпью выявлено единственное погребение, парное. Костяк № 1 покоился скорченно на

правом боку, головой на восток. Костяк № 2 лежал скорченно на левом боку, головой на восток. У черепа костяка № 2, наряду с другими предметами, находились два сосуда.

Сосуд № 1 биконической формы с ребром в средней части тулова, без выделенной шейки, с заостренным, слегка уплощенным дном (табл. 6 – 4). Ораментирован двумя рядами горизонтальной «елочки», выполненный широким зубчатым штампом (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994, с. 32).

В качестве *исходного сырья* использовалась смесь ожелезненной и неожелезненной глины. Основной выступает ожелезненная слабо запесоченная глина, имеющая в своем составе цветной кварцевый окатанный песок с размером зерен до 0,5 мм в небольшой концентрации (1:7) и оолитовый бурый железняк. К ожелезненной глине добавлялась неожелезненная глина средней запесоченности (табл. 5 – 2; 4 – 4). Она содержит в своем составе прозрачный кварцевый песок, как окатанный, так и остроугольный. Обе глины перед смешением находились в сухом состоянии, их соотношение можно определить как 1:4, т. е. смешивались четыре части ожелезненной и одна часть неожелезненной глины. Об использовании обеих глин в сухом состоянии свидетельствуют окатанные, либо со сглаженными очертаниями включения, по составу аналогичные глинам исследуемых сосудов.

При составлении *формовочной массы* к смеси двух глин добавлялся крупный шамот и органика. Зафиксирован шамот двух видов: 1) сосуды, пошедшие на изготовление шамота, были сделаны из ила, о чем свидетельствует раковина с окатанными краями и нитевидные отпечатки органики (табл. 5 – 5); 2) шамот сделан из «сосудов, в которых в качестве исходного сырья использовалась смесь ожелезненной (основная) и неожелезненной глин, к которым добавлялись шамот и органика. Общая концентрация шамота в формовочной массе 1:3. Органический раствор фиксируется по аморфным пустотам с черным блестящим налетом на их стенках, измельченным (до 2 мм) единственным растительным отпечатком (табл. 5 – 2) и своеобразным черным «чешуйчатым» участком.

Конструирование. Сосуд делался в два приема (табл. 6 – 4). Вначале на форме-основе с помощью плоского организованного лоскутного напела конструировался начин (донно-емкостный, мелкий дозлементный). Вероятно, стенки емкости делались отдельно также с использованием формы-модели. В качестве «строительных элементов» выступают короткие жгуты, наращиваемые по спиралевидной траектории. Затем эти две части соединялись. В пользу того, что емкость конструировалась с помощью формы-модели, свидетельствует, на наш взгляд, следующее. Если бы после изготовления начин емкость делалась свободной скульптурной лепкой, дно сосуда было бы значительно уплощено, тем более, что фиксируется весьма слабое выбывание.

Обработка поверхности. Изнутри сосуд заглажен в верхней части деревянным скребком, возможно, штам-

пом, нижняя часть – тканью. Внешняя поверхность заглажена кусочком овчины, на что указывают редкие отпечатки волоса, видимо, выпавшие из овчины.

Обжиг. Поверхность сосуда темно-серого цвета с бурными пятнами, излом черепка однотонный темно-серый. В местах поверхностных бурых пятен в изломе фиксируется осветленный внешний слой толщиной 0,1 мм.

Сосуд № 2 неправильной яйцевидной формы, со скошенным приостренным дном, без выделенной шейки. По всей внешней поверхности покрыт расчесами (Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., 1994, с. 32) (табл. 6 – 3).

В качестве *исходного сырья* использовалась смесь двух глин: ожелезненной и неожелезненной. Ожелезненная средняя запесоченная глина основная, имеет в качестве естественных примесей мелкий цветной кварцевый окатанный песок в небольшой концентрации и оолитовый бурый железняк темного цвета. Вторая глина – неожелезненная средней запесоченности. В ее составе фиксируется окатанный и остроугольный прозрачный кварцевый песок. Обе глины перед смешением находились в сухом состоянии, соотношение их 1:4 (четыре части ожелезненной + одна часть неожелезненной глины).

При составлении *формовочной массы* к смеси глин добавляли шамот среднего и крупного размера в концентрации 1:4 и органический раствор. Зафиксирован шамот двух видов: 1) из ожелезненной глины, имеющей в своем составе раковину, органику и шамот; 2) из смеси двух глин с шамотом в качестве искусственной добавки. Можно предположить, что на шамот первого вида пошли сосуды, имеющие в качестве исходного сырья илы.

Конструирование. Сосуд имеет сильную асимметрию. При изготовлении его использовалась форма-основа, на которую наращивались лоскуты. Элементы спиралевидности фиксируются после середины сосуда (в верхней части), а до этого лоскуты наращивались без особой системы. Верхняя часть венчика наращивалась отдельно в последнюю очередь. Программа конструирования начин определяется как донно-емкостная, изготовленная лоскутным напелом (табл. 6–3). Формообразование совмещено с конструированием и дополнялось выдавливанием пальцами.

Обработка поверхности. Внешняя поверхность сосуда в его верхней части заглажена деревянным скребком, но следы не очень четкие, нижняя часть сосуда заглажена куском овчины, внутренняя поверхность – пальцами.

Обжиг. Сосуд имеет однотонно окрашенную поверхность темно-серого цвета и такой же однотонный излом. После суточного пребывания в воде черепок раздавливается пальцами, но жгутик не сворачивается. Пластичность глины утрачена окончательно, на сосуд при обжиге воздействовали температуры не ниже 470°.

Курганный могильник Трудовой II, к. 5, п. 1.

Сосуд происходит из впускного погребения, в котором погребенный лежал скорченно на спине с завалом

на правый бок, головой на восток – северо-восток. Перед лицом находился небольшой глиняный сосудик со стяннутым устьем (табл. 6 – 2), орнаментированный по всей поверхности расчесами (Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л., 1991, с. 123).

В качестве исходного сырья использовалась одна ожелезненная глина слабой запесоченности, содержащая в своем составе мелкий цветной окатанный песок с размером зерен 0,5–0,9 мм в небольшой концентрации и оловитовый бурый железняк.

При составлении *формовочной массы* к глине добавляли крупный шамот и органический раствор. Шамот изготовлен из сосудов из ожелезненной глины, к которой добавлены так же шамот и органика. Концентрация шамота 1:3. Органический раствор составлен, вероятно, на основе растительных компонентов. Это фиксируется в черепке по аморфным пустотам с беслым налетом на стенках и сильно измельченными растительными остатками в очень небольшой концентрации.

Конструирование. Сосуд представлен для анализа после реставрации, нижняя часть его во многих мес-

тах замазана гипсом, поэтому сведения о конструировании этой части носят предположительный характер. Использовались условно короткие жгуты, которые наращивались по спиральной траектории. По общей классификации программ конструирования начин данного сосуда можно определить как донно-емкостный полный. Возможно применение формы-емкости, но поскольку четких следов не обнаружено (во многом из-за нарушения поверхности), судить о форме-модели возможно лишь по способам наложения элементов (табл. 6 – 2).

Поверхность сосуда заглаживалась с внешней стороны деревянным скребком; следы на внутренней поверхности не четкие и не позволяют сделать однозначного заключения.

Обжиг. Поверхность и излом сосуда имеют однотонный серый цвет. После суточного пребывания в воде характеристики черепка не изменились, вокруг него не образовался осадок из глинистых частиц, он не размылся пальцами. Следовательно, температурное воздействие было не ниже 450°.

Список литературы

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. Автореферат докт. диссерт., М., 1979.

Бобринский А. А. К методике изучения обжига керамики // I Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1989. С. 20–23.

Бобринский А. А. Отражение эволюционных и миграционных процессов в особенностях древней гончарной технологии // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 14–16.

Бобринский А. А., Васильева И. Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998. С. 193–217.

Богданов С. В., Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л. Курганы древней культуры в левобережье р. Урал // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С. 80–92.

Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л. Погребения древней культуры на р. Иртек в юго-западном Оренбуржье // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара, 1991.

Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Древняя культура Приуралья (по материалам Оренбургской области) // СА, 1991, № 2.

Моргунова Н. Л. К вопросу об общественном устройстве древней культуры (по материалам степного Приуралья) // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С. 5–28.

Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Памятники древней культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.

Моргунова Н. Л., Турецкий М. А. Курганный комплекс у хут. Барышников // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998.

Порохова О. И. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С. 92–108.

Смирнов К. Ф. Древняя культура в Оренбургских степях // Новое в советской археологии. М., 1965.

Турецкий М. А. Керамика погребений ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 78–92.

Федорова-Давыдова Э. А. Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.

Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

Черных Е. Н. Каргалы. Забытый мир. М., 1997.

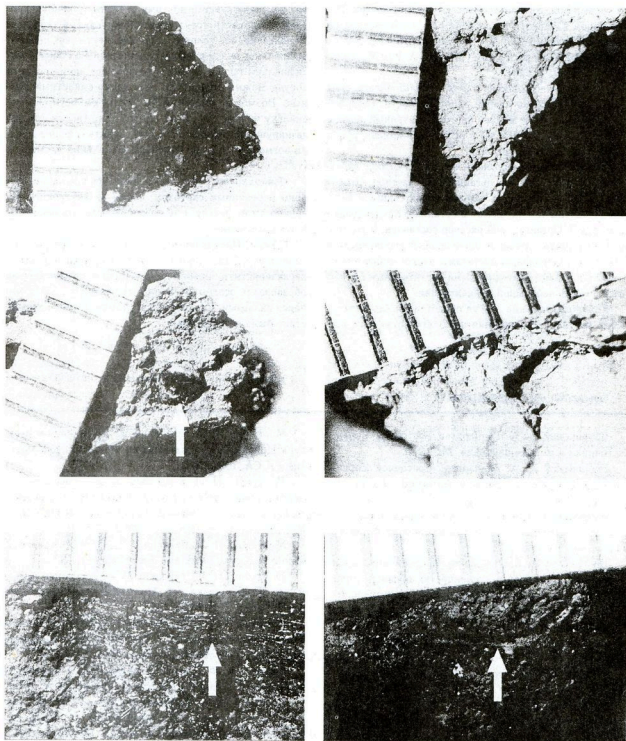

Таблица 4. Особенности исходного сырья. 1, 2 – включения естественного песка в илстом сырье (1 – мог. Пятилетка, к. 3, насыпь; 2 – мог. Изобильное I, к. 5, насыпь); 3 – илстое сырье включение бурого железняка и органики растительного происхождения (мог. Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1); 4 – смесь двух глин: а – включение нежелезистой глины (мог. Тамар-Уткуль VIII, к. 8, п. 1, с. 1); 5 – пучок растительности водного характера как естественное включение в илах (мог. Пятилетка, к. 3, насыпь); 6 – включение растительности в илстом сырье (мог. Тамар-Уткуль VIII, к. 5, п. 1).

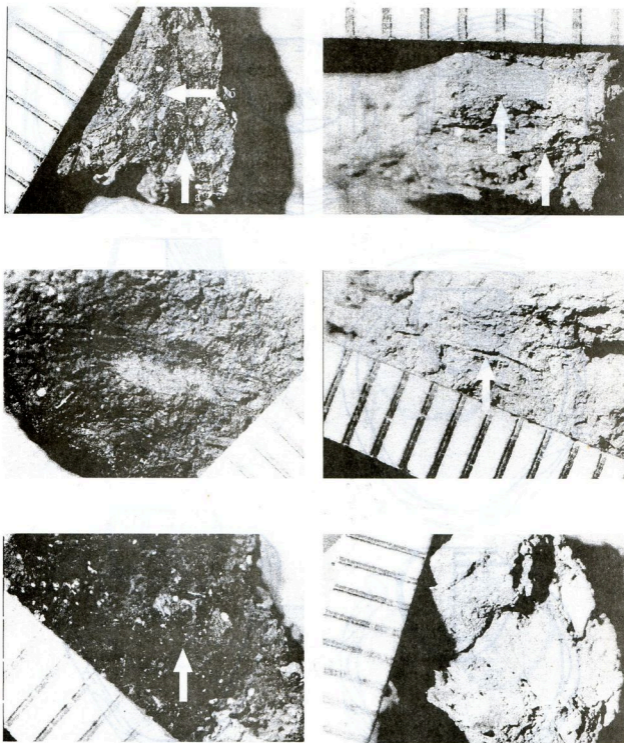
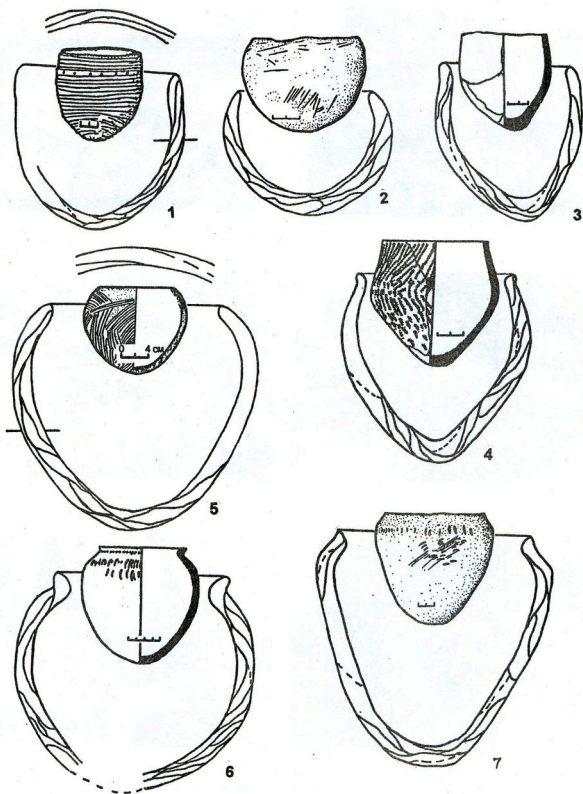
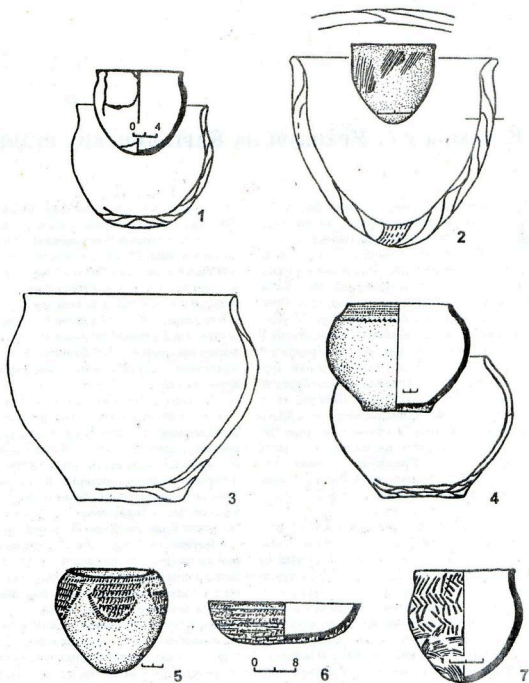

Таблица 5. Особенности исходного сырья и формовочных масс. 1 – илистое сырьё: а – включение «нитевидной» растительности, б – естественное содержание раковины (I Болдыревский мог., к. 2, насыпь); 2 – смесь железистой и нежелезистой глины: а – включение растительности, б – нежелезистая глина (Тамар-Уткуль VIII, к. 8, п. 1, с 1); 3 – отпечаток органики животного происхождения, возможно, моллюска (Тамар-Уткуль VIII, к. 5, п. 1); 4 – включение органики растительного происхождения в илах (Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1); 5 – включение шмота, содержащего в своем составе раковину и растительность естественного характера (Тамар-Уткуль VIII, к. 8, п. 1, с. 1); 6 – искусственно введенная раковина как компонент формовочной массы (Герасимовка II, к. 4, п. 2).

КУРГАНЫ У С. УРАНБАШ НА КАРГАЛИНСКИХ РУДНИКАХ

На восточной окраине с. Уранбаш в Октябрьском районе Оренбургской области находится курганный могильник, оставленный населением срубной культуры эпохи поздней бронзы. Могильник расположен на ровной, возвышенной площадке первой надпойменной террасы правого берега р. Каргалки (рис. 1, 1). На противоположном берегу реки находится массив древних шахт Каргалинских медных рудников, получивший название «Уранбаш – Воскресеновский» (участок IX). Раскопки курганов производились экспедицией Оренбургского педагогического института в 1991–92 гг. с целью выяснения их хронологической и культурной принадлежности в связи с началом исследований Каргалинского месторождения меди.

Курганный комплекс «Уранбаш» состояла из 9 курганных насыпей, из которых 7 были раскопаны: №№ 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9. Курганы 5 и 7 остались неисследованными.

Все насыпи курганов земляные, в плане круглые, полусферической формы, оплывшие. Стратиграфия курганов сходна: дерн мощностью от 10 см (на вершине) и до 50 см (по краям курганов). Насыпь состояла из серого гумусированного суглинка с вкраплениями красной глины и во многих местах была повреждена норами грызунов. Слои погребенной почвы представлены плотным коричневого цвета суглинком мощностью до 40 см. Материк – рыхлая, ярко-красного цвета глина.

КУРГАН 1 (рис. 1, 2) – диаметр 26 м, высота 1,44 м. По всей окружности кургана прослежен ровик шириной 4–5 м, глубиной до 1 м от уровня материка. Ровик заплыл гумусом и на современной поверхности не прослеживался. После его расчистки был установлен первоначальный диаметр насыпи – около 17–18 м. Высшая точка кургана сместилась на 3 м к северу. Основное и единственное погребение в кургане находилось примерно в его центре, в 4 м к югу от нулевой точки (вершины кургана). Оно было выявлено на уровне материка, т. е. на глубине -153 см от нуля.

Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Дно ровное, окрашено охрой. Вкрапления охры встречались в гумусированном суглинке заполнения ямы. Нижняя часть ямы от глубины -200 см от нуля была выдолблена в слое красного песчаника. Скелет погребенного и какие-либо культурные остатки в яме не были обнаружены, что позволяет отнести данное сооружение к типу захоронений-кенотафов. Судя по наличию охры, форме могильной ямы, ее ориентировке и другим признакам, данный курган может быть отнесен к древнейшей культуре.

КУРГАН 2 – диаметром 23 м, высотой около 1 м. Его вершина была смещена к западу на 3 м. Центральная часть кургана под насыпью была полностью разрушена сурчиной шириной около 10 м, сурчиные ходы прорезали погребенную почву и глубоко уходили в материк. Возможно, они разрушили основное погребение в кургане. На остальной части подкурганной площадки на уровне материка было выявлено 2 погребения.

Погребение 1 (рис. 2, 1) находилось в западной половине кургана, в 2 м к ЮЗ от нуля. Могильная яма выявлена на глубине -112 см и имела прямоугольные очертания со скругленными углами. На покатом дне ямы обнаружен неполный скелет взрослого человека, у которого отсутствовали многие кости таза, позвоночника, кисти рук и ног, а также череп, видимо, отчлененные перед захоронением. Скелет покоился на левом боку, головой на СВ, ноги подогнуты, руки согнуты в локтях. В северо-восточном углу ямы, у ее стенки, стояли два сосуда (рис. 2, 2–3).

Погребение 2, обнаруженное на уровне материка, т. е. на глубине -150 см от нуля, находилось в юго-восточном секторе кургана. Оно принадлежало ребенку в возрасте не более 3-х лет. Форма могильной ямы, положение и ориентировка костяка не установлена. В погребении найдены 2 сосуда (рис. 2, 5–6).

КУРГАН 3 диаметром 22 м, высотой около 1 м. На уровне материка, на глубине от нуля -110 -115 см, было обнаружено 3 погребения, располагав-

шился с севера и к западу от центра кургана. Все 3 захоронения перекрывались разных размеров необработанными плитами песчаника. Плитки песчаника встречались и в заполнении могильных ям. Все 3 ямы имели прямоугольные очертания и отвесные стенки. Ямы были ориентированы по линии ЮЗ – СВ. Лишь в погребении 3 установлена поза скелета – скорченно на левом боку головой на ВСВ. Руки согнуты в локтях с кистями перед лицом. На каждом из запястий находилось по одному браслету желобчатой формы из бронзы. Под челюстью ребенка лежала медная подвеска, а за головой сосуд из глины (рис. 3, 3, 4).

Погребение 1 и 2 были полностью разрушены грызунами. В погребении 1 была прослежена подстилка из травы. В СВ углу ямы обнаружен жертвенный комплекс, состоящий из костей крупного рогатого скота и сосуда (рис. 3, 1–2). По одному глиняному сосуду найдено и в других погребениях. В заполнении ямы погребения 2 встречены обломки медной пластинки и 6 мелких бусин (бисер из стекловидной пасты).

КУРГАН 4. Диаметр 15 м, высота 30–40 м. На уровне материка вокруг центра кургана было обнаружено 10 могильных ям (табл. 1). Насыпь, видимо, была сооружена одновременно над всеми погребениями. На уровне погребенной почвы над погребениями №№ 3, 9, 10 находились крупные плоские плиты из необработанного песчаника. В 2 м южнее от центра кургана на глубине -80 см от нуля стоял сосуд горшковидной формы (рис. 5, 3).

Погребение 1 находилось в 3 м СЗ от центра. В заполнении ямы обнаружена каменная плита, один край которой зафиксирован на уровне материка, другой завалился в яму до ее дна. Под плитой на дне ямы лежали два сосуда баночной формы (рис. 5, 2, 9, 10). Другие три сосуда находились в противоположном углу ямы – с. 1, 2, 3 (рис. 5, 6–8). Останки погребенного в яме не обнаружены. Могила отнесена к типу кенотафов.

Погребение 2 (рис. 5, 5) располагалось в 1 м к З от центра. На ровном дне ямы находился скелет подростка около 12–14 лет. Он был положен на левый бок с подогнутыми ногами, руки перед лицом, ориентирован головой на СВ. Грызунами была растащена часть костей скелета, найденных выше в заполнении ямы. За головой погребенного, у СВ стенки ямы, находился сосуд (рис. 5, 4), на правой стороне черепа – разрушенная бронзовая подвеска.

Погребение 3 (рис. 4, 2) располагалось в 6 м к Ю от центра. В заполнении западной половины ямы оно было покрыто небольшими плитками песчаника. На дне находился неполный скелет взрослого человека, видимо, расчлененного перед захоронением (не было черепа, части позвоночника, рук). На их место были положены кости лошади.

Погребение 4 располагалось в 2 м к С от центра и было перекрыто крупной плитой песчаника, положенной на уровне погребенной почвы и просевшей одним краем в заполнение ямы. На дне ямы под плитой находились фрагменты черепа ребенка и сосуд (рис. 4, 3; 5, 13).

Погребение 5 располагалось в 4 м к ЮВ от центра. В северо-восточном углу в наклонном положении от края ямы до дна находилась каменная плита. На дне ямы в скорченной позе на левом боку головой на В лежал скелет взрослого человека, нижние конечности которого были отчленены перед захоронением (рис. 4, 1). Перед лицом погребенного стоял сосуд (рис. 5, 12) и лежала бусина из стекловидной пасты. Между костями рук обнаружена разрушенная бронзовая подвеска.

Погребение 6 располагалось в 6,5 м к ЮВ от центра. В заполнение ямы так же, как и в предыдущих погребениях, провалилась крупная плита необработанного песчаника, первоначально, видимо, перекрывавшая яму на уровне материка. На дне ямы находился череп ребенка и две кости рук. Череп ориентирован на СВ (рис. 4, 4).

Погребение 7 (рис. 4, 5) располагалось в 7 м к ЮЗ от центра. На уровне материка оно было перекрыто крупными плитами песчаника, провалившимися в заполнение ямы. На дне ямы находился скелет погребенного, положенного в скорченном положении на левом боку, руки перед лицом, головой на СВ. Кисти рук и ступни ног были растащены грызунами. Погребение безынвентарно.

Погребение 8 находилось в 4 м к ЮЗ от центра. Юго-западная половина ямы была перекрыта каменной плитой, просевшей в ее заполнение. На дне ямы находился скелет взрослого человека в скорченном положении на левом боку, руки перед лицом, головой на СВ (рис. 4, 6).

Погребение 9 располагалось в 4 м к ЗЮЗ от центра кургана. На дне ямы находился скелет взрослого человека в позе скорченно на левом боку, головой на ВСВ (рис. 4, 7).

Погребение 10 (рис. 4, 10) находилось в 4 м к ЗСЗ от центра. На дне ямы обнаружен скелет подростка 12–13 лет в позе скорченно на левом боку, головой на В. Отсутствовали кости рук и ступней ног. Между затылком и восточной стенкой ямы находился сосуд (рис. 5, 11).

КУРГАН 6. Диаметр 10 м, высота 0,2 м. Под насыпью на уровне материка выявлено одно могильное пятно прямоугольной формы. Стенки ямы и скелет погребенного были разрушены сурками, норы которых прослеживались по всему кургану. Поза погребенного не установлена, ориентирован он был, скорее всего, на СВ. Инвентарь отсутствовал.

КУРГАН 9 (рис. 6, 1). Диаметр около 16 м, высота от 14 до 72 см. Северный и восточный

склоны кургана были более крутыми, южный и западный сnivelированы в результате эрозийных процессов. Всего было исследовано 17 погребений. Все они располагались в южной половине кургана. Часть погребений находилась за пределами подкурганной площадки (п. 2, 3, 6, 8, 15, 17). Видимо, насыпь возводилась одновременно и захватила не все могилы существовавшего первоначально, на протяжении нескольких поколений, бескурганного кладбища. На уровне погребенной почвы почти все могильные ямы перекрывались крупными плитами песчаника или известняка (10 из 17 могил). В других камнями завалились в заполнение ям (№№ 3, 6). В погребениях 5, 15–17 они отсутствовали.

Погребение 1 – яма-кенотаф. У северо-восточной стенки стояли два сосуда баночной формы (рис. 6, 2–3).

Погребение 2 (рис. 6, 4) располагалось в 7 м к ЮЗ от центра кургана. Могильная яма была перекрыта каменными плитами, плиты были поставлены вдоль длинных сторон погребальной камеры. На дне находился скелет взрослого человека на левом боку, скорченно, головой на СВ. За его черепом и спиной стояли два сосуда (рис. 6, 5–6).

Погребение 3 представляло собой яму-кенотаф, на дне которой в северной части стоял сосуд (рис. 6, 7). Яма находилась в 10 м к ЮЗ от центра кургана.

Погребение 4 (рис. 6, 8) было выявлено в 4 м к З от центра. На дне ямы находился скелет взрослого человека на левом боку, среднескорченно, головой на СВ. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. У северо-восточной стенки ямы на дне лежали ребра лошади или крупного рогатого скота, у юго-западной стенки – челюсть овцы. Перед лицом погребенного стоял сосуд (рис. 6, 9). Дно ямы и костяк были посыпаны золой, особенно интенсивно в ногах. Зола прослеживалась и в заполнении ямы.

Погребение 5 (рис. 7, 1) располагалось в 4,5 м к ЮЗ от центра. Могильная яма по форме в плане близка к квадратной. От остальных погребений яма отличалась наличием деревянного перекрытия из тонких плах. На дне прослежены остатки органического покрывала, на которых стояли скелеты двух взрослых погребенных, расположенных параллельно друг другу в позах на левом боку, скорченно головами на СВ, кисти рук, согнутые в локтях, находились перед лицом. На обоих запястьях рук одного из костяков обнаружены бронзовые браслеты желобчатого типа с заостренными концами. На браслетах и запястьях сохранились кусочки грубой ткани из переплетенных нитей. На правой руке острый конец браслета протыкает завернутый конец ма-

терии. Поза другого скелета отличалась от обычной тем, что нижняя его часть от середины позвоночника лежала правильно на левом боку с сильно поджатými ногами (пятки касались тазовых костей), а верхняя часть туловища неестественно загнута вперед, чего возможно было достичь при предварительном трупорасчленении. Череп находился перед тазовыми костями, руки на своем месте, выше черепа. В северо-восточном углу ямы стояли два сосуда (рис. 7, 2–3). В одном из них (с. 1) при его изготовлении использовалась в качестве примеси толченная медная руда и органика.

Погребение 6 (рис. 7, 4) располагалось в 10 м к ЮЮЗ от центра кургана. На дне ямы лежал скелет подростка на левом боку, скорченно, головой на СВ, руки согнуты в локтях и прижаты к груди. Перед коленями найдены 7 костей (альчики лошади), за головой, у стенки ямы, два сосуда (рис. 7, 5–6), на каждом запястье рук – по бронзовому желобчатому браслету (рис. 7, 7).

Погребение 7 располагалось под центром кургана. Оно было полностью ограблено. По всей яме и ее заполнению встречены кости двух скелетов – взрослого и детского. На некоторых костях отмечались следы окиси меди. Поза и ориентировка погребенных не установлены. Яма была ориентирована по линии З – В. В заполнении ямы найден венчик сосуда (рис. 7, 8).

Погребение 8 выявлено в 12 м к Ю от центра. Яма-кенотаф была ориентирована по линии ЗСЗ – ВЮВ. На дне стоял сосуд баночной формы (рис. 7, 9–10).

Погребение 9 находилось в 5,5 м к ЮВ от центра. На дне ямы лежал скелет ребенка в возрасте до 8 лет плохой сохранности, в позе скорченно на левом боку, головой на СВ. За головой стоял сосуд (рис. 7, 11). У висков, с обеих сторон черепа, обнаружено по одной медной подвеске в 1,5 оборота, которые изготовлены из желобчатой формы пластин (рис. 7, 12).

Погребение 10 (рис. 8, 1) располагалось в 2,5 м к ЮЗ от центра. На дне ямы лежал скелет ребенка на левом боку, скорченно, головой на СВ. Отсутствовали кости рук, ног, позвоночника и грудной клетки. За головой погребенного стояли два сосуда (рис. 8, 2–3).

Погребение 11 (рис. 8, 4) обнаружено в 4,5 м к ЮВ от центра. На дне ямы лежал скелет ребенка на левом боку, скорченно, головой на СВ, руки согнуты в локтях. За головой стоял сосуд (рис. 8, 5).

Погребение 12 (рис. 8, 6) располагалось в 2 м к СВ от центра. На дне обнаружен скелет ребенка плохой сохранности. Судя по положению черепа, он был положен на левый бок, скорченно,

головой на СВ. За черепом вдоль стенки ямы стояли сосуды: два горшковидной и один баночной формы (рис. 8, 7–9).

Погребение 13 располагалось в 4 м к ЮВ от центра. Костяк ребенка младшего возраста полностью растащен. На дне находилось несколько позвонков и костей таза. У северо-восточной стенки стоял сосуд (рис. 8, 10).

Погребение 14 (рис. 8, 11) находилось в 5 м к Ю от центра. На дне лежал скелет ребенка на левом боку, скорченно, головой на СВ. Многие кости растащены сусликами или истлели. За затылком стоял сосуд горшковидной формы (рис. 8, 12).

Погребение 15 (рис. 9, 3) располагалось в 8,5 м к Ю от центра. В заполнении ямы был найден кусок медного шлака. На дне лежал скелет подростка на левом боку, скорченно, головой на С, руки согнуты в локтях перед грудью. За головой вдоль северной стенки ямы стояли два сосуда (рис. 9, 1–2), у колена лежало кольцо из трубочатой кости с нарезками по одному из краев.

Погребение 16 (рис. 9, 4) располагалось в 5 м к ЮВ от центра. На дне ямы находился скелет ребенка плохой сохранности, в позе скорченно на левом боку, головой на СВ. За головой стоял сосуд (рис. 9, 5).

Погребение 17 (рис. 9, 6) обнаружено в 6,7 м к Ю от центра. На дне ямы находился скелет взрослого человека на левом боку головой на СВ. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. За головой находился сосуд (рис. 9, 7).

КУРГАН 8 (рис. 10, 1). Диаметр около 17 м, высота от 22 до 70 см. Западный и северный склоны кургана оказались более крутыми. Погребенная почва под данным курганом оказалась более тонкой, чем под остальными (8–10 см). В кургане на уровне материка зафиксировано 25 могильных ям. Они располагались по периметру вокруг центра кургана, за исключением северо-восточного сектора. Часть погребений выявлена за пределами южной поля курганной насыпи (п. 2, 6, 13, 14, 16, 17). Большинство ям на уровне погребенной почвы или материка перекрывались плоскими необработанными плитами песчаника или известняка. В некоторых могильных ямах плиты просели или были специально положены в заполнение ям (п. 1, 3, 13, 14, 20). Скопления камней обнаружены на уровне погребенной почвы и на ряде участков между ямами. В 8–9 м к Ю от центра под каменными плитами на уровне материка в яме, прорытой в слое погребенной почвы, обнаружен жертвенник из костей (конечностей) лошади. Немного в стороне от них найдено 2 кусочка медной руды. В двух случаях, вблизи погребения 1 и 3, зафиксированы могильные вы-

киды, лежащие на погребенной почве. Могильный выкид из погребения 1 перекрывал яму погребения 19. Все погребения в кургане перекрывались единой насыпью.

Погребение 1 (рис. 10, 2) находилось в 3 м к С от центра. По обе стороны ямы прослежен могильный выкид. Помимо перекрытия из камней, в заполнении ямы отмечены остатки перекрытия из деревянных бревен и плах. На дне ямы лежал скелет взрослого человека на правом боку, головой на В. Руки согнуты в локтях, кисть правой руки у лица, кисть левой – у предплечья правой руки. За головой у восточной стенки стояли два сосуда (рис. 10, 3–4).

Погребение 2 располагалось в 8–9 м к ЮВ от центра. В заполнении ямы находились две плиты песчаника, поставленные на дно наклонно к стенам. У северной стенки находился сосуд (рис. 10, 5). Останков погребенного в яме не обнаружено. Сооружение относилось к типу кенотафов.

Погребение 3 располагалось в 5,5 м к ЮВ от центра и было полностью разрушено в результате ограбления. Все кости взрослого человека были разбросаны по заполнению ямы и большей частью, в том числе и череп, сдвинуты к восточной стенке ямы. В яме найдены обломки трех сосудов (рис. 11, 1–3).

Погребение 4 принадлежало ребенку и было полностью разрушено. В яме найдены обломки сосуда (рис. 10, 6).

Погребение 5 располагалось в 5,7 м от центра. На дне ямы в ее ЮЗ части *in situ* находились кости ног в положении скорченно на правом боку.

Погребение 6 являлось ямой-кенотафом и располагалось за пределами кургана на расстоянии 11,5 м к ЮВ от его центра. В заполнении почти всю яму перекрывала каменная плита, под которой на дне стоял сосуд без дна (рис. 10, 7).

Погребение 7 находилось в 8 м к ЮВ от центра. Оно также являлось кенотафом. На дне ямы в ее северо-восточной части найден сосуд (рис. 10, 8).

Погребение 8 располагалось в 6–7 м к ЮВ от центра. На дне лежал скелет ребенка плохой сохранности, на левом боку, сильно скорченно, головой на СЗ. Вещей нет.

Погребение 9 находилось в 7 м к ЮВ от центра. Оно было полностью ограблено.

Погребение 10 (рис. 11, 4) располагалось в 7–8 м к ЮВ от центра. В заполнении зафиксировано перекрытие из 4 каменных плит. На дне ямы лежал скелет взрослого человека, скорченно, на левом боку, головой на СВ. За головой, вдоль стенки, стояли три глиняных сосуда (рис. 11, 5–7). Вокруг шеи обнаружено ожерелье из бус цилиндрической формы, изготовленных из стекловидной пасты серого цвета (73 бусины).

Погребение 11 (рис. 12, 1) располагалось в 3 м к ЮВ от центра. Костяк взрослого человека лежал скорченно, на левом боку, головой на СВ, на тонком слое меловой подсыпки. На его запястьях обнаружены 2 бронзовых браслета, изготовленных из овальной в сечении проволоки с заостренными концами. За головой по углам ямы стояло два сосуда (рис. 12, 3–4).

Погребение 12 относилось к типу кенотафов. На дне ямы в СВ углу стоял сосуд баночной формы, на венчике которого обнаружен кусочек медного шлака (рис. 12, 5–6).

Погребение 13 располагалось в 11 м к ЮЗ от центра. Яма оказалась кенотафом без инвентаря. В заполнении находились 3 крупных плиты, поставленных вдоль стен наклонно, верхние концы камней находились на уровне материка, нижние — на дне ямы (рис. 12, 7).

Погребение 14 располагалось в 10,7 м к ЮЮЗ от центра. В заполнении обнаружено две каменные плиты, перекрывавшие костяк ребенка, лежавшего скорченно на левом боку, головой на ССВ. Сохранность скелета неполная. Между черепом и стенкой ямы стоял сосуд (рис. 12, 8–9).

Погребение 15 находилось в 6,7 м к ЮЗ от центра и являлось кенотафом. В северо-восточной части ямы стояли два сосуда (рис. 12, 10–12).

Погребение 16 (рис. 13, 1) обнаружено в 8,5 м к ЮЮЗ от центра кургана. На дне ямы находился скелет ребенка без костей ног. Он лежал на правом боку головой на С, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Дно посыпано золой. В золе за спиной погребенного находились две кости овцы и каменный диск с просверленным в центре отверстием (рис. 13, 2), за головой — два сосуда (рис. 13, 3–4).

Погребение 17 находилось в 8,8 м к ЮЗ от центра. В заполнении обнаружено перекрытие из крупной каменной плиты. Под ним на дне ямы стоял сосуд (рис. 13, 5). Погребение относится к типу кенотафов.

Погребение 18 выявлено в 5,5 м к З от центра. На дне обнаружен скелет ребенка в позе скорченно на левом боку, головой на СВ. За головой у стенки ямы стоял сосуд (рис. 13, 6).

Погребение 19 (рис. 13, 7) располагалось в 5 м к ССВ от центра. Оно перекрывалось могильным выходом из погребения 1. На дне ямы лежал скелет взрослого человека скорченно на правом боку, головой на СВ. Грудная клетка разрушена грызунами, ее кости найдены в заполнении ямы. Погребение безынвентарно.

Погребение 20 (рис. 13, 8) выявлено в 5 м к ЮЗ от центра. Вдоль длинных стен ямы стояли две плиты из камня. Между ними на дне ямы находился

скелет подростка скорченно на левом боку головой на СВ. Перед грудью лежала кость овцы, за головой у стенки ямы стояли два сосуда (рис. 13, 9–10).

Погребение 21 (рис. 14, 1) располагалось в 3 м к Ю от центра кургана. Помимо сплошного перекрытия из камня на уровне погребенной почвы аналогичное перекрытие находилось и в заполнении ямы. Под ним, на дне ямы, лежал скелет взрослого человека в позе скорченно на левом боку, головой на С. За головой у стенки ямы стояли два сосуда (рис. 14, 2, 5).

Погребение 22 (рис. 13, 11) находилось в 4 м к СЗ от центра. На дне ямы лежал скелет взрослого человека на правом боку, головой на СВ. Ноги были сильно согнуты в коленях и прижаты к животу. Руки, согнутые в локтях, покоились между ногами и грудной клеткой погребенного, кисти перед лицом. У шейных позвонков обнаружен бронзовая подвеска из проволоки, круглой в сечении (рис. 13, 12).

Погребение 23 (рис. 14, 4) располагалось в центре кургана. На дне ямы находился скелет взрослого человека в позе скорченно на левом боку, головой на С. Руки были прижаты к груди. Череп или его обломки в яме не были обнаружены, видимо, он был отчленен перед захоронением. В СВ углу ямы, за «головой» погребенного стоял сосуд (рис. 14, 6), обломки другого сосуда обнаружены в заполнении ямы (рис. 14, 3).

Погребение 24 было ограблено. Все кости взрослого человека без анатомического порядка находились в северо-восточной части ямы.

Погребение 25 располагалось в центральной части кургана в 0,5 м к З от нуля. Яма являлась самой крупной по своим размерам. На ее дне лежал скелет взрослого человека, скорченно, на левом боку, головой на СЗ. За головой погребенного стоял сосуд (рис. 14, 7–8).

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Таким образом, из 9 курганных насыпей могильника Уранбаш вскрыто 7 курганов. Они отличаются как по своим размерам, так и по количеству обнаруженных в них захоронений. Строение насыпей и их структура идентичны во всех исследованных объектах. Всего исследовано 59 погребений.

Самый крупный в могильнике *КУРГАН 1*. Выявленное в нем единственное захоронение относится к типу кенотафов. Хотя оно безынвентарно, но по всем своим характеристикам может быть отнесено к ямной культуре (наличие охры,

форма и ориентировка ямы и др.) и, таким образом, может быть датировано в пределах III тыс. до н. э. Более точная хронологическая позиция не определяется из-за отсутствия погребального инвентаря.

Остальные курганы достаточно определенно связываются с населением срубной культуры и относятся к периоду поздней бронзы. В некоторых из них под насыпями находилось от 1 до 3 погребений, в других — от 10 до 25 погребений (№№ 4, 8, 9). При этом курганы с малым числом захоронений отличались и более крупными размерами. Все насыпи однородны по своей структуре, случаев ее нарушения могильными ямами или более поздних подсылок не зафиксировано, что позволило сделать вывод о их одновременном сооружении. Все замеченные могильные выкиды лежали на погребенной почве.

Погребения располагались компактными группами. Над большинством из них на уровне погребенной почвы отмечены горизонтально положенные плиты известняка или песчаника. Перекрытия из камня встречались и в заполнениях ряда погребений. Деревянные сооружения не характерны для данного могильника.

Могильные ямы в плане имели, в основном, прямоугольную форму со скругленными углами, реже овальную. Очертания могильных ям часто нарушались норами грызунов. Стенки всех могил отвесные, дно плоское. В редких случаях на дне ям встречались следы органических подстилок, иногда подсыпка золой.

Положение большинства погребенных стандартно: на левом боку, скорченно, с подогнутыми ногами, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом или прижаты к груди. Головой все погребенные были ориентированы на СВ. По линии ЮЗ — СВ были ориентированы и все ямы-кенотафы. Ориентировка погребенных на В зафиксирована 5 раз, на С — 5, на СЗ — 2. В кургане 8 обращает на себя внимание наличие 5 захоронений, в которых скелеты находились в положении скорченно на правом боку, причем в погребении 22 ноги погребенного были сильно подогнуты и прижаты к животу, грудной клетке и к согнутым между ними костями рук. В погребении 1, где скелет был ориентирован головой на В, зафиксировано деревянное перекрытие. Могильный выкид из этой ямы перекрывал погребение 19, в котором скелет также находился в правобочном скорченном положении. Следует заметить, что уранбашские курганы, в сравнении с другими подобными памятниками срубной культуры Оренбуржья и соседних областей, отличаются также наличием значительного числа погребений-кенотафов и погребений с расчлененными костями; соответственно 12 и 9 погребений.

Почти во всех могилах обнаружен погребальный инвентарь, состоящий из глиняных сосудов, изредка из бронзовых украшений в виде браслетов или височных подвесок. Сосуды, как правило, располагались за головой погребенных, вдоль стенок ям.

КЕРАМИКА

Все сосуды изготавливались вручную, из глины, в которую, в основном, добавлялись шамот и органика (навоз животных), иногда дробленая раковина, кость или древа. В пяти случаях в качестве отощителя использовалась толченная медная руда (примеси в большинстве случаев определялись при помощи микроскопа по методике А. А. Бобринского). Обжиг сосудов костровой. Цвет посуды — серый или коричневатый. Поверхность, в основном, неровная, бугристая, но имеется и посуда с примесью мелко истолченного шамота и органики, тонкостенная, с хорошо заглаженной поверхностью, иногда покрытая лощением.

По форме сосуды подразделяются на две группы: горшковидные и баночные.

Горшковидные — 40 экземпляров (табл. 2), среди которых 9 острореберных, 9 сосудов с уступчиком при переходе от шейки к тулову, остальные с плавно профилированной горловиной. В глине преобладает примесь шамота, в 5 сосудах примесь толченой раковины, в 3 зафиксированы мелкие кусочки руды. Сосуды имеют приземистую форму, их высота близка диаметрам горловин или значительно меньше их. Днища плоские, иногда выделены поддоном. Толщина стенок от 0,4 до 1 см, днища более толстые — от 1 до 2,5 см. Большая часть горшковидных сосудов украшена. Для нанесения узоров использовался гребенчатый штамп с мелким или средней величины зубцом, прочерченная техника, а также, в сочетании с ними, вдавления треугольной или овальной формы. В одном случае в сочетании с мелкозубчатым штампом применены оттиски полой палочки. Чаще всего орнаментальные композиции составлялись из горизонтально расположенных параллельных линий в сочетании с заштрихованными треугольниками, зигзагами и другими геометрическими фигурами.

Банки (30 экземпляров) подразделяются на сосуды с прикрытым и открытым верхом. В глине преобладают примесь шамота, отмечены также примеси органики, дробленой ракушки, песка, дресвы. В двух случаях зафиксированы кусочки медной руды. Размеры сосудов различные. Обычно диаметр горловины равен или приближен к

высоте изделий. Днища плоские, их диаметр равен половине или двум третям диаметра горла. Баночные сосуды редко орнаментировались. Узоры наносились по верхней части тулова крупнозубчатым штампом, прочерченными линиями или овальными вдавлениями (табл. 3).

Таким образом, материалы курганов у с. Уранбаш свидетельствуют о том, что могильник функционировал в период поздней бронзы и оставлен населением развитой срубной культуры. Более архаичными представляются погребения кургана 8. В некоторых погребениях, совершенных по обряду срубной культуры, найдены сосуды с признаками алакуль-

ской культуры, что характерно и для многих других памятников данного периода в Оренбуржье (Сальников, 1950; Федорова – Давыдова, 1973; Моргунова, Порохова, 1989; Моргунова, 1996; Халяпин, 1998).

Видимо, курганы были оставлены рудокопами, что подтверждается близостью могильника к древним шахтам Каргалинских рудников и наличием примеси толченой медной руды в глине найденных сосудов. Необычно высокий в сравнении с другими памятниками срубной культуры процент кенотафов и расчлененных погребений, возможно, также указывает на связь данного памятника с горняками-срубниками позднего бронзового века.

Список литературы

- Моргунова Н. Л., 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. I. Оренбург.
- Моргунова Н. Л., Порохова О. И., 1989. Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж.
- Сальников К. В., 1950. Срубно-андроновские курганы у с. Погромное // СА. XIII.
- Федорова-Давыдова Э. А., 1973. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Халяпин М. В., 1998. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург.

Таблица 1. Погребальный обряд могильника Уранбаш

№ кур.	№ погр.	Могильная яма				взрослое	детское	керамика		металл и др.	
		размеры (см)	глуб. мат./нуль	прямоуг.	овальн.						
1	1	130x200	193/346	+	-	-	-	-	-	-	
2	1	130x175	53/165	+	-	+	-	1	1	-	
	2	-	-	-	-	-	+	1	1	-	
3	1	155x220	80/191	+	-	+	-	-	1	-	
	2	115x210	80/191	+	-	+	-	1	-	1	
	3	85x131	98/209	+	-	-	+	1	-	3	
4	1	75x140	58/145	+	-	-	-	1	4	-	
	2	77x120	25/128	+	-	-	+	1	-	1	
	3	85x120	40/130	+	-	+	-	-	-	-	
	4	70x125	52/132	+	-	-	+	1	-	-	
	5	80x140	32/117	+	-	+	-	1	-	1	
	6	60x105	45/126	+	-	-	+	-	-	-	
	7	65x116	66/136	+	-	+	-	-	-	-	
	8	95x155	57/139	+	-	+	-	-	-	-	
	9	90x150	12/92	+	-	+	-	-	-	-	
	10	80x120	45/130	+	-	-	+	1	-	-	
6	1	83x225	104/132	+	-	+	-	-	-	-	
9	1	48x85	10/123	-	+	-	-	-	2	-	
9	2	65x135	80/130	+	-	+	-	1	1	-	
	3	50x75	14/114	-	+	-	-	-	1	-	
	4	150x198	65/205	+	-	+	-	1	-	-	
	5	160x186	50/151	+	-	+	+	1	-	-	
	6	97x122	27/143	-	+	-	+	2	-	2	
	7	102x198	26/146	+	-	+	+	1	-	-	
	8	73x110	60/175	+	-	-	-	-	1	-	
	9	40x85	15/127	+	-	-	+	1	-	2	
	10	53x117	42/153	+	-	-	+	1	1	-	
	11	44x102	28/158	+	-	-	+	1	-	-	
	12	52x95	25/138	+	-	-	+	2	1	-	
	13	65x111	11/141	+	-	-	+	1	-	-	
	14	60x93	14/127	-	+	-	+	1	-	-	
	15	70x140	42/158	+	-	-	+	2	-	-	
	16	55x119	28/158	+	-	-	+	1	-	-	
17	74x125	15/120	-	+	+	-	-	1	-		
8	21	92x156	65/175	+	-	+	-	-	2	-	
	22	83x126	120/220	+	-	+	-	-	-	1	
	23	93x163	80/185	+	-	+	-	1	1	-	
	24	83x140	50/158	+	-	+	-	-	-	-	
	25	173x225	105/210	+	-	+	-	1	-	-	
	8	1	104x201	140/243	+	-	+	+	1	1	-
		2	65x88	23/122	-	+	-	-	-	1	-
3		120x187	100/203	+	-	+	-	3	-	-	
4		100x67	28/130	-	+	-	+	-	1	-	
5		86x162	87/209	+	-	+	-	-	-	-	
6		65x90	28/127	-	+	-	-	-	1	-	

Таблица 1. (Продолжение)

№ кур.	№ погр.	Могильная яма				взрослое	детское	керамика		металл и др.
		размеры (см)	глуб. мат/нуль	прямоуг.	овалы.					
	7	42x90	20/120	-	+	-	-	-	1	-
	8	71x99	28/134	+	-	-	+	-	-	-
	9	65x92	25/123	-	+	-	-	-	-	-
	10	95x155	95/197	+	-	+	-	2	1	-
	11	82x141	70/173	+	-	+	-	1	1	2
	12	61x96	26/126	+	-	-	-	-	1	-
	13	54x83	60/165	+	-	-	-	-	-	-
	14	57x86	70/173	+	-	-	+	-	1	-
	15	50x90	20/120	+	-	-	-	1	1	-
	16	89x132	90/194	+	-	-	+	2	-	камен. диск. пряс.
	17	67x98	45/158	+	-	-	-	-	1	-
	18	65x92	30/135	+	-	-	+	-	1	-
	19	89x126	90/193	+	-	+	-	-	-	-
	20	95x155	50/156	+	-	-	+	1	1	-

Таблица 2. Горшковидные сосуды могильника Уранбаш

К/П/е	Горшковидные			Примеси				Размеры Dг/Dдн/Н	Расчесы	Техника орнаментации				Др. приемы	
	проф.	острор.	уступ	шамот	раст.	раковина	древса			руда	мелкозубч.	крупнозубч.	процеч.		вдавлен
2/1/1			+	+	+				22/10,6/21	+				поддон	
2/1/нас.			+	+					16/9/18	--					
3/2	+		+	+								+			
3/3			+	+					13/13/19				+		
4/нас			+	+					12/6,4/10,5	+					
4/1/1		+				+			13/7,5/11,2	--				лощение	
4/2		+		+					14/8,8/14	+					
4/4				+					18/8,4/16,6	--				лощение	
4/10				+		+	микр		18/8,6/18,8				+		
8/1/2			+		без видимых примесей				17,5/9,8/17,6	+		+	+	лощение	
8/3/1			+	+		+			20,9/9,7/18	+					
8/3/2				+			+		--/9,8/--						
8/3/3			+			+			25,7/--/--	+				лощение	
8/6							пес		13,3/--/--				+	+	
8/10/2		+					пес		16/7,5/11	+			+	спл. орнам.	
8/10/3		+					пес		18/8,2/13,8	+			+	лощение	
8/11/1			--						15,7/9,6/16,8	+					
8/15/2		+		не определяется					11,9/7/11,5	нет					
8/16/1		+		не определяется					17,5/8,2/13	+			+		
8/16/2				не определяется					13,2/6,5/9,3		+				
8/20/1			+	не определяется					13,6/6,8/12,8	+			+	заглаж.	
8/28/2			+						20,4/9,2/18,2	+	+				

Таблица 2. (Продолжение)

К/П/с	Горшковидные			Примеси				Размеры Дг/Дди/Н	Расчесы	Техника орнаментации				Др. приемы
	проф.	острор.	уступ	шамот	раст.	раковина	древса			руда	мелкозубч.	крупнозубч.	процрч.	
8/23/2				+					20,4/9,2/18,2	+	+			
8/25			+				+		18,3/7,9/13,7		+		+	лощение
9/2/1	+				не определяется				15,8/8,5/16,5			+		
9/4	+				не определяется				18,3/11/19,2			+		
9/5/1		+			+		+	микр	18,8/12/19		--			
9/5/2		+			+	+		микр	24,3/9,7/25,6		--			
9/6/1	+				не определяется				15,2/8,2/13,3		--			
9/6/2	+			+				+	15,5/9/10,6		+		+	
9/7	+			+		+			22,8/--/--				+	
9/9	+			+				микр	14,7/7,5/13,2				+	
9/10	+			+					22/13/25		--			
9/11	+			+					12/10/11,2				+	+
9/12/1			+	+					17,6/9,2/14,4				+	лощение
9/12/3	+			+					15,3/8,8/12,4		--			заглаж
9/13	+			+					15,5/8,8/14,8		+			
9/14	+			+					13,5/9,3/14				+	вал. на шейке
9/15/1		+			песок				18/10,8/16,7		+			
9/15/2	+				дробл. кость				18/10,5/16				+	
9/16	+			+					16,6/10,3/14		+	+		валики

Таблица 3. Сосуды баночной формы могильника Уранбаш

К/П/с	Банки		Примеси					Размеры Дг/Дди/Н	Расчесы	Техника орнаментации				
	откр.	закр.	шамот	раст.	раковина	древса	руда			песок	мелкозубч.	крупнозубч.	процрч.	вдавлен.
2/1/2		+	+			+			24/12/26				+	
2/2/1		+	+						12/8,4/12				+	+
3/1		+	+						20/13/21		-			
4/1/2		+	+		+				16/10/15		-			
4/1/3	+		+						13/6,6/10		-			
4/1/4	+		+						11,2/8,4/12,5		-			
4/1/5		+	+						10/7/11	+	-			
8/2	+		+						13,6/7,7/9,3	+		+		
8/1/1	+		+				+		13,6/9,1/14,2	+		+		
8/4	+							+	--					
8/7	+		+						14,5/8,5/10,2					+
8/6/1	+							+	13,4/7,5/10,5				+	
8/11/2	+		-						16,6/9,2/14,6					
8/12		+	+		+	+			12,2/7,2/12,6	+			+	
8/14	+		+						10,5/8/9,5		-			
8/15/1	+							+	12,5/8,3/12,6				+	
8/17	+	+	+						15,4/8,4/14		+			+

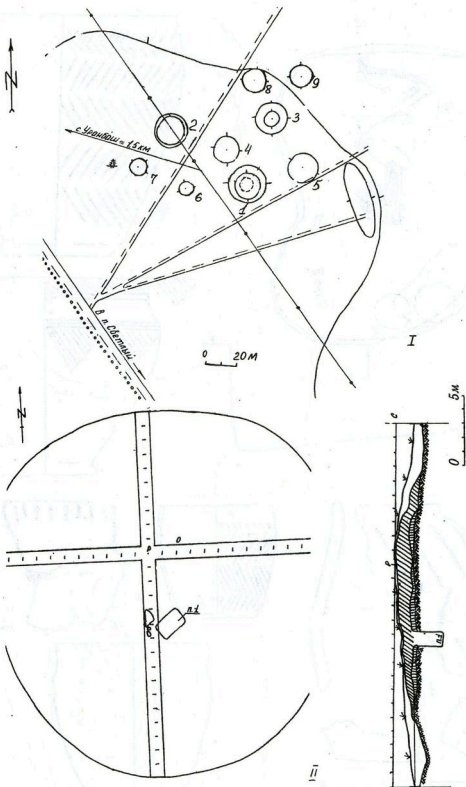
Таблица 3. (Продолжение)

К/П/с	Банки		Примеси					Размеры Dг/Дли/Н	Расчета	Техника орнаментации				
	отр.	закр.	шамот	раст.	раковина	древса	руда			песок	мелкозубч.	крупнозубч.	прочерч.	вдавлен.
8/18	+		+							14/9/13	-			
8/20/2	+		+							14/7,4/11	-			
8/21/1	+									17,2/9,8/17,5	-			
8/21/2		+								15,4/9,5/16	-		+	
8/23/1	+		+							17,3/9,4/15		+		+
9/1/1										--/7,5/--	-			
9/1/2	+									11,3/7/9	-			
9/2/2	+		+							13,4/8,3/12,5			+	
9/3	+									11,5/6,6/8,2				+
9/8	+		+							11,9/7,2/9,7			+	
9/10/2		+	+	+						20,3/12,2/22,3	+			
9/12/2		+	+							12,6/7,8/13,2	-			
9/17		+	+							13,3/8,5/17,4	-			

Подписи к рисункам

- Рис. 1 Могильник Уранбаш
 Рис. 2 Могильник Уранбаш
 Рис. 3 Могильник Уранбаш
 Рис. 4 Могильник Уранбаш
 Рис. 5 Могильник Уранбаш
 Рис. 6 Могильник Уранбаш. Курган 9
 Рис. 7 Могильник Уранбаш. Курган 9

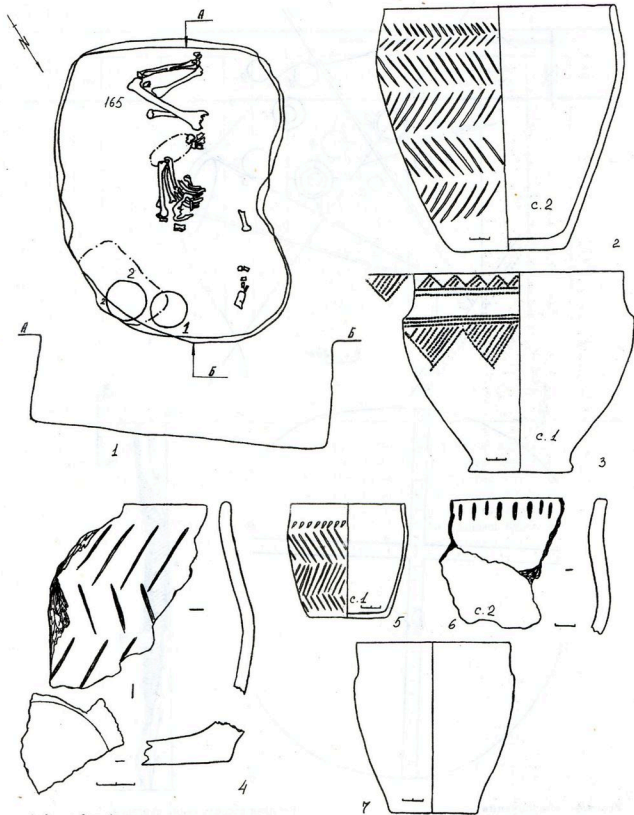
- Рис. 8 Могильник Уранбаш. Курган 9
 Рис. 9 Могильник Уранбаш. Курган 9
 Рис. 10 Могильник Уранбаш. Курган 8
 Рис. 11 Могильник Уранбаш. Курган 8
 Рис. 12 Могильник Уранбаш. Курган 8
 Рис. 13 Могильник Уранбаш. Курган 8
 Рис. 14 Могильник Уранбаш. Курган 8

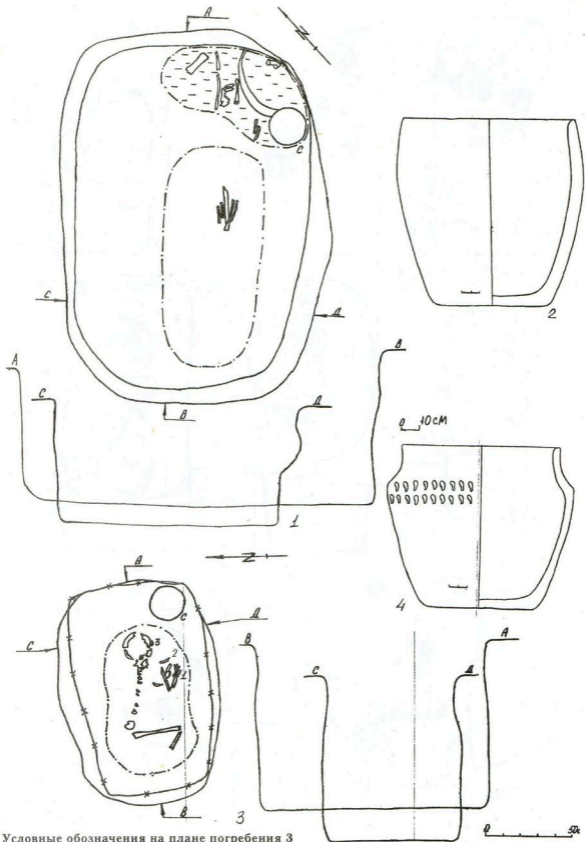
Условные обозначения

- дун
- насыпь
- погребенная почва

I - план расположения курганов
II - план и профиль кургана I

- 1-3 - к. 2, п. 1;
 4 - к. 3, п. 2;
 5-6 - к. 2, п. 2;
 7 - к. 2, насыпь

Условные обозначения на плане погребения 3

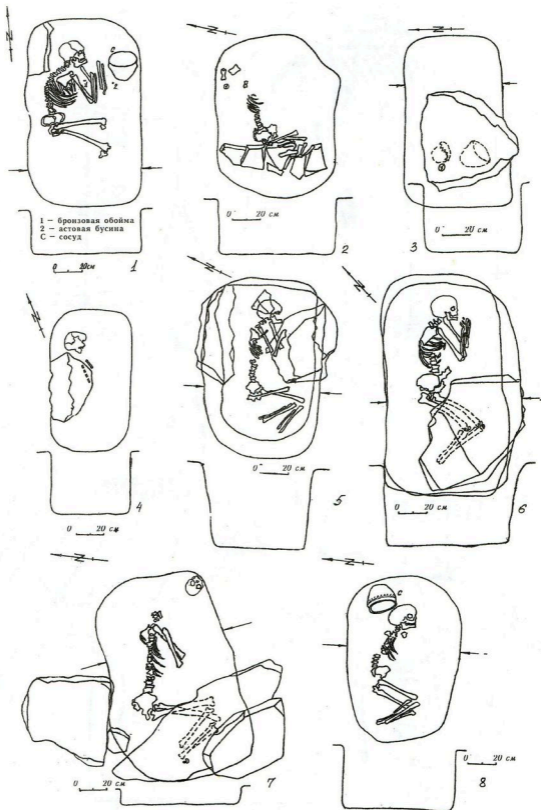
1, 2 - два медных браслета;

3 - медная подвеска;

С - сосуд из глины

1, 2 - к. 3, п. 1;

3, 4 - к. 3, п. 3.

1 - к. 4, п. 5; 2 - к. 4, п. 3; 3 - к. 4, п. 4;

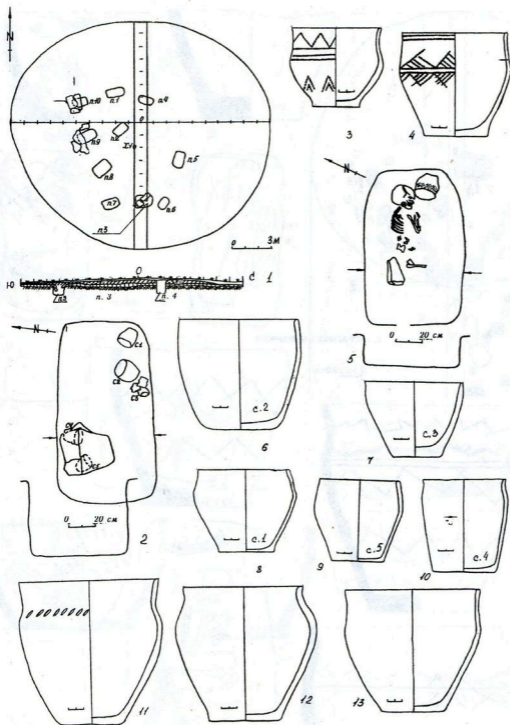
4 - к. 4, п. 6; 5 - к. 4, п. 7; 6 - к. 4, п. 8;

7 - к. 4, п. 9; 8 - к. 4, п. 10;

п. 3 - I - кости лошади;

п. 4 - I - кости черепа ребенка.

Рис. 4

1 - план и профиль кургана 4;

2, 6-10 - к. 4, п. 1;

3 - к. 4, насыпь, x1 на плане;

4, 5 - к. 4, п. 2;

11 - к. 4, п. 10;

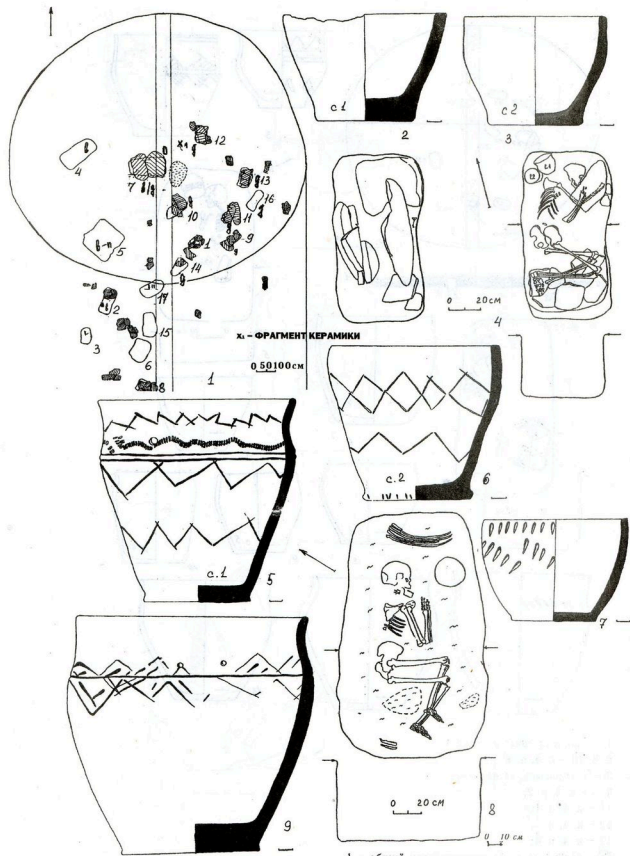
12 - к. 4, п. 5;

13 - к. 4, п. 4;

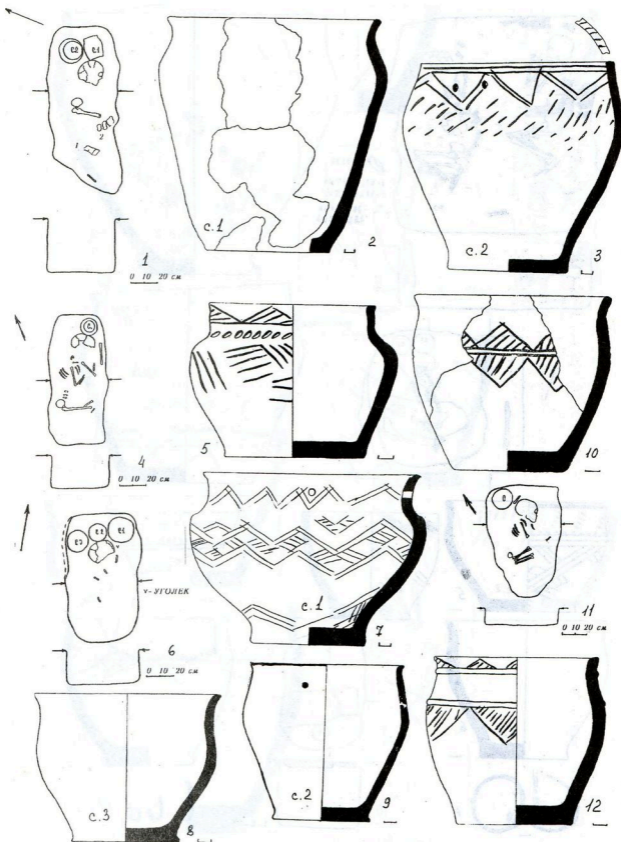
⊗ - бронзовая подвеска из п. 2.

<http://kraeved.opck.org>

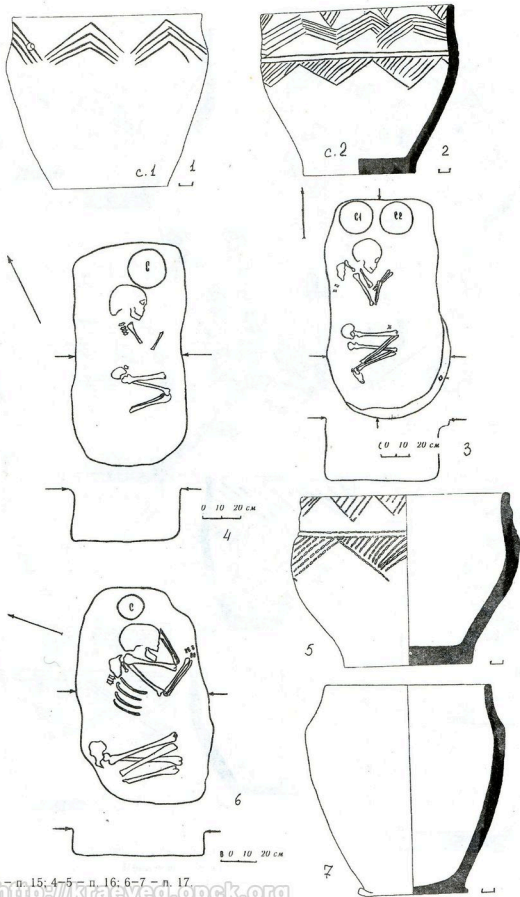
История Оренбуржья Рис. 5

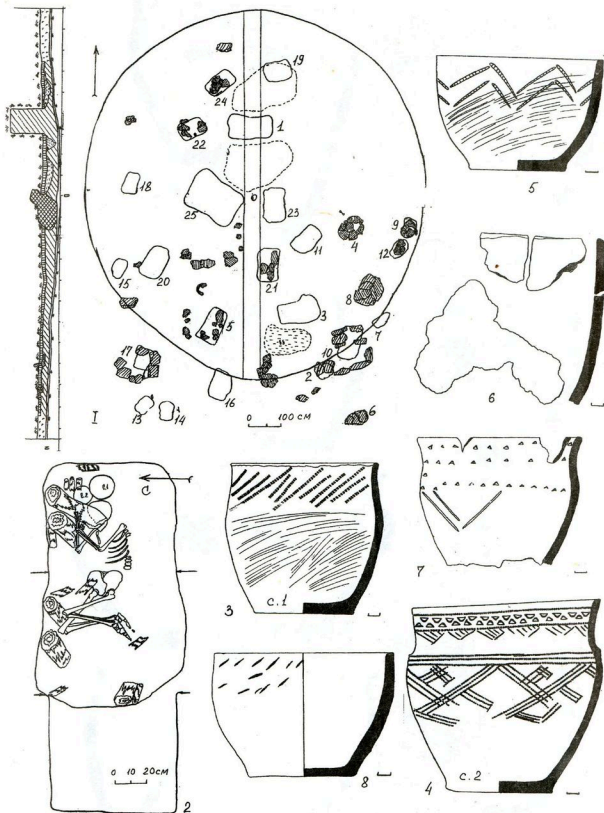
1 - общий план кургана;
2, 3 - п. 1; 4-6 - п. 2; 7 - п. 3; 8, 9 - п. 4.

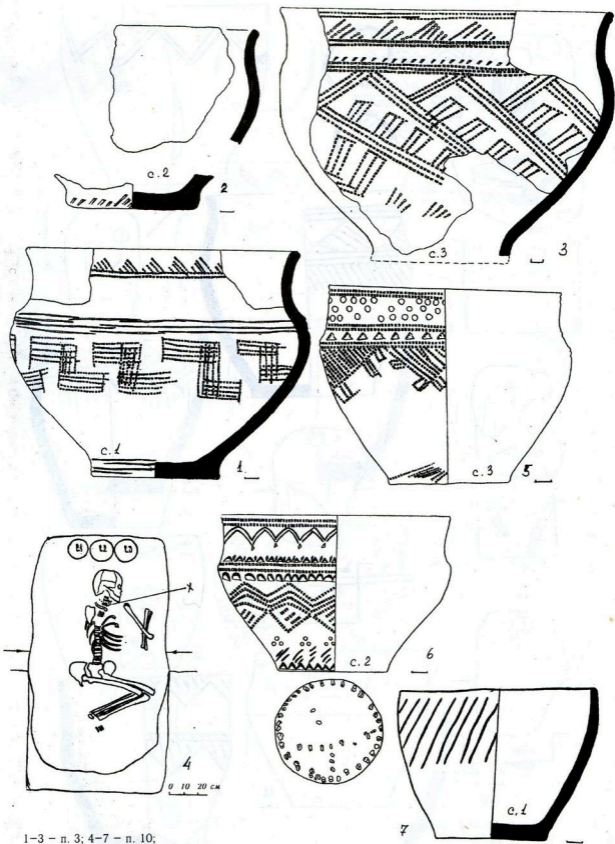
1-3 - н. 10; 4-5 - н. 11; 6-9 - н. 12;
10 - н. 13; 11-12 - н. 14.

1-3 - п. 15; 4-5 - п. 16; 6-7 - п. 17.

1 - общий план и профиль кургана 8;
 2, 3, 4 - погребение 1; 5 - п. 2; 6 - п. 4;
 7 - п. 6; 8 - п. 7.

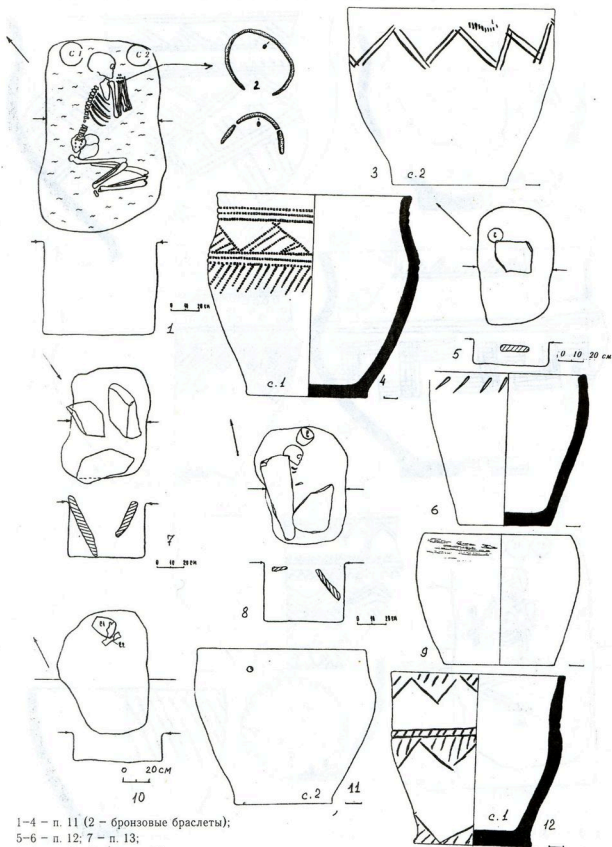

1-3 - п. 3; 4-7 - п. 10;

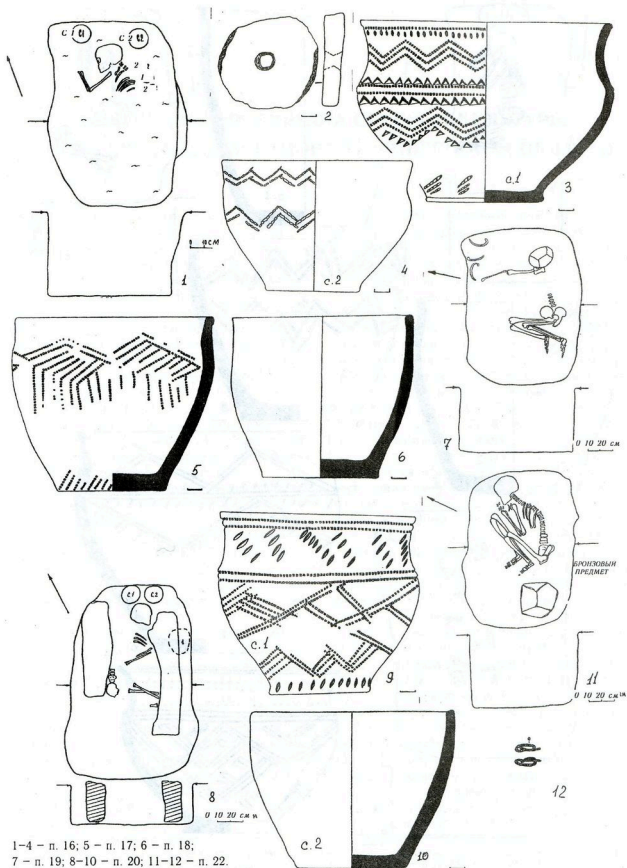
X - пастовые бусы.

<http://kraeved.opck.org>
История Оренбуржья

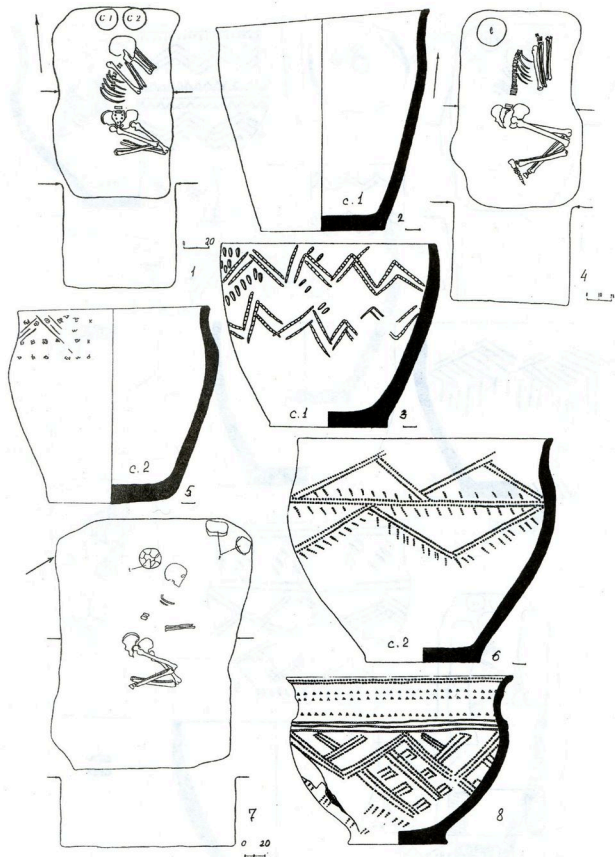
Рис. 11

1-4 - п. 11 (2 - бронзовые браслеты);
 5-6 - п. 12; 7 - п. 13;
 8-9 - п. 14; 10-12 - п. 15.

1-4 - п. 16; 5 - п. 17; 6 - п. 18;
7 - п. 19; 8-10 - п. 20; 11-12 - п. 22.

1, 2, 5 - н. 21; 3, 4, 6 - н. 23; 7, 8 - н. 25.

<http://kraeved.orck.org>
История Оренбуржья

Рис. 14

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В БУГУРУСЛАНСКОМ РАЙОНЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Территория Бугурусланского района, расположенная в лесостепной зоне между Волгой и Уралом, в археологическом плане изучена слабо. Известно, что в 1910 году археолог-любитель В. Толмачев начал раскопки курганной группы, состоящей из 62 разновременных курганов у села Александровка¹, где в настоящее время, на окраине города Бугуруслана, находится взлетная полоса Бугурусланского аэродрома. В 30–40-е годы геологическое и археологическое обследование района проводил директор Бугурусланского краеведческого музея А. Л. Аниховский, который выявлял и описывал все объекты и находки, связанные с древней историей края, раскапывал разрушающиеся памятники. В 1978 году при пожаре музея большая часть археологической документации и экспонатов была утрачена.

В 1992 году по заданию Бугурусланского краеведческого музея авторами статьи были произведены раскопки одного кургана, находящегося в аварийном состоянии.² Результаты исследования показали принадлежность некрополя к срубной культуре бронзового века. На фоне интенсивного изучения срубной культурно-исторической общности на сопредельных территориях была очевидной необходимость получения доброкачественных материалов по эпохе бронзы из северо-западных районов Оренбуржья. Тем более, что в фондах музея насчитывалось всего 13 случайно найденных предметов, относящихся к срубной культуре: десять бронзовых серпов, глиняный диск-грузило, обломок каменного шлифованного топора бородинского типа и бронзовый двулезвийный нож с намечающимся перекрестием и ромбовидным навершием. Керамика представлена сборами с поверхности поселения. Раскопки кургана № 3 Алексеевского курганного могильника положили начало новому этапу в археологическом изучении Бугурусланского района.

Алексеевский курганный могильник находится в 30 км к северо-северо-востоку от города Бугуруслана, в 2 км к западу от юго-западной окраины села Алексеевка Аксаковского сельсовета, у перекрестка дорог Бугуруслан – Северное – Дмитриевка – Алексеевка. Местность, на которой расположены курганы, представляет собой водораздел рек Савруши и Большой Бугурусланки. Здесь чередуются поля и лесные массивы (рис. 1). Могильник состоял из трех курганов, которые находились в северной части большого распахиваемого поля в виде неровной цепочки по линии запад – восток. Их выпуклые, округлые в плане насыпи имели диаметр 27–46 м, высоту 1,0–2,2 м. Через южную полу кургана № 3 проходила грунтовая дорога в село Алексеевка, по этой причине насыпь была повреждена глубокими колеями и весь курган имел асимметричную форму. Северная половина кургана находилась на поле и распахивалась. Курган имел следующие размеры: диаметр 27,0 x 22,6 м, высоту 1,2 м от современной поверхности (рис. 2, 1). Снятие насыпи проводилось с помощью бульдозера траншеями, бровки были оставлены по линии север – юг. Курган имел следующую стратиграфию: пахотный слой – 0,25–0,35 м; древняя насыпь кургана – сильно гумусированный темно-серый суглинок, достигавший в центральной части 0,75 м; погребенная почва – буро-коричневый гумусированный суглинок – 0,5 м; материк – оранжевая глина. На погребенной почве зафиксированы могильные выкиды, состоящие из прослоек черного гумуса толщиной до 0,25 м и оранжевой глины толщиной до 0,2 м. Общая мощность слоев кургана от материка до нулевой отметки – 1,5 м. Стратиграфические наблюдения позволяют утверждать, что курган сооружался в один прием (рис. 2, 2).

В 5 м к северо-западу от центра кургана (условный 0) на глубине 0,43 м был обнаружен мо-

¹ Итоги исследований В. Толмачева в Бугурусланском районе опубликованы в брошюре «Курганы близ г. Бугуруслана» в 1910 году и в «Известиях императорской комиссии» в 1914 году.

² Материалы раскопок кургана № 3 Алексеевского курганного могильника хранятся в фондах Бугурусланского краеведческого музея.

гильный выкид, состоящий из оранжевой глины и имеющий подпрямоугольную форму. Размеры выкида 1,95 x 2,75 м, мощность 0,2 м. В профиле ВВ' глиняный выкид залегал на прослойках черного гумуса. Причем в одну мощную линзу оранжевой глины слились выкиды из двух погребений: северный выкид погребения 1 и выкид из погребения 2. Южный выкид из погребения 1 фиксировался в профиле ВВ', а в плане виден нечетко – пятнами.

Погребение 1 (рис. 3, 1) находилось в 4,3 м к западу от центра кургана на глубине 1,35 м от нулевой отметки. Очертания могильной ямы были зафиксированы на материке и имели подпрямоугольную форму с закругленными углами и слегка расширенной южной частью. Яма имела длину 1,8 м, ширину 1,35 м, глубину от уровня материка 0,61 м и была ориентирована по линии север – юг. При расчистке могильной ямы в ее заполнении – темно-сером суглинке, перемешанном с желтыми глиняными включениями, – встречались небольшие деревянные плашки. На глубине 1,83 м от нуля на всей поверхности могилы был зафиксирован слой белого органического тлена мощностью 1,5 см, состоящего из слежавшихся волокон. Вероятно, это было покрывало из травы (?). Ниже, на глубине 1,95 м от нуля, в северо-западном углу ямы был найден кусок охры диаметром 16 см. Под ним, на глубине 1,96 м от нуля, были обнаружены сильно пережженные кости человека. Скопление костей и золы лежало округлой кучкой диаметром 0,3 м на слое темно-красной охры, обильно покрывающей все дно могильной ямы. Мощность охристого слоя – 2,0–2,5 м. Возможно, что пережженные кости человека находились в кожаном мешке или плетеном лукошке, который истлел, а скопление сохранило округлую форму. В центре могильной ямы стоял сосуд, а возле него вплотную друг к другу лежали 10 ребер животного.

Сосуд (рис. 3, 2), диаметром 17,2 см, высотой 16 см, изготовлен из глиняного теста с примесью мелкотолченой раковины. Цвет сосуда – светло-коричневый с темными пятнами нагара от кострового обжига. Поверхности заглажены, местами видны следы штриховой зачистки. Форма сосуда горшковидная с выпуклыми боками, венчик слегка отогнут наружу. Орнамент, покрывающий верхнюю половину сосуда, нанесен гладким штампом и углом этого штампа в виде вдавлений овальной формы. Композиция представляет собой зигзаг с бахромой, расположенный между двумя полосами угловых оттисков.

Погребение 2 (рис. 3, 4) находилось в 6,2 м к северо-северо-западу от центра кургана, на глу-

бине 1,22–1,27 м от нуля. Могильная яма была зафиксирована на материке, имела прямоугольную форму с закругленными углами, длину 1,5 м, ширину 0,8 м, глубину 0,3 м от уровня материка. Яма была ориентирована по линии СВ – ЮЗ. Яма была заполнена темно-серым, почти черным гумусированным суглинком с мелкими кусочками дерева. На дне отмечен белый органический тлен (подстилка?) мощностью 1,5–2,0 см. Костяк мужчины 50–55 лет³ лежал в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток. Руки находились на уровне груди и нижней челюсти, ноги сильно согнуты в коленях. У рук погребенного стоял глиняный сосуд.

Сосуд (рис. 3, 3) – диаметром 16 см, высотой 8,6 см. Цвет сосуда коричневато-оранжевый с темными пятнами нагара. Поверхности заглажены, местами имеются следы горизонтальной круговой зачистки. Форма сосуда горшковидная, остроресберная, приземистая. Венчик отогнут наружу, дно подлеплено. Орнамент нанесен оттисками мелкозубчатого штампа, которые образуют наклонные полосы, зигзаг и треугольники вершинами вниз. Все три композиции разделены поясками штампа. Орнамент опускается ниже ребра сосуда.

Погребение 3 (рис. 3, 5) было обнаружено в 2,5 м к северо-востоку от центра кургана на глубине -1,55 м от нуля. Контуры могильной ямы выявлены на материковой глине в виде темного пятна подпрямоугольной формы со скошенным северо-восточным углом. Размеры ямы 1,45 x 0,83 м, глубина от уровня материка 0,2 м. Ориентировка по линии север – юг. В заполнении ямы, состоящем из пестроцветного желто-серого суглинка, обнаружены вертикально поставленные обломки деревянных плах длиной 3–12 см, толщиной 2–3 см. Больше ничего в яме не было. Очертания грабительского вкопа, прорезающего погребенную почву, прослежены на профиле АА'. Он имел размеры 1,3 x 1,4 м.

Следует отметить, что на профилях АА' и ББ', расположенных по обе стороны траншеи, где находилась могильная яма 3, расчищены куски деревянных плах мощностью 5–7 см, которые лежали на погребенной почве (один слой) и на материке (второй слой). Видимо, над ямой были сооружены деревянные перекрытия в два слоя.

В 11 м к юго-юго-западу от условного центра кургана на материке была обнаружена могильная яма 4. Вокруг ямы в радиусе 2,5 м на погребенной почве была обнаружена линза глиняного выкида мощностью 4–9 см. Тонкий слой выкида, залегающий отдельными оранжевыми пятнами, имел округлые очертания. После тщательного изуче-

³ Половозрастные определения антропологических материалов проведены аспирантом Института этнологии и антропологии РАН А. А. Хохловым, за что выражаем ему благодарность.

ния профиля ВВ' оказалось, что погребение 4 было совершенно не под насыпью кургана, а рядом с ней. Над могильной ямой 4, после захоронения, скорее всего, была воздвигнута земляная насыпь, которая в дальнейшем слилась с насыпью кургана. В противном случае могильный выкид не сохранился бы. Можно предположить также, что над могилой не сооружалась отдельная насыпь, а была произведена досыпка к основной насыпи кургана, так как промежуток времени между захоронениями был незначительным, досыпка на профиле не фиксируется. Обряд и керамика подтверждают единство всех погребений.

Погребение 4 (рис. 4, 1). Яма находилась на глубине 1,65–1,69 м от нулевой отметки. Контур ямы, зафиксированные на материке, имели прямоугольную форму с закругленными углами, размерами 1,55 x 1,85 м. Яма ориентирована по линии север – юг. В ее заполнении, состоящем из гумусированного с желтыми вкраплениями суглинка, была расчищена обугленная деревянная плаха, лежавшая поперек могильной ямы наклонно. Верхняя часть плахи опиралась на западный край ямы на глубине 1,76 м, нижний конец плахи лежал на коленных суставах погребенной женщины на глубине 2,48 м от нуля. Ширина плахи 25 см, толщина 3 см. В западной части ямы имелась небольшая наклонная ступенька шириной 12 см. В восточной части могильной ямы обнаружен костяк женщины 33–39 лет, ориентированный головой на север. Погребенная лежала вплотную к северной и восточной стенкам ямы, на левом боку, в скорченном положении. Кисти рук находились под лицевой частью черепа, ноги были согнуты в коленях, бедренные кости образовывали с тазовыми костями прямой угол. У коленных суставов были расчищены три крупных ребра лошади, которые упирались концами в стенку могилы. Под черепом погребенной, возле шейных позвонков, были найдены две височные подвески необычной формы. Около согнутых в локтях рук стоял сосуд 2, который лежал на боку. Подвески (рис. 5) изготовлены из бронзовой желобчатой пластины, обернутой золотой фольгой. Они имеют вытянуто-овальную форму и отличаются от классических подвесок в полтора оборота срубно-алакульского типа своеобразным оформлением одной из лопастей. Поверхность подвесок с лицевой стороны покрыта пуансонным орнаментом в виде полусферических выпуклин. Подвеска сделана в виде змеи, свернувшейся кольцами, с развернутым капюшоном. Высота подвески 5,4–5,6 см, толщина бронзовой пластины 1,8 мм, ширина 8,0–9,5 см.

Сосуд 1 (рис. 4, 2) слегка асимметричен, имеет диаметр 21,5–22,0 см, высоту 19,6 см. Изготовлен из глиняного теста с примесью шамота.

Цвет сосуда светло-коричневый с рыжими пятнами нагара. Поверхности заглажены, но имеются следы штриховой зачистки изнутри и снаружи. Сосуд имеет горшковидную форму со слегка отогнутым наружу венчиком. Орнамент нанесен отрисками зубчатого штампа и образует две линии горизонтального зигзага.

Сосуд 3 (рис. 4, 3), диаметром 19,5 см, высотой 20,0 см, изготовлен из глиняного теста с примесью шамота. Цвет сосуда светло-коричневый с незначительными следами нагара на стенках. Обе поверхности зачищены травой (?), а затем заглажены. Сосуд имеет баночную форму, вертикальные пропорции. Венчик плоско срезан. Дно сосуда подплетено. Поверхность без орнамента.

В восточной части кургана были выявлены еще два погребения и мощный могильный выкид из погребения 5. Выкид состоял из материковой оранжевой глины и имел подквадратную форму с округлой западной стороной. Расстояние от центра кургана до края выкида 7,75 м, мощность – до 0,1 м, глубина залегания от нуля – 0,7 м. В непосредственной близости от выкида было обнаружено погребение 5.

Погребение 5 (рис. 4, 4) находилось в 8 м к востоку-северо-востоку от центра кургана, на глубине 1,56–1,50 м от нуля. Очертания могильной ямы были выявлены на материковой глине и имели форму прямоугольника с закругленными углами, размерами 0,97 x 1,47 м, глубина ямы 0,42 м от уровня материка. Яма ориентирована по линии север – юг. В ее заполнении – темном гумусированном суглинке – встречались куски дерева. Погребенный мужчина 18–25 лет лежал на органической подстилке (траве?) и был посыпан охрой, следы которой зафиксированы на костях скелета и на полу могильной ямы. Подстилка представлена тленом серо-зеленого цвета толщиной 2 см. Слой охры под костяком имел мощность 1 см. Костяк лежал в скорченном положении на левом боку, головой на север. Кисти рук находились на уровне груди и нижней челюсти. Ноги согнуты в коленях, причем левая нога образует с позвоночником погребенного прямой угол, а правая слегка выпрямлена. У рук и коленей погребенного лежали на боку два сосуда.

Сосуд 1 (рис. 4, 5), диаметром 14 см, высотой 15 см, изготовлен из глиняного теста с примесью шамота. Цвет сосуда светло-коричневый с темными пятнами нагара. Обе поверхности зачищены, а затем заглажены. Зачистка проводилась в разных направлениях: на шейке сосуда полосы вертикальные, вдоль ребра – горизонтальные, подчеркивающие ребро, по всему тулову – вертикально-наклонные. Форма сосуда – горшковидная с выделенной шейкой и ребром в верхней части сосуда. Край

венчика уплощен. Орнамент небрежно нанесен на шейку сосуда оттисками крупнозубчатого штампа и его углом, образующим овальные вдавления. Композиция представлена зигзагом из длинных отпечатков и коротких оттисков между ними.

Сосуд 2 (рис. 4, 5), диаметром 15,3 см, высотой 16 см, изготовлен из глиняного теста с примесью шамота. Форма сосуда горшковидная, слабопрофилированная со слегка отогнутым наружу уплощенным венчиком. Вся поверхность сосуда покрыта черными пятнами нагара. Обе поверхности защищены травой (?) и заглажены. Дно сосуда подлеплено, на месте подлепа видны неровности и трещины. Орнамент нанесен, видимо, уголком гладкого штампа, местами слегка затерт. Орнаментальная композиция проста: под венчиком и по выпуклой части тулова нанесены полосы овалных коротких оттисков, поставленных наклонно.

Погребение 6 (рис. 4, 7) было найдено в 7,8 м к востоку-юго-востоку от центра кургана, на глубине 1,21 м от нуля, и фиксировалось не на материковой глине, а на уровне погребенной почвы. Только нижняя часть ямы на 0,1 м прорезала материк. Контуры могильной ямы были нечеткие, её заполнение отличалось чуть более темной окраской от погребенной почвы. Размеры могильной ямы 1,00 x 0,45 м, глубина дна 1,66 м от нуля. Яма ориентирована по линии север – юг. В могиле лежал ребенок в скорченном положении, головой на север, на левом боку, с согнутыми руками и ногами. Кости черепа и скелета плохой сохранности. Напротив тазовых костей найдены фрагменты сосуда баночной формы без орнамента. Цвет череп-

ков темно-коричневый, в глиняном тесте примесь шамота. Сосуд не реконструируется.

Все исследованные погребения типичны для первого периода существования лесостепной срубной культуры¹.

Особый интерес вызывают два погребения – 1 и 4. Находка куска охры над кальцинированными костями в погребении 1 не случайна. В Поволжье уже известны погребения, совершенные по обряду кремации, в которых зафиксирован ком охры². В. В. Отрошенко предполагает, что такой обряд характерен для захоронений «служителей культа»³.

Погребение 4 выделяется как деталями погребального обряда, так и необычным инвентарем. Бронзовые подвески с золотой обкладкой широко известны в памятниках срубной культуры. Они являлись продукцией собственно срубного очага металлургии⁴. Вышеописанные подвески по своим размерам близки первому – восьмерковидному – типу, а по овалным выпуклонам на лопастях – четвертому – грушевидному – типам подвесок, выделенным Агаповым С. А. и Ивановым А. Ю. по срубным материалам Среднего Поволжья. Однако мы не можем исключить их восточное происхождение. На заимствование срубниками восьмерковидных подвесок у андроновцев обращала внимание Н. А. Аванесова⁵. Уникальная форма подвесок в виде змеи отражает культ зверей и птиц. Так, например, известны изображения змеи на рукоятках бронзовых кинжалов из Сейминского могильника⁶ и Галичского клада⁷.

Список литературы

- ¹ Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 64–65.
- ² Сицини И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки СГУ, т. XVII, Саратов, 1947; Зудина В. Н., Скарбенко В. А. Андросовский курганный могильник // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.
- ³ Отрошенко В. В. Жреческие комплексы в системе погребений срубной общности // Археологічні та історичні дослідження Херсонщини. Херсон, 1993. С. 39.
- ⁴ Агапов С. А., Иванов А. Ю. Об одном типе украшений срубной культурно-исторической общности Среднего Поволжья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С. 51.
- ⁵ Аванесова Н. А. Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первообитная археология Сибири. Л., 1975. С. 72.
- ⁶ Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. Рис. 50.
- ⁷ Спицын А. А. Галичский клад. ЗОРСА РАО, т. 5, вып. 1, 1903. С. 104–110.

Подписи к рисункам

Рис. 1. План расположения Алексеевского курганного могильника. 1 – курганный могильник; 2 – шоссе; 3 – грунтовая дорога; 4 – ЛЭП; 5 – кирпичная постройка; 6 – лесопосадка; 7 – кустарник; 8 – поле.

Рис. 2. 2. Алексеевский курганный могильник, курган № 3. Профиль кургана по линии ВВ'.

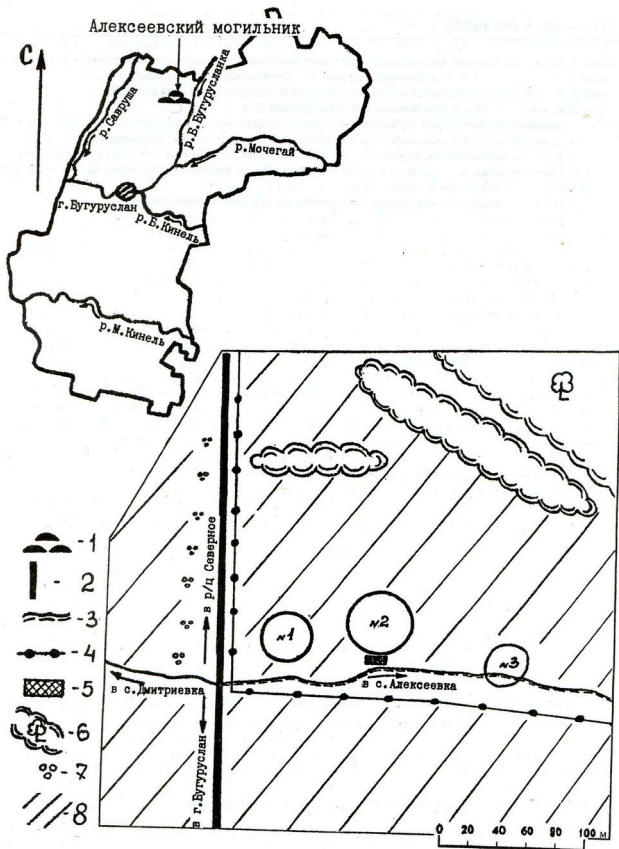
Рис. 2, 2. Алексеевский курганный могильник. План кургана № 3.

Рис. 3. Алексеевский могильник, курган № 3. 1 – план и профиль погребения 1; 2 – сосуд из погребения 1; 3 – сосуд из погребения 2; 4 – план и профиль погребения 2; 5 – план и профиль погребения 3.

Рис. 4. Алексеевский могильник, курган № 3. 1 – план и профиль погребения 4; 2 – сосуд 1 из погребения 4; 3 – сосуд 2 из погребения 4; 4 – план и профиль погребения 5; 5 – сосуд 2 из погребения 5; 6 – сосуд 1 из погребения 6.

Рис. 5. Подвески из погребения 4 кургана 3 Алексеевского курганного могильника.

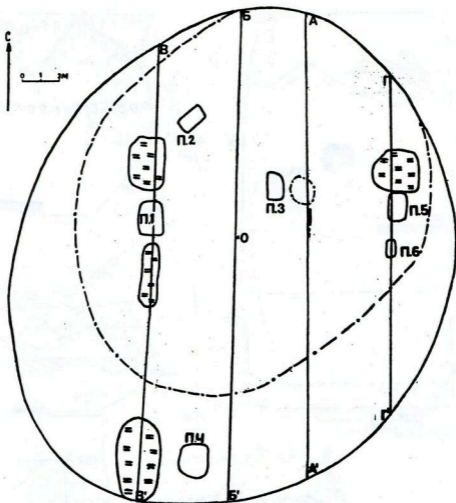

Рис. 2, 2

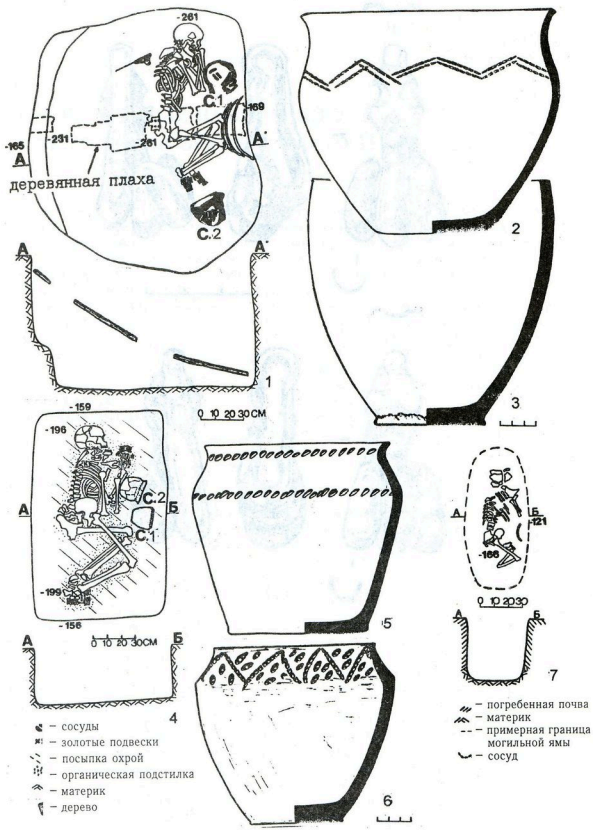
- глиняный выкид,
- грабительский вкоп,
- дерево,
- предполагаемая граница древнего кургана.

- пахотный слой
- древняя насыпь
- выкид (черный гумус)
- материк
- насыпь позднего происхождения
- глиняный выкид
- погребенная почва
- дерево

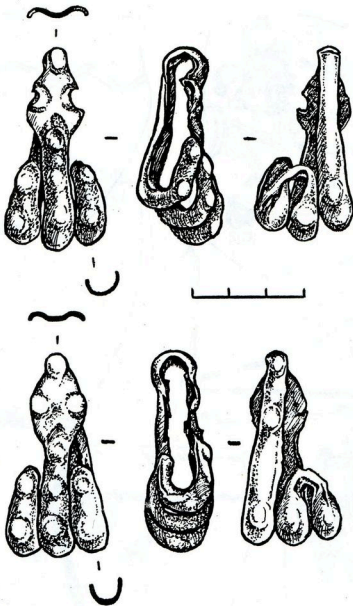
0 1 2 см

с
↑

<http://kraeved.opck.org>
 История Оренбуржья

Рис. 4

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ С ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

Целью данной работы является введение в научный оборот материалов ряда погребальных памятников бронзового века, исследованных в 1980-е гг. археологической экспедицией Оренбургского госпединститута (ОГПИ) в западных районах Оренбургской области. Все публикуемые памятники на момент раскопок находились в аварийном состоянии, под угрозой разрушения или были уже частично разрушены.

У И VI РЯЗАНОВСКИЕ КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ

В 1981 г. в окрестностях с. Рязановка Асекевского района, в зоне строительства автомобильной дороги Новоаширово – Рязановка, проводились раскопки курганных некрополей¹. Исследованные V и VI курганные могильники расположены на высокой первой надпойменной террасе левого берега р. Большой Кинель, в 5–6 км к юго-востоку от с. Рязановка.

У Рязановский могильник (1, 1) насчитывал 14 курганов, из которых был раскопан один. Курган 14 (рис. 1, 2) находился в западной части некрополя, несколько южнее основной группы насыпей, вытянутых в широтном направлении. Курган овальной в плане формы, размерами 32 x 27 м. Высота насыпи с северной стороны 0,7 м, с южной – 0,94 м. Для изучения структуры насыпи оставлялась центральная бровка шириной 1 м, ориентированная меридианально. Стратиграфия кургана (рис. 1, 3): 1) дерн, темно-серый гумус, мощностью 30–40 см; 2) насыпь, темно-серый гумус с вкраплениями глины, мощностью до 1 м; 3) погребенная почва, черный гумусированный суглинок, мощностью 40–45 см; 4) материк, желтая глина.

В северной поле кургана между дерном и насыпью прослежен слой черного гумуса, образовавшийся, видимо, в результате смыва с насыпи, так как к северу от кургана шло небольшое понижение. Вероятно, это связано с выборкой грунта для

сооружения насыпи кургана. В центре кургана под дерном выявлен слой твердой почвы диаметром до 4 м, мощностью до 40 см. К северу от погребения 3 прослежена прослойка материкового выкида, фиксировавшегося на профиле кургана в виде линзы шириной до 1,5 м и толщиной до 25 см. Над погребением 3 на глубине 1 м от 0 была выявлена мощная прослойка, своего рода «шапка», сложенная из комковатой глины и гумуса. На уровне материка этот слой плавно переходил в чернозем, которым и были заполнены погребения 3 и 4.

В 5 м к юго-западу от центрального репера в насыпи кургана, на глубине 1,2 м от 0, обнаружен жертвенный комплекс, состоящий из костей крупного животного (коровы или лошади). Некоторые кости лежали *in situ*, хотя большая часть – без порядка (рис. 7, 1). Под костями найдена крупная галька. Под насыпью кургана были выявлены 4 погребения, группировавшиеся в центральной части подкурганной площадки.

Погребение 1 (рис. 7, 2) совершено в насыпи кургана, в 2,5 м к востоку от 0. Форму могильной ямы проследить не удалось. Дно выявлено на уровне погребенной почвы, на глубине 1,5 м от 0. Костяк потревожен. *In situ* лежали некоторые ребра, позвоночный столб и крестец, сохранились обломки черепа и нижней челюсти. По положению костей устанавливается, что погребенный лежал на спине, головой на юг. Вещей нет.

Погребение 2 (рис. 7, 3) выявлено в 4 м к востоку от центра кургана на уровне материка, на глубине 2 м от 0. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами размерами 1,8 x 1,5 м, глубиной 2,25 м от 0 (25 см от материка), ориентирована по оси север – юг. На уровне материка над ямой прослежены остатки тонкой меловой прослойки. Костяк потревожен, нетронуты только берцовые кости, а правая бедренная кость чуть смещена. Предположительно, костяк лежал скорченно на правом боку, головой на север. В северо-восточном углу найден биконический баночный сосуд (рис. 11, 4) серого цвета, с двумя отверстиями по краю устья, орнаментированный

двумя рядами вдавлений, нанесенных торцом полой трубочки. Высота сосуда 8 см, диаметр горла 8,5 см, диаметр дна 6 см. У западной стенки могильной ямы найдены два фрагмента керамики: венчик горшковидного слабопрофилированного сосуда (рис. 11, 5), в глине примесь шамота и органики (?)², поверхность бурого цвета, изнутри покрыта расчесами, украшена мелко- и среднезубчатым штампом, и стенка сосуда, темно-коричневого цвета снаружи и черного изнутри, неорнаментированная, с глубокими расчесами внутри.

Погребение 3 (рис. 8, 1, 2) располагалось в центральной части кургана. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами размерами 4 x 2,8 м была выявлена на уровне материка, на глубине 2 м от 0. Стенки ямы вертикальные, отвесные. Дно могилы зафиксировано на глубине 2,47 м от 0 (47 см от материка). Яма ориентирована по оси север – юг. Погребение 3 разрушено и прорезано впускным погребением 4. Сохранились отдельные обломки костей скелета. Найдены три фрагмента керамики. Первый фрагмент от стенки сосуда с примесью шамота в глиняном тесте, поверхностью коричневого цвета, в изломе – черного, изнутри грубо заглажен гребенчатым штампом. Второй фрагмент, видимо, от верхней части тулова горшечного сосуда с бугристой и неровной поверхностью коричневого цвета с черными пятнами, внутри покрыт расчесами, снаружи украшен двумя горизонтальными линиями, нанесенными с помощью среднезубчатого штампа. Третий фрагмент представляет собой венчик от острореберного горшка (рис. 12, 6). Венчик косо срезан, с внешней закраиной. В глине примесь толченых раковин. Поверхность черно-коричневого цвета, тщательно заглажена, орнаментирована мелкозубчатым штампом по срезу венчика идущими наискос оттисками, по шейке рядом заполненных треугольников вершинами вверх, по ребру горизонтальной линией, ниже ребра оттисками, степень сохранности которых не позволяет точно установить элемент орнамента (возможно, треугольники). Под венчиком нанесен ряд овальных вдавлений. У юго-восточного угла ямы на уровне погребенной почвы найден сосуд, видимо, связанный с погребением 3. Это острореберный горшок с коротким отогнутым венчиком (рис. 11, 6), поверхностью черного цвета. Высота сосуда 11 см, диаметр горла 14,8 см, диаметр тулова по ребру 16 см, диаметр дна 9,5 см. На шейке сосуда имеются два сквозных отверстия, плечики орнаментированы рядом заполненных треугольников без основания, нанесенных гребенчатым штампом. На глубине 5–10 см от уровня материка в яме найдены остатки деревян-

ного перекрытия из плах, но, судя по их расположению, они, вероятно, связаны с совершением погребения 4.

Погребение 4 (рис. 8, 1, 2) совершено в центре кургана, впущено в яму погребения 3. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами размерами на глубине 2,47 м от 0 (дно погребения 3) 2,4 x 0,8 м, ориентировкой по оси север – юг. На глубине 2,6 м от 0 длина ямы сократилась до 2,33 м, покато снижаясь у южной стенки. Дно могилы выявлено на глубине 3,27 м от 0 (1,27 м от материка). Костяк взрослого человека лежал на спине, вытянуто, головой на юг, руки вытянуты вдоль тела. Череп слегка повернут лицевой частью к западу. Кости стоп и предплечье левой руки отсутствовали. В северо-восточном углу могилы стоял плоскостонный лепной горшок светло-коричневого цвета (рис. 12, 2). Высота сосуда 24 см, диаметр горла 14 см, наибольший диаметр тулова 21 см, диаметр дна 7 см. Плечики сосуда украшены каннелюром и прочерченным орнаментом в виде двойных треугольников и заполненных сегментов. В сосуде были обнаружены три позвонка барана. Около голени левой ноги найден однолезвийный железный нож с обломанной рукоятью (рис. 12, 4). Длина сохранившейся части ножа 10 см, ширина лезвия 1,5 см. Около головы погребенного обнаружен венчик сосуда с внешней закраиной, поверхностью коричневого цвета, орнаментированный с помощью крупнозубчатого штампа (рис. 11, 3) и, видимо, попавший из погребения 3 при устройстве погребения 4.

VI Рязановский могильник (рис. 2, 1) состоял из 23 курганов, из которых 4 было раскопано. *Курган 16* (рис. 3, 1) располагался в северо-восточной части некрополя и был очень сильно распахан, едва выделяясь более светлым цветом насыпи. Насыпь кургана раскапывалась методом перпендикулярных траншей. Диаметр раскопа составил 12 м, высота насыпи 13–21 см. Стратиграфия (рис. 3, 2): 1) пахотный слой, в центре светлая супесь, к полам переходящая в чернозем, мощностью 20–25 см; 2) чернозем с вкраплениями глины, мощностью до 45 см; 3) коричневый суглинок, мощностью до 35 см; 4) материк, желтая глина. Все слои прорезаны норами грызунов.

В насыпь попадались обломки костей. В 2,5 м к востоку от 0, на глубине 0,35 м от 0, найден кусок шлака. На уровне материка в двух случаях обнаружены скопления детских костей, неполные, фрагментированные и лежавшие без анатомического порядка. Они условно определены как погребения. Параметры могильных ям не прослежены.

Погребение 1 (рис. 3, 1) находилось в 1,5 м западнее центрального репера кургана. На площади 0,75 x 0,4 м найдено несколько позвонков,

ребер, обломков конечностей. Кости залежали на глубине 1,5–1,55 м от 0.

Погребение 2 (рис. 3, 1) располагалось на расстоянии 1,75 м южнее 0. На площади 1,6 x 1,6 м, на глубине 1,8–1,85 м от 0, встречались мелкие обломки костей. В центре этой площадки выявлено скопление детских позвонков, ребер, фрагментов черепа, лежавших беспорядочно грудкой.

Вешевых находок в кургане 16 не обнаружено. *КУРГАН 21* (рис. 2, 2) находился в северо-западной части могильника, составляя одну несколько обособленную группу вместе с курганами 22 и 23. Диаметр насыпи 12 м, высота 0,3 м. Стратиграфия насыпи кургана (рис. 2, 3): 1) пахотный слой, супесь, перемешанная с черноземом, мощностью до 20 см; 2) слой светло-коричневой супеси, по краям кургана переходящей в чернозем, мощностью 10–15 см; 3) слой чернозема, мощностью до 40 см; 4) погребенная почва, коричневый суглинок, мощностью до 35 см; 5) материк, желтая глина.

В северо-западном секторе кургана, в 3 м от его центра, в слое супеси, на глубине 0,3–0,35 м от 0, было выявлено зольное пятно, насыщенное угольками. Размеры кострища – 2,75 x 1,25 м. В северо-восточном секторе, ближе к нулевому реперу, найдены на глубине 0,6 и 0,7 м от 0 две кости животного. На скраине юго-восточного сектора кургана обнаружены на глубине 0,65 м от 0 пять фрагментов керамики (один довольно крупный) от сосуда с четко выраженным ребром (рис. 13, 1). В тесте примесь мелкоотделенного шамота. Поверхность светло-коричневого цвета, внутри – черного из-за толстого слоя нагара, покрыта расчесами, нанесенными мелкозубчатым штампом.

В 4 м от 0, в юго-восточном секторе кургана, на уровне материка, на глубине 1,05 м от 0, выявлено скопление культурных остатков (рис. 2, 4). В слое погребенной почвы найдено три сосуда: два целых и один в развале. В 0,5 м северо-восточнее сосудов обнаружено несколько обломков черепа человека.

Сосуд 1 (рис. 13, 2) – баночный, с закрытым устьем, дно с закраинами. Высота сосуда 7,5 см, диаметр горла 9,5 см, диаметр дна 7,5 см. В глине примесь шамота. Поверхность бургистая, коричнево-черного цвета, без орнамента.

Сосуд 2 (рис. 13, 3) – острорезный баночный, с закрытым устьем, дно с закраинами. Ребро сглажено. Высота сосуда 11,5 см, диаметр горла 13 см, диаметр тулова по ребру 14,5 см, диаметр дна 8 см. В глине примесь органики. Поверхность коричнево-черного цвета, внутри и снаружи глубокие расчесы гребенчатым штампом, без орнамента.

Сосуд 3 (рис. 13, 4) – баночный, с закрытым устьем, выпуклыми боками и небольшим поддо-

ном. Высота сосуда 7,5 см, диаметр горла 8 см, диаметр дна 6 см. В глине примесь шамота. Поверхность коричневого цвета, с бурыми пятнами, внутри грубые расчесы, без орнамента.

КУРГАН 22 (рис. 3, 4) диаметром 10 м и высотой 0,15 м. Стратиграфия насыпи (рис. 3, 3): 1) пахотный слой, гумусированная супесь, мощностью до 25 см; 2) насыпь, черный гумус, мощностью до 50 см; 3) погребенная почва, бурый суглинок, мощностью до 30 см; 4) материк, желтая глина.

На уровне погребенной почвы в северо-восточном секторе кургана найдены невыразительный фрагмент керамики коричневого цвета, с примесью раковины в тесте (на глубине 0,76 м от 0) и обломок кости (на глубине 0,75 м от 0), в юго-западном секторе – кусок шлака (на глубине 0,74 м от 0). Под бровкой север – юг, в центральной части подкурганной площадки выявлена яма неправильной подовальной формы. На уровне материка яма имела размеры 1,15 x 0,75 м и меридианальную ориентировку. Глубина ямы – 1,65 м от 0. Заполнение ямы состояло из смеси чернозема, суглинка и материковой глины. По профилю удалось выяснить, что яма представляла собой корытообразное углубление. Культурные остатки в яме не найдены. Погребение в кургане отсутствовало.

КУРГАН 23 (рис. 4, 1) диаметром 16 м и высотой 0,3 м. Стратиграфия насыпи кургана (рис. 4, 2): 1) пахотный слой, супесь, мощностью до 25 см; 2) насыпь, темно-серый гумус с глинистыми вкраплениями, мощностью до 65 см; 3) погребенная почва, серо-коричневая гумусированная супесь, мощностью до 35 см; 4) материк, желтая глина. В кургане 23 исследовано два погребения.

Погребение 1 (рис. 4, 4) – впускное. Выполнено в насыпи, на глубине 0,65 м от 0, в 4,5 м южнее центрального репера. Параметры могильной ямы не прослежены. Костяк взрослого человека лежал слабо скорченно на левом боку, головой на север, руки согнуты, кисти рук перед лицом. С захоронением, видимо, связан сосуд, обнаруженный в 0,9 м к северо-востоку от костяка на глубине 0,6 м от 0. Сосуд (рис. 12, 5) – острорезный горшок с коротким отогнутым венчиком и конически сужающимся к дну туловом. Венчик имеет внутреннюю закраину. Высота сосуда 10,2 см, диаметр горла 12 см, диаметр тулова по ребру 14 см, диаметр дна 8 см. Поверхность сосуда коричневого цвета, внутри заглажена (травой?), снаружи покрыта расчесами зубчатого штампа. В глиняном тесте примесь толченых раковин. Шейка сосуда орнаментирована горизонтальной линией, нанесенной среднезубчатым штампом.

Погребение 2 (рис. 4, 3) – основное. Располагалось в центре кургана. Выполнено в погребенной почве, на глубине 1,1 м от 0, в яме округлой

или овальной формы. Четкие границы ямы не прослеживались. На глубине 0,65 м от 0 над погребением выявлена кладка из плит белого песчаника размерами 1,6 x 1,25 м. Каменная кладка (перекрытие? обкладка небольшой первичной насыпи?) имела прямоугольную форму и широтную ориентировку. Костяк взрослого человека сильно потревожен. Возможно, погребенный лежал головой в северо-западный сектор. В ногах погребенного найден глиняный сосуд, около тазовых костей – кремневый отщеп (рис. 12, 3). Сосуд (рис. 12, 1) – баночной формы, с прикрытым устьем, дно с закраинами. Край венчика поврежден. Сосуд грубо сформован и несколько асимметричен. Реконструируемые размеры сосуда: высота 9,2–9,5 см, диаметр горла 12,5–12,8 см, диаметр дна 8 см. Поверхность коричневого цвета, шероховатая и бугристая, внутри заглажена (травой)?.

І КИНЗЕЛЬСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК

В 1985 г. были произведены раскопки кургана 11 І Кинзельского могильника, которому возникла угроза разрушения в связи со строительством телевизионной вышки.

Памятник расположен на площадке мыса второй надпойменной террасы левого берега р. Кинзельки (приток второго порядка бассейна р. Самара), в 0,5 км к северо-северо-востоку от с. Кинзелька Красногвардейского района. І Кинзельский могильник насчитывал 13 курганов, из которых исследован один в южной части некрополя (рис. 5, 1).

КУРГАН 11 (рис. 5, 2) диаметром 26 м и высотой 1,15 м. Для изучения структуры насыпи была оставлена центральная меридианальная бровка шириной 1 м. Стратиграфия кургана (рис. 5, 3): 1) дерн, мощностью 15–17 см; 2) насыпь, коричневатый суглинок, мощностью до 1,15 м; 3) погребенная почва, плотный серый суглинок, мощностью до 30 см; 4) материк, красноватая глина. Курган сильно оплыл к югу, и поэтому наивысшая точка насыпи сместилась к северу от центра кургана. В кургане исследованы два захоронения. С основным погребением 1 связано сложное оформление подкурганной площадки данного погребального комплекса.

В центральной части подкурганной площадки погребенную почву перекрывала прослойка золы и кальцинированных костей мощностью 4–7 см, в плане прямоугольной формы с округлыми углами и размерами 8 x 7,25 м. Золистую прослойку в центре прорезала могильная яма погребения 1, материковый глинистый выкйд из которого был разровнен тон-

ким слоем (толщина 4–5 см) вокруг ямы и сформирован в виде кругового вала шириной до 2 м и высотой 25–30 см по периферии золистого площадки. Погребение 1 было перекрыто поперечным накатником из деревянных плах длиной от 2,5 до 3,3 м, шириной 30 см и толщиной 10–12 см. Концы плах лежали на материковом выкйде. Поверх перекрытия, у северо-восточного угла погребения 1, на глубине 1,2 м от 0, обнаружен сильно фрагментированный развал сосуда. Сосуд 1 (рис. 11, 1) – плавнотрапециевидный, горшковидной формы, в глиняном тесте содержится примесь мелкотолченых раковин. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета, излом – черного, верх тулова тщательно заглажен, придонная часть небрежно заглажена мягким предметом. Плечики сосуда орнаментированы тремя резными параллельными линиями, ниже которых проходит горизонтальный ряд пунктирных вдавлений.

Погребение 1 (рис. 9, 2–4) – основное. Расположено в центральной части кургана, в 3,5 м южнее нулевого репера. Могильная яма прямоугольной формы размерами 2,5 x 1,7 м, глубиной 2,24 м от 0 (0,6 м от уровня материка), ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Яма была завалена обломками овалившегося накатника и за-плыла гумусом. На дне южной половины могилы прослежены остатки травяной подстилки. Костяк сильно разрушен. В юго-западном углу могилы концентрировались обломки черепа и части позвоночника, ближе к центру южной стенки найдены части стоп погребенного. В юго-западном углу ямы также найден крупный фрагмент керамики от неорнаментированного сосуда. Сосуд 2 (рис. 11, 2) – остророберный горшок с отогнутым наружу венчиком. В глиняном тесте примеси крупнотолченого шамота и органики. Поверхность бугристая, серовато-коричневого цвета, в изломе – черного, заглажена пучком травы.

Погребение 2 (рис. 9, 1) – впускное. Могильная яма погребения 2 прорезала насыпь, материковый выкйд и частично золистый слой, относящиеся к погребению 1, всего в 0,4 м севернее самого погребения 1. Совершенно в могильной яме подпрямоугольной формы с закругленными углами размерами 2,07 x 0,75 м (на глубине 1,26 м от 0), глубиной 1,33 м от 0, ориентировкой по линии восток – запад. Стенки ямы нарушены норами грызунов, костяк сильно потревожен. Погребенный лежал на спине, вытянуто, с ориентировкой на запад. Ноги расставлены, левая рука согнута в локте и покоилась над крыльями таза, правая – отведена в сторону, слабо согнута в локте и вывернута внешней стороной кисти по направлению к берцовой кости. Череп и левая часть туловища разрушены норами. Погребальный инвентарь отсутствовал.

II ПРОЛЕТАРСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК

В 1985 г. были предприняты раскопки кургана I II Пролетарского могильника, который был частично разрушен траншеей, заложеной при строительстве водопровода.

Данный памятник расположен на территории с. Пролетарка Красногвардейского района, находящегося на левом берегу р. Ток (правый приток р. Самары). Курганный могильник Пролетарка II как минимум насчитывал три насыпи (рис. 6, 1).

КУРГАН 1 (рис. 6, 2) овальной в плане формы, размерами 25 x 20 м, высотой 0,9 м, вытнут широтою. Траншея водопровода шириной 1 м прорезала южную полу кургана по линии северо-запад – юго-восток, разрушив в разной степени три погребения. Раскопки производились с оставлением центральной бровки шириной 0,5 м, ориентированной широтою. Были зачерчены и профили стенок траншеи. Стратиграфия кургана (рис. 6, 3): 1) дерн, мощностью 10–20 см; 2) насыпь, темно-коричневый гумусированный суглинок, мощностью до 85 см; 3) погребенная почва; серый суглинок, мощностью до 60 см; 4) материк, желтая глина. Высшая точка насыпи немного смещена к западу от центра кургана.

В кургане I зафиксирована следующая планиграфическая и стратиграфическая ситуация. Под насыпью в материковых ямах совершено 7 захоронений, группирующихся, в основном, в южной поле кургана. Вокруг 5 погребений (№ 1, 2, 3, 4 и 7) прослежены материковые выкиды, лежавшие на погребенной почве. Это дает основание полагать, что после совершения этих захоронений была возведена общая насыпь кургана. Временной интервал между захоронениями, по всей видимости, был невелик.

Отметим найденный в развале сосуд, который стоял на материковом выкиде из погребения 3, в 2 м к северо-западу от самого погребения. Этот сосуд, вероятно, непосредственно связан именно с этим захоронением. Сосуд (рис. 14, 1) – остророберный, горшечной формы, с прямым венчиком. Ребро слегка сглажено. Высота сохранившейся части сосуда 15,8 см, диаметр горла 20,6 см, диаметр тулова по ребру 23 см. В глине примесь шамота. Поверхность коричневого цвета, тщательно заглажена со всех сторон, излом – черного цвета. Сосуд орнаментирован прочерченной горизонтальной линией по краю венчика, ниже которой нанесены короткие отрезки ямочных вдавлений, по шейке и ниже ребра проходит зигзаг, нанесенный с помощью крупнозубчатого штампа.

Находка сосуда на материковом выкиде из погребения 3 и стратиграфия кургана (рис. 6, 3) позволяют выдвинуть предположение, что погребение 3 является более поздним, чем погребения 1, 2, 4 и 7. Таким образом, возможно, что погребение 3 было последним перед сооружением общей насыпи кургана.

Центральное место в кургане занимает почти полностью уничтоженное грызунами погребение 7. Остальные захоронения размещались вокруг него. Погребения 1, 2 и 3 образовали ряд, вытянутый по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Погребения 5 и 6, видимо, впущены в насыпь кургана 1 несколько позднее. Тот факт, что погребения 5 и 6 не повредили более ранних захоронений и вписались в общую планиграфическую картину, показывает, что их устроители знали, где находятся ранние могилы. Таким образом, можно рассматривать данный Курган как родовое или семейное кладбище.

К моменту раскопок погребения 1 и 2, наполовину разрушенные траншеей водопровода, оказались докопанными местными жителями с. Пролетарка, поэтому полной информацией по ним мы не располагаем.

Погребение 1 (рис. 6, 2) располагалось в 12 м к юго-востоку от нулевого репера. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами длиной около 1,5 м, шириной 0,95 м, глубиной 2,05 м от 0 (0,5 м от уровня материка) ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Яма была поперечно перекрыта деревянными плахами длиной 1,25–2,5 м, шириной 10–15 см, толщиной до 15 см. Концы плах лежали на могильном выкиде. В насыпи ямы встречались обломки провалившегося перекрытия. Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку, головой в северный сектор. Из вещей удалось найти только обломок бронзовой желобчатой височной подвески, овальной в плане, плакированной золотой фольгой (рис. 14, 3). С внешней стороны подвеска украшена рядом выпуклин («бородавчатый» орнамент). Остальные находки утрачены.

Погребение 2 (рис. 6, 2) находилось в 7,3 м юго-восточнее 0. Совершено в могильной яме подпрямоугольной формы длиной не менее 1,5 м, шириной 1,1 м, глубиной 2,15 м от 0 (0,9 м от материка), ориентированной по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Яма была поперечно перекрыта деревянными плахами длиной 1,5–2 м, шириной 12–15 см, толщиной 10 см. Концы плах лежали на могильном выкиде. В насыпи могилы попадались обломки провалившегося перекрытия. Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку, головой на северо-северо-восток. Вещи утрачены.

Погребение 3 (рис. 10, 1–3) располагалось в 4,9 м к юго-юго-западу от 0. Совершено в могильной яме прямоугольной формы с закругленными углами размерами 1,7 x 1,25 м на уровне материка, глубиной 1,97 м от 0 (0,72 м от материка), ориентировкой по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Сохранилось мощное деревянное перекрытие из поперечно положенных плах длиной 2,75–2,8 м, шириной 30–45 см, толщиной 10–15 см. Края плах лежали на материковом выкиде. В заполнении и на дне могилы попадались крупные куски деревянных плах от провалившегося перекрытия. На дне ямы, у западной стенки, отмечено скопление углей. В могиле обнаружено парное захоронение взрослого и подростка. Погребенные лежали лицом друг к другу, обнявшись. Костяк I (взрослый индивид) располагался скорченно на левом боку, головой на северо-восток, руки согнуты в локтях, кисть правой руки, видимо, лежала на левой щеке костяка II, кисть левой руки – перед лицом. Костяк II (подросток) находился в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на северо-восток, руки согнуты в локтях, кисти рук у черепа. Из погребения происходит коллекция пастовых бус, в основном, рубленый бисер. Бусины найдены около черепа костяка I, на черепе костяка II, но основная их часть концентрировалась вокруг шейных позвонков, около лопаток и позвоночника костяка II. Коллекция бус насчитывает 166 экземпляров из пасты черного, белого и зеленоватого цветов. Представлены бусы дисковидные, цилиндрические и многосоставные (рис. 14, 2). В северо-восточном углу ямы, за черепом костяка II обнаружен сосуд. Сосуд (рис. 14, 4) – острореберный горшок с отогнутым наружу венчиком и ребром в средней части тулова. Высота сосуда 10 см, диаметр горла 15,2 см, диаметр тулова по ребру 15,5 см, диаметр дна 8 см. В глине примесь шамота. Поверхность сосуда коричневого цвета, с черными пятнами, хорошо заглажена, орнаментирована в прочерченной технике. По венчику и плечикам, ниже ребра и в придонной части сосуда нанесены ряды заштрихованных треугольников без основания, вершинами вверх. Выше ребра, по плечикам, проходит ряд простых меандров.

Погребение 4 (рис. 9, 5–7) находилось в 4 м к северо-западу от нулевого репера. Совершено в могильной яме подпрямоугольной формы размерами 1,47 x 0,92 м, на уровне материка, глубиной 1,85 м от 0 (0,55 м от материка), ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Стенки ямы неровные, расширяющиеся к дну, кроме южной стенки, у которой был устроен неровный материковый уступ шириной 10–15 см и высотой 25 см от дна ямы. Сохранились остатки мощного

деревянного перекрытия могилы из 9 плах длиной более 2,25 м, шириной 20–35 см, толщиной 10–12 см. Плахи лежали продольно длиной оси ямы, с отклонением к северу. Края плах находились на материковом выкиде. Перекрытие могильной ямы опиралось на вертикальные столбики или колья диаметром 6–10 см, слабоуглубленные (вбитые?) в дно вдоль стенок могильной ямы. Хорошо сохранились 6 таких столбиков. В засыпи и на дне встречались крупные куски плах и древесная труха от обрушившегося перекрытия. На дне ямы скорченно на левом боку, с завалом на живот, головой на северо-восток, лежал костяк взрослого человека. Руки согнуты в локтях, кисти рук у лица. На уровне перекрытия и немного ниже, в засыпи ямы, найдены фрагменты керамики от лепного сосуда. Сосуд 1 (рис. 15, 2) – баночной формы, с выпуклыми боками, верхняя часть утрачена. Диаметр дна 8,5 см, высота сохранившейся части 8 см. В глине заметна примесь шамота. Поверхность красно-коричневого цвета, заглажена травой, без орнамента. У южной стенки ямы, около ног умершего, обнаружен развал сосуда. Сосуд 2 (рис. 15, 1) – горшковидный, плавнoproфильрованный, без орнамента. Высота сосуда 15,2–15,5 см, диаметр горла 17 см, наибольший диаметр тулова 18,5 см, диаметр дна 10,5–11 см.

Погребение 5 (рис. 8, 3) находилось в 4 м севернее центра кургана. Могильная яма подпрямоугольных очертаний с закругленными торцевыми стенками, размерами 1,28 x 1 м на уровне материка, глубиной 1,53 м от 0 (0,2 м от материка), ориентирована широтно. Прослежены остатки продольного деревянного перекрытия. Куски плашек встречались в засыпи и на дне ямы. Костяк индивида старческого возраста лежал в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на восток-северо-восток, руки согнуты в локтях, кисти рук под черепом. За затылком погребенного лежал сустав лошади, перед лицом стоял сосуд. Сосуд (рис. 15, 3) – баночный, с закрытым устьем и закраинами у дна. Высота сосуда 9,8 см, диаметр горла 12,7 см, диаметр дна 9 см. Поверхность коричневого цвета, внутри покрыта глубокими равномерными концентрическими расчесами, которые нанесены с помощью крупнозубчатого штампа. Орнамент отсутствует.

Погребение 6 (рис. 8, 4) располагалось в 6,8 м к юго-западу от 0. Совершено в могильной яме подпрямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,35 x 1,05 м на глубине 1,6 м от 0, глубиной 1,85 м от 0 (0,58 м от материка), ориентировкой по линии северо-восток – юго-запад. Прослежены остатки продольного деревянного перекрытия ямы, опиравшегося на вертикально поставленные столбики (колья) диамет-

ром 6–8 см. Сохранились два столбика в углах северной половины ямы. В заполнении и на дне ямы встречались куски плашек от перекрытия. Костяк сильно потревожен. Погребенный лежал, видимо, в сильно скорченном положении, на левом боку, с ориентировкой на северо-восток. Костяк немного завалился на живот, череп перевернут основанием вверх, обломки нижней челюсти немного сдвинуты, разрушены предплечье левой руки и кисти рук, отсутствуют часть костей левой ноги и все кости правой. Руки согнуты в локтях, кисти рук, видимо, находились при захоронении у лица. Инвентарь отсутствует.

Погребение 7 (рис. 6, 2) – центральное захоронение кургана. Почти полностью уничтожено гигантской сурчиной (6,5 x 5 м), занимавшей центр подкурганной площадки. Сохранились остатки одновенцового, как минимум, сруба и мощного накатника из бревен диаметром 25–30 см. Концы бревен накатника лежали на могильном выкиде. Выявить границы и определить параметры могильной ямы не удалось, так как она полностью разрушена. В заполнении сурчины, в центральной части кургана, встречались отдельные кости взрослого человека, а также ребра лошади. Вещи не найдены.

Кроме раскопок кургана I могильника Пролетарка II, были обследованы другие насыпи некрополя. В насыпь кургана 3 был врыт столб линии электропередач, задевший, вероятно, погребение, так как в отвале, оставшемся после работ, была обнаружена миниатюрная глиняная чашечка. Сосуд (рис. 15, 4) – чашевидной формы, с коническим туловом. Высота сосуда 5 см, диаметр горла 11,5 см, диаметр дна 6,7 см. Поверхность коричневого цвета, заглажена мелкозубчатым штампом, без орнамента.

Все изученные курганы в географическом отношении расположены в подзоне северной степи. Всего в 4 некрополях было раскопано 7 насыпей, в которых исследовано 17 разновременных погребений.

Наиболее многочисленную группу, насчитывающую 12 погребений, составляют захоронения эпохи поздней бронзы. По совокупности показателей погребального обряда и инвентарю все эти захоронения относятся к срубной культурно-исторической общности.

Почти все погребения являлись основными в курганах. Данная группа довольно монолитна, так как представленные в ней захоронения очень близки по совокупности показателей погребального обряда и инвентаря (Рязановка V 14/2, 14/3; Рязановка VI, Курган 23; Кинзелька I 11/1; Пролетарка II, Курган 1). Все погребения совершены преимущественно в простых могильных ямах с закругленными углами. Наибольшими размерами выделяются ямы погребений Рязановка V 14/2,

14/3 и Кинзелька I 11/1. В погребении Пролетарка II 1/4 в торцевой стенке ямы зафиксирован материковый уступ. Глубины могил весьма вариативны, а их пределы колеблются от совершенного в погребенной почве основного захоронения Рязановка VI 23/3 до углубленного в материк на 0,9 м погребения Пролетарка II 1/2. Преобладают ямы глубиной 0,5–0,9 м. В двух третях погребений этой группы проследены остатки деревянных перекрытий. Превалировали мощные накатники из плах или бревен. В погребении Пролетарка II 1/7 обнаружены также остатки одновенцового сруба. Встречались как поперечные, так и продольные перекрытия. В двух случаях (Пролетарка II 1/4, 1/6) перекрытия опирались на вбитые (?) в дно могил деревянные столбики или колья. В погребении 23/2 VI Рязановского могильника над могилой зафиксирована плотная каменная кладка, являвшаяся либо перекрытием, либо обкладкой небольшой первичной насыпи. Над ямой погребения 14/2 V Рязановского могильника на уровне материка выявлена тонкая меловая прослойка. В данном случае посыпка мелом производилась при засыпке могилы и, возможно, она символизирует «запечатывание» погребальной камеры, то есть, выступает в роли символического перекрытия. На дне могильных ям отмечены остатки растительной (травяной) подстилки (Кинзелька I 11/1) и скопление углей (Пролетарка II 1/3).

В данной группе погребений зафиксирован обряд труположения. Преобладала одиночная ингумация. Исключение составляет парное захоронение 1/3 из II Пролетарского могильника, возможно, являвшееся совместным погребением матери и ребенка, хотя отсутствие точных антропологических, а также половозрастных определений оставляет возможность атрибуции данного захоронения в качестве погребения супругов. Вероятность такой атрибуции сохраняется и в том случае, даже если только один из этих индивидов являлся взрослым. Погребенные захоронены в стандартном для этого времени положении – скорчено, на левом боку, руки у лица. Это так называемая молитвенная поза, или поза адорации (по Д.Я. Телегину). Часть костяков была потревожена или разрушена. Отмечено нестандартное правобочное погребение индивида старческого возраста (Пролетарка II 1/5). Возможно, костяк располагался на правом боку и в погребении 14/2 V Рязановского могильника. Правобочное положение одного из костяков в погребении 1/3 могильника Пролетарка II является исключением и связано с размещением покойных относительно друг друга в позе объятий. Доминирует северная и северо-восточная ориентировка погребенных. В двух захоронениях (Кинзелька I 11/1, Пролетарка II 23/2), не-

смотря на разрушенность костяков, следует учитывать вероятность того, что погребенные были ориентированы головой в северо-западный сектор.

Погребальный инвентарь позднебронзовых захоронений представлен в основном глиняной посудой. Керамическая коллекция насчитывает 15 сосудов, целых и в развалах, профиль которых полностью восстанавливается. Выделяется три основных типа керамики: остроредерная, горшководная и баночная. Остроредерная посуда подразделяется на горшки с отогнутым наружу венчиком (5 экз.; рис. 11, 2, 6; 12, 5; 14, 1, 4) и банки, в том числе биконические (2 экз.; рис. 11, 4; 13, 3). Горшководная посуда характеризуется сосудами плавногопрофилированных форм (2 экз.; рис. 11, 1; 15, 1). Баночная посуда представлена в основном закрытыми формами (5 экз.; рис. 12, 1; 13, 2-4; 15, 2, 3), хотя в коллекции присутствует и миниатюрная коническая чашечка (рис. 15, 4). В коллекции керамики имеются также фрагменты еще от 8 сосудов, полная графическая реконструкция которых невозможна. Среди них определимы фрагменты от 4 горшков: 3 остроредерных (рис. 12, 6; 13, 1) и плавногопрофилированного (рис. 11, 5). В целом в коллекции керамики преобладают остроредерные сосуды.

Вся посуда изготовлена вручную, иногда сосуды сформованы небрежно и несколько асимметрично. В рецептуре формовочных масс ведущими являются примеси шамота и толченых раковин, встречается органика в сочетании с шамотом. Поверхность сосудов упорядочена, заглажена. Обработка поверхности керамики производилась гребенчатым штампом, реже травой или мягким предметом. Большинство сосудов покрыты расчесами. Орнаментированы 6 сосудов из 15 и фрагменты еще от 4 сосудов, то есть более трети всей посуды. Орнамент наносился с помощью крупнозубчатого штампа, реже использовался среднее и мелкозубчатый штамп, применялся прочерчивание, нарезка и вдавления торцом полой трубочки (кости?). Элементы орнамента: горизонтальные линии, заштрихованные треугольники, зигзаг, простой меандр, отриски и вдавления (овальные, пунктирные, ямочные). Почти все сосуды орнаментированы только в верхней части тулова. Исключение составляет сосуд из погребения 1/3 могильника Пролетарка II (рис. 14, 4), орнаментальная композиция которого четко подразделяется на три зоны (венчик, плечики и средняя часть тулова, придонная часть), разграниченные пустыми полосами.

Прочий вещевой материал представлен галькой, кремневым отщепом (рис. 12, 3), пастовыми бусами (рис. 14, 2) и бронзовой желобчатой височной подвеской, плакированной золотой фольгой (рис. 14, 3). Отщеп, галька и пастовые бусы не облада-

ют какими-либо культурноопределяющими возможностями ввиду довольно широкого распространения в самых разных культурах эпохи бронзы. Большой интерес представляет височная подвеска, которая типологически практически идентична изделиям срубно-алакульского круга. Нестандартно оформление внешней стороны подвески в виде выпуклин (своеобразный «бородавчатый» орнамент), что само по себе встречается нечасто. Подобное оформление в виде выпуклин известно в Среднем Поволжье на височных подвесках IV типа (по классификации С.А. Агапова и А.Ю. Иванова), которые считаются продукцией срубного очага металлообработки (Агапов, Иванов, 1978, с. 50, 51). Однако в данном случае эта аналогия неполная, так как височные подвески IV типа в плане грушевидной формы, а изделие из II Пролетарского могильника, видимо, в плане было овальным. Близкие украшения происходят из Западного Оренбуржья, где в погребении 3/4 Алексеевского курганного могильника найдена пара бронзовых височных, овальных в плане, желобчатых подвесок, обернутых в золотую фольгу, с полусферическими выпуклинами (Овчинникова, 1993, с. 35, рис. 13). Здесь необходимо отметить, что подвески из Алексеевского могильника весьма индивидуальны. У них расширенная средняя часть и лопасти. Один из концов каждой подвески представляет собой как бы уменьшенную копию большой. Выпуклины на алексеевских подвесках расположены в ином порядке, а не рядами, как на пролетарском экземпляре. Височные подвески из Алексеевского могильника оформлены таким образом, что производят впечатление свернувшихся кобр с раздутыми капюшонами.

Многие бронзовые височные подвески эпохи поздней бронзы, плакированные золотой фольгой, украшены поперечными насечками, бугорками или выпуклинами, что имитирует кожу и орнаменты на теле змеи. Множество подвесок имеют расширенные лопасти, что, вкупе с орнаментацией, создает образ змеи. Некоторое разнообразие в типе заготовок и характере оформления, возможно, объясняется не только самим материалом и вкусами мастера, но и разнообразием видов змей. По нашему мнению, вероятнее всего, височные подвески, являющиеся стандартными украшениями в срубно-алакульском мире, символизировали собой змей. По всей видимости, атрибуция данных изделий только в качестве украшений, то есть определенных этнографических индикаторов, не исчерпывает их семантическую нагрузку. Височные подвески срубно-алакульского (индоиранского) блока культур, видимо, служили не только в качестве украшений, но и выступали как женские амулеты, своеобразные обереги фал-

лического свойства. В древности существовали представления, отражающие разные связи змея, лунного и фаллического культов³. Образ великого рогатого змея, связанный с лунной и фаллической символикой, является общеиндоевропейским и, возможно, восходит еще к неолитической эпохе. Вероятно, в срубно-алакульское время он проявлялся уже на уровне архетипа. Следует ограничиться констатацией факта существования змеино-го культа у населения срубной культурно-исторической общности, проявления которого весьма разнообразны. Обзор и подробный анализ всех имеющихся по данной проблеме источников не входит в цели настоящей работы, так как это тема специального исследования.

Ввиду того, что в исследованных срубных захоронениях отсутствует датированный инвентарь, для установления хронологической позиции этих комплексов приходится целиком опираться на данные погребального обряда и анализ керамики. Суммарная характеристика комплексов позволяет отнести их к раннему этапу срубной культуры. Для этого времени типичны небольшие некрополи, насыпи крупных размеров, маломогильные курганы, объемные могильные ямы прямоугольной и квадратной формы, иногда со ступеньками и уступами, сложные погребальные конструкции из дерева, альтернативность погребальных норм, наличие растительных подстилок и изредка покрывал, посылок охрой и мелом, жертвоприношения коров и лошадей, развитый культ огня, выражающийся в устройстве костров, кремациях людей и животных, помещении в могилы золы и углей, и т. д. (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985, с. 64–65; Горбунов, Морозов, 1985, с. 98–99; Горбунов, 1992, с. 160–161; Обьденнов, Обьденнова, 1992, с. 136; Морозов, 1993, с. 11–12). Посыпки охрой и мелом, растительные подстилки и покрывала, деревянные перекрытия являются реминисценциями, отражением древних, архаических погребальных традиций и связанных с ними религиозных представлений, восходящих еще к эпохе ранней бронзы, а в некоторых случаях и к еще более раннему времени.

Анализ керамического материала, приведенный выше, не противоречит ранней дате публикуемых срубных погребений. Присутствие в составе глиняного теста примеси толченных раковин, преобладание остросереберных форм посуды, вдавливания торцом полой трубочки (кости?), обработка поверхности преимущественно гребенчатым штампом (расчесы), характер орнаментации достаточно надежно диагностируют раннесрубную посуду, в которой явно прослеживаются гончарные традиции предсрубного времени (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985, с. 65; Обьденнов, Обь-

деннова, 1992, с. 106–121; Морозов, 1993, с. 14). Наибольший процент остросереберной посуды наблюдается в срубном керамическом комплексе в конце раннего – начале развитого периодов. В данном случае нас не должно смущать некоторое преобладание остросереберных сосудов в керамической коллекции публикуемых комплексов, так как она из-за малочисленности не отражает реального статистического соотношения типов керамики раннесрубного времени. Обратим внимание на сосуд из погребения 1/3 II Пролетарского могильника (рис. 14, 4), зональность которого, как и техника орнаментации (прочерчивание), характерны для алакульской гончарной традиции. Появление алакульских черт в срубной керамике традиционно считается достаточно поздним признаком и относится исследователями к развитому периоду срубной культуры (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985, с. 77; Горбунов, 1992, с. 163, 166; Морозов, 1993, с. 16). По всей видимости, это справедливо для срубной культуры лесостепных районов Среднего Поволжья и Приуралья. Однако на территории Степного Приуралья, где происходило непосредственное соприкосновение и взаимодействие срубного и алакульского населения, появление инокультурных черт в керамических комплексах (соответственно, в срубном – алакульских, в алакульском – срубных), видимо, приходится на несколько более раннее время, на время формирования собственно срубных и алакульских древностей.

Ранний этап срубной культуры Приуралья датируется XVI – началом XV вв. до н. э. (Обьденнов, Обьденнова, 1992, с. 137) или XVI–XV вв. до н. э. (Морозов, 1993, с. 14). Считаемся более ранними, по отношению к приуральским, средневольтские срубные памятники были датированы с конца XVII в. до н. э. (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985, с. 75). В последней монографической работе, посвященной бронзовому веку Волго-Уралья, В.С. Горбунов, с учетом целой серии радиоуглеродных дат, уточнил хронологическую позицию срубных древностей первого периода, отнес их к XVII–XVI вв. до н. э. (Горбунов, 1992, с. 140). В свете уже достаточно обоснованного калиброванными датами всеобщего удреждения культур бронзового века Евразии такая датировка представляется вполне оправданной, хотя не исключено и еще некоторое углубление нижней границы срубной культуры в связи с намечающимся новым удреждением горизонта шитковых псалев до XX–XIX вв. до н. э. (В.С. Бочкарев и др.).

Наиболее близки срубным погребениям V и VI Рязановских, I Кинзельского и II Пролетарского некрополей материалы I и III Герасимовских (Федорова-Давыдова, 1969), V и VI Свердловских (Ха-

ляпин, 1998), а также ряда других могильников оренбургского Приуралья. По терминологии В.В. Отрощенко, это памятники «покровской срубной культуры», зоной активного проникновения которой исследователь называет и Степное Приуралье (Отрощенко, 1997, с. 70–72). Отметим, что многокомпонентное сложение степного варианта срубной культуры Приуралья определялось не только воздействием носителей покровского культурного комплекса, но и населения, оставившего памятники типа Ветлянка IV, позднее трансформировавшиеся в древности срубно-алакульского типа с преобладанием алакульских культурных традиций (Халяпин, 1998, с. 70; 1998 а, с. 79). Важную роль играли и контакты с петровским (раннеалакульским) населением (Халяпин, 1998, с. 70). Специфика данного процесса заключалась в том, что сложение срубного и алакульского комплексов культурных стереотипов проходило, вероятно, на близкой генетической основе (Федорова-Давыдова, 1973, с. 152; Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985, с. 72–73). Это позволило поставить вопрос о срубно-алакульской или, если брать еще шире, то и об «андроновско-срубной культурно-исторической общности» (Зданович, 1975, с. 3). Степень культурной близости в этой ситуации определяется, видимо, общей языковой принадлежностью, а отчасти и происхождением, что, в свою очередь, обусловило сходство по многим параметрам срубного и алакульского культурных комплексов. В литературе население срубной и алакульской культур уже традиционно атрибутируется в этническом плане как индоиранское.

Обращает на себя внимание яркий погребальный обряд, зафиксированный в кургане II Кинзельского могильника, в котором наиболее сложным внемогильным оформлением отличалось основное погребение I (рис. 5, 2, 3). В процессе сооружения этого кургана реконструируется несколько этапов. Первоначально, на уровне погребенной почвы, горел один или, вероятнее всего, несколько ритуальных костров, в которых были сожжены части туш животных, что документирует совершение обряда жертвоприношения животных. После своеобразного «очищения огнем» подкурганной площадки устроители кургана разровняли слой золы, углей и измельченных кальцинированных костей и вырыли могильную яму. Материковый выкйд из погребения накрыл золистый слой, по периферии которого из материковой глины был сформирован небольшой вал. Дно погребальной камеры устлано растительной (травяной) подстилкой, на которую было помещено тело покойного и сопутствующий погребальный инвентарь, тленая составляющая которого не сохранилась. Над могилкой соорудили мощный деревянный на-

катник, а пространство между ним и валом устлано травой. После совершения жертвоприношения (сосуд 1) была возведена насыпь кургана.

Отмеченные выше элементы погребальной практики встречаются в различном сочетании в раннесрубных комплексах Поволжья и Приуралья. В Башкирском Приуралье, например, в Юматовском кургане было прослежено углистое пятно от кострища, а в I Биккуловском могильнике зафиксирована предварительная подготовка подкурганной погребальной площадки с помощью обжига (Морозов, 1993, с. 12).

Материалы I Кинзельского могильника отчетливо демонстрируют реминисценции, пережитки погребальных традиций среднего бронзового века. В раннеполтавкинской группе погребений Среднего Поволжья отмечено сооружение деревянных оградок, валов из глины и золы вокруг могил (Васильев, 1979, с. 32). Прослеженные в заполнении их могильных ям прослойки дерева, бересты, травы, камыша, мела, охры и сгоревшей органики, слои глины и песка, по мнению И.Б. Васильева, свидетельствуют о сложных и длительных ритуалах, большой роли огня в погребальной практике полтавкинских племен (Васильев, 1979, с. 33). Характеризуя I обрядовую группу средневожской полтавкинской культуры, П.Ф. Кузнецов отмечает не только усложненное внутримогильное устройство этой группы захоронений, но и особое оформление подкурганной площадки, создание монументальных насыпей (Кузнецов, 1989, с. 16). В специальной работе, посвященной огненному культу у ямных и полтавкинских племен, Р.С. Багаутдинов указал на случаи предварительной подготовки огнем подкурганной площадки (Багаутдинов, 1984, с. 21). Особая организация подкурганного пространства, сооружение валов и деревянных оградок, усложненных погребальный ритуал известны и в памятниках среднего бронзового века Степного Приуралья, например, в кургане I могильника Жаман-Каргала I (Ткачев, 1996, с. 64). Сравнение погребального обряда полтавкинской и срубной культур выявляет ряд существенных параллелей, хотя, разумеется, о прямой преемственности не может быть и речи, так как они стратиграфически разделяются пластом синташтинско-потаповских памятников (Ткачев, 1996). Еще В.Ф. Генинг отметил сложность и длительность ритуалов, большую роль культа огня в погребально-поминальной практике могильника Синташта, сопоставив полученные археологические материалы со сведениями из ведических и зороастрийских письменных источников (Генинг, 1977, с. 70–71, рис. 9, 1). Таким образом, проявления погребальных традиций начального этапа среднего бронзового века в срубных и петровско-алакульских комплексах были опосредованными.

Сложные и многоэтапные обрядовые действия, связанные с конструктивным оформлением ритуальной площадки, устройство объемной могильной ямы и мощного деревянного перекрытия, крупные размеры курганной насыпи, сооружение которой потребовало значительных трудозатрат древнего коллектива, свидетельствуют о довольно высоком социальном положении умершего, но отсутствие престижного знакового инвентаря, видимо, исключает его из круга наиболее социально значимых захоронений, хотя известно, что погребальный обряд не всегда адекватно отражал реальный социальный статус умершего. С.А. Токарев указывал, что все погребальные ритуалы направлены на достижение двух главных целей: 1) ограждение живых от мертвых; 2) восстановление нормального функционирования коллектива, нарушенного смертью одного из его членов (Токарев, 1979, с. 95). По мнению Р.С. Багаутдинова, валы из золы и глины, углистые и глиняные прослойки над полтавкинскими погребениями являются остатками совершенного обряда ограждения живых от мертвых (Багаутдинов, 1984, с. 21). В материалах могильника Кинзелька I, по всей вероятности, мы сталкиваемся с археологической фиксацией совершения данного обряда в срубной среде. Исследователи уже не раз отмечали, что погребально-поминальные действия сильно различаются по характеру и степени сложности в зависимости от того, кого хоронят. Исполняемые обряды обычно тем сложнее, чем более влиятельное прижизненное положение занимал покойник. С.А. Токарев отмечал, что обряды обезвреживания покойника, обряды, в которых проявляется страх перед ним, имели место по преимуществу как раз при погребении влиятельных лиц (Токарев, 1990, с. 182). Из этнографии известно, что чем более близким и более влиятельным был умерший родственник, тем больше страха вызывал он в живых. Логичен вывод, что страх перед умершим есть явление социально опосредованное (Токарев, 1990, с. 182). Следовательно, пышность, сложность и длительность погребальных церемоний были связаны с реальным прижизненным социальным статусом (или рангом) умершего. Наиболее сложными и длительными, а иногда и многоактными были обряды обезвреживания тех покойников, которые при жизни являлись отправителями культа (жрецы, шаманы) или в глазах родственников и соплеменников обладали магической или колдовской силой (колдуны, маги, знахари и т. д.). Боязнь умершего в древнем социуме в известной мере является отражением зарождающегося социального расслоения, а отсюда в значительной мере и обусловленность тех обрядовых действий, которые были направлены

на обезвреживание мертвеца (Токарев, 1990, с. 182). К таким действиям можно отнести связывание или пеленание трупа, ломание членов, отсечение головы и конечностей, полное расчленение трупа, закрытие естественных отверстий в теле комками глины, охры или чем-либо другим, многократное перезахоронение останков, порча погребального инвентаря и оставшихся личных вещей умершего, и т. д. Таким образом, степень сохранности костяка в погребении Кинзелька I 11/1, возможно, объясняется не только естественными процессами разрушения и деятельностью землеройных животных, но и исполнением каких-либо действий по «обезвреживанию» мертвеца. Исходя из степени сложности погребального ритуала данного комплекса, можно предположить, что умерший как-то был связан с культовой сферой или, вероятнее всего, при жизни наделался в глазах людей магической силой.

В свете вышеуказанной этнокультурной атрибуции населения срубной общности вызывают интерес параллели, которые обнаруживаются при сопоставлении деталей погребального обряда, прослеженных в кургане 11 I Кинзельского могильника, и данных ведических и авестийских текстов. Наиболее полные описания погребального обряда ариев и иранцев содержатся в мандале X Ригведы («Веда гимнов»), в «Книге мертвых» (Книга XVIII) Атхарваеды («Веда заклинаний»), в гимне «К Агни — похоронному костру и огню домохозяйина» (Атхарваеда, XII, 2), в фрагменте VIII Видевдата («Закона против демонов», одной из книг Авесты) и в целом ряде других источников, соотнесение с которыми археологических материалов уже неоднократно проводилось исследователями (Генинг, 1977; Кузьмина, 1986 и т. д.)⁴.

Неоднозначна культурно-хронологическая интерпретация материалов курганов 16, 21 и 22 VI Рязановского могильника, стратиграфия которых не характерна для степных курганов. Четко определяется культурная принадлежность лишь кургана 21 (рис. 2, 2-4), который по керамике относится к срубной культуре (рис. 13, 1-4). Курган 21 не содержал погребальных конструкций, но в нем отмечено большое по площади кострище, найдены сосуды, кости животных и фрагменты черепа человека, связанные, видимо, с совершением обрядов жертвоприношения и тризны. Вероятно, курган 21 представлял собой культовый комплекс, предназначенный главным образом для отправления поминальных ритуалов. Скопления детских костей в кургане 16 (рис. 3, 1) условно определены как погребения. Возможно, курган 16 относится к бронзовому веку. В это же время, видимо, был сооружен курган 22 (рис. 3, 4). Имеются некоторые основания предполагать ритуальный, культо-

вый характер комплексов, подобных курганам 16 и 22, бесспорная культурно-хронологическая атрибуция которых сейчас невозможна.

К эпохе железа относятся три впускных захоронения (Рязановка V 14/1, 14/4, Кинзелька I 11/2). Костяки в них покоились на спине, в выгнутом положении, головой ориентированные на юг (Рязановка V 14/1, 14/4) или запад (Кинзелька I 11/2). Погребения были совершены в узких могильных ямах подпрямоугольной формы с закругленными углами. Возможно, яма погребения Рязановка V 14/4, впущенного в одно из раннесрубных захоронений, имела заплечки, так как над ним прослежены хорошо сохранившиеся остатки деревянного перекрытия из поперечно положенных плах, концы которых далеко выходили за контуры могильной ямы. Погребения Рязановка V 14/1 и Кинзелька I 11/2 безынвентарны. Судя по обряду, первое из них относится к сарматской эпохе, а второе может относиться как к

савроматскому, так и к раннемусульманскому времени. Только в погребении Рязановка V 14/4 обнаружен сопровождающий умершего инвентарь из сосуда и железного однолезвийного ножа (рис. 12, 2, 4). В сосуде находились остатки напущенной мясной пищи (кости барана). Подобная посуда была достаточно широко распространена и относится, по классификации М.Г. Мошковой, к отделу II – плоскостонные лепные горшки с яйцевидным туловом (Мошкова, 1963, с. 25–26; табл. 5, 8, 10; 7, 6). Близкая керамика также имеется в материалах I Кардаиловского и Покровских некрополей, исследованных в последние годы в Илекском и Соль-Илецком районах Оренбургской области (Курганы... 1994, с. 117, рис. 38, 5; с. 174, рис. 97, 3; Моргунова, 1996, с. 35, рис. 14, 1–8 и т. д.). По погребальному обряду и инвентарю это захоронение относится к развиту периоду прохоровской культуры и датируется III–II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, с. 20, 21).

Примечания

¹ Выражаем благодарность Н.М. Ледяеву за разрешение опубликовать материалы раскопок.

² Определения составов формовочных масс визуальное.

³ В шумерском пантеоне, например, бог Луны Син выступал в образе рогатого змея. Известны образы божественного пернатого змея Кетцалькоатля у американских индейцев, Великого Дракона у народов Дальнего Востока, Змея Горыныча у восточных славян и т. д. Зачастую отношение к змеиным культам было двойственным, так как они олицетворяли и светлые, и темные, что бывало чаще, силы. В индоиранской мифологии одно из центральных мест занимает змеборборский миф об убийстве богом грозы и войны Индрой демонического змея (дракона) Вритры. Негативное, с опаской, отношение к пресмыкающимся выражается в многочисленных ведических заговорах и заклинаниях (Ригведа, I, 191; Атхарваведа, II, 31; 32; V, 13; 23; VI, 12; 56; 100; VII, 56; 88; X, 4 и т. д.). С другой стороны, существовала вера в божественный род змей, который почитали. Такой биполярный подход, например, хорошо демонстрирует один из заговоров Атхарваведы (X, 4), который, согласно традиции, обращен к Такшак, царю божественного рода змей. У многих народов многозначный образ змеи также являлся символом мудрости. Позднее у иранцев-зороастрийцев уже всех насекомых и пресмыкающихся причисляли к *храфстра*, вредным существам мира зла; уничтожение которых объявлялось богоугодным делом (Бойс, 1994, с. 90–91, 272).

⁴ Отметим тот факт, что ритуальная подкурганная площадка (Кинзелька I, *Курган 11*), на которой разжигались костры, в плане имела подпрямоугольную форму. Священное место для исполнения религиозных ритуалов, называвшееся позднее зороастрийцами *пави* («чистое место»), у индоиранцев представляло собой ровный участок земли в виде прямоугольника, который отмечался проведенными с молитвами бороздами. Это делалось для того, чтобы избежать воздействия злых сил. Затем, чтобы отметить данное священное место, очерченную территорию опрыскивали чистой водой и еще раз освящали молитвами (Бойс, 1994, с. 16). Зафиксированное в кургане 11 I Кинзельского могильника сожжение животных находит многочисленные аналогии в религиозной практике индоиранских племен. Культ бога огня Агни и разнообразный огненный ритуал были характерны как для ведических ариев, так и для индоиранцев. В ведической традиции различаются две ипостаси бога огня: Агни – «пожиратель трупы» (похоронный огонь) и Агни – «огонь домохозяйна» (покровитель жертвоприношений и защитник). Приношения огню и воде составляли основу ежедневных богослужений, называемых у индоариев *яджна*, а у иранцев – *ясна* (Бойс, 1994, с. 14). Наиболее ортодоксальными проявлениями культа огня были кремации животных и людей. Сожжения частей туш животных считались не только особыми жертвоприношениями для бога Агни, воплощением которого являлся огонь. Они предназначались и другим богам, так как Агни одновременно служил и перевозчиком всех жертв. «Пожиратель» Агни доставлял приношения богам и «отцам» (душам предков).

Агни, увозящий трупы,
 Должен принести жертву отцам,
 укрепляющим правду,
 Да провозгласит он жертвоприношения
 И богам, и отцам !

(Ригведа, X, 16, 11)

Индоиранцы верили, что их боги довольствуются ароматом жертвоприношения и самим намерением его жертвователя (Бойс, 1994, с. 15). Робертсон Смит утверждал, что первоначально принесение жертвы было не даром божеству, а формой общения членов рода между собой и божеством рода (Токарев, 1981). Таким образом, умерщвление и поедание жертвенного животного – это совместная родовая трапеза, в которой приглашали принять участие и божество, или тотем рода. Возможно, и практика жертвоприношений у индоиранцев сходит к подобным архаическим представлениям.

Параметры и оформление погребальных камер в синташтинских, петровских, алакульских и срубных захоронениях также встречают яркие параллели в письменных источниках (Генинг, 1977, с. 65, 70–72; Кузьмина, 1986, с. 79–80, 86–90; Халяпин, 1998, с. 66 и др.). Похоронный обряд связан с верой в потустороннее жилище мертвых, своеобразной моделью которого выступает погребальная камера, предназначенная для изоляции тела покойника, чтобы избежать осквернения «чистой» земли мертвой плотью (Генинг, 1977, с. 65; Кузьмина, 1986, с. 79; Бойс, 1994, с. 24; Халяпин, 1998, с. 66). М. Бойс отмечает, что зороастрийское слово *дахма*, восходящее к индоевропейскому корню *dhmbh* – «хоронить», первоначально, видимо, обозначало «могила» (Бойс, 1994, с. 24). В Ригведе известны два альтернативных способа обращения с умершим – кремация и ингумация (Ригведа, X), а в более поздней Авесте – уже три, включая и труповыващение (Авеста. Видевдат, V, 7; 45; 49; VIII). Однако у зороаст-

рийцев богоугодным уже считалось только выставление трупов. В срубно-алакульское время отмечены в качестве альтернативных погребальных норм трупосождения, символические или мемориальные погребения (кенотафы), вторичные захоронения и трупорасчленения, но ведущим канонизированным способом обращения с умершим являлось все-таки труположение.

После помещения в могилу тела умершего или его останков выполнялся особый ритуал «кормления» покойного (Атхарваведа, XVIII, 4, 16–28). Ритуал «кормления» Герберт Спенсер считал древнейшей формой жертвоприношения (Токарев, 1981). При завершении похоронного обряда устроителями выполнялись искупительные и очистительные ритуалы, цель которых заключалась в очищении от скверны мертвой плоти, искуплении ошибок при исполнении жертвоприношений и защите живых людей, ограждении их от дурного и злого влияния мертвеца и «пожирающего трупы» Агни, связанных с царством Ямы (Йимы), миром мертвых. Ритуалы сопровождалась заклинаниями и приношениями, обращенными к другой ипостаси Агни – огню домохозяйина», от которого зажигались очистительные огни. Применялся и магический обряд, состоявший в том, что за похоронной процессией веткой стирали следы на дороге (Атхарваведа, XII, 2, 29–30), дабы скрыть путь из царства мертвых в мир живых. Письменные источники документируют существование у индоиранцев обычая возведения земляной насыпи или каменной ограды над могилой (Ригведа, X, 14; 18, 4; Атхарваведа, XII, 2, 23; XVIII, 4, 66–67). И позднее живые родственники должны были заботиться о душах своих близких еще в течение 30 лет после их смерти, регулярно совершая обряды кормления и одевания мертвых. Только по истечении этого срока душа полностью соединялась с обществом мертвых (Бойс, 1994, с. 23–24).

Список литературы

- Авеста. Видевдат. Фрагарт восьмой // ВДИ. 1994. № 1.
 Агапов С.А., Иванов А.Ю. Об одном типе украшения срубной культурно-исторической общности Среднего Поволжья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- Атхарваведа. Избранное. Перевод, комментарий и вступительная статья Т.Я. Елизаренковой. М., 1995.
- Багаутдинов Р.С. Применение огня в погребальном ритуале ямной и полтавкинской культур // КСИА. 1984. № 177.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб, 1994.
- Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация срубной культуры десостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Генинг В.Ф. Могилиник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4.
- Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992.
- Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Периодизация срубной культуры Приуралья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975.

Кузнецов П.Ф. Полтавкинская культурно-историческая общность. Препринт. Свердловск – Куйбышев, 1989.
Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.

Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994.

Моргунова Н.Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург, 1996.

Морозов Ю.А. Хронология погребальных памятников срубной культуры Южного Приуралья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д 1–10. М., 1963.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992.

Овчинникова Н.В. Отчет о раскопках кургана № 3 Алексеевского курганного могильника в Бугурусланском районе Оренбургской области. Самара, 1993 // Архив ИА РАН.

Отрошенко В.В. К вопросу о покровской срубной культуре // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. Саратов, 1997.

Ригведа. Избранные гимны. Перевод, комментарий и

вступительная статья Т.Я. Елизаренковой. М., 1972.

Ригведа. Мандалы I–IV. Перевод, комментарий и вступительная статья Т.Я. Елизаренковой. М., 1989.

Ткачев В.В. О курганной стратиграфии полтавкинских и синташтинских погребений в Степном Приуралье // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Уфа, 1996.

Токарев С.А. О религии как социальном явлении // СЭ. 1979. № 3.

Токарев С.А. Жертвоприношения // Наука и религия. 1981. № 4.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.

Федорова-Давыдова Э.А. Памятники эпохи бронзы на р. Кинделе // Экспедиция ГИМ. М., 1969.

Федорова-Давыдова Э.А. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

Халаян М.В. Курганы срубной культуры у с. Свердловлово // Археологические памятники Оренбуржья. Выпуск II. Оренбург, 1998.

Халаян М.В. Памятники эпохи средней бронзы Южного Приуралья (по материалам Оренбуржья) // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону, 1998 //

Список иллюстраций

Рис. 1. V Рязановский могильник. 1 – общий план; 2 – выноска центральной части кургана 14; 3 – разрез кургана 14. Условные обозначения: а) дерн, б) насыпь, темно-серый гумус с вкраплениями глины, в) погребенная почва, черный гумусированный суглинок, г) материк, желтая глина, д) слой твердой почвы, е) могильный выкид, ж) заполнение погребения 3.

Рис. 2. VI Рязановский могильник. 1 – общий план; 2 – план кургана 21; 3 – разрез кургана 21. Условные обозначения: а) пахотный слой, б) слой светло-коричневой супеси, в) слой чернозема, г) слой коричневого суглинка, д) материк, желтая глина; 4 – выноска участка скопления культурных остатков.

Рис. 3. VI Рязановский могильник. 1 – план кургана 16; 2 – разрез кургана 16; 3 – разрез кургана 22; 4 – план кургана 22. Условные обозначения: а) пахотный слой, б) насыпь, в) погребенная почва, г) заполнение ямы, д) материк, е) скопление детских костей в погребении 2 кургана 16.

Рис. 4. VI Рязановский могильник. 1 – план кургана 23; 2 – разрез кургана 23; 3 – курган 23, погребение 2; 4 – курган 23, погребение 1. Условные обозначения: а) пахотный слой, б) насыпь, темно-серый гумус с вкраплениями глины, в) погребенная почва, серо-коричневая гумусированная супесь, г) материк, желтая глина, д) камень.

Рис. 5. I Кинзельский могильник. 1 – общий план; 2 – выноска центральной части кургана 11; 3 – разрез кургана 11. Условные обозначения: а) дерн, б) насыпь, коричнево-серый суглинок, в) погребенная почва, плотный серый суглинок, г) материк, красноватая глина, д) заполнение впускного погребения 2, е) материковый выкид, ж) прослойка золы и углей, перемешанная с кальцинированными обломками костей, и) деревянные плахи, к) травяная подстилка.

Рис. 6. II Пролетарский могильник. 1 – общий план; 2 – план кургана 1; 3 – разрез кургана 1. Условные обозначения: а) дерн, б) насыпь, темно-коричневый гумусированный суглинок, в) погребенная почва, серый суглинок, г) материк, желтая глина, д) могильный выкид, е) сучина, ж) дерево, з) развал сосуда.

Рис. 7. V Рязановский могильник, курган 14. 1 – жертвенник; 2 – погребение 1; 3 – погребение 2.

Рис. 8. V Рязановский могильник, курган 14, погребения 3 и 4: 1 – план; 2 – разрез. II Пролетарский могильник, курган 1: 3 – погребение 5; 4 – погребение 6.

Рис. 9. I Кинзельский могильник, курган 11: 1 – погребение 2; 2–4 – погребение 1. II Пролетарский могильник, курган 1: 5–7 – погребение 4.

Рис. 10. II Пролетарский могильник, курган 1, погребение 3: 1 и 2 – планы горизонтов; 3 – разрез. Ус-

ловные обозначения: а) дерево, б) материковый выкид, в) погребенная почва, г) материк.

Рис. 11. Керамика. I Кинзельский могильник, курган 11, погребение 1: 1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2. V Рязановский могильник, курган 14: 3 – погребение 4; 4, 5 – погребение 2; 6 – погребение 3. 1–6 – глина.

Рис. 12. Вещевой материал. VI Рязановский могильник, курган 23: 1 – погребение 1; 3, 5 – погребение 2. V Рязановский могильник, курган 14: 2, 4 – погребение 4; 6 – погребение 3. 1, 2, 5, 6 – глина; 3 – камень; 4 – железо.

Рис. 13. Керамика. VI Рязановский могильник, курган 21: 1 – фрагмент сосуда из насыпи; 2 – сосуд 1; 3 – сосуд 2; 4 – сосуд 3. 1–4 – глина.

Рис. 14. Вещевой материал. II Пролетарский могильник, курган 1: 1 – сосуд из насыпи; 2, 4 – погребение 3; 3 – погребение 1. 1, 4 – глина; 2 – лапа; 3 – бронза и золото.

Рис. 15. Керамика. II Пролетарский могильник: 1 – курган 1, погребение 4, сосуд 2; 2 – курган 1, погребение 4, сосуд 1; 3 – курган 1, погребение 5; 4 – курган 3. 1–4 – глина.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории

ГИМ – Государственный Исторический Музей

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук

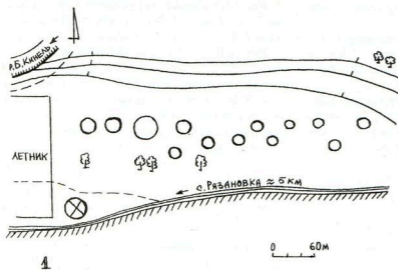
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

ОГПИ – Оренбургский государственный педагогический институт

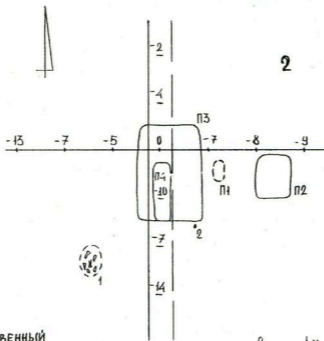
СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СЭ – Советская этнография

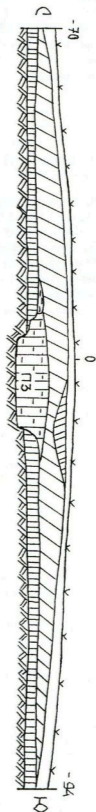
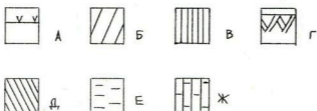

1

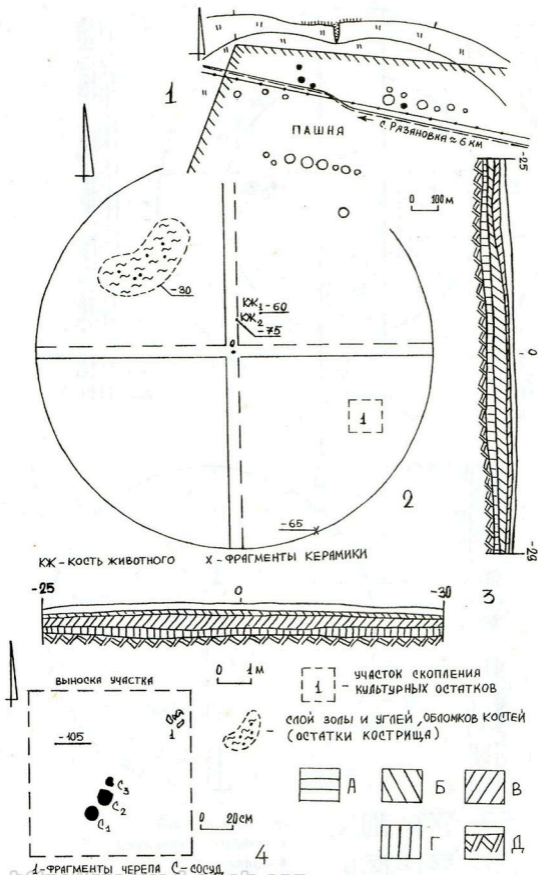

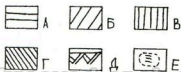
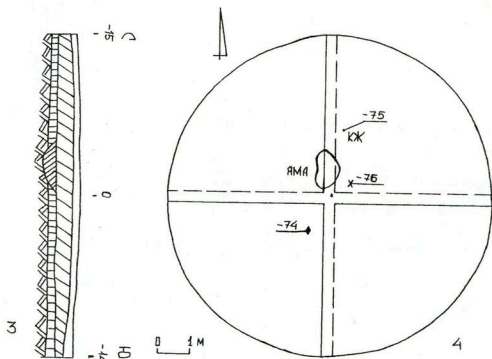
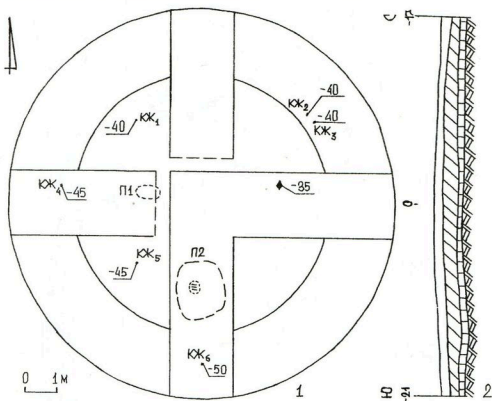
1 - ЖЕРТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС

2 - сарай

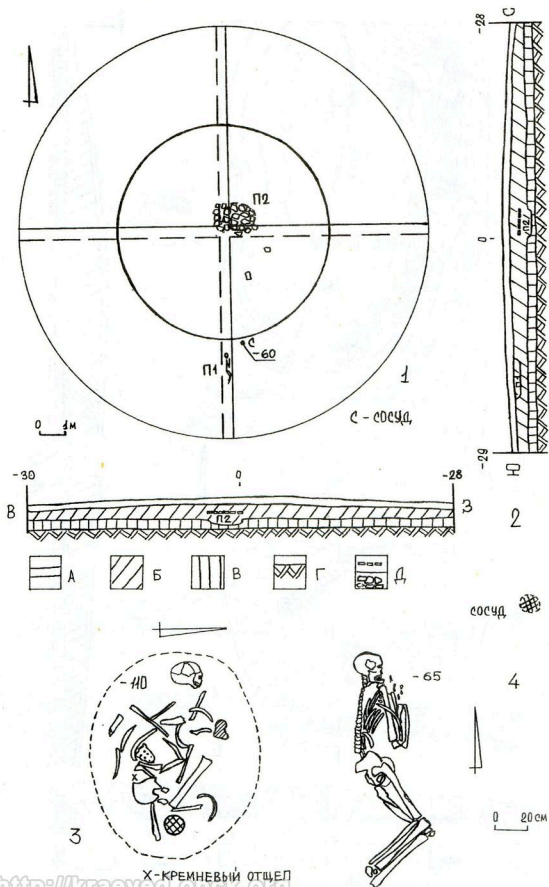
3

КЖ - КОСТЬ ЖИВОТНОГО
 Х - ФРАГМЕНТ КЕРАМИКИ
 Ш - ШЛАК

Рис. 3

Х-КРЕМНЕВЫЙ ОТЩЕЛ

Рис. 4

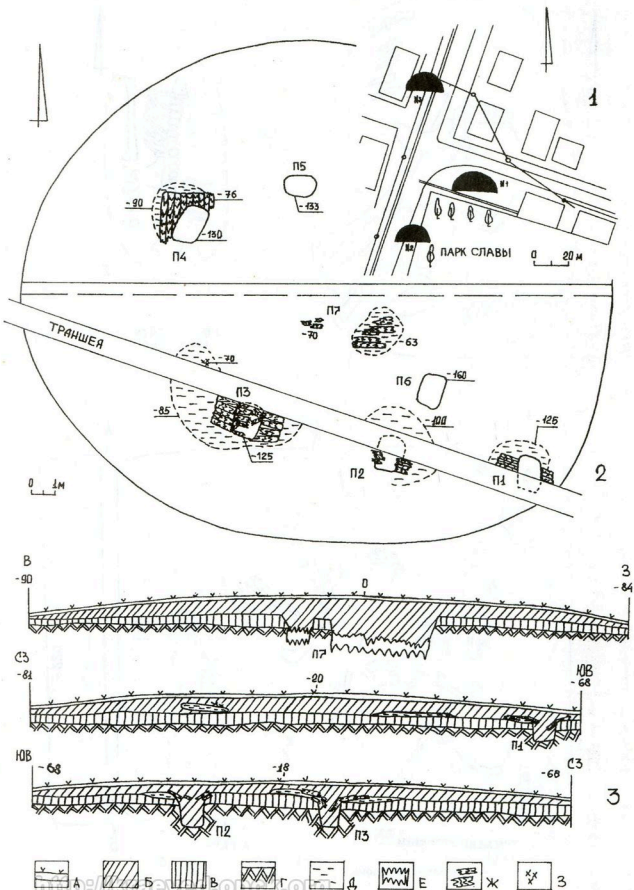

Рис. 6

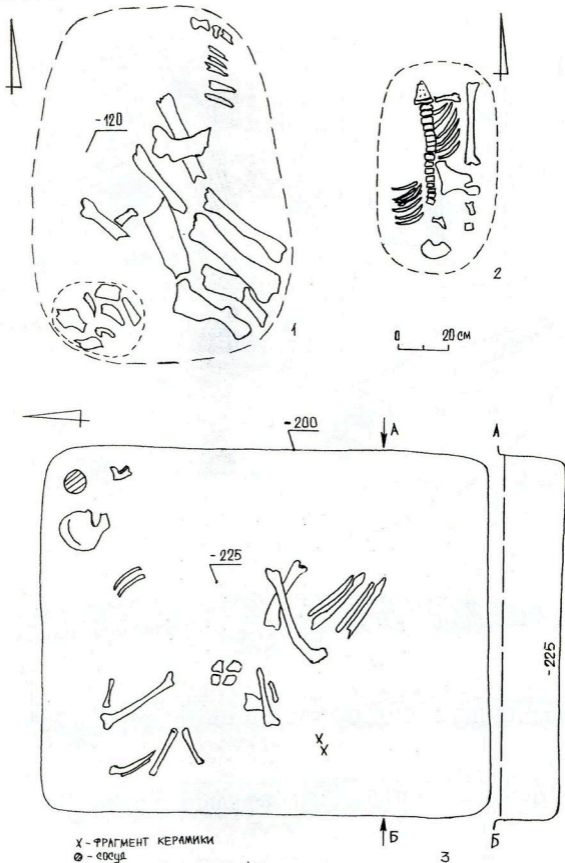
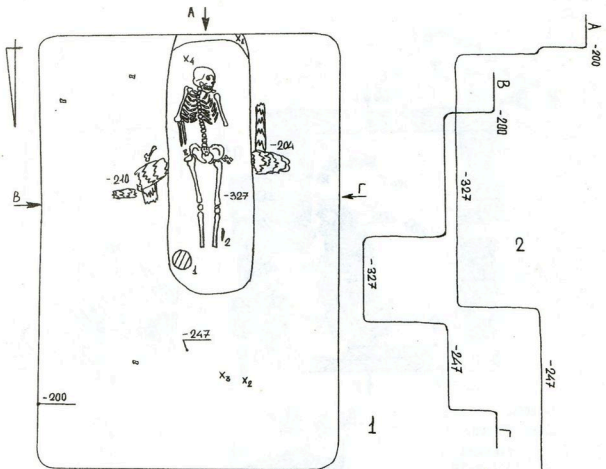
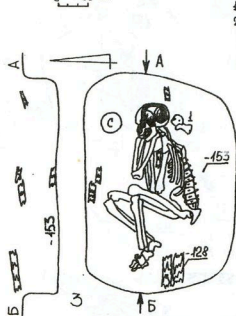

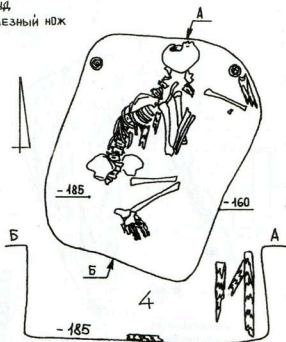
Рис. 7

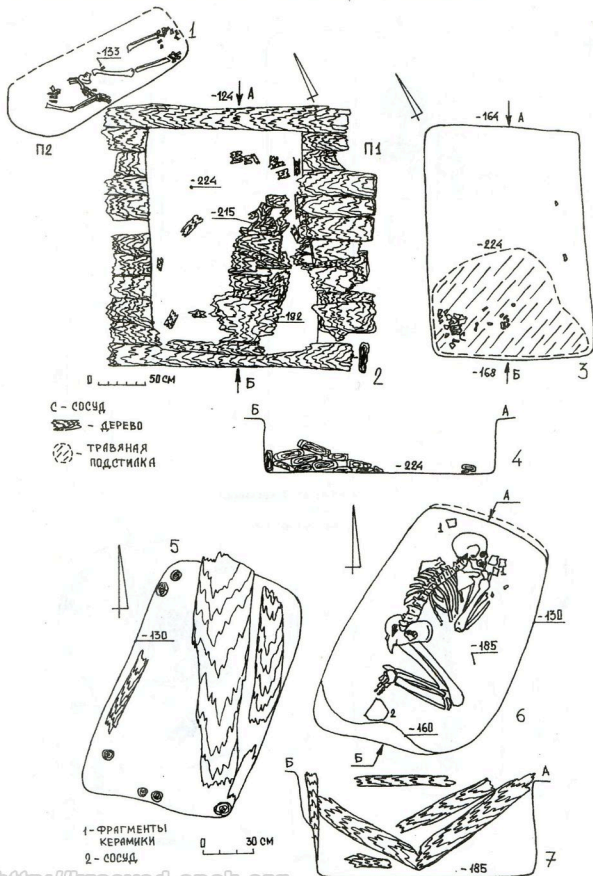

X - ФРАГМЕНТ КЕРАМИКИ
1 - СОСУД
2 - ЖЕЛЕЗНЫЙ НОЖ

С - СОСУД
1 - СУСТАВ ПШАДИ
ДЕРЕВО

<http://kraeved.opck.org>
 История Оренбуржья

Рис. 9

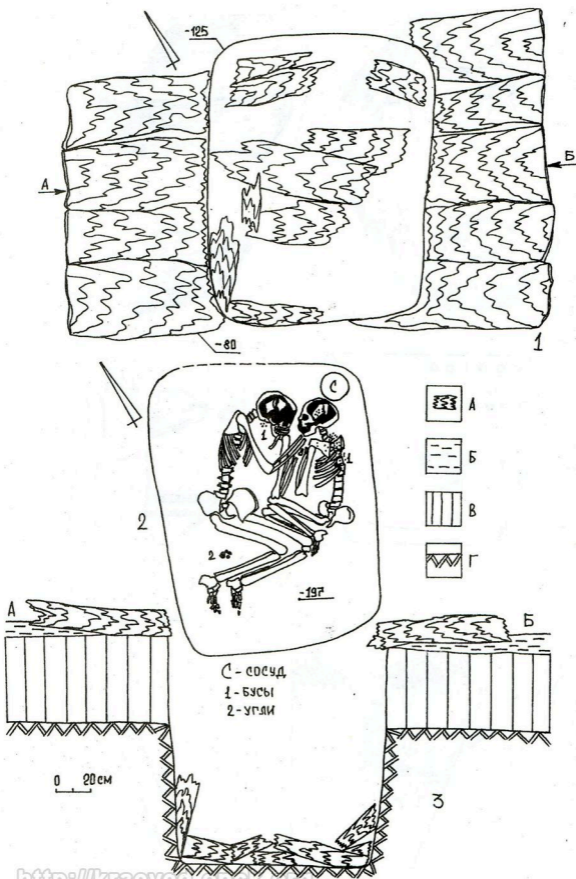

Рис. 10

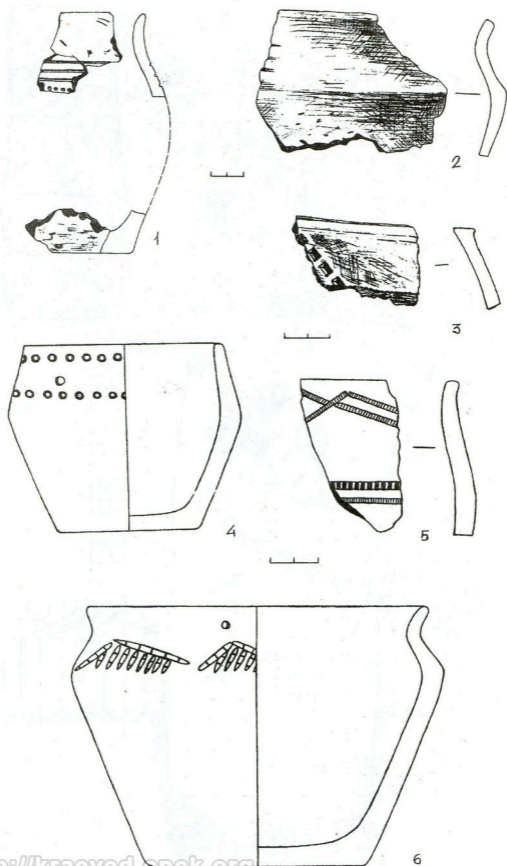
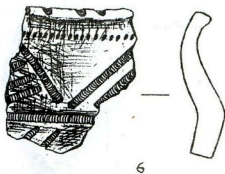
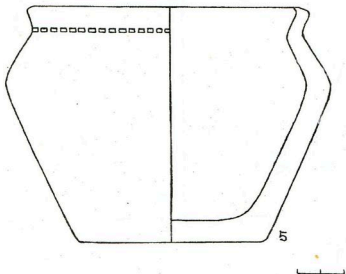
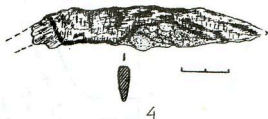
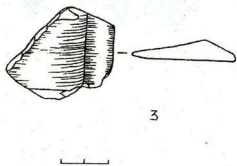
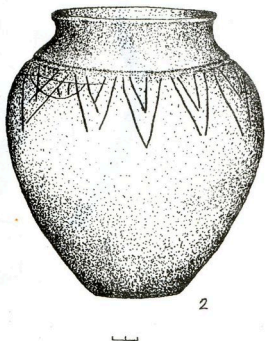
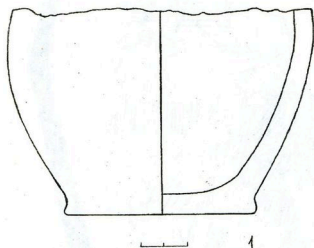
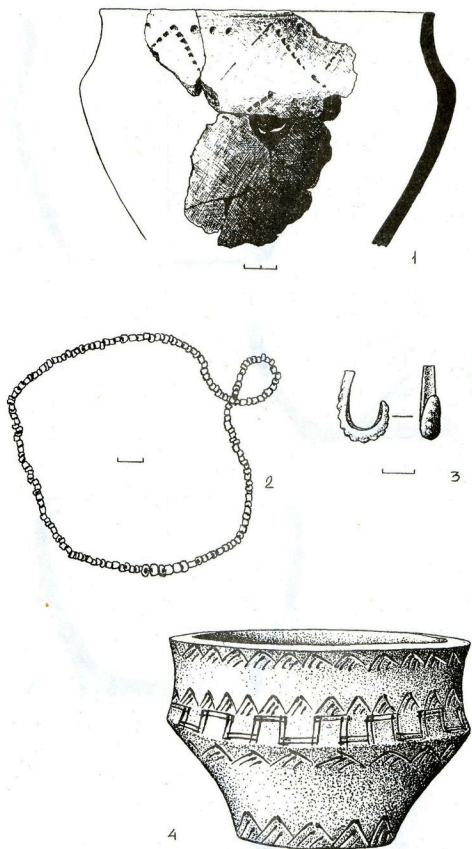
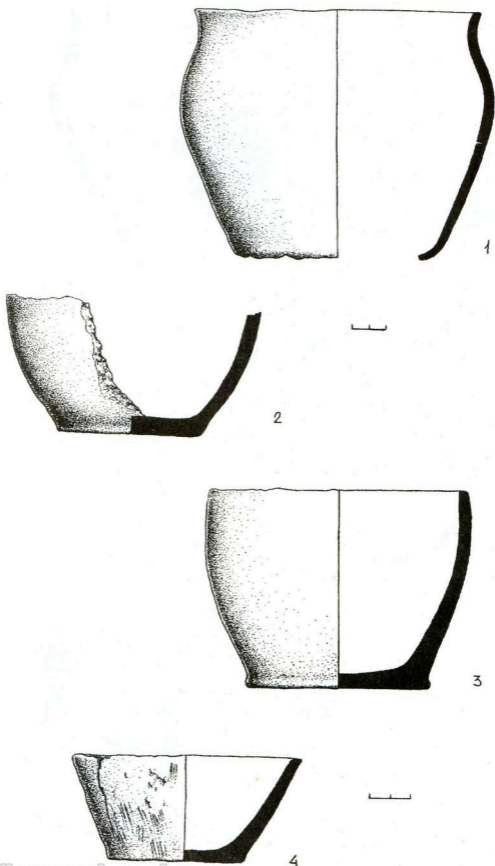

Рис. 11

КУРГАНЫ У ДЕР. ГУМАРОВО В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ

Курганная группа у дер. Гумарово стала широко известной в науке благодаря открытию в ней одного из древнейших погребений скифской эпохи, которое датируется теперь нами концом VIII в. до н. э. (Исмагилов Р. Б., 1981, 1984, 1986, 1987, 1988; Членова Н. Л., 1988, 1993).

Гумаровская курганная группа находилась на правом берегу р. Сакмара (правого притока р. Урал), в 1 км к ССВ от дер. Гумарово Кувандыкского района Оренбургской области, и в 1,5 км от г. Кувандык, на самом краю южной подошвы горы Кеметау. Последняя, наряду с соседними горами Торнатау, Ослотау и другими, составляет южную оконечность собственно Уральского хребта, в то время как расположенные на противоположном левом берегу Сакмары в нескольких километрах от могильника возвышенности относятся уже к системе Губерлинских гор.

Группа состояла из пяти курганов: одного довольно крупного (№ 1) и четырех малых (№№ 2–5), расположенных южнее первого и образующих короткую цепочку, вытянутую в широтном направлении (табл. 1). Она была раскопана в 1979–1980 гг. археологическим отрядом Стерлитамакского Дворца пионеров и школьников.

КУРГАН 1 (табл. II, 1–2). Диаметр насыпи 23 м, высота около 1 м. Насыпь сооружена из обломков дикого камня и грунта; сильно пострадала в 50-х годах, когда камни были использованы местным населением для строительных нужд. В центральной части кургана (в засыпке ямы погребения 2) рабочими было обнаружено каменное изваяние, верхняя часть которого была ими сломана, извлечена и несколько позднее попала в Оренбургский краеведческий музей (Попов С. А., 1964, с. 264; Тереножкин А. И., 1976, рис. 73, 2; Савинов Д. Г., Членова Н. Л., 1978, с. 78; Тереножкин О. И., 1978, с. 16; Чариков А. А., 1980, с. 130–133; Членова Н. Л., 1981, с. 15, 16; 1984; 1988). Точное воспроизведение изваяния см.: Исмагилов Р. Б., 1987, с. 89; рис. 1. По просьбе узнавшего о гумаровском изваянии московского археолога Л. Р. Кызласова уфимский исследова-

тель С. М. Васюткин в центре кургана, предполагаемом месте находки изваяния, заложил небольшой шурф глубиной около полуметра, не давший, впрочем, никаких результатов (устная информация С. М. Васюткина).

В 1980 г., после разборки остатков каменно-грунтовой насыпи, на уровне погребенной почвы выявились контуры большой могильной ямы (№ 2), имеющей форму ромба с закругленными углами, размером 6,03 x 5,18 м, глубиной (от уровня погребенной почвы) 2,2 м, ориентированной 3–В. Яма была окружена кольцевым выкидом шириной 4,0–4,5 см и мощностью до 0,7 м, внешняя часть которого состояла из желтой материковой глины, а внутренняя – из чернозема. Под выкидом, на южном краю ямы, на уровне древнего горизонта лежали в полном беспорядке кости неполного человеческого скелета и обломки лепного глиняного сосуда. Очевидно, они относятся к древнейшему в кургане основному погребению (№ 1), разрушенному при сооружении ямы погребения № 2. Сосуд (табл. III, 5) поддался графической реконструкции. Предполагаемая высота 19,5 см, диаметр устья 26 см. Венчик почти прямой, на переходе от шейки к тулову имеется характерный уступчик, днище слегка вогнуто. Орнамент в верхней части сосуда выполнен резьбой или гладким штампом и воспроизводит круговые пояска линий, заштрихованные ромбы и, вероятно, горизонтальный зигзаг.

Судя по типу сосуда и ингумированным костям человеческого скелета, погребение № 1 относится к алакульской культуре эпохи поздней бронзы и датируется серединой II тыс. до н. э.

В западной части засыпки ямы, точнее, на уровне древнего горизонта, были зафиксированы бронзовое зеркало и каменный столик (в положении вверх дном). Довольно тщательно изготовленный из желто-серого песчаника, столик круглой формы имел три круглые в сечении ножки и невысокий бортик по верхнему краю; его диаметр 16 см, высота 7 см (табл. III, 4). Бронзовое зеркало в виде круглого плоского диска с обломанными

краями (диаметр сохранившейся части 13 см), покрытое дикой папиной, имеет на краю два горизонтально расположенных отверстия диаметром 0,1 см, служившие, очевидно, для крепления несохранившейся рукоятки из органического материала (табл. III, 3).

Очень плотная засыпка ямы состояла из обломков дикого камня и грунта. Ближе к дну часто встречались обожженные, покрытые сажей и иногда потрескавшиеся под воздействием огня камни, а также довольно крупная, до 1–2 кг весом, речная галька исключительно светлых тонов, со следами огня. Костер, очевидно, был разложен на мощном бревенчатом перекрытии в западной части ямы, где фиксировались скопления обожженных камней, лежавшие на уровне древнего горизонта. Остатки перекрытия прослеживались вдоль всего верхнего края ямы в виде полосы желтоватого тлена мощностью до 0,25 м, ниже которого по бортам могилы ловились целые участки, покрытые нетолстым слоем тлена буроватого цвета (кора или береста?). Очевидно, остатки костра вместе с набросом речной гальки и камнями насыпи упали в яму после того, как рухнуло прогоревшее перекрытие.

Среди камней заполнения могилы, примерно посредине ямы, был найден вертикально стоявший обломок нижней части изваяния, длиной 0,91 м, практически упирившийся нижним концом в дно могилы.

На глубине около метра сильно скошенные до этого стенки ямы становились почти отвесными, а размер ее сокращался до 4,5 x 3,34 м. Дно было покрыто слоем растительного тлена. По периметру нижнего края ямы наблюдалась колецевая засыпка шириной 0,6–1,06 м, высотой до 0,4 м из сброшенной обратно вниз материковой глины, на которой, вероятно, покоилось легкое перекрытие из коры, куски которой встречались в нижней части ямы (если, впрочем, они не попали в яму вместе с бревенчатым перекрытием).

На дне, чуть ближе к южной стенке, отчетливо следы совершенно истлевших погребальных носилок, изготовленных из тонких веток, скрепленных с более толстыми (до 0,05 м) одинарно-двойными поперечными жердями (табл. II, 2). Рама прямоугольной формы, размером 2,7 x 1,73–1,68 м, также изготовлена из толстых жердей. Ориентация носилок совпадала с общей ориентацией ямы 3 – В.

На носилках зафиксированы останки двух погребенных (бедренные кости и таз), лежавших, очевидно, на спине, головой на 3, параллельно друг другу. Под костями на носилках прослеживался еще один слой тонкого растительного тлена. Под северным краем носилок найдены целевшие от ограбления три золотые обкладки несохранившегося, очевидно, деревянного сосуда, из-

готовленные из тонкого листа, с ровно обрезанным или фигурным краем, размером 2,4 x 2,0; 4,2 x 1,7; 3,9 x 1,6 см. В отверстиях, пробитых по краям, сохранилось несколько золотых гвоздиков, свернутых из такой же фольги (табл. III, 1).

В засыпке ямы в разных местах обнаружены две круглые пастовые голубые бусины с синими глазками, диаметром около 1 см (табл. III, 2).

Под узкой восточной стенкой могилы обнаружена овальной формы катакомба (подбой), длиной ок. 2 м, шириной 1,23 м и высотой 1,02 м, ориентированная по длинной оси с СЗ на ЮВ. Дно подбоя, устроенное на той же глубине, что и дно «основной» могилы, бывшей в некотором роде входной ямой катакомбы, было укрыто слоем растительной подстилки, общей с подстилкой входной ямы. На дне подбоя головой на ЮВ на спине, чуть скорченно, лежал скелет воина. У края подбоя, против коленного сустава воина леги ноги воина находилась кучка костей небольшого животного (хвостовые позвонки овцы?). Между правой рукой и северной стенкой подбоя лежал кожаный колчан, оббитый мехом (сохранился кусок около наконечников стрел), длиной ок. 0,6 м. Колчан лежал параллельно телу погребенного. На колчане, вдоль его СВ края, в один ряд, мордами вниз (в сторону наконечников стрел) лежали 5 фигурок оленей из литого золота (длина 4,8 см, высота 2,6 см), некогда пришитые к колчану, судя по петлям на обратной стороне фигурок.

В самом колчане, острием вниз, плотной пачкой в 3 ряда лежали 89 наконечников стрел, из которых 88 – бронзовые, преимущественно двухлопастные ассиметрично-ромбической формы, а также трехлопастные с острыми лопастями и без них, один наконечник ромбического сечения; остальные – трехлопастные черешковые. Один наконечник, имевший две лопасти, был железным (не сохранился). Почти все наконечники на протяжении 5–10 см сохранили свои черешки (табл. XI).

На юго-восточном конце колчана найдено несколько бесформенных кусочков распавшегося серебряного предмета, некогда бывшего, вероятно, колчанным крючком. Кроме того, в области колчана найдено несколько небольших, плохо сохранившихся серебряных гвоздиков, видимо, крепивших колчан. Такие же гвоздики найдены в дальнем, юго-восточном углу катакомбы за головой погребенного.

КУРГАН 2 (табл. IV, 1). Диаметр 11 м, высота 0,51 м. Насыпь каменно-грунтовая, густо поросшая высокой чилигой. Вся центральная часть насыпи с глубины 0,4 м (от вершины кургана) до погребенной почвы насыщена материковой глиной – выходом из основной могилы (I). Диаметр пятна выкида достигал 5 м. В тех же пределах в

насыпи прослеживались следы сожжения перекрытия или какой-то другой деревянной конструкции, о чем можно судить по многочисленным кусочкам угля и пятнам прокала на грунте. Угли встречались также в засыпке всех трех обнаруженных в кургане могил.

Погребение 1 (табл. IV, 2). Основное. На материке яма имела форму овала, ориентированного 3–В. Ее размеры 2,75 x 1,98 м, глубина (от уровня материка) 1,03 м. Стенки сильно скошены вниз; на глубине 0,7 м начинался небольшой круговой подбой высотой около 0,3 м, шириной 0,2 м. Размер ямы по нижнему обводу подбоя 2,45 x 1,4 м.

Засыпка ямы, глинистая в верхней части, включала довольно много угольков и камней и спускалась ко дну ямы не равномерно, а клином, что, очевидно, может объясняться тем, что они попали в яму после обвала сгоревшего, вероятно, перекрытия.

Костяк человека истлел, за исключением лучевых костей левой руки, берцовой кости и части костей плысоны правой ноги. Первоначальное положение костяка – головой на В.

Вещи, сопровождавшие покойного, очевидно, мужчину, располагались на дне ямы двумя скоплениями. У южной стенки, ближе к юго-восточному углу, лежали: костяная ложечка длиной 16 см, с несколькими насечками на конце квадратной в сечении ручки (табл. V, 5); железный ножичек (конец клинка обломан) с горбатой спинкой и с небольшим уступом в месте перехода клинка в черенок, длиной 4,5 см (табл. V, 7); остатки кожного колчана с 27 бронзовыми трехлопастными и трехгранными наконечниками стрел с выступающей втулкой (табл. V, 1); лежавшая под наконечниками овальная плоско-выпуклая каменная плиточка (табл. V, 3). У середины северной стенки найдены: длинный узкий железный нож с подпрямоугольной в сечении массивной невыделенной ручкой с отверстием на конце, длиной 23 см (табл. V, 8), лежавший на ребрах лошади; тщательно обработанный подпрямоугольный в сечении оселок с отверстием на более широком конце, длиной 10 см (табл. V, 4); деревянный (?), полностью истлевший сосудик диаметром 7–8 см, от которого осталась заполненная желтоватым гленом ямка на дне; и, наконец, лепной глиняный сосуд с невысоким узким горлом, отогнутым наружу венчиком, эллипсоидным туловом и уплощенным дном. Внешняя поверхность оранжевого цвета хорошо заглажена или подлощена в тесте примесь гальки и шамота, излом черный. В месте перехода от шейки к тулову имеются два довольно широких желобка, грани которых, как и край венчика, украшены наколами. Ниже желобков помещен горизонталь-

ный ряд выдавленных изнутри палочкой шпичек. Под последними нанесен резной орнамент в виде спиральных, заполненных наколами завитков, а также геометрическая фигура в виде трех последовательно соединенных ромбовидных изображений. Высота сосуда 22,5 см (табл. V, 2).

Погребение 2 (табл. IV, 3). Впускное. Яма подпрямоугольной формы, суженная в середине, размер 2,7 x 0,7–1,0 м, глубина (от уровня материка) 0,23 м, ориентировка ССВ–ЮЮЗ. Восточная стенка ее нарушает западный край более ранней могилы 1. В засыпке много камней.

Костяк истлел полностью, был ориентирован, вероятно, головой на ЮЮЗ. Инвентарь состоял из лепных сосудов и курильницы. Сосуд, высотой 23,5 см, стоявший в северном конце ямы, круглодонный, с шаровидным туловом, довольно высоким горлом со слегка отогнутым наружу венчиком, поверхность хорошо заглажена. Орнамент состоит из пояса заполненных ямками треугольников в верхней части тулова, опущенных от проходящего на стыке шейки и тулова кругового вдавления. В тесте шамот (табл. V, 10). Курильница имеет плоское дно, на боку круглое отверстие, тесто и обжиг плохого качества, изготовлен небрежно, ярко-желтого цвета; высота 3,5 см (табл. V, 9).

Погребение 3 (табл. IV, 4). Впускное. Яма овально-прямоугольной формы, слегка сужена в середине, размер 2,7 x 0,75–0,9 м, глубина (от уровня материка) 0,3 м, ориентировка ВСВ–ЗЮЗ. Костяк истлел, за исключением нескольких зубов, найденных в западно-юго-западном углу.

В том же конце ямы лежало 20 стеклянных пастовых бусин: 3 большие плоские голубоватосиние с такими же глазками, белыми ободками и желтыми крестообразными фигурами; 3 бусины, сходные с описанными, но меньшего размера, без крестовидных фигур и с меньшим количеством глазков; 5 некрупных округлой формы сине-зеленого цвета с синими глазками и белыми ободками; пара таких же, но двойных бус; и, наконец, 7 крупных плоских подтреугольной формы, с тремя соседними выступами по углам, желтого цвета (табл. V, 11). Рядом лежали параллельно друг другу два небольших подквадратных в сечении камня длиной 6 см (табл. V, 12, 13), между которыми находился какой-то совершенно распавшийся небольшой железный предмет.

Судя по расположению зубов и инвентаря, костяк был ориентирован на ЗЮЗ.

На поверхности погребенной почвы под камнями насыпи, рядом с погребением 2 было найдено бронзовое кольцо в 2,5 оборота, диаметром 2,2 см (табл. V, 14), очевидно, к нему и относящееся. В восточной поле насыпи, также на древнем горизонте, лежали обломки неорнаментиро-

ванного сосуда с яйцевидным туловом, суженным горлом и чуть отогнутым наружу коротким венчиком; в тесте примесь талька (табл. V, 15). Там же найдено несколько мелких обломков еще одного сосуда, с примесью шамота в тесте.

КУРГАН 3 (табл. VI, 1). Диаметр 12 м, высота 0,33 м. Насыпь каменно-грунтовая, хорошо задернованная, почти лишенная чилиги.

Единственное погребение выявлено в юго-восточном секторе. Оно совершено на поверхности материка, в яме овальной формы, имевшей на поверхности погребенной почвы размер 3,8 x 2,5 м, а на дне — 2,5 x 1,6 м, ориентированной ВСВ-ЗЮЗ (табл. V, 2). Могила была обнаружена на древнем горизонте благодаря плотному каменному заполнению.

Женский (?) костяк совершенно обломка. От него сохранились лишь два небольших обломка берцовой (?) кости, на которых лежали наконечники стрел, оказавшие консервирующее воздействие. Судя по этим костям и по общей ориентации ямы, погребенная была уложена головой на ЗЮЗ.

В западной половине ямы лежало отполированное бронзовое зеркало длиной 27 см (диаметр диска 15,0–16,6, длина ручки 12 см). Диск в середине слегка выгнут, а края чуть загнуты вовнутрь. Центральная часть оборотной стороны украшена прорезанным изображением шестилепестковой розетки, вписанной в круг. Прямые лепестки к диску уступок плоской, слегка расширяющейся к концу ручки украшен с обеих сторон выбитыми острым предметом геометрическими фигурами в виде зигзагов и полукружностей (табл. VII, 1). Под зеркалом находилась раковина *grifea*, два железных шильца со следами деревянных ручек, длиной соответственно 4 и 7 см (табл. VII, 3) и возле ручки — кусок красной краски (реальгар?). К югу от этих предметов был найден длинный (23,5 см) железный нож с массивной подпрямоугольной ручкой, отделенной от лезвия уступом (табл. VII, 2). Ближе к центру могилы встретились 8 плоских глазчатых стеклянных бусин: 6 — округло-треугольной формы, синего цвета с синими глазками и белыми ободками; 2 — прямоугольной формы, одна из них темно-зеленого, почти черного цвета, с синими глазками и синими же полосками по краям, а другая также темно-зеленого цвета, со светлыми глазками и с желтой петлеобразной полоской (табл. VII, 4). Рядом с бусинами лежал серебряный браслет диаметром 6,5 см, с тупыми несомкнутыми концами, изготовленный из круглой в сечении проволоки (табл. VII, 5).

В центре могилы на дне лежал короткий железный меч длиной 36 см с антенным, возможно, зооморфным навершием и бабочковидным перекрестьем (табл. VII, 8). Вдоль одного из лезвий и парал-

лельно ему находился длинный (около 30 м), тонкий и узкий, слабо изогнутый плохо сохранившийся железный прут, каким-то образом связанный с конструкцией ножен этого меча. Недалеко от последнего находились остатки кожного колчана с 28 бронзовыми наконечниками стрел, в основном, трехлопастных, с выступающими и потайными втулками с обломками древков (табл. VI, 8). Среди наконечников лежал обломок звена бронзовых удил со стремевидными концами (табл. VI, 3). Чуть в стороне найден сделанный из железной пластинки колчаный крючок со сломанным нижним концом и выступающей петлей на расширенном конце, длиной 8 см (табл. VI, 7). В восточном углу ямы стоял маленький (высота 4,5 см) плоскодонный лепной сосудик с биконическим туловом и невысоким, отогнутым наружу венчиком (табл. VII, 6).

За пределами ямы, на погребенной поверхности у ее восточного края, под камнями лежал вверх дном каменный столик овальной формы, на четырех коротких ножках (одна отбита), с рифленным бортиком и ориентированный ладьевидной формы выступом на поддоне. Длина 21 см, ширина 11 см, высота 7,5 см (табл. VII, 7).

В центре кургана на уровне погребенной поверхности найдено плоское железное кольцо диаметром 3,6 см (табл. VI, 4) и несколько фрагментов сосуда с примесью талька в тесте (табл. VI, 6).

КУРГАН 4 (табл. VIII, 1). Диаметр 10 м, высота 0,26 м. После разборки каменной насыпи в нескольких местах восточной половины кургана на древнем горизонте были найдены разрозненные кости животных. В насыпи среди обломков дикого камня довольно часто встречалась светлая речная галька; ее было больше в центральной части кургана и особенно в засыпке ямы единственного погребения. Южнее могилы фиксировалось пятно материкового выкида.

Овальная могила, ориентированная З-В, имела на погребенной поверхности размеры 3,23 x 2,2 м, глубину (от уровня погребенной поверхности) 1,58 м. Ко дну размеры сокращались до 2,73 x 1,3 м, причем, как и в яме погребения кургана 2, в нижней части этой могилы вырыт круговой подбой.

На дне ямы на какой-то органической подстилке, от которой сохранился желтовато-коричневый тлен, лежали на спине два мужских, очевидно, костяка, ориентированные в противоположные стороны (табл. VIII, 2).

Костяк 1 (северный). Ориентирован головой на В, конечности вытянуты вдоль тела. На груди погребенного по диагонали, острием в сторону левого плеча лежал короткий железный меч с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем, длиной 39 см (табл. VIII, 4). На локтевом сгибе правой руки находился железный

колчанный крючок с выступом для подвешивания в верхней части, длиной 9 см (табл. VIII, 7), а в пальцы той же руки был вложен острием вниз железный наконечник копья плохой сохранности, длиной 13 см (табл. VIII, 6). Рядом с ним, также остриями вниз в плохо сохранившемся кожаном колчане лежали 16 бронзовых трехлопастных наконечников стрел с выступающими и потайными втулками, в которых остались обломки древков (табл. VIII, 3). На наконечниках лежали костяная ложечка с поврежденной, может быть, зооморфной ручкой, длиной 15 см (табл. VIII, 7) и плоская каменная плитка длиной 7 см (табл. VIII, 8). Между описанными вещами и стенкой ямы лежала обезглавленная тушка овцы.

Костяк 2 (южный). Ориентирован головой на З. Снаружи бедренной кости левой ноги и параллельно ей лежал короткий железный меч длиной 42 см, аналогичный описанному выше (табл. VIII, 11). В северо-западном углу ямы, за левым плечом остриями вверх лежали в плохо сохранившемся кожаном колчане 50 бронзовых наконечников стрел с выступающей и потайной втулкой, трехлопастных и резе трехгранных (табл. VIII, 10). Над костяком, в засыпке ямы был найден пластинчатый с обломанными концами и петель для подвешивания железный колчанный крючок длиной 6 см (табл. VIII, 9).

КУРГАН 5 (табл. IX, 1). Диаметр 10 м, высота 0,26 м. Под каменно-грунтовой насыпью на уровне древней поверхности выявлены два погребения.

Погребение 1 (табл. IX, 3). Совершено в большой овальной, почти круглой могиле, ориентированной СВ–ЮЗ, имевшей на погребенной поверхности размеры 3,15 x 2,75 м, глубину (от уровня материка) 0,32 м. Ко дну ее размеры сокращались до 2,04 x 1,76 м. В могиле было погребено два человека, очевидно, мужчины.

Костяк 1 (северный). Судя по обломку большой трубчатой (берцовой?) кости, покойник лежал головой на СВ или ВСВ. У северной стенки найден намеренно согнутый в середине лезвия железный меч с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем, длиной 50 см (табл. X, 5); рядом с ним лежала сломанная железная обойма прямоугольной формы из сложенной вдвое пластинки, с прямоугольным отверстием, размером 5,5 x 4,0 см (табл. X, 1), являющаяся, вероятно, деталью портупей или ножен меча; сломанный железный крючок с выступом для крепления в верхней части, длиной 9 см (табл. X, 4); 12 бронзовых наконечников стрел с выступающей и потайной втулкой и с трехлопастными, в основном, головками, лежавших остриями на СВ (табл. X, 3). Ближе к центру могилы на дне лежала плоская железная бляшка с изображением протомы волка с оскаленной пастью, высотой 4,2 см (табл. X, 2).

Костяк 2 (южный). Он лежал головой, вероятно, на ЮЗ или ЮЮЗ, хотя не исключается и противоположная ориентация. Близ юго-западного угла ямы лежал короткий железный меч (длиной 42,5–45 см) с антенным – простым или зооморфным – навершием и бабочковидным перекрестьем (табл. X, 7); обломок железного ножа с массивной подпрямоугольной в сечении невыделенной рукояткой, длиной 12,5 см (табл. X, 6); а также тлен от истлевшего деревянного сосуда, имевшего, вероятно, круглое дно. Выше, в засыпке ямы, найдена часть пластинчатой колчанной застежки с петель для подвешивания, длиной 8 см (табл. X, 8).

Погребение 2 (табл. IX, 2). Могильная яма овальной формы, ориентирована С–Ю, размеры на уровне погребенной почвы 2,97 x 1,66, глубина (от уровня материка) 0,63 м. Ко дну размеры сокращаются до 2,22 x 0,94 м. Засыпка состоит исключительно из белой речной гальки. Женский скелет лежал на спине с разведенными в разные стороны ногами (сохранилась только правая), головой на ЮЮЗ.

Между правой рукой и стенкой ямы стоял развалившийся лепной плоскодонный сосуд с чуть отогнутым наружу венчиком, украшенный в верхней части тулова полоской спускающихся от двойной круговой линии и перемежающихся друг с другом полукруглых шевронов и треугольников. Поверхность желто-коричневого цвета, в тесте примесь шамота. Высота 17 см (табл. X, 14). Между левой рукой и западной стенкой ямы стоял прямоугольной формы столик, изготовленный из светло-коричневой мелкозернистой породы, на двух ножках, размером 21 x 14 см, высотой 7,5 см (табл. X, 15), на котором лежало круглое дисковидное зеркало со сплюсненной центральной петлевидной ручкой, диаметром 14,5 см (табл. X, 13). На запястьях каждой руки было надето по серебряному браслету, диаметром 7 см, с изображением головок животных на тупых несомкнутых концах (табл. X, 12). У локтя левой руки найдено бронзовое многолучевое колесико с рифленым внешним ободом, в центральном отверстии которого сохранился кусочек ремня, диаметром 3,5 см (табл. X, 9). В северо-восточном углу лежала часть тушки овцы, а на ней – обломки железного предмета (табл. X, 10, 11). В засыпке, над костяком, найдено железное шило длиной 6,5 см (табл. X, 6).

Приступая к рассмотрению хронологического соотношения погребальных комплексов Гумаровского могильника, мы хотим подчеркнуть, что предлагаемые нами позиции были обусловлены корреляцией как минимум четырех факторов, позволяющих анализировать последовательность совершения захоронений в данной курганной группе (планиграфия и стратиграфия комплексов, учет специфики инвентарных наборов в мужских и женских погре-

бениях, состав этих наборов и хронологическое соотношение их компонентов). В итоге мы выделяем пять периодов функционирования могильника близ горы Кеметау у дер. Гумарово.

К первому из них относится одно погребение (1) в первом кургане, которое, судя по сосуду алакульского типа, может быть датировано XV–XIV вв. до н. э.

Это погребение было, вероятно, потревожено в конце VIII в. до н. э., когда в каменно-земляную насыпь алакульского кургана была впущена катакомба, содержащая погребение знатного воина раннескифского времени. Поверх этого погребения была сооружена каменная насыпь, на которой было установлено гранитное изваяние. Сооружение этого кургана относится ко второму периоду существования могильника.

К третьему периоду, охватывающему в совокупности время между концом VI – первой третью V в. до н. э., относятся следующие пять погребений: погр. 2 кургана 1, погр. кургана 3, парное погр. кургана 4 и два погр. кургана 5.

На основании планиграфических и стратиграфических данных наиболее ранним в этой группе можно считать погребение 2 кургана 1, к которому, так или иначе, привязаны все малые курганы группы. При сооружении этого погребения была, очевидно, разобрана каменная насыпь над погребением 3 и окончательно сnivelирована насыпь погребальной конструкции алакульского кургана. При этом погребение 1 было полностью разрушено и засыпано выкладом могилы савроматского времени. Видимо, при устройстве последней землекопы ориентировались на рыхлое заполнение входной ямы катакомбы погребения 3, чем объясняется полное совпадение уровня дна в соприкасающихся своими краями погребениях 2 и 3 этого кургана. Любопытен тот факт, что при устройстве могилы погребения 2 не была потревожена камера погребения 3, хотя в качестве строительного материала для забутовки было использовано относящееся к последнему каменное изваяние.

От инвентаря ограбленного еще в древности погребения 2 уцелели, к сожалению, лишь брошенные или оставшиеся незамеченными предметы. Их облик, в целом, характерен для первой половины V в. до н. э., однако сочетание двух факторов, имеющих дополнительное значение (планиграфического и обрядового – подобный инвентарь сопровождает обычно погребения женщин второй половины VI – начала V вв. до н. э.), позволяет предположить, что погребение 2 в кургане 1 было сооружено на рубеже VI–V вв. до н. э. Аналогии золотым пластинчатым накладкам достаточно прочно связывают это погребение с комплексом находок в погребении 1 кургана 4 мо-

гильника Пятимары 1 на Илеке (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963), который, несомненно, датируется рубежом VI–V вв. до н. э.

Следующим по времени сооружению следует считать курган 3, насыпанный над погребением, слабо заглубленным в древний горизонт, в котором была погребена знатная женщина. Инвентарь погребения, близкий до полного совпадения некоторых его элементов с инвентарем таких курганов, как Черниговский 1888 г., № 7 у ст. Сара и № 4 могильника Бесоба, дает все основания уверенно говорить о дате рубежа VI–V вв. до н. э. (подробнее об этом см.: Зуев В. Ю., 1991, с. 42–53).

Имеющиеся в четырех погребениях пять колчаных наборов позволяют уточнить хронологическое соотношение данных погребальных комплексов в пределах третьего и четвертого периодов существования Гумаровского могильника. Найденные в малых курганах (2–5) 133 бронзовых наконечника стрел достаточно четко распределяются на семь типов, которые соответственно совпадают с типами VI A; XII; 1 (гран); VI B; VI G; III (гран) по классификации наконечников стрел, разработанной А. И. Мелюковой и уточненной К. Ф. Смирновым (Смирнов К. Ф., 1961, табл. II–IV). Первые три типа датируются этими исследователями VI–V вв. до н. э., остальные четыре типа – V в. до н. э. Соотношение колчаных наборов можно увидеть на прилагаемой таблице.

Из нее явствует, что по своему составу достаточно близки между собой колчаные наборы из погребения в кургане 3 и колчан воина 2 из парной могилы в кургане 4. То же можно сказать и о составе колчанов, принадлежавших погребению 1 кургана 5 (косяк 1) и воину 1 из могилы в кургане 4 (см. соответственно табл. VI, 8; VIII, 10; X, 3; VIII, 3). Погребения в курганах 3, 4 и 5 образуют достаточно компактную хронологическую группу, рамки которой для комплексов 4-го и 5-го курганов можно ограничить пределами первой трети V в. до н. э. Интересно и совпадение погребальных обрядов похороненных в этих курганах людей. Парное захоронение воинов в кургане 4 буквально повторяется в погребении 1 кургана 5. Инвентарь погребенных в кургане 3 и в могиле 2 кургана 5 двух знатных женщин очень близок по своему функциональному назначению (в основном это ритуальные косметические наборы – столики, зеркала, краски и емкости для их хранения, железные шилья, ножи, серебряные браслеты и амулеты). Отличие женских комплексов составляет лишь факт отсутствия в погребении 2 кургана 5 оружия, что, вероятно, имеет хронологическое значение.

Говоря о браслетах из этого погребения, следует отметить, что они совершенно идентичны серебряным браслетам из погребения 217 начала

Типы н/с по Смирнову	VI A	XII	I (гр)	VI B	VI Г	XI	III (гр)	Количество н/с в комплексах	
Кург. 3	11+3	11	1		2			28	
Кург. 4 кост. 2	27+8	11			1	3		50	
Кург. 5 погр. 1	5+3	3			1			12	
Кург. 4 кост. 1	4+2	6		2	2			16	
Кург. 2 погр. 1	16			7			4	27	
Число н/с по типам	79	31	1	9	6	3	4	133	
Дата	VI – V вв.			V в.					
Итого	111			22					133

V в. до н. э. и одному медному из межмогильного пространства Зуевского могильника в Прикамье (Спицын А. А., 1933, с. 14, № 217 и сл., табл. VI, 36). Этот факт, впрочем, в скором будущем должен стать темой специального исследования.

Сопоставление типов наконечников стрел убедительно показало, насколько отличается комплекс из погребения 1 кургана 2 от четырех отмеченных выше колчанных наборов. Планиграфические и стратиграфические наблюдения, а также учет особенностей погребального обряда захоронений этого кургана позволяют нам сделать вывод, что он является последним по времени сооружения в данной курганной группе, а погребения, содержащиеся в нем, относятся к двум последним периодам функционирования Гумаровского могильника. Центральное погребение этого кургана, сопровождаемое частью туши коня и очень необычным сосудом, мы датируем серединой – третьей четвертью V в. до н. э. Любопытно, что в этом мужском погребении, в отличие от погребений воинов в курганах 4 и 5, отсут-

ствует меч, хотя все детали обряда свидетельствуют, что в этой могиле похоронен конный воин – лучник.

С этим захоронением связаны каким-то образом две еще более поздние могилы (вероятнее всего – женские). Они относятся к пятому периоду существования всего могильника и датируются нами рубежом V–IV вв. до н. э. Если справедливо наше предположение о том, что впускные погребения 2 и 3 кургана 2 действительно являются женскими, то их явное отличие от женских захоронений более ранних курганов этого могильника свидетельствует, очевидно, о том, что его история завершилась на пороге новой исторической эпохи в жизни кочевников Евразии, которая была связана с судьбами носителей раннепрохоровской культуры Южного Приуралья.

Завершая на этом публикацию материалов Гумаровского могильника, мы надеемся, что ввод их в широкий научный оборот будет способствовать делу изучения древней истории кочевников Приуралья скифо-сарматской эпохи.

Список литературы

- Зуев В. Ю., 1991. Курган 1988 г. у поселка Черниговского // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.
Исмагилов Р. Б., 1980. Раскопки Гумаровского Могильника // АО – 1979. М.
Исмагилов Р. Б., 1981. Завершение раскопок Гумаровской группы // АО – 1980. М.
Исмагилов Р. Б., 1984. Древнейшие образцы звериного стиля эпохи раннего железа из Южного Приура-

лья // Тез. науч. конференции «Скифо-сибирский мир (искусство и идеология)». Кемерово.

Исмагилов Р. Б., 1986. К вопросу о памятниках гумаровского типа в Восточной Европе (древнейший скифский курган из Южного Приуралья) // Скифская эпоха Алтая. Барнаул.

Исмагилов Р. Б., 1987. Каменная стела и золотые олены из Гумарово // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Новосибирск.

Исмагилов Р. Б., 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. Вып. 29. Л.

Попов С. А., 1964. Археологические находки на территории Оренбургской области // АЭБ. Т. II. Уфа.

Савинов Д. Г., Членова Н. Л., 1978. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // АЭМ. Новосибирск.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М.

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1 – 9. М.

Спицын А. А., 1933. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына 1898 г. // ГАИМК. Материалы. Вып. 2. Л.

Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев.

Тереножкин О. И., 1978. Киммерийські стели // Археологія. Т. 27. Київ.

Чариков А. А., 1980. Олений камень из Южного Приуралья // АЮС. Кемерово.

Членова Н. Л., 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // ПЗСА. Новосибирск.

Членова Н. Л., 1984. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск.

Членова Н. Л., 1988. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, Новомордовских стел и «отделившихся скифах» // КСИА. вып. 194. М.

Членова Н. Л., 1993. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // ПАВ. № 7. СПб.

ПОДПИСИ К ТАБЛИЦАМ

Таблица I. Гумаровские курганы. Топография и план могильника.

Таблица II. Курган 1. 1 – план кургана; 2 – Планы погребений 1–3 и их профили.

Таблица III. Инвентарь из погребений: 1–4 – № 2; 5 – № 1.

1 – золотые накладки на края деревянного сосуда; 2 – бусы; 3 – зеркало; 4 – столик; 5 – керамика.

Таблица IV. Курган 2. 1 – План кургана; 2 – План погребения 1; 3 – План погребения 2; 4 – План погребения 3.

Таблица V. Курган 2. 1–8 – Инвентарь погребения 1; 9–10 – Инвентарь погребения 2; 11–13 – Инвентарь погребения 3; 14 – 15 – Находка в насыпи. 1 – Наконечники стрел; 2, 9, 10, 15 – сосуды; 3, 12, 13 – плитки; 4 – точило; 5 – ложка; 4, 6, 8 – ножи; 7 – колчаный крючок; 11 – бусы; 14 – кольцо (1, 14 – бронза; 2, 9, 10, 15 – керамика; 3, 4, 12, 13 – камень; 5 – кость; 6, 8 – железо; 11 – стекло).

Таблица VI. Курган 3. 1 – план кургана; 2 – план погребения; 3, 5, 7, 8 – инвентарь погребения; 4, 6 – находки в насыпи. 3 – обломок удила; 4 – кольцо; 5, 6 – обломки сосудов; 7 – колчаный крючок; 8 – наконечники стрел (3, 8 – бронза; 4, 7 – железо; 5, 6 – керамика).

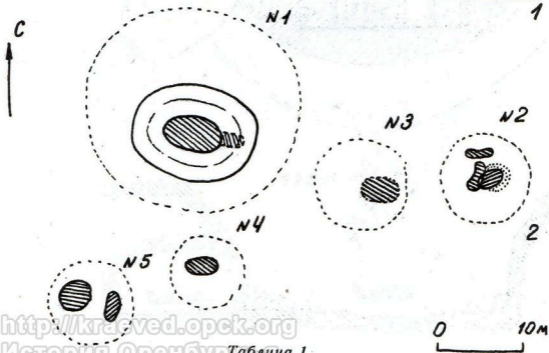
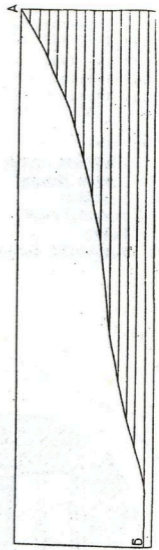
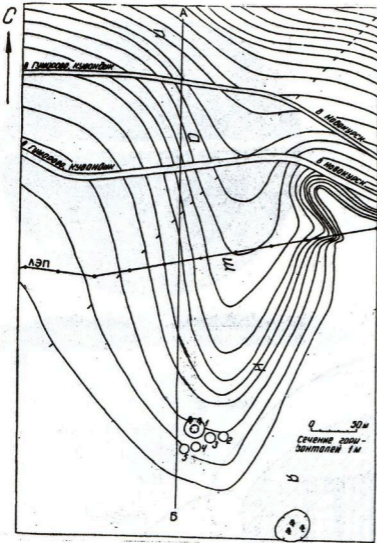
Таблица VII. Курган 3. Инвентарь погребения. 1 – зеркало; 2 – нож; 3 – шилья; 4 – бусы; 5 – браслет; 6 – сосуд; 7 – столик; 8 – меч (1 – бронза; 2, 3, 8 – железо; 4 – стекло; 5 – серебро; 6 – керамика; 7 – камень).

Таблица VIII. Курган 4. 1 – план кургана; 2 – план погребения; 3–8 – комплекс вещей Южного костяка; 9–11 – комплекс вещей Северного костяка; 3, 10 – наконечники стрел; 4, 11 – мечи; 5 – ложка; 6 – наконечники копья; 7, 9 – колчаные крючки; 8 – плитка (3, 10 – бронза; 4, 6, 7, 9, 11 – железо; 5 – кость; 8 – камень).

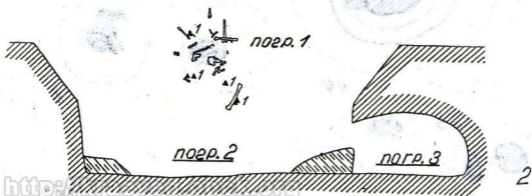
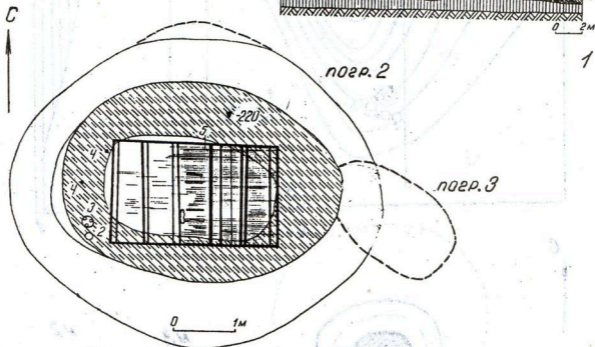
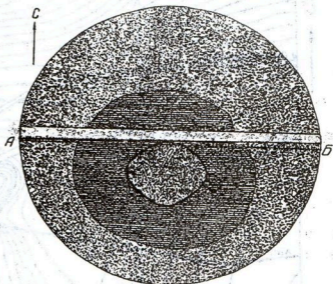
Таблица IX. Курган 5. 1 – план кургана; 2 – план погребения 2; 3 – план погребения 1.

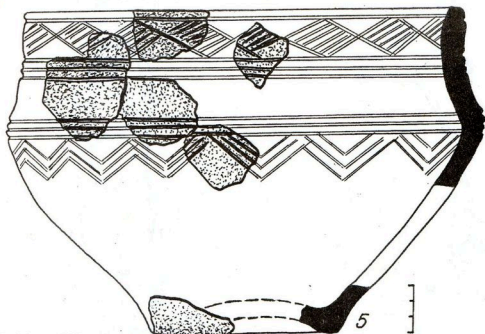
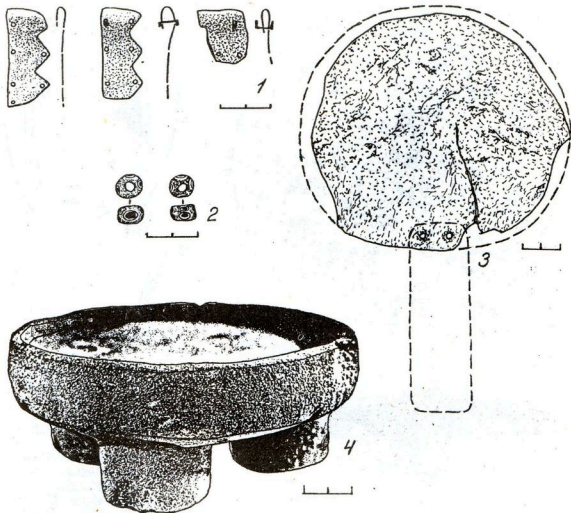
Таблица X. Курган 5. 1–8 – инвентарь погребения 1; 9–15 – инвентарь погребения 2. 1 – деталь портупей; 2 – бляшки; 3 – наконечники стрел; 4, 8 – колчаные крючки; 5, 7 – мечи; 6 – нож; 9 – колечко; 10 – шило; 11 – обломки скобы (?); 12 – браслеты; 13 – зеркало; 14 – сосуд; 15 – столик (1, 2, 4–8, 10, 11 – железо; 3, 9, 13 – бронза; 12 – серебро; 14 – керамика; 15 – камень).

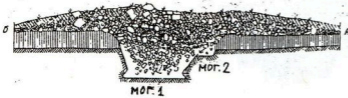
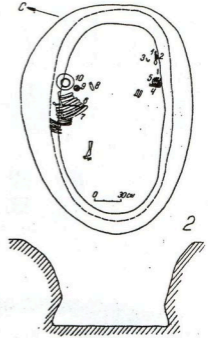
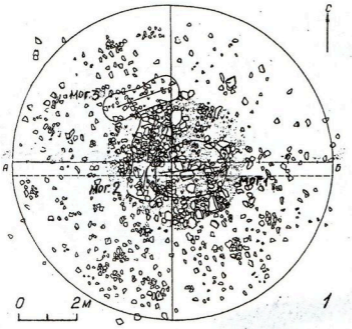
Таблица XI. Курган 1, погр. 3. Бронзовые наконечники стрел.

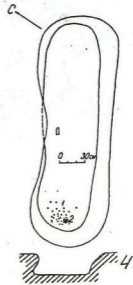
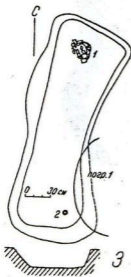
- 1-обломки сосуда эпохи бронзы
- 2-зеркало
- 3-жертвенник
- 4-бучсы
- 5-обломки сосуда

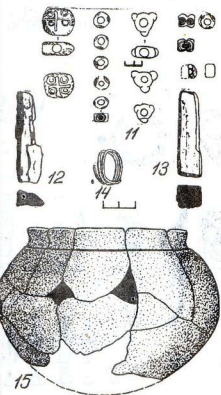
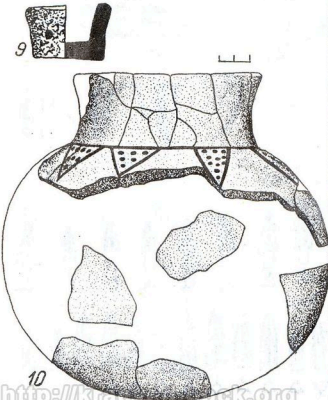
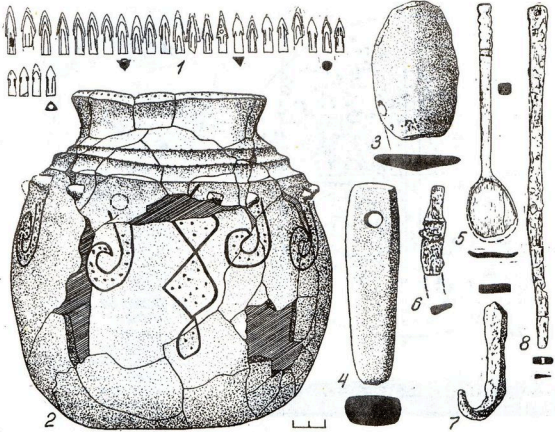

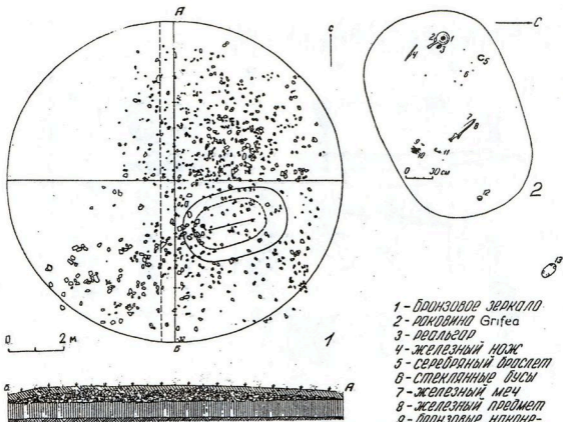
- 1 - костяная ложка
- 2 - железный ножичек
- 3 - железная колчанная застежка
- 4 - бронзовые наконечники стрел
- 5 - каменная плита
- 6 - железный нож
- 7 - кости овцы
- 8 - каменный браслет
- 9 - деревянный саркофаг
- 10 - глиняный сосуд

1,2 - глиняные сосуды

1 - стеклянные бусы
2 - каменные плитки

- 1 - бронзовое зеркало
- 2 - ямочка Grifea
- 3 - ямочка
- 4 - железный нож
- 5 - серебряный орнамент
- 6 - стеклянные бусы
- 7 - железный меч
- 8 - железный предмет
- 9 - бронзовые наконечники стрел
- 10 - обломок бронзовых удилищ
- 11 - железный колчаный крючок
- 12 - глиняный сосудик
- 13 - каменный столик

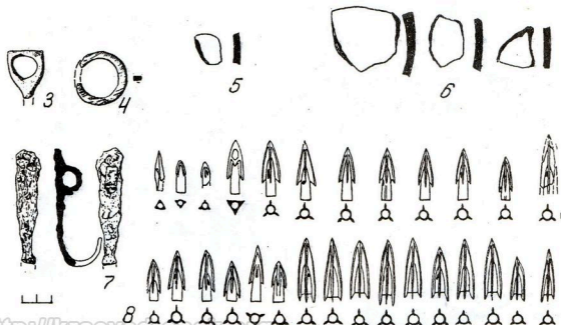
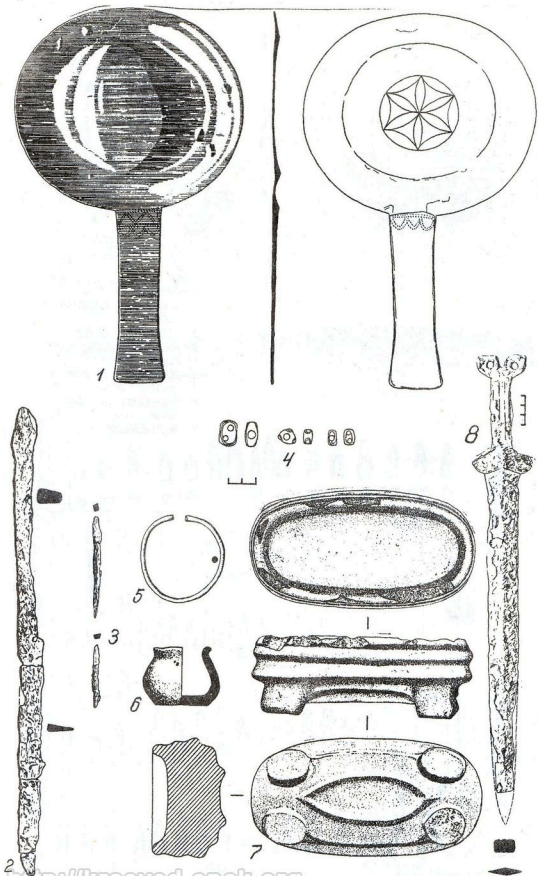
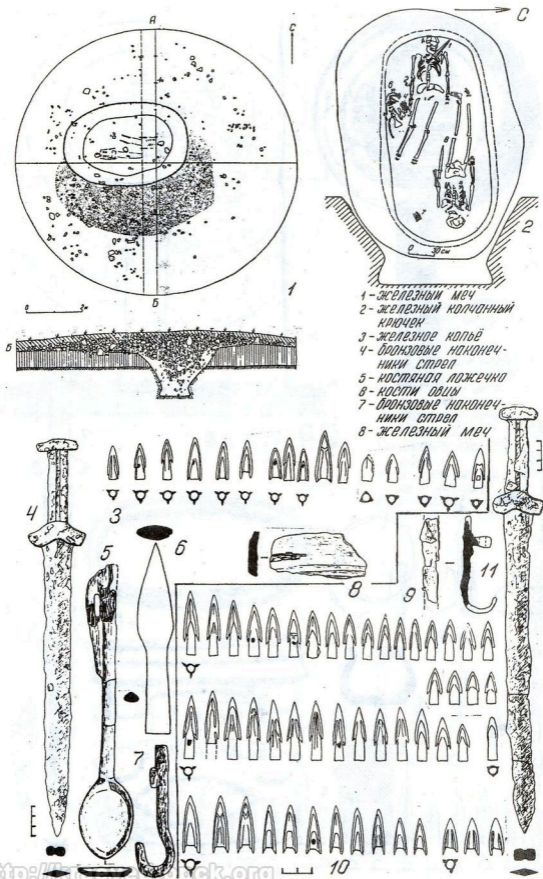

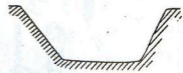
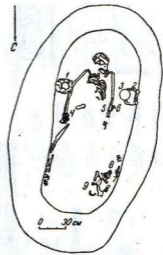
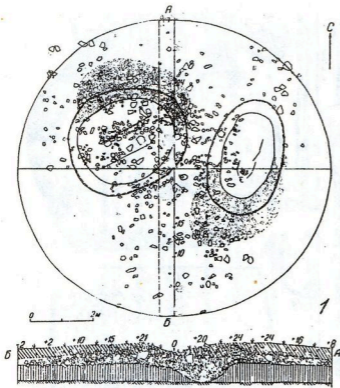
Таблица 6

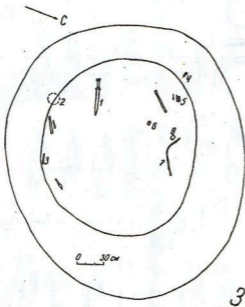

<http://www.orensite.ru>
 История Оренбуржья

Таблица 8

- 1 - глиняный сосуд
 2 - каменный жертвенник
 3 - бронзовые зеркала
 4,5 - серебряные пластинки
 6 - серебряное колесико
 7 - железный ножичек
 8 - кости овцы
 9 - железный предмет

- 1 - железный меч
 2 - глиняный сосуд
 3 - железный нож
 4 - железный колчаный крючок
 5 - бронзовые наконечники стрел
 6 - железная плита
 7 - железный меч
 8 - железная пряжка

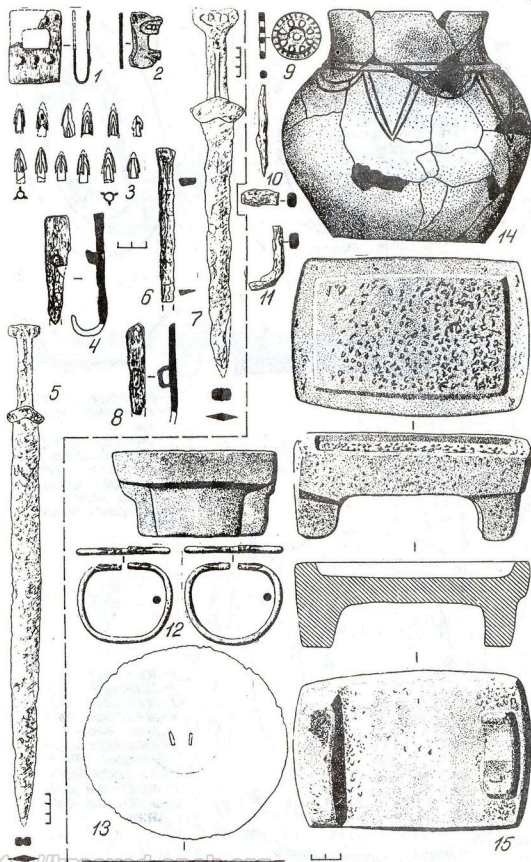
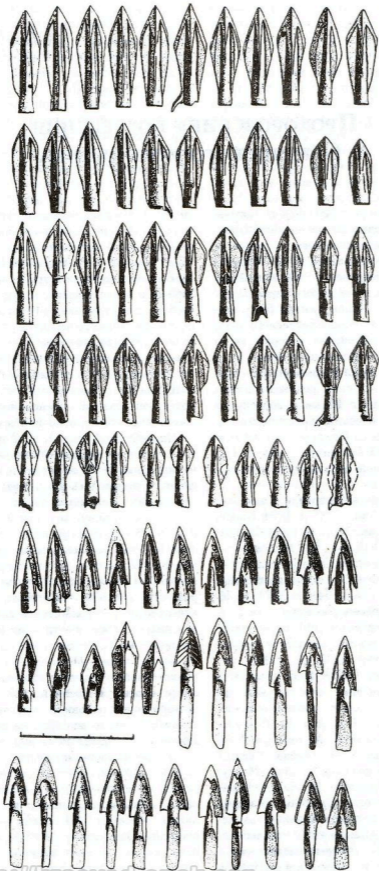

Таблица 10

<http://kraeved.opck.org>
История Оренбуржья

Таблица 11

«ПРОХОРОВСКИЕ» ПОГРЕБЕНИЯ В БЕРДЯНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Раскопки курганов V Бердянского могильника были проведены экспедицией Оренбургского педагогического университета в 1994–95 гг. в связи с расширением территории хозяйственной деятельности ПО «Оренбурггазпром». При строительстве дороги была разрушена почти полностью насыпь кургана 5, в котором, судя по остаткам в отвалах древесного угля, находилось кострище, основание которого было прослежено на уровне погребенной почвы.

Памятник расположен на возвышенности правобережья небольшой степной речки Бердянки (Левый приток р. Урал), в 20 км к востоку от Оренбурга (рис. 1, 1). Здесь, в окрестностях сел Бердянка, Чкаловское и Благодяновка, в разные годы отмечено более 15 курганных групп и одиночных курганов, а также отвалы древнего медного рудника «Сайгачин».

В этом районе и прежде проводились археологические исследования. Так, в 1927 г. Б. Н. Граков раскопал несколько курганов группы Бис-Оба (Граков Б. Н., 1928; 1947). В 1935 г. у с. Благодяновка И. А. Зарецкий был обследован разрушенный рабочими геологоразведочной партии средневековый курган (Зарецкий И. А., 1941, с. 152). О. И. Порохова в 1983 г. исследовала курганный могильник у с-за Чкаловский, содержавший захоронения, относящиеся к разным этапам сарматской культуры (Воронова С. А., Порохова О. И., 1992).

В 1994 г. экспедицией ОГПИ были раскопаны курганы 2 и 5 V Бердянского могильника и одиночный Благодяновский курган, давший 6 раннесарматских погребений III–II вв. до н. э. (Моргунова Н. Л., 1994; Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1995). В следующий год были раскопаны еще 2 кургана (4 и 6) Бердянского могильника (Моргунова Н. Л., 1995; Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1996; Мещеряков Д. В., 1996). В задачу данной статьи входит публикация раннесарматских погребений 4 и 5 курганов этого могильника.

КУРГАН 4 (рис. 1, 2). Диаметр насыпи на поверхности составлял 24 м, высота 0,4 м. Насыпь кургана подвергалась многолетней распушке и зна-

чительно оплыла, сохранив округлую форму. Ровик рельефно не выделялся, но визуально вокруг насыпи было отмечено кольцо шириной около 15 м, отличавшееся более светлым цветом грунта. В насыпи кургана встречались кости лошади и барана, а в центральной части над основным погребением на глубине – 40 см от нуля прослежено пятно, диаметром около 4 м, состоящее из угля, золы и мелких фрагментов тонких жердей. Насыпь состояла из темно-серого гумуса с примесью гальки и глинистых включений. На уровне материка было выявлено 3 пятна с гумусным заполнением разной интенсивности, которые, как выяснилось позже, относились к 5 погребениям.

Погребение 1 (рис. 1, 4, 5) находилось в 8,7 м к СЗ от центра кургана. Могильное пятно на уровне материка (–80 см от нуля) имело округлую форму и выделялось красноватым цветом с серыми пятнами. Размеры пятна составляли 103 x 105 см. Заполнение могильной ямы было неоднородным. В верхней части оно состояло из песка с вкраплениями красной глины, нижняя часть входной шахты, дромос и погребальная камера были заполнены рыхлым темно-серым гумусом, в котором встречались мелкие угольки. Скопления угольков отмечались вдоль стенок дромоса. Погребальная яма по своей конструкции относилась к типу катакомбных. Она состояла из входа – шахты, дромоса и погребальной камеры. Шахта имела воронкообразную форму с плавно сужавшимися ко дну стенками до глубины –137 см от нуля. В ее юго-восточной половине зафиксирован вход в катакомбу и начало дна дромоса на глубине 100 см. Дромос представлял собой коридор шириной 90 см с прямыми стенками и арочным сводом. Длина ЮЗ стенки – 100 см, СВ – 30 см. Погребальная камера с более высоким, чем у дромоса сводом располагалась под углом к нему, длинной стороной по линии с ЮЮЗ на ССВ. По дну она имела овальные очертания размерами 120 x 60 см. На дне находились останки ребенка примерно 1,5–2 лет очень плохой сохранности. Его скелет, в положении вытянуто на спине, был ориентирован головой на Ю.

В могиле были найдены: обломок железного черешкового ножа, костяная пронизка (рис. 1, 7), три бронзовых трехлопастных втульчатых наколочных стрел, вонзенных в кусок дерева, надклювые квакши (малая выпь)¹, а также лепной округлодонный горшок (рис. 1, 6), орнаментированный по невысокому цилиндрическому горлу двумя широкими горизонтальными желобками. Венчик сосуда отогнут, под ним по внешней стороне прочерчена горизонтальная резная линия. Поверхность желтовато-коричневого цвета с пятнами нагара. Сильный нагар имелся на внутренней стороне придонной части. Дг = 10 см, Дт = 16 см, Н = 17 см.

Погребение 2. Находилось в 9,25 м к ЮЮЗ от центра кургана (рис. 2, 1). Могильное пятно, выделяющееся на фоне материка темным гумусным заполнением, было выявлено на глубине –80 см от нуля. Оно имело прямоугольно-овальные очертания и ориентировку по линии СЗ – ЮВ. Его размеры: 105 х 245 см. Пятно являлось шахтой от катакомбного погребения с обвалившимся сводом. С южной стороны к нему примыкало пятно с более светлым заполнением нечетких, размытых очертаний, соединявшееся с пятном четко круглой формы, заполненным красной супесью. Как выяснилось в дальнейшем, оно являлось входной шахтой катакомбной могилы (№ 5). Яма погребения № 2 прорезала последнюю, разрушив северную стенку погребальной камеры.

Могильная яма погребения № 2 имела сложную конструкцию (рис. 5, 1, 2). Северная стенка на глубине –206 см от 0 переходила в покатый потолок подбоя, более широкого в восточной части ямы. Вдоль южной стенки на глубине –310 см от 0 проходила ступенька шириной 40 см. Дно ямы было выявлено на глубине –376 см от 0. Оно было ровным и имело строго прямоугольные очертания с закругленными углами (125 х 250 см). Ориентировка могилы по дну отклонилась от первоначальной к линии З–В. Заполнение могильной ямы в верхней части состояло из грунта, соответствующего составу насыпи. На глубине около 105 см от 0 обнаружены несколько больших камней и костей крупного животного. Глубже заполнение представляло собой смешанный с гумусом материковый грунт, на глубине –300 см от 0 оно отличалось от материка только меньшей плотностью. На дне ямы под сводом подбоя находился скелет взрослого мужчины высокого роста, в положении вытянуто на спине, головой на ВЮВ. Кости сохранили полный анатомический порядок и имели хорошую сохранность. В затылочной части черепа имелось небольшое отверстие с неровными краями. В ногах, ниже ступней, лежали кости мелкого рогатого скота: (ребра, позвонки, кости конечностей).

Слева от бедра, находился однолезвийный железный нож с горбатой спинкой (длина 13,5 см, ширина лезвия 2 см) (рис. 2, 4), между бедренными костями у таза лежала круглая железная пряжка с неподвижным язычком диаметром 2,5 см (рис. 2, 3), под костями правой ноги железный меч с серповидным навершием и прямым брусковидным перекрестием (рис. 2, 2). На мече сохранились следы деревянных ножен и фрагменты грубой ткани. Общая длина 97 см, клинка 85 см, перекрестия 9,5 см. Концы навершия были обломаны. Сохранность всех железных вещей достаточно хорошая.

Погребения 3 и 4. Находились в центре кургана (рис. 1, 2; 3, 1). Погребение 3 являлось основным и было разрушено погребением № 4. Яма имела прямоугольные очертания (примерные размеры 115 х 200 м). В сохранившейся восточной половине ямы стенки расширились по дну, образуя подбой со всех сторон (рис. 3, 1; 5, 3). Заполнение ямы состояло из гумуса с большим содержанием угля и мелкой гальки. Стенки и дно ямы были значительно прокалены. Кости скелета находились по всему заполнению. *In situ* на дне лежали кости нижних конечностей, судя по которым, погребенный был положен в могилу вытянуто на спине головой на З. Из вещей найдены бронзовые обойматренчик (рис. 3, 3) и ворворка (рис. 3, 2), каменный оселок (рис. 3, 4) и фрагмент лепного сосуда (рис. 3, 5). Интерес представляет ворворка колоколовидной формы, по внешней стороне украшенная рельефными изображениями трех хищников, выстроенных справа налево друг за другом. Данное погребение, судя по обряду и вещам, было совершенно в савроматский период.

Могильное пятно погребения 4 на уровне –74 см от 0, было расположено перпендикулярно погребению 3 и прорезало всю западную часть последнего. Оно имело вытянутую по линии С–Ю овальную форму размерами 115 х 215 см. В заполнении могильной ямы преобладал материковый грунт, в верхней части смешанный с гумусом. Стенки ямы отвесные, в северной части на глубине –147 см от 0 имелась ступенька шириной 65 см. На глубине –225 см в юго-западном углу ямы был обнаружен свод входа в катакомбу. Дно катакомбы обнаружилось на глубине –375 см от 0. Примечательно, что ее свод не обрушился, сохранив первоначальный облик погребального сооружения (рис. 3, 1; 5, 4, 5). Отсутствовало также грунтовое заполнение катакомбы. В плане погребальная камера имела строго прямоугольные очертания длиной 386 см, шириной 100–110 см. Длинной стороной она была ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Стенки катакомбы плавным переходили в свод арочной формы. Высота свода у входа составляла 127 см,

¹ *Nycticorax nycticorax*. Определение А. В. Давыгоры, к. б. н., доцента кафедры зоологии ОГПУ.

над головой погребенного 100 см. На стенках ямы сохранились следы от острых, с узкими концами, орудий. Погребенный находился в конце катакомбы и лежал вытянуто на спине, вдоль ее оси, головой на ЮЗ. Кости скелета и особенно черепа были покрыты отложениями солей. Череп первоначально, видимо, был прислонен к стенке ямы, отчего впоследствии завалился на левое плечо. Нижняя челюсть и остальные кости скелета находились *in situ*: Грудная клетка, брюшная и тазовая полости погребенного были заполнены сухим комковатым веществом желтого цвета. На ключицах и за головой костяка лежали куски очень толстой поуслетлевшей кожи. По обе стороны от скелета, как бы образуя прямоугольник, находились фрагменты тонких деревянных прутьев, на которые, возможно, крепились погребальные носилки. Погребенного сопровождал богатый инвентарь, состоящий в основном из предметов вооружения. Под плечевой костью левой руки лежало бронзовое позолоченное зеркало со следами кожи на нижней стороне (рис. 3, 7). Диаметр зеркала 14 см, оно имело два отверстия для крепления, видимо, деревянной рукояти. Обе стороны его позолочены, обратная сторона зеркала орнаментирована прочерченными концентрическими кругами. Край диска погнут. По обе стороны от костей предплечья лежали 5 железных черешковых трехлопастных наконечников стрел с остатками древков, остриями к выходу из катакомбы. Вдоль правого бока погребенного находился железный меч плохой сохранности с остатками деревянных ножен (рис. 3, 8). Для него характерно прямое перекрестие и серповидное навершие. Длина меча 92,6 см, рукояти 10 см, перекрестия 10 см, размах навершия около 9 см. У конца меча лежала круглая бронзовая пряжка с приподнятым боковым крючком диаметром 4,5 см (рис. 3, 10). Восточнее ступни правой ноги острием к югу находился железный втульчатый наконечник копья с обломком деревянного древка в конусовидной втулке. Перо имело ланцетовидную форму. Длина изделия 35 см, втулки 19 см, диаметр втулки у основания 3 см. У основания втулки имеется муфта шириной 0,7 см (рис. 3, 9). Севернее наконечника копья лежали куски обгоревшего дерева. У северо-западной стенки могилы среди кусков кожи лежали 3 орудия в виде железных стержней длиной от 12 до 18 см. Два из них были вставлены в костяные рукояти. Сечение стержней в двух случаях круглое, в одном — квадратное, концы заостренные (рис. 4, 6). Остриями стержни были направлены к северу. Между костями ступни и голени левой ноги погребенного и северо-западной стенкой катакомбы лежала стальная кираса. Горловиной она была обращена к ногам последнего. Задняя часть кирасы (наспинник), оказавшаяся

сверху, хорошо сохранилась (рис. 4, 2), находящаяся снизу передняя часть (нагрудник) была полностью разрушена коррозией и распалась на мелкие фрагменты. Нагрудник и наспинник скреплялись друг с другом шарнирными креплениями на плечах и по бокам. Горловина оформлена в виде воротника-стойки из приклепанной к ее внутренней стороне железной полосы с отогнутым наружу верхним краем. По бокам, нижнему краю, вокруг рукавных вырезов и по вороту в виде окантовки приклепаны рифленые полосы шириной 1 см. Сохранившаяся задняя часть кирасы имеет анатомический рельеф. На некоторых фрагментах были обнаружены куски кожи и грубой ткани. На наспиннике в районе правой лопатки имеется вмятина и небольшая пробина от удара плоским колющим орудием. Под кирасой были обнаружены 4 железных кольца, которые крепились к ней с внешней стороны при помощи железных шплинтов. Декоративную роль играли круглые бронзовые шайбочки, украшенные чеканными двенадцатилепестковыми розетками (рис. 4, 3). Размеры кирасы: общая высота 47 см, высота горловины 3,5 см, диаметр горловины 14–15 см, диаметр рукавного выреза 17 см, толщина брони 1,5 мм. Под кирасой был обнаружен черешковый железный однолезвийный нож, с горбатой спинкой, длиной 14 см (рис. 3, 11), а также 5 железных стержней, вставленных в деревянные палочки. Длина стержней около 35–40 см (рис. 4, 8). Стержни, видимо, являлись частями железных наконечников стрел, которые, судя по отдельным фрагментам кожи, помещались в колчане рядом с левым рукавным вырезом. Их насчитывалось около 120 штук. Все наконечники стрел однотипные — черешковые трехлопастные со срезаемыми под острым углом к черешку лопастями, длиной 2–3 см (рис. 4, 4). Напротив правого рукавного выреза кирасы найдены еще 4 железных наконечника стрел и железный колчаный крючок, обтянутый золотой фольгой (рис. 4, 1). Верхняя уплощенная часть крючка с одной стороны была украшена изображением шестилепестковой розетки, выполненной в технике филигранны. Лепестки и центр цветка были инкрустированы голубой стекловидной пастой. Ниже розетки, между двумя валиками, располагалось сквозное отверстие с остатками кожаного ремешка. Диаметр полукруга, образованного крючком, 5,6 см, диаметр отверстия 0,5 см. Между «колчаном» со стрелами и стенкой катакомбы, рядом с кирасой находился небольшой, плоской формы камень, на котором, возможно, первоначально стоял деревянный сосуд с оковкой из серебряных пластин, части которых были найдены рядом с камнем. Сохранились лишь фрагменты венчика сосуда под оковками. Судя по ним, сосуд имел призмистую (чашеобразную?)

форму с раздутым туловом, невысокой горловиной. Венчик оковывался с обеих сторон серебряными пластинками, которые закреплялись бронзовыми гвоздиками. Нижний край внешней части пластин оформлен в виде зубцов, на внешней стороне были вырезаны неправильные фигуры (рис. 4, 5, 7). На расстоянии около 50 см от ступней погребенного по направлению к выходу из катакомбы находились ребра крупного животного, видимо, лошади, рядом с которыми лежал железный однолезвийный с прямой спинкой нож без выделенной рукояти с шириной лезвия 1,2 см (рис. 3, 12). У противоположной стенки стоял круговой сосуд — хум, крупных размеров (рис. 3, 6). Сосуд имел широкое дно диаметром 17,4 см, слабо раздутое тулово диаметром 28 см, невысокое горло с утолщенным венчиком, местами оббитым в древности. Дг=9,5 см, Н=36 см. Сосуд был выполнен на гончарном круге и хорошо обожжен, судя по ярко-красной окраске.

Погребение 5. Находилось в 12 м к ЮЮЗ от центра кургана. Как уже отмечалось, северная его часть была разрушена погребением № 2 (рис. 1, 2; 2, 1; 5, 1). Погребение № 5 относилось к типу катакомбных. Свод катакомбы провалился, образовав на фоне материка размытое гумусное пятно нечетких очертаний. Вход в могилу имел почти круглую форму диаметром 120 x 130 см. Шахта была заполнена рыхлым материковым грунтом красного цвета, с большим содержанием гальки. В северной ее части находился вход в катакомбу, имевший неправильную овально-вытянутую форму. Дно катакомбы зафиксировано на уровне -201 см от нуля. Высота свода невелика — около 70 см. Длинной осью катакомба была ориентирована по линии Ю—С, с небольшим отклонением к ЮВ. Размеры дна составили 450 x 120—150 см. В северной части она была разрушена погребением № 2. Возможно, что вместе с тем было разрушено еще одно погребение в могиле, судя по обломкам костей человека, обнаруженных на сохранившемся северном участке дна катакомбы. С последним, вероятно, связана и находка двух обломков бронзового браслета, первоначально имевшего форму разомкнутого кольца с расположенными по его внешней стороне 12-ю парами шаровидных шишечек (рис. 2, 5). Диаметр браслета 4,4 см. Предмет был найден со следами кожи, наружу выступали только шишечки. На дне могилы, почти на самом краю могильной ямы погребения № 2 был обнаружен скелет женщины, лежавшей поперек катакомбы, ничком на животе, лицом вниз. Головой скелет был ориентирован на ЗСЗ. В черепе, в затылочной части, имелось круглое пропиленное отверстие, диаметром около 3 см. Кости предплечий и кистей рук находились под тазовыми костями. Кости голени лежали поверх бедренных костей. В погре-

бении был обнаружен богатый инвентарь. Под грудной клеткой погребенной стоял круговой сосуд красного цвета — хум. Он имел широкое дно (Д=16 см), слабо раздутое тулово (Д=22 см), низкую профилированную горловину с отогнутым венчиком (Д=9,4 см). Высота сосуда 28 см (рис. 2, 8). Несколько севернее от сосуда лежали кости барана и вместе с ними железный однолезвийный черешковый нож с прямой спинкой (длина 16 см) (рис. 2, 9). Под животом и тазовыми костями отмечено скопление стеклянного бисера — всего около 300 штук. Бусины круглой, дисковидной, цилиндрической и кубической формы, синего, белого, розового, коричневого и черного цвета (рис. 2, 10б). Здесь же была найдена золотая подвеска, аналогичная подвескам, составлявшим ожерелье, найденное в районе ключиц погребенной. Подвески были выполнены в технике зерни и филигранны с применением белой стекловидной пасты (рис. 11, 1). В ожерелье, кроме того, входила золотая трехзвенная цепочка (рис. 2, 6) и пронизка, 18 сердоликовых (рис. 2, 11) и 4 золотые бусины шаровидной формы (рис. 2, 7). Здесь же находились 4 бусины бочонковидной формы из мергеля, 1 бусина из гагата и 1 дисковидной формы из янтаря, 1 таблеткообразная из белого агата (рис. 2, 10а). По одной бусине из сердолика найдено у локтя левой руки и под днищем сосуда. Слева от черепа находились две подвески, изготовленные из золотой проволоки в виде спирали в неполных два оборота, диаметром 1,1 см (рис. 2, 6). Обе подвески были украшены тремя полуколючками из тонкой проволоки, напаянными по их внешней стороне. Сохранились следы от напайки четвертых полуколючек.

КУРГАН 5 располагался в 400 м к СВ от кургана 4 (рис. 1, 1, 3). Диаметр насыпи составлял 25 м, высота 1,5 м. Как уже было сказано, практически вся насыпь кургана была разрушена в ходе строительства дороги. Поэтому раскопки сохранившейся местами насыпи и снятие погребенной почвы проводились вручную. Раскоп был заложен по всей площади распространения угля и древесной трухи в виде 4 параллельных траншей, шириной по 5 м и длиной 25 м, ориентированных по линии С—Ю. За нуль был взят примерный центр кургана. По всей площади раскопа на погребенной почве, за исключением восточной части кургана, где она не сохранилась, прослежено основание деревянного сооружения, представлявшего собой обширное скопление древесной коры, угля и деревянных плашек мощностью до 20 см. Все 6 выявленных на уровне материка погребений, за исключением погребения 5, располагались по кругу за пределами древесного пятна. Погребенная почва представляла собой суглинок светло-серого цвета с обильным содержанием гальки мощностью около 20 см. Мате-

рик – светло-желтый суглинок с галькой. В дальнейшем по профилям могильных ям было установлено, что ниже плотные слои гальчника разделяли слои глины различного цвета и плотности. В самой глубокой яме погребения № 3 катакомбы и вход в нее со ступенькой были вырыты в слое маслянистой по фактуре глины ярко-бордового цвета. Аналогично и в кургане 4 была сооружена катакомбная яма погребения № 4.

Погребение 1 (рис. 6, 1, 2) было обнаружено к СЗ от центра кургана. Могильное пятно с темносерым гумусным заполнением имело прямоугольно-овальные очертания размерами 180 х 230 см. На материке у восточного края ямы находились кости человека (два черепа, нижняя челюсть и др.), видимо, выброшенные из могилы. Среди них найден крупный кусок окаменелого дерева. Внутри могилы имела сложную, многоступенчатую конструкцию. Первая ступенька, занимавшая весь западный угол ямы и имевшая наибольшую ширину 50 см, находилась на глубине 17 см от материка. Все глубины дальше указаны от уровня материка. Ниже ее, на глубине 56 см, вдоль СВ стенки была выявлена еще одна ступенька шириной 55 см, на которой находился скелет взрослого человека в положении на спине, вытянуто, головой на ЮЗ (П1а) (рис. 6, 1). Правая рука, плечо и часть грудной клетки провалились еще ниже на 55–60 см. Видимо, это произошло в результате провала части потолка подбоя, от впускного погребения костяка № 2 (П1б) (рис. 6, 2), разрушившего своей входной ямой два скелета, скорее всего составивших с костяком № 1 один комплекс. Таким образом, вероятно, вторая ступенька являлась частью дна более раннего группового погребения, состоявшего из трех погребенных. Кости двух взрослых людей были раскиданы по всему заполнению ямы до самого дна, которое находилось на глубине 165 см. Оно имело вытянутую подпрямоугольную форму и размеры 210 х 120 см. В заполнении ямы встречены также кости барана и фрагмент железного предмета. Вместе с костяком 1 был обнаружен круговой красноглиняный сосуд, лежавший в ногах погребенного у стенки ямы. Сосуд имел горшковидную форму с плоским дном, невысоким профилированным горлом и раздутым туловом. По плечикам симметрично были расположены две напелные ручки со сквозными отверстиями. Сосуд имел размеры: диаметр горла 7,5 см, диаметр тулова 14,5 см, диаметр дна 5,5 см, высота сосуда около 17 см (рис. 6, 4). С левой стороны от погребенного напротив бедра находился предмет, сильно окисленный, составленный из 6–7 железных пластин длиной 12 см и шириной 3,5 см (рис. 6, 8). Под ними находились кусок кварцита (рис. 6, 7) и 2 трехлопастных втульчатых наконечника стрел

(рис. 6, 3а). Все они были посыпаны коричневым порошком, похожим на истолченную железную руду. Второй горизонт представлен скелетом № 2 (П1б) на нижнем уровне ямы. Подбой был зафиксирован под западной и южной стенками. Его высота около 80 см. Ближе к западной стенке, видимо, под навесом обрушившейся части подбоя находился скелет подростка. Он лежал на спине, вытянуто головой на ЮОЗ. Его череп и корпус завалились вправо. За головой погребенного под южным подбоем на дне ямы находился развал тонкостенного сосуда, сохранившегося в мелких фрагментах, не поддающихся реконструкции. Дальше у стенки лежало блюдо из лосиного рога, неправильно-овальной формы (рис. 6, 10). Размеры: длина 25,5 см, ширина от 10 до 13 см, высота бортика 2–3 см. Под блюдом лежали ребра молодого барана. Кости барана также находились к западу от черепа погребенного и в ногах у северной стенки ямы. В погребении к западу от левой голени был обнаружен сосуд, изготовленный на гончарном круге (рис. 6, 5), аналогичный описанному выше. Размеры: диаметр горла 8,5 см, диаметр тулова 14 см, диаметр дна 6 см, высота сосуда 14,7 см, высота горла 2 см. Рядом с ним лежали три бронзовых, трехлопастных втульчатых наконечника стрел (рис. 6, 3б). Справа от бедра лежал плохо сохранившийся нож малых размеров с прямым перекрестием. Рукоять была утрачена. Длина лезвия 11 см, ширина 2,5 см, длина перекрестия 4 см (рис. 6, 9). К востоку от голени правой ноги лежал обломок еще одного железного ножа (рис. 6, 6).

Погребение 2 находилось к З от центра кургана (рис. 1, 3; 7, 1; 12, 1). Могильное пятно круглой формы (диаметр 125 см) выделялось ярко-красным глинистым заполнением, смешанным с галькой. К нему с ЮЗ стороны примыкало пятно неправильной подпрямоугольной формы с расплывчатыми краями, слабо окрашенное в серый цвет включениями гумуса и образовавшееся в результате оседания свода катакомбы. В шахте погребальной камеры с ЮЗ стороны на глубине 144 см от материка обнаружен вход в катакомбу, дно которой находилось ниже дна шахты на 17 см. Свод катакомбы сохранился в южной половине могилы, где его высота от дна составила 100 см. В южной части стенки катакомбы расширилась, образуя полукруглое дно диаметром около 130 см. Длина катакомбы от ступеньки 310 см, ширина в дромосе 90 см, длина дромосы 180 см. Скелет взрослой женщины был расположен по оси катакомбы так, что ее нижние конечности находились в дромосной части погребальной камеры. Костяк лежал на спине в вытянутом положении головой на ЮЗ. Череп завалился назад и к правому плечу. У левого плеча находились 2 обломка деревянного сосу-

да с серебряными обкладками по венчику (рис. 7, 10). Длина пластинок от края венчика 3,3 см, ширина 2,1 см. Край пластины был завернут на внутреннюю сторону венчика деревянного сосуда и прибит мелкими бронзовыми гвоздиками. Нижние концы пластин на лицевой стороне были оформлены в виде острых зубцов, каждый из которых также укреплен бронзовым гвоздиком. Длина гвоздиков равна толщине сосуда, т. е. 5 мм. Между грудной клеткой и левой рукой обнаружен обломок зеркала из металла серебристого цвета, по краю имелся валик шириной 2 см, диаметр диска 14,7 см (рис. 7, 11). Вместе с зеркалом была найдена бронзовая спиралевидная височная подвеска из тонкой проволоки, обтянутая золотой фольгой (рис. 7, 5), и несколько бусин из стекловидной пасты, аналогичные бусы были рассыпаны несколько севернее, ближе к тазовым костям и под черепом. Под черепом найдена еще одна такая же подвеска в два оборота. Все бусы можно разделить на две группы (рис. 7, 8): 1) 5 шт. — четырехгранные, продолговатые (длиной от 8 до 12 мм), изготовленные из черно-зеленой стекловидной пасты с перламутровым оттенком; 2) 41 шт. — бисер из белой стекловидной пасты (диаметр 2 мм). Справа от черепа находилась подвеска-амулет каплевидной формы, изготовленная из сардоникса (рис. 7, 7). На узком конце подвески имеется сквозное отверстие диаметром не более 1 мм. Рядом с ней лежала крупная алебастровая бочонковидная бусина (рис. 7, 6). На месте правой, отсутствовавшей кисти руки находилась каменная плитка неправильной формы с гладкой поверхностью (рис. 7, 9). К востоку от правой руки на расстоянии 15 см находилась кость барана и железный стилетовидный предмет с острым одним и плоским загнутым другим концом длиной 16,5 см (рис. 7, 4). Ниже отсутствовавшей ступни правой ноги лежало бронзовое пряслице бочонковидной формы с валиками на обоих концах и со сквозным отверстием по оси изделия (рис. 7, 3). В отверстие сохранился фрагмент деревянной палочки. Длина пряслица 2,4 см, диаметр тулова 2,2 см, диаметр плоских краев 1,5 см. Вдоль голени левой ноги лежал каменный оселок с гладко заполированной поверхностью (рис. 7, 2). Сечение овальное, в утолщенной верхней части имелось сквозное отверстие диаметром 6 мм. Длина оселка 10,2 см.

Погребение 3 располагалось ВЮВ от центра кургана (рис. 1, 3; 8, 1; 12, 2). Могильное пятно имело правильные овалыне очертания размерами 180 x 330 см. Оно выделялось на фоне желтой материковой глины ярко-красным заполнением из глины с большим содержанием гальки. Яма-шахта была плотно забита до дна этой глиной, взятой из расположенного ниже материкового слоя. Дно шах-

ты обнаружилось на глубине 117 см на уровне начала бордовой глины. Стенки шахты имели слабый наклон ко дну, размеры которого составили 125 x 250 см. Яма была строго ориентирована по линии С-Ю. В южной стенке шахты обнаружился вход в катакомбу, полностью сохранивший свой первоначальный облик. В дромосе катакомбы вела одна ступенька, находившаяся ниже дна шахты на 30 см. Ширина ступеньки 60 см. Она заканчивалась под нависавшим сводом входа в катакомбу. Дно катакомбы находилось ниже ступеньки на 20 см, или на 267 см ниже уровня материка. Таким образом, погребальное сооружение состояло из входной шахты, дромоса и собственно погребальной камеры. Общая длина катакомбы от ступеньки до южной стенки равнялась 5 м. Дромос шириной 110–115 см и длиной около 2 м имел прямоугольную в плане форму. Его стенки плавно расширялись и переходили в погребальную камеру овальной формы, размерами 120–158 x 300 см. На стенках и сводах катакомбы имелись четкие удлиненные следы острого землекопного орудия, аналогичные тем, что были отмечены в погребении 4 кургана 4. Свод катакомбы имел арочную форму, высота у входа составила 70 см от дна шахты и 100 см от уровня ступеньки, высота свода в дромосе 127 см. В погребальной камере он постепенно снижался до уровня дна за черепом погребенного человека. На дне катакомбы, ближе к западной стенке, находился хорошо сохранившийся, за исключением лицевой части черепа, скелет женщины. Скелет покоился в вытянутом положении на спине головой на юг. Руки были слегка согнуты в локтях и расставлены в стороны. Под костями и вокруг погребенной в форме овала (80 x 220 см) прослежена органическая подстилка черного цвета. Напротив левой ноги вдоль западной стенки, начиная от тазовых костей и на длину 140 см в северном направлении, была образована ступенька-столик, сложенная из угля, смешанного с небольшим количеством гумуса. Ее ширина 20–35 см, высота 10 см. Среди угля встречались небольшие обломки деревянных жердей, а также находился сосудик горшковидной формы с округлым дном и толстым слоем нагара на внутренних поверхностях стенок (рис. 8, 10). Сосуд был вылеплен вручную, толщина стенок от 0,7 до 1,5 см. На венчике налепная шишечка. Дг=4,8 см, Н=7 см, Дт=7 см. Вокруг сосуда найдено около десятка крупных галек, а также кусочки мела. В северной части описанного сооружения слева от него вверх дном лежал другой сосуд в форме острорезерной чаши с уплощенным дном (миска). Ребро образовывалось заостренным налепным валиком по наибольшему диаметру тулова (рис. 8, 9). Венчик сосуда отогнут, с ребром на внутренней стороне.

Размеры: Дг=11,5 см, Дд=4,5 см, Нс=6,8 см, Нг=2,5 см. На стенках миски внутри сохранились следы маслянистых пятен. В глине отмечена примесь талька. В южном конце ступеньки в слое угля под крупной деревянной дощечкой лежало бронзовое зеркало с плоской боковой ручкой (рис. 9, 1). Диаметр диска 17 см, длина ручки 6,3 см. Обратная сторона зеркала украшена двумя парами прочерченных концентрических кругов, а в центре — шишечкой и валиком вокруг последней. Между восточной стенкой катакомбы и костями ступни правой ноги лежали кости (лопатки, ребра и конечности) крупного барана, между которыми найден железный нож с обломанным концом лезвия (рис. 8, 4). Длина сохранившейся части последнего 12 см, длина рукояти со следами дерева 3 см. В юго-восточном конце погребальной камеры на краю подстилки за головой погребенной находилась россыпь крупных бус: 4 золотых и 15 гагатových (рис. 8, 8). Золотые полые бусы были спаяны из двух половинок, имели шаровидную форму, с ободками вокруг сквозных отверстий. Диаметр бусин 7–8 мм, диаметр отверстий 4 мм, длина изделий 10 мм. Гагатовые бусы имели продолговато-овальную и шаровидную форму (Д=7–10 мм) со сквозным отверстием (Д=1–2 мм). Здесь же находилась 1 бусина из серой стекловидной пасты с окрашенными белой и черной краской глазами (рис. 8, 8). Вокруг черепа в беспорядке располагались 4 стержня, сплетенных из трех полосок золотой фольги шириной 4 мм (рис. 8, 2), видимо, упавших с истлевшего головного убора. Еще один аналогичный стержень лежал под черепом, 6 экземпляров вокруг предплечья правой руки и 1 между грудной клеткой и предплечьем правой руки. Вероятно, плетение находилось на деревянной или кожаной основе. Длина изделий от 11,5 до 12,5 см. Украшения плелись сверху, вверх каждой пластинки имелись сквозные точечные отверстия. По обе стороны от черепа обнаружено по одной подвеске из золотой проволоки, свернутой в 2 оборота (рис. 8, 6). У западной стенки напротив плеча лежал изогнутый стержень из свернутого в прут бронзового листа (диаметр круглого сечения 4 мм), обтянутый золотой фольгой (рис. 8, 5). Вторая его половина находилась на локте левой руки. Видимо, они представляли собой две половины гривны или браслета (рис. 8, 5). Рядом с левым крылом таза, вдоль него лежал продолговатый предмет из алебаstra со слегка выпуклой спинкой. Длина изделия около 15 см, ширина около 3 см (рис. 8, 3). Под ним был обнаружен органический тлен болотного цвета. Между фалангами левой руки найдено золотое кольцо с овальным щитком (перстень), заполненным белой стекловидной пастой (рис. 8, 7).

Погребение 4 находилось к СВ от центра кургана (рис. 1, 3; 9, 7; 12, 4). Оно было выявлено ниже уровня материка, срезанного в этом месте бульдозером при подсыпке дороги. Могильное пятно овально-прямоугольных очертаний выделялось темно-серым гумусным заполнением и имело размеры 143 x 100 см. Большой стороной оно было ориентировано по линии Ю–С. Северная и восточная стенки ямы были отвесными, а под противоположными стенками обнаружился подбой глубиной от 10 до 35 см с высотой свода около 85 см. Видимо, часть свода обрушилась. На дне ямы из чистого крупнозернистого песка, на глубине 130 см от края ямы (от уровня материка 166 см) под сводом подбоя и вдоль западной стенки ямы располагались скелеты двух детей очень плохой сохранности. Возраст детей не более 5 лет. Первый костяк лежал на спине головой на Ю в южной части подбоя. Среди его костей найдено 5 мелких бусин из стекловидной пасты (рис. 9, 5) и 2 обломка от костяных ложечек (рис. 9, 3). Здесь же находилась подвеска каплевидной формы из агата со сквозным отверстием на узком конце (рис. 9, 6). На месте крыла таза находился глиняный сосуд (рис. 9, 7) имел кувшинообразную форму с плоским дном. Невысокое цилиндрическое горло плавно переходило в отогнутый венчик. Граница между горловиной и раздутым туловом подчеркнута заостренным наlepным валиком. Все тулово от ребра до дна украшено вертикальными неглубокими каннелюрами шириной около 1 см. Размеры сосуда: Дг=8 см, Дд=6,5 см, Дт=11,5 см, Нс=14 см, Нг=3,5 см. Кости ног отсутствовали. На их месте покоился череп второго костяка, расположенного также в позе вытянуто на спине головой на Ю. В области его грудной клетки была найдена серебристая скрепка (рис. 9, 4).

Погребение 5 располагалось к ЮЮЗ от центра кургана (рис. 1, 3; 9, 2). Могильное пятно вытянутой прямоугольной формы с закругленными углами выделялось темно-серым цветом гумусного заполнения. Размеры ямы: 70 x 225 см, глубина 40 см. Стенки ямы отвесные, дно ровное. На дне находился скелет взрослого мужчины в положении вытянуто на спине головой на ЮВ. Между голенями и ступнями погребенного лежали кости барана и 6 бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел (рис. 9, 9). В области тазовых костей найдена округлая железная пряжка с неподвижным язычком, размерами 2,5 x 3,3 см (рис. 9, 12). За головой погребенного у юго-восточной стенки был обнаружен железный черешковый однолезвийный нож с горбатой спинкой длиной 10,5 см (рис. 9, 11). Самой интересной находкой в могиле является железный меч хорошей сохранности с серповидным навершием и прямым перекрестием (рис. 9, 10). Он лежал вдоль правой ноги.

Длина меча 106 см, длина рукояти 9,5 см. На клинке сохранились остатки деревянных ножен.

Погребение 6 располагалось несколько юго-западнее от погребения 5 за пределами деревянного сооружения (рис. 1, 3; 10, 7; 12, 5). Могильное пятно отличалось темно-серым гумусным заполнением, оно имело вытянутые овальные очертания, нечеткие в южной половине, где позднее обнаружилась провалившаяся катакомба. Размеры пятна на материке 60 x 190 см. Погребальное сооружение состояло из входной ямы-шахты и катакомбы (П6а) под юго-восточной стенкой и подбоя (П6б) под северо-восточной стенкой. Размеры шахты 60 x 110 см. С западной стороны ее стенка переходила в покату ступеньку шириной 27 см, ее нижний уступ обнаружился на глубине 60 см. На этой же глубине выявился нижний уровень входа в катакомбу под юго-восточной стенкой. Дно этой катакомбы находилось ниже входа на 30 см, сама катакомба имела округлые очертания 100 x 110 см, предположительная высота свода 50-60 см. На дне этой катакомбы находились скелеты двух детей в возрасте около 8 лет. Они покоились в позах вытянуто на спине параллельно друг другу головой на юго-восток. У черепа костяка № 1, расположенного на восточной стороне дна ямы, найдены 3 пронизки, свернутые из золотой фольги (длина 7-9 мм) (рис. 10, 9), под черепом и на грудице – по одной золотой подвеске (рис. 10, 6). Последние отличаются оригинальностью. Подвески составлены из проволочного колечка в 2 оборота, цепочки сложного плетения и медальона плоской каплевидной формы с ободком по краям, выполненных в технике филигранны, образовавшиеся углубления на медальоне заполнялись цветной стекловидной пастой. На кончике одного из медальонов напаяно три шарика зерна. В ногах костяка № 1, у стенки ямы, стоял крупный сосуд № 1 горшковидной формы с сильно раздутым туловом, отогнутым венчиком и круглым дном (рис. 10, 4). Сосуд вылеплен вручную, стенки тонкие (4 мм), поверхность тщательно заглажена. На плечиках имелся круглый носик-слив и симметрично расположенные ручки в виде ушек. Размеры сосуда: Дг=12 см, Дт=20 см, Нс=16 см, Нг=1,6 см. Между костями голени найдены 3 бусины из гагата (рис. 10, 9). Костяк № 2 располагался вдоль юго-западной стенки катакомбы, за его черепом у темени находилось два бронзовых колокольчика (рис. 10, 8), отлитых в виде слабо раздутых конусов. По бокам обоих предметов с двух сторон имелись отверстия с рваными краями для перекладин. У одного колокольчика по нижнему краю прочерчена линия. Вершины колокольчиков оформлены в одном случае в виде плоского стержня с отверстием, в другом – в виде круглой петли. На правом плече ко-

стыка № 2 лежал кусочек необработанного горного хрусталя. Запястья украшали нитки бус из гагата (на левом 7 шт., на правом 16 шт.) и золотые двусторчатые браслеты (рис. 11, 2, 3, 4). При изготовлении браслетов использовалась техника филигранны, скани и гравировки. Хотя изделия и оригинальны и представляют художественную ценность, необходимо отметить невысокое качество оформления предмета и самого металла, что, возможно, свидетельствует о местном производстве данных изделий. По своему оформлению и технике изготовления оба браслета идентичны. Браслеты состоят из двух створок, одна из которых в два раза меньше другой. Меньшая створка прикреплялась к большей при помощи наглухо закрепленной проволоки, вставленной в петельки на боковинах створок. С другой стороны в аналогичные петельки вставлялась и вынималась медная игла, подвешенная на плетеной золотой цепочке, которая в свою очередь была припаяна на окружность большей створки. Основу створок браслетов составляют три полых трубки, свернутых из листового золота, запаянных с внутренней стороны браслетов. Между трубками и между собой припаяны плоские пластинки в виде ромбов, на каждом из которых край оформлялся припаянной перевитой проволочкой, образующей невысокие бортики. Образовавшееся внутреннее пространство на ромбах, через один, заполнялось стекловидной пастой розового и фиолетового цвета. По внешним трубкам большей створки браслета в положении антитезы были припаяны фигурки стилизованных животных, больше похожих на хищников (рис. 11, 4). Животные как бы сливаются с предметом, распластавшись по окружности браслетов. Морды вытянуты, ушки прижаты, задние конечности стилизованы, вывернуты и оттянуты назад. На их концах по две шпешечки, а дальше напаяно 6 кругов из перевитой проволоки, заполненных через один розовой пастой. Прорисованы ноздри, лохматая нижняя челюсть, глаза и шерсть животного. Диаметр браслетов 5 см, высота 2,5 см. Между костями напротив плечевых костей находились кусок серы и костяной гребешок (2,6 x 3,3 см) с наверху, украшенным головами птиц, смотрящими в разные стороны. Между головками имеется небольшой выступ со сквозным отверстием для подвешивания (рис. 10, 5). Между тазовыми костями находился сосуд № 2 кувшинообразной формы с высоким блоковидным горлом и призматическим раздутым туловом (рис. 10, 2). Дно плоское, венчик отогнут, на горле имеются вертикальные наленные ушки. Поверхность сосуда тщательно заглажена. По середине тулова выделен волнистый горизонтальный валик, верхняя часть тулова орнаментирована двумя прочерченными горизонтальными волнистыми

линиями и группами точечных вдавлений, нижняя часть украшена вертикальными линиями. Размеры сосуда: Дг=8,2 см, Дт=12 см, Дд=5,4 см, Нс=13,5 см, Нг=5,3 см. Сосуд № 3 находился между ступнями погребенных. Сосуд (рис. 10, 3) имел кувшинообразную форму с одной ручкой, соединяющей венчик и середину тулова. Горло широкое, тулово приземистое, дно плоское. Внутренняя и внешняя поверхность тщательно залощена вертикальными полосами. Кувшин изготовлен, вероятно, на гончарном круге, толщина стенок 0,4 см. Размеры сосуда: Дг=9,5 см, Дт=15,5 см, Дд=8,4 см, Нс=15,5 см. Между сосудами № 2 и № 3 находились фрагменты стенок еще одного сосуда, форма которого не реконструировалась, а также навершие костяного предмета из свернутой золотой пластины (рис. 10, 7). Сверху к изделию припаяно колечко из четырех слоев тонкой проволоки. Аналогичной проволокой оформлены края предмета с орнаментом по одной стороне. Кружок по центру и полукруг под колечком-петелькой заполнены синей стекловидной пастой. Высота изделия 1,2 см, ширина верхней части 1,3 см, нижней 1,9 см. Под северо-восточной стенкой шахты выявился подбой с высотой свода около 80 см и шириной около 80 см. Дно зафиксировано на глубине –110 см от нуля. В подбое находился скелет ребенка не старше 3–4 лет очень плохой сохранности. Погребенный покоился в позе вытянуто на спине головой к ЮВ.

Хорошая сохранность большинства погребений, а также сочетание стандартных характеристик погребального обряда и редких, уникальных находок определяют высокую научную значимость материалов V Бердянского могильника.

Все погребения, за исключением одного – савроматского, относятся к раннесарматской культуре, о чем свидетельствуют следующие признаки: впускной характер захоронений, расположение большинства могил по периферии подкурганной площадки, форма и конструкция могильных ям, ориентировка костяков в южный сектор, помещение в ноги погребенных жертвенной пищи в виде частей туш баранов или лошадей вместе с ножами. Большая часть предметов, составляющих погребальный инвентарь, также обычна для раннесарматских комплексов.

Решающую роль в определении хронологической позиции рассматриваемых погребений играет датировка отдельных предметов и целых комплексов. Так из предметов вооружения и воинской амуниции наиболее точно можно датировать мечи, железные наконечники стрел и бронзовую пряжку. Все 3 меча обнаружены в погребениях взрослых мужчин. Для них характерны прямые перекрестья и серповидные навершия, по которым их можно отнести к III–II вв. до н. э. (Мошкова М. Г.,

1963, с. 34; Скрипкин А. С., 1990, с. 118). В центральном воинском погребении кургана 4 находился колчаный набор, состоявший из более чем 120 железных наконечников стрел, которые по типологии, размерам и пропорциям могут быть датированы в пределах III–II вв. до н. э. (Хазанов А. М., 1971, с. 37; Скрипкин А. С., 1990, с. 72, 141). Бронзовая кольцевидная пряжка с приподнятым боковым крючком (К4П4) принадлежит к распространенному в прохоровских памятниках типу портупейных пряжек (тип 2) (Скрипкин А. С., 1990, с. 97). Наряду с восьмеркообразными бронзовыми они относятся к числу предметов, четко маркирующих раннесарматские комплексы III–I вв. до н. э. (Мошкова М. Г., 1963, с. 40; Скрипкин А. С., 1990, с. 97). Все три бронзовых зеркала также находят многочисленные аналоги в памятниках прохоровской культуры. Зеркало из воинского погребения кургана 4 относится к I типу I отдела по классификации М. Г. Мошковой и датируется III–II вв. до н. э. (Мошкова М. Г., 1963, Табл. 27). В Южном Приуралье известно несколько находок зеркал такого типа. Аналогичное зеркало обнаружено в Старокишкинском могильнике и, по свидетельству М. Х. Садыковой, оно также имело золотистую поверхность (Садыкова М. Х., 1962, с. 113–114). Другое зеркало из погребения 2 кургана 5 можно отнести к кругу зеркал с валиком по краю диска, получившим широкое распространение с III в. до н. э. К сожалению, его фрагментарное состояние не дает возможности определить тип изделия. Типологические признаки зеркала из погребения 3 кургана 5 не противоречат датировке всего комплекса в пределах III–II вв. до н. э.

Из всей глиняной посуды, находившейся в погребениях, более определенно датируется миска (курильница?) из погребения 3 кургана 5. Ближайшим ей аналогом является миска из Старокишкинского могильника в Башкирии. Их сближает не только форма, но и состав глины (примесь талька) (Садыкова М. Х., 1962, с. 112, 113). Целая серия близких по назначению сосудов представлена в Бишунгаровском могильнике (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 18–33, Табл. IX–XXIV).

Найденный в детском погребении, совершенном в катакомбе (К5П6а) костяной гребешок с зооморфным сюжетом также имеет близкий аналог в Старокишкинском могильнике, где был найден похожий костяной гребешок. В целом, стилистика изображений птичьих головок, смотрящих в противоположные стороны, на этих гребешках полностью соответствует сюжетам, распространенным в III–II вв. до н. э. на костяных зооморфных навершиях гребней.

В женских и детских погребениях могильника находились бусы из различного материала. Из них

важное значение для подтверждения даты памятника имеют бусы, изготовленные из гагата (К4П5; К4П6; К5П3) и янтаря (К4П5). По данным Е. М. Алексеевой, бусы из этих материалов появляются в Северном Причерноморье в III в. до н. э. (Алексеева Е. М., 1978, с. 8, 22).

Остальные предметы из погребений могильника имеют или широкую датировку, например, ювелирные украшения, либо достаточно оригинальны и на данный момент не находят близких хорошо датированных аналогий.

Приведенные аналогии отдельным находкам, а также взаимовстречаемость в погребениях обоих курганов однотипных вещей (круговые сосуды среднеазиатского производства, деревянные сосуды с серебряными обкладками, ювелирные украшения, выполненные в одной технике, оружие, бусы и др.), а также близость погребального обряда (типы могильных ям, подбойных и катакомбных), позволяют сделать вывод о хронологической близости всех совершенных в курганах 4 и 5 V Бердянского могильника погребений, составивших, видимо, единое родовое кладбище, функционировавшее в пределах III–II вв. до н. э.

Что касается внутренней хронологии курганов, то следует отметить, что относительно более поздними в них, вероятно, являются погребения, совершенные в подбоях. Во всяком случае, 3 из 4 подбойных захоронений прорезают и даже разрушают погребения в катакомбах и одно в простой яме (К4П2; К5П1, П6). Возможно, что в некоторых случаях (К5П1, П6) имело место преднамеренное подзахоронение. О том, что такая

практика существовала у ранних сарматов, свидетельствуют материалы могильников у с. Покровка (Яблонский Л. Т., 1998, с. 100).

Определяя место V Бердянского могильника среди других памятников прохоровской культуры Приуралья, следует отметить, что его материалы наиболее близки погребальному инвентарю Бишунгаровского и Старокишкинского могильников в Башкирии, но от них его отличает преобладание камерных могил, что, с другой стороны, роднит Бердянские курганы с илекской группой раннесарматских памятников и, прежде всего, таких могильников, как Мечет-Сай, Покровка I, II, VII, VIII. Очевидна близость Бердянских курганов материалам Прохоровского могильника. Погребения прохоровских курганов 1 и 2 совершены в катакомбных могилах, в одной из которых была найдена стальная кираса, близкая по типу бердянской (Ростовцев М. И., 1918, с. 13). Ювелирные украшения выполнены в одинаковой филигранной технике с использованием скани, аналогичны они и по орнаментальным мотивам. Головы животных, изображенные на концах гривны из I Прохоровского кургана имеют значительное сходство с изображениями голов на бердянских браслетах. С. И. Руденко отмечал присутствие в погребениях 1 и 2 Прохоровских курганов железных стерженьков, а также трехгранного (трехлопастного?) железного наконечника стрелы в погребении кургана 2. В погребении кургана 4 были найдены бусы из «каменного угля», по всей видимости, гагата. Эти данные могут свидетельствовать в пользу синхронности раннесарматских погребений V Бердянского и Прохоровского могильников.

Список литературы

Моргунова Н. Л., 1994. Отчет о раскопках у с. Бердянка Оренбургского района Оренбургской области в 1994 г. // Архив ИА РАН.

Моргунова Н. Л., 1995. Отчет о раскопках V Бердянского могильника в Оренбургском районе Оренбургской области в 1995 г. // Архив ИА РАН.

Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М.

Воронова С. А., Порохова О. И., 1992. Чкаловский курганный могильник // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Граков Б. Н., 1928. Курганы в окрестностях поселка Неженского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. // Труды секции археологии РАНИОН. М.

Граков Б. Н., 1947. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. № 3.

Зарецкий И. А., 1941. Пос. Благословенка и Ак-Булак, 1935 // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М. – Л.

Мещеряков Д. В., 1996. Новый памятник раннего железного века Урало-Илекского междуречья // XIII УАС. Тезисы докладов. Ч. II. Уфа.

Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1995. Раскопки в Оренбуржье // АО-1994. М.

Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1996. Раскопки в Оренбуржье // АО-1995. М.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1–10. М.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Ростовцев М. И., 1918. Курганные находки Оренбургской области раннего и позднего эллинизма // МАР. № 37.

Садыкова М. Х., 1962. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Книшки // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа.

Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Яблонский Л. Т., 1998. Работы комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург.

Список иллюстраций

Рис. 1. 1 – план могильника Бердянка V; 2 – план кургана 4; 3 – план кургана 5. Курган 4 погребение 1: 4 – план погребения; 5 – разрез могильной ямы; 6 – глиняный сосуд; 7 – костяная пронизка.

Рис. 2. Курган 4. 1 – план погребений 2 и 5: погребение 2 (1 – меч, 2 – нож, 3 – кости барана, 4 – пряжка); погребение 5 (1 – браслет, 2 – сердоликовая бусина, 3 – золотые височные кольца, 4 – бисер, 5 – золотая подвеска, 6 – сосуд, 7 – кости барана, 8 – нож, 9 – сердоликовая бусина под днищем сосуда, 10 – ожерелье из бус и золотых подвесок). Погребение 2: 2 – меч, 3 – пряжка, 4 – нож. Погребение 5: 5 – браслет, 6а – височные кольца, 6б – золотая пронизка, 6в – цепочка, 7 – золотые бусы, 8 – сосуд, 9 – нож, 10, 11 – бусы, 2, 3, 4, 9 – железо, 5 – бронза, 6, 7 – золото, 8 – керамика, 10а – агат, 10б – гагат, 10в – янтарь, 10г – мергель, 10д – стекло, 11 – сердолик.

Рис. 3. Курган 4. 1 – план погребений 3 и 4: погребение 3 (1 – пряжка, 2 – обойма, 3 – оселок, 4 – фрагмент сосуда); погребение 4 (1 – кожа, 2 – зеркало, 3 – меч, 4 – наконечники стрел, 5 – рабочие инструменты, 6 – пряжка, 7 – колчаный крюк, 8 – копье, 9 – кираса, 10 – деревянный сосуд с серебряными оковками, 11 – камень, 12 – нож, 13 – кости животного, 14 – глиняный сосуд). Погребение 3: 2 – ворворка, 3 – обойма-треничка, 4 – оселок, 5 – фрагмент сосуда. Погребение 4: 6 – сосуд, 7 – зеркало, 8 – меч, 9 – наконечник копья, 10 – пряжка, 11 – нож 1, 12 – нож 2, 2, 3, 10 – бронза, 4 – камень, 5, 6 – керамика, 7 – бронза, позолота, 8, 9, 11, 12 – железо, дерево.

Рис. 4. Курган 4. Погребение 4: 1 – колчаный крюк, 2 – кираса, 3 – детали кирасы, 4 – наконечники стрел, 5 – древки стрел с черешками, 6 – фрагменты деревянного сосуда с серебряными оковками, 7 – рабочие инструменты. 1 – золото, стекло, железо; 2 – железо, 3 – бронза, железо, 4, 5 – дерево, железо, 6 – дерево, серебро, 7 – железо, кость.

Рис. 5. Курган 4. Профильные разрезы могильных ям.

Рис. 6. Курган 5. 1 – план погребения 1а (1 – сосуд, 2 – железный предмет и кусок кварцита, 3 – наконечники стрел); 2 – план погребения 1б (1 – блюдо из рога лося, 2 – развал сосуда 1, 3 – сосуд 2, 4 – нож 1, 5 – наконечники стрел, 6 – нож 2). Погребение 1а: 3а – наконечники стрел, 4 – сосуд, 7 – кусок кварцита, 8 – железный предмет. Погребение 1б: 3б – наконечники стрел, 5 – сосуд 2,

6 – нож 2, 9 – нож 1, 10 – блюдо из рога лося, 3 – бронза, 4, 5 – керамика, 6, 8, 9 – железо, 7 – камень, 10 – рога.

Рис. 7. Курган 5. Погребение 2: 1 – план погребения (1, 8 – височные кольца, 2 – фрагмент зеркала, 3 – оселок, 4 – бронзовое пряслице, 5 – каменная плитка, 6 – железный предмет, 7 – кость барана, 9 – каменная подвеска, 10 – стеклянные бусы, 11 – фрагменты деревянного сосуда с серебряной оковкой); 2 – оселок, 3 – пряслице, 4 – железный предмет, 5 – височные кольца, 6 – алебастровая бусина, 7 – каменная подвеска, 8 – бусы, 9 – каменная плитка, 10 – венчик сосуда, 11 – фрагмент зеркала. 2, 6, 7, 9 – камень, 3, 11 – бронза, 4 – железо, 5 – бронза, золото, 8 – стекло, 10 – дерево, серебро.

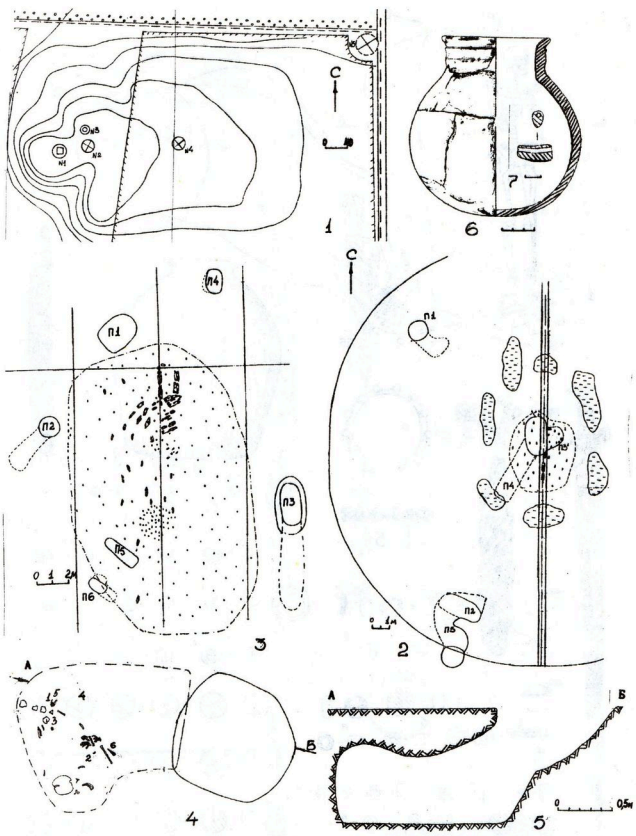
Рис. 8. Курган 5. Погребение 3: 1 – план погребения (1 – миска, 2 – курильница, 3 – зеркало, 4 – алебастровая накладка, 5 – перстень, 6 – обломки браслета, 7 – височные кольца, 8 – витые стержни, 9 – золотые и гагатные бусы, 10 – нож); 2 – витые стержни, 3 – алебастровая накладка, 4 – нож, 5 – браслет, 6 – височные кольца, 7 – перстень, 8 – бусы, 9 – сосуд 1, 10 – сосуд 2. 2, 6, 7, 8а – золото, 3 – алебастр, 4 – железо, 5 – бронза, золото, 8б – стекло, 8в – гагат, 9, 10 – керамика.

Рис. 9. Курган 5. Погребение 3: 1 – зеркало. Погребение 4: 7 – план погребения (1, 2 – костяные ложечки, 3 – сосуд, 4 – скрепка), 8 – костяные ложки, 9 – скрепка, 10, 11 – бусы, 12 – сосуд. Погребение 5: 2 – план погребения (1 – меч, 2 – пряжка, 3 – наконечники стрел); 3 – наконечники стрел, 4 – меч, 5 – нож, 6 – пряжка, 3 – бронза, 4, 6 – железо, 8 – кость, 9 – серебро, 10 – стекло, 11 – камень, 12 – керамика.

Рис. 10. Курган 5. Погребение 6: 1 – план погребения (1 – оселок 1, 2 – сосуд 3, 3 – сосуд 2, 4 – фрагменты сосуда 4, 5 – гребень, 6 – золотое навершие костяного предмета, 7 – сера, 8 – колокольчики, 9 – браслеты, 10 – бусы, 11 – бусы гагатные, 12 – серьги, 13 – бусы золотые); 2 – сосуд 2, 3 – сосуд 3, 4 – сосуд 1, 5 – гребень, 6 – серьги, 7 – навершие костяного предмета, 8 – колокольчики, 9а – бусы гагатные, 9б – бусы стеклянные, 9в – бусина сердоликовая, 9г – бусы золотые, 2, 4 – керамика, 5 – кость, 6 – золото, стекло, 7 – золото, стекло, кость, 8 – бронза.

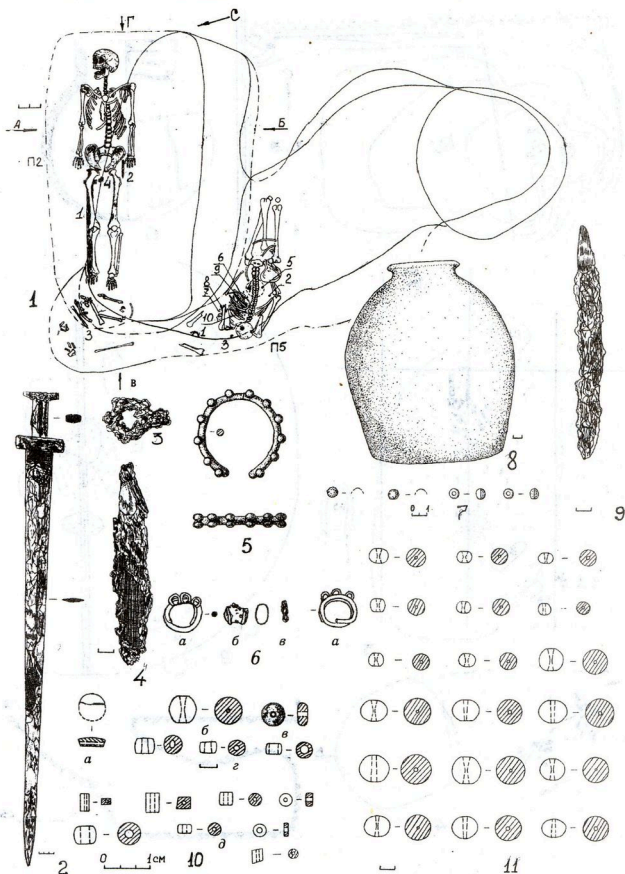
Рис. 11. 1 – золотые подвески (курган 4 погребение 5); 2, 4 – браслеты золотые (курган 5 погребение 6).

Рис. 12. Курган 5. Профильные разрезы могильных ям.

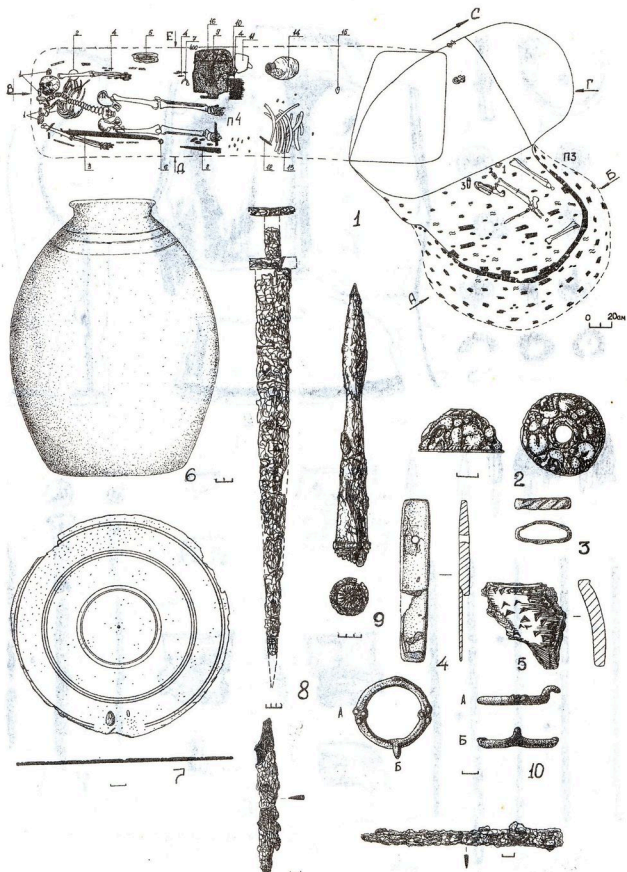

<http://kraeved.orck.org>
История Оренбуржья

Рис. 1

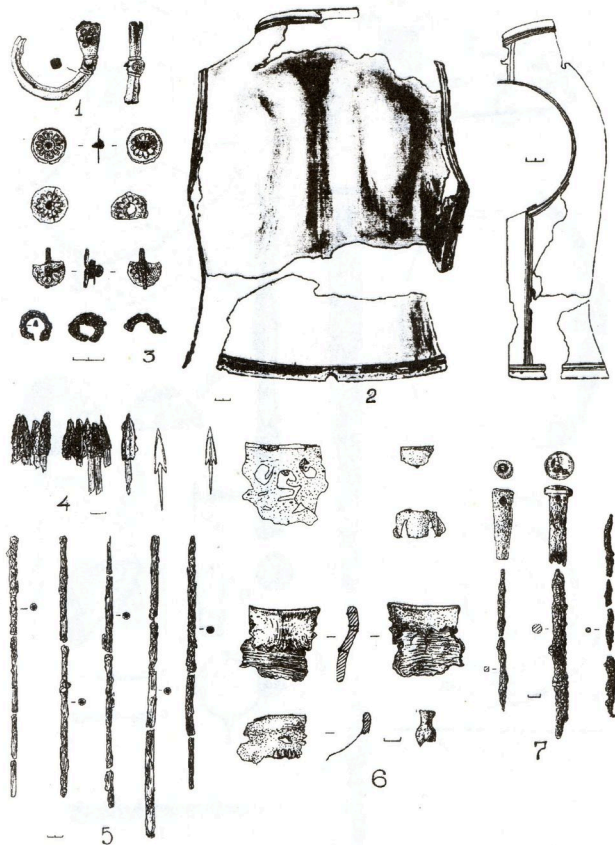

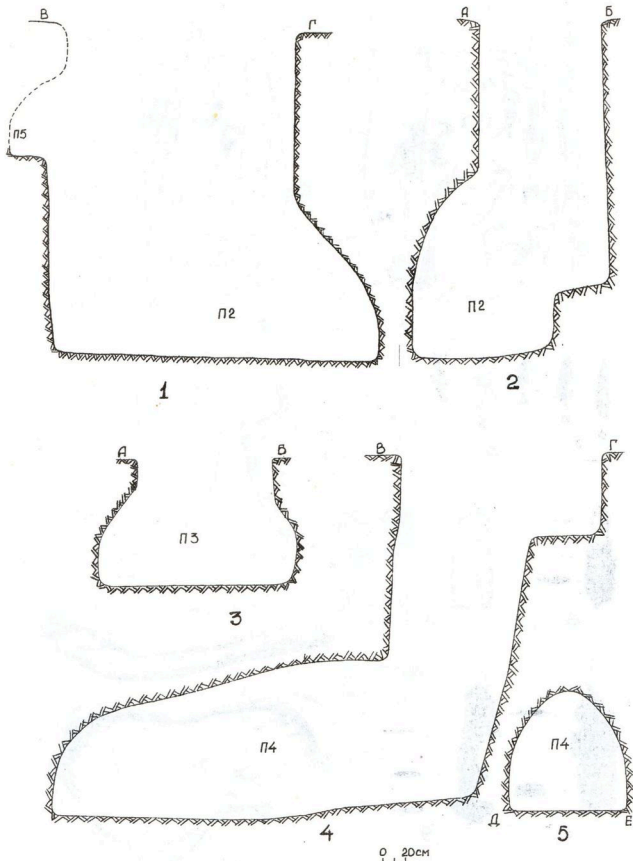
<http://kraeved.opck.org>
История Оренбуржья *Рис. 2*

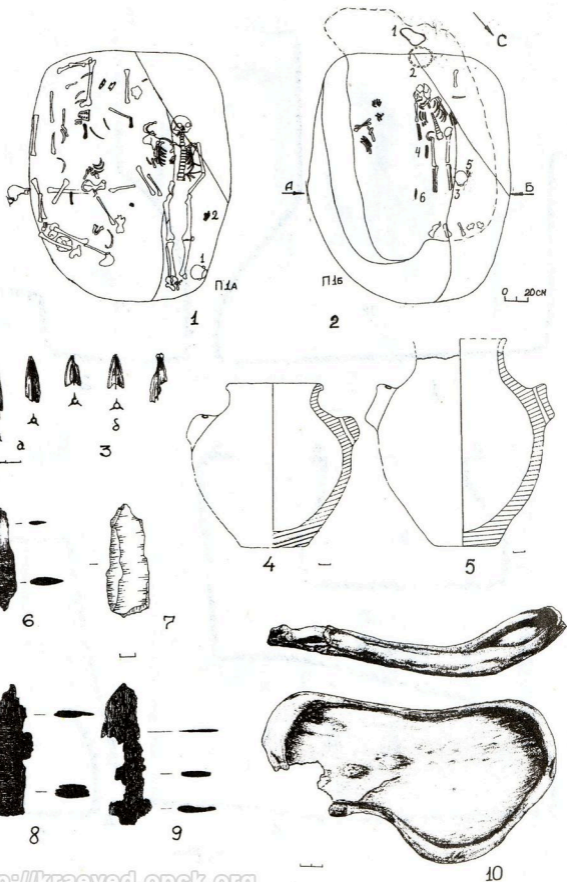

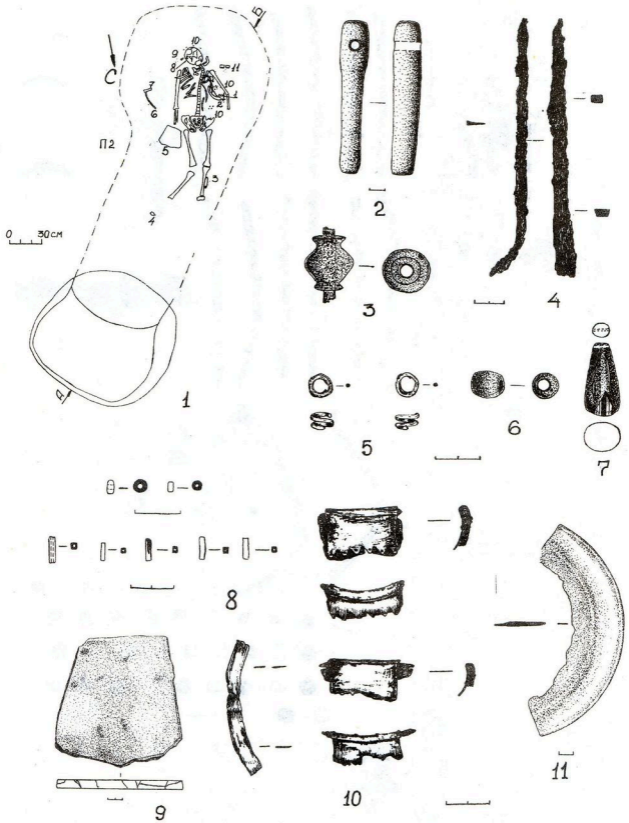
<http://kraeved.org.ru>
История Оренбуржья

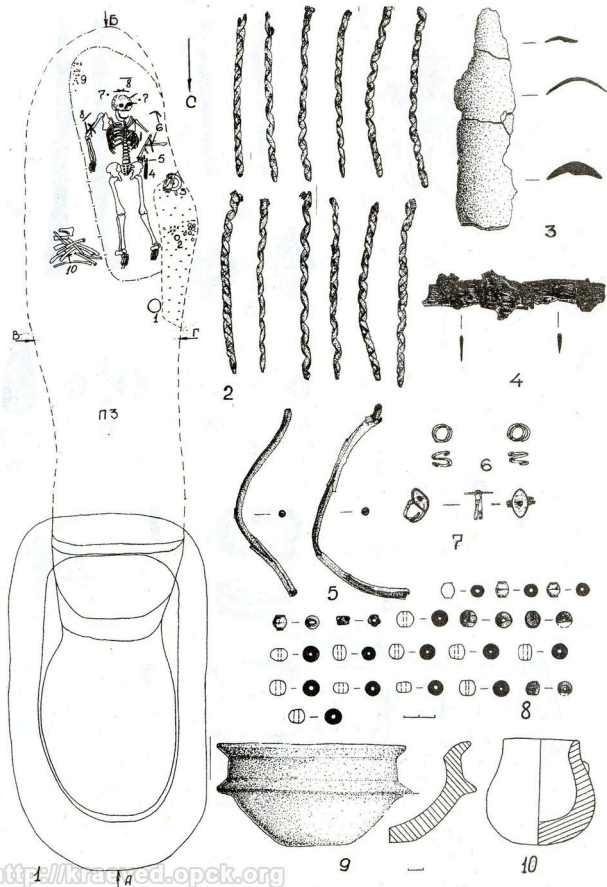
Рис. 3

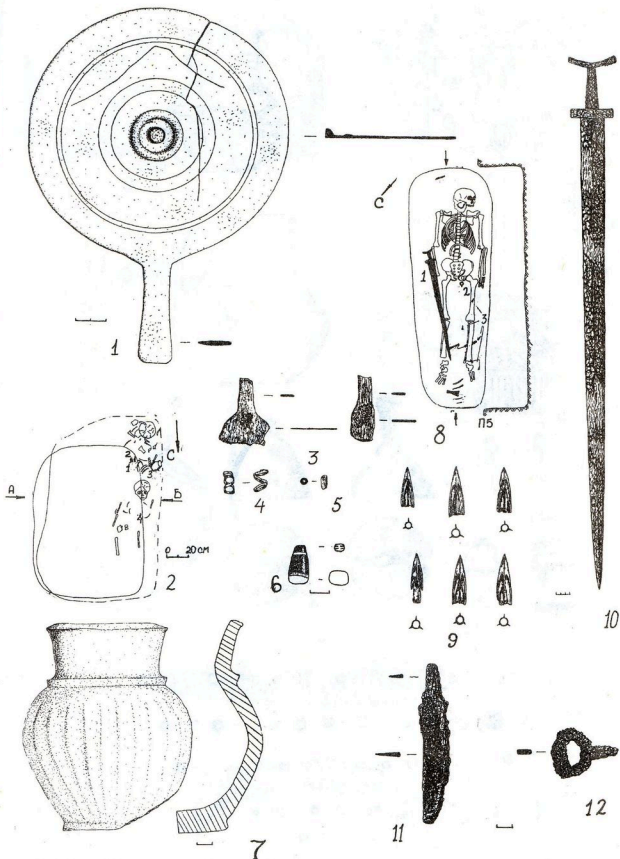

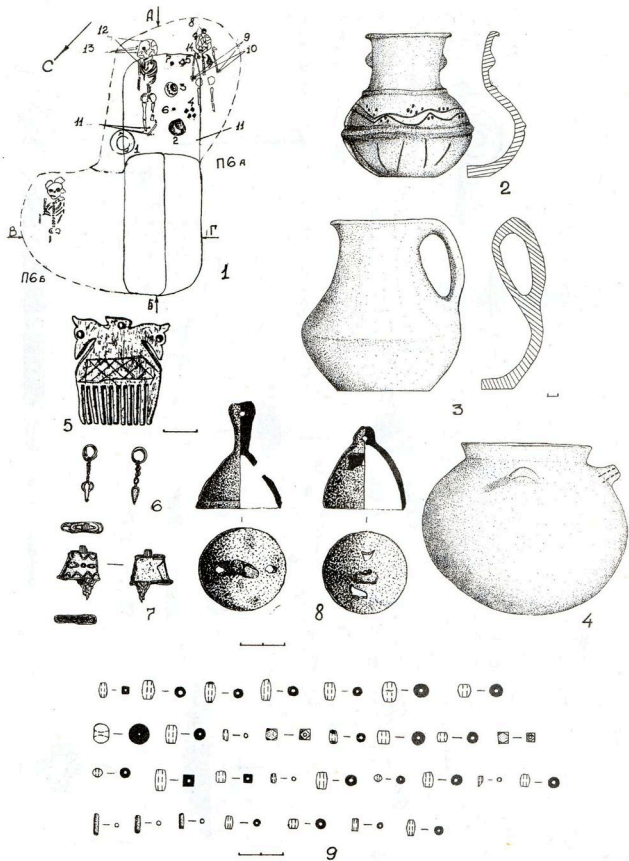

<http://klassed.orck.org>
История Оренбуржья

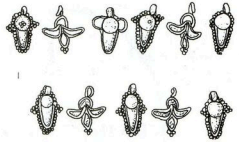
Рис. 8

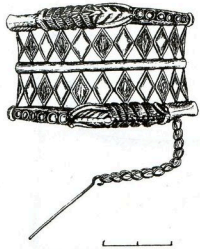
2

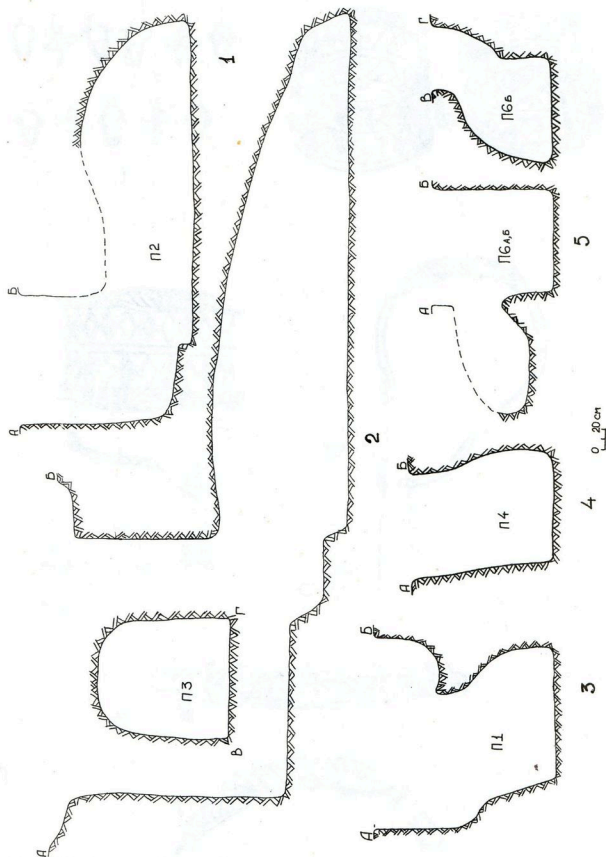

1

3

В. Н. Мышкин,
В. А. Скарбовенко,
А. А. Хохлов

САРМАТСКИЕ КУРГАНЫ У С. ГВАРДЕЙЦЫ

Могильник Гвардейцы I находится в 1 км к юго-востоку от села Гвардейцы Борского района Самарской области (рис. 1). Памятник располагается на второй надпойменной террасе р. Самары, у подножия возвышенности Хмырова шишка, вершину которой занимает могильник Гвардейцы II. В пределах могильника курганы располагались полосой, ориентированной с СЗ на ЮВ, параллельно краю террасы (рис. 2). Необходимость проведения раскопчных работ обуславливалась строительством газопровода из с. Алексеевки в с. Гвардейцы.

Могильник был открыт в 1921 году Восточной экспедицией общества археологии, истории, этнографии и естествознания под руководством В.В. Гольмстен. В 1970–1972 годах исследовался археологической экспедицией Куйбышевского государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой и В.А. Скарбовенко (Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., 1976). Из 32 курганов, образовавших могильник, в течение трех полевых сезонов было раскопано 13 (курганы 1; 2; 3; 7; 8; 9; 12; 13; 14; 17; 19; 20; 21). В 1994 г. работы по изучению памятника продолжили авторы данной статьи. Исследовано 9 курганов. Материалы шести курганов, сооруженных ранними кочевниками, представлены в настоящей публикации.

КУРГАН 25. Современный диаметр насыпи – 16,4 x 17,6 м. Максимальная высота насыпи от уровня современной поверхности – 0,3 м, от уровня древней – 0,35 м. Центральная часть разрушена при сооружении траншеи газопровода.

Под насыпью кургана обнаружены три погребения.

Погребение 1. Выкид из погребения компактной лопзой располагался на уровне древней поверхности вдоль северной стенки могильной ямы. На уровне материка, на глубине -0,89 м от 0, могильная яма имела в плане форму четырехугольника с выпуклыми стенками и размеры 2,35 x 1,96 м. Длинной осью могила ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Ее длина у дна составляла 2,24 м, мак-

симальная ширина – 1,85 м. Глубина от уровня древней поверхности равнялась 0,82 м. Могила была перекрыта деревянными плахами, которые концами опирались на ее продольные стенки. Восточная половина могильной ямы нарушена траншеей роторного экскаватора, уничтожившей ее содержимое.

В могильной яме погребены четыре человека. У северной продольной стенки могилы лежал скелет юности 14–16 лет¹ в вытянутом на спине положении, головой на ЗЮЗ (248°). Руки погребенного вытянуты вдоль тела. Ноги полностью уничтожены при сооружении траншеи. Параллельно первому погребенному, с правой от него стороны располагался костяк подростка, лежавший вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. От скелета уцелели только нижняя челюсть, грудная клетка и кости левой руки. Остальные кости были уничтожены экскаватором и грызунами. С левой стороны черепа найдена серьга (рис. 3, 15), изготовленная из медной или бронзовой проволоки толщиной около 1 мм. Один конец проволоки загнут в крупное овальное незамкнутое кольцо размером 2,7 x 2,4 см, второй – в маленькое колечко размером 0,6 x 0,5 см. Аналогичные украшения встречаются в памятниках савроматского времени. В частности, подобная серьга обнаружена в кургане I Аландского I могильника (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 25, 9).

В области шейных позвонков погребенной были обнаружены стеклянные бусы в количестве не менее 14 штук (рис. 3, 6–14), составлявшие ожерелье. Они изготовлены из желтого и бирюзового глупого очень хрупкого стекла низкого качества, подвергшегося сильной ирризации. Бусины простые, гладкие, округлой формы, каждая изготовлена индивидуально.

На запястье левой руки обнаружен браслет (рис. 3, 5), изготовленный из медного или бронзового прута с несомкнутыми тупыми концами. Концы прута округлые в сечении, центральная часть слегка уплощена с внутренней стороны.

¹ Антропологические определения выполнены А.А. Хохловым – одним из авторов данной статьи.

Размер браслета 6,6 x 6,0 см. Бронзовые браслеты подобного типа встречаются в погребениях савроматского времени (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 25, 39, 40, 43).

Третьим в могиле был погребен ребенок, отдельные кости которого обнаружены в экскаваторной траншее и в норах грызунов. Наиболее вероятное местоположение этого погребенного — у южной продольной стенки. Плечевая кость еще одного погребенного ребенка обнаружена в траншее, прорезавшей погребение.

В пределах могильной ямы, в заполнении экскаваторной траншеи, обнаружен фрагмент кости ноги мелкого животного, предположительно, овцы.

Погребение 2 (рис. 3, 1). Могильная яма имела в плане форму прямоугольника с закругленными углами и слегка выпуклой короткой юго-западной стенкой. Длина ямы 1,70 м, ширина — 0,70 м. Длинной осью могила ориентирована по линии СВ-ЮЗ. По направлению ко дну яма слегка уменьшалась в размерах. Длина дна 1,64 м, ширина 0,60–0,69 м. Глубина ямы от точки 0 — 1,2–1,24 м. В заполнении фиксировались остатки надмогильного перекрытия в виде древесного тлена.

На дне могильной ямы лежал костяк женщины 60–65 лет. Женщина погребена на левом боку с подогнутыми ногами, головой на ЮЗ (213°). Кисть ее левой вытянутой руки находилась под коленом левой ноги. Кисть правой согнутой руки покоилась на тазовых костях. Под черепом погребенной обнаружены остатки подстилки органического происхождения, возможно древесной коры.

В головах умершей были поставлены два сосуда. Один из них, небольшой лепной круглодонный сосудик с отогнутой наружу конической шейкой (рис. 3, 4), находился в юго-восточном углу могилы, напротив затылка погребенной. Высота сосуда 10,2 см. Максимальный диаметр тулова — 10 см. Плечики, нижняя часть тулова и дно сосуда сплошь покрыты орнаментом, выполненным в технике прочерчивания и гладкого штампа. На дне сосуда зафиксированы следы порошка охры.

Развал второго сосуда (рис. 3, 2) находился в юго-западном углу ямы, перед лицом погребенной. Восстановлен частично. Сосуд имеет коническую, расширяющуюся кверху шейку, плоское широкое дно и биконическое тулово со слабым, едва намечающимся ребром при переходе от плечика к тулову. Сосуд орнаментирован в технике прочерчивания. В верхней части плечика на границе с шейкой имеются две параллельные прямые линии, ниже которых изображены схематичные «деревья». Нижняя часть тулова отделена от дна парой параллельных прямых. На дне имеется розетка, четырехкратно воспроизводящая изоб-

раженное на плечике «дерево». На поверхности сосуда зафиксировано несколько пятен охры.

В ногах костяка, между ступнями и северной торцовой стенкой ямы было обнаружено несколько предметов. Это обломок песчаниковой плитки с уплощенными поверхностями и неровно обколотый с боков, фрагмент кости животного, раковина грифеа с остатками темного вещества внутри углубления, обломок костяного предмета в виде продолговатой пластины с выпуклыми прямоугольными краями и слегка вогнутой поверхностью (рис. 3, 3). Последний выполнял, по-видимому, функцию ложечки.

Погребение 3. Могильная яма имела в плане форму не вполне правильного овала и размеры 1,99 м x 1,00 м. Длинной осью могила ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Дно овальной формы. Размеры дна 1,94 м x 0,93 м. Глубина ямы от уровня древней поверхности 0,91 м. Материковый выбор из ямы лежал компактной линзой на древней поверхности. Яму перекрывали крупные деревянные плахи, опиравшиеся концами на западную и восточную торцовые стенки.

На дне могилы обнаружен частично сохранившийся скелет, вероятно, подростка, захороненного в вытянутом на спине положении, головой на ЮЗ. Верхняя часть костяка до таза была уничтожена экскаватором.

Вдоль северной продольной стенки ямы лежали части разрубленной туши барана: передняя нога с лопаткой в сочленении и хребет. В ногах погребенного, в северо-восточном углу ямы, рядом с костями животного, стоял лепной горшковидный неорнаментированный плоскодонный сосуд (рис. 3, 16). Форма сосуда вполне савроматского облика (К.Ф. Смирнов, В.Г. Петренко, 1963, табл. 8, 4).

В заполнении могильной ямы обнаружена кость конечности крупного животного.

Погребения 1 и 3, судя по могильным выкидам, зафиксированным на древней поверхности кургана, были основными и относительно одновременными. Стекланные бусы желтого цвета из ожерелья (рис. 3, 6–14), обнаруженного в погребении 1, принадлежат к типу 5 одноцветных бусин по Е.М. Алексеевой (Алексеева Е.М., 1978, с. 63), распространенному с конца VI до II в. до н. э. Бусы из бирюзового стекла (рис. 3, 6–14), входившие в это же ожерелье, следует отнести к типу 13 одноцветных бусин (Алексеева Е.М., 1978, с. 64), которые встречаются в памятниках IV–III вв. до н. э. Таким образом, коллективное погребение 1 по набору бус не может быть датировано временем ранее эллинистического, т. е. IV–III вв. до н. э. Широтная ориентировка погребенных и савроматский облик керамики погребений 1 и 3 указывают на IV в. до н. э. как на более предпочтительную дату

погребений, сохраняющих еще савроматские культурные черты. Погребение 2 имеет вполне ранне-сарматский культурный облик и может быть датировано IV–II вв. до н. э. Ввиду отсутствия вещей с узким периодом бытования более точная датировка этого комплекса затруднительна.

КУРГАН 26. Диаметр современной насыпи кургана – 16 м, первоначальной – около 12,75 м. Высота кургана от уровня современной поверхности составляет 0,23 м, от уровня древней поверхности – 0,27 м. Поверхность насыпи задернована. Курган сооружен в один прием над единственным погребением.

Погребение совершено в подбойной могиле (рис. 4, 18). Входная яма, ориентированная по оси СВ–ЮЗ, имела длину 1,80 м, ширину 0,40–0,62 м, глубину 1,38 м от уровня древней поверхности. В западной стенке входной ямы устроен подбой. Переход из входной ямы в подбой оформлен в виде ступеньки высотой 0,31 м. Камера подбоя имеет в плане овальную форму. Длина ее 2,00 м, ширина 0,50–0,58 м. Дно подбоя зафиксировано на глубине -1,69 м от уровня древней поверхности. Первоначальную высоту свода подбоя установить не удалось вследствие его обвала. Пространство подбоя было отделено от входной ямы тростниковым закладом.

Костяк погребенной в кургане женщины 35–45 лет лежал на дне подбоя, на спине, в вытянутом положении, головой на СВ (34°). Череп погребенной носил следы искусственной деформации. Нижняя часть костяка практически полностью разрушена грызунами: *in situ* сохранилась лишь бедренная кость левой ноги. На дне подбоя, зафиксированы остатки органической подстилки (камыш?).

В головах погребенной, рядом с северной торцевой стенкой подбоя, лежал на боку глиняный лепной сосуд горшковиной формы (рис. 4, 15). Сосуд имеет биконическую шейку, высокие круглые плечики и маленькое, слегка уплощенное неустойчивое дно. Между сосудом и черепом погребенной находились глиняное пряслице усеченно-биконической формы (рис. 4, 17) и кусок мела. На груди погребенной обнаружена бронзовая фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника и ромбическим, коленаuto изогнутым штиком (рис. 4, 16). Под черепом, в районе нижней челюсти и шейных позвонков, найдены гранатовые и стеклянные бусины распавшегося ожерелья. На костях верхней половины скелета – в области грудной клетки, рук и таза – обнаружены стеклянные бусины, которые первоначально были нашиты на одежду погребенной. Вертикальный ряд бусин шел вдоль грудной клетки, примерно посередине. Горизон-

тальный ряд бусин располагался под тазом. Два ряда бусин лежало поперек левой руки в районе запястья и локтевого сустава, а третий ряд был вертикально нашит на рукав с наружной его стороны. Еще один вертикальный ряд бусин обнаружен между грудной клеткой и левой рукой. Осталось неясным, к чему эти бусины крепились – к боковому шву одежды или к внутренней стороне рукава. В состав ожерелья входят:

- пять гранатовых бусин в форме четырнадцатигранника (рис. 4, 1–4). Размеры бусин: 10–13 x 7–10 x 3–5 мм; диаметр отверстий 1,5–2,5 мм;

- две бусины в форме четырнадцатигранника из темно-красного глухого стекла, имитирующие вышеописанные гранатовые бусы. Относятся к типу 127 одноцветных стеклянных бус по Е.М. Алексеевой (Алексеева Е.М., 1978, с. 70), который распространен в памятниках I–II вв. н. э.;

- шесть бугристых пронизей из бесцветного полупрозрачного стекла с внутренней позолотой (рис. 4, 5–9). Длина бусин 9–10 мм (3 шт.) и 20 мм (2 шт.), диаметр 5–6 мм. Диаметр отверстий 1–1,5 мм. Принадлежат к типу 20 бус с внутренней позолотой по Е.М. Алексеевой (Алексеева Е.М., 1978, с. 32), распространенному в римское время, преимущественно во II в. н. э.;

- одна ребристая бусина из глухого темно-синего стекла. Диаметр бусины 6 мм, толщина 5 мм (рис. 4, 10);

- три укороченные бочковидные бусины (рис. 4, 11–13) из темно-синего глухого стекла. Размеры бусин: 3–4,5 x 7–8,5 мм. Диаметр отверстий 2,5–3 мм. Принадлежат к типу 29 одноцветных бус по Е.М. Алексеевой (Алексеева Е.М., 1978, с. 65), распространенному в I–III вв. н. э.

На одежду погребенной было нашито 23 бусины. Все они однотипны: укороченные бочковидные, из темно-синего глухого стекла. Преобладают одинарные, но имеются двойные (1 шт.) и тройные (2 шт.) бусины. Размеры бусин: 3–4 x 6–9 мм. Диаметр отверстий 3–4 мм. Бусы изготавливались навивкой на стержень с последующим расщеплением. Принадлежат к типу 29 одноцветных стеклянных бус по Е.М. Алексеевой (Алексеева Е.М., 1978, с. 65), распространенных в античных памятниках I–III вв. н. э.

Курган 26 принадлежит к памятникам позднесарматской культуры. Набор бус из погребения укладывается в рамки I–III вв. н. э., в основном II–III вв. н. э. Фибула позволяет уточнить эту дату: она относится к типу, имевшему хождение у сарматских племен в конце III–IV в. н. э. (Скрипкин А.С., 1984, с. 32, 44, 53). Поэтому датой погребения можно считать конец III века. Нельзя исключать возможность датировки комплекса концом III–IV в. н. э., учитывая при этом только

время бытования фибул рассматриваемого типа. Более ранний по сравнению с ней набор бус может объясняться обычаем сарматов накалывать и хранить бусы в течение нескольких поколений. Этот обычай был зафиксирован Ю.Л. Шаповой при просмотре коллекций бус из позднесарматского Андреевского могильника, исследованного в Богатовском районе Самарской области.

КУРГАН 27. Диаметр 14 м, высота 0,29 м от уровня современной и 0,35 м от уровня древней поверхности.

Под насыпью, на уровне древней поверхности кургана обнаружен небольшой глиняный сосуд, лежавший, судя по всему, на краю могильной ямы. Сосуд (рис. 5, 3) сероглиняный, изготовлен на гончарном круге. Имеет кольцевой поддон, шаровидное тулово, плавно переходящее в горло.

В кургане выявлено одно погребение. Могила имела в плане прямоугольную форму (рис. 5, 1) и была ориентирована углами по сторонам света. На уровне материка ее длина равнялась 2,02 м; у дна – 2,16. Ширина ямы 1,76 м, глубина составляла около 0,9 м от уровня поверхности погребенной почвы. В заполнении встречались мелкие фрагменты деревянных плашек. У дна ямы были расчищены две плашки толщиной 2–4 см и длиной около 45 см. Одна из них лежала вдоль длинной оси могилы, другая – поперек.

На дне могилы, по ее диагонали, располагался скелет взрослого человека. Погребенный лежал вытянуто на спине со сведенными в коленях ногами, головой на юг. Кисть левой, согнутой в локте руки покоилась возле бедра.

У левой плечевой кости скелета обнаружено глиняное пряслице (рис. 5, 2) усеченно-биконической формы, орнаментированное прочерченной зигзагообразной линией. Там же найдена сероглиняная миска (рис. 5, 5), с загнутым верхним краем, отделенная от тулова слабым ребром, и кольцевым поддоном. Миска изготовлена на гончарном круге. В стенках, непосредственно под венчиком, высверлены три отверстия. Еще одно отверстие высверлено в дне.

Рядом с миской стояла гончарная сероглиняная ойнохоя (рис. 5, 4), с лощеной поверхностью. Ойнохоя имеет четко выделенный кольцевой поддон, округлое тулово, которое плавно переходит в высокое горло. Округлый венчик слегка отогнут наружу. Овальная в сечении ручка по внешней поверхности украшена двумя параллельными желобками, проходящими от ее верхней части до основания.

К западу от скелета, около кости левого предплечья, лежали в сочленении лопатка и кость ноги барана.

При определении даты сооружения данного кургана следует учитывать характер обнаруженной в нем керамики. Ойнохоя, миниатюрный сосудик и миска относятся к тем категориям изделий, производство которых было налажено меотами Кубани и меото-сарматским населением Нижнего Дона. Массовое поступление такой керамики к сарматам Поволжья началось на рубеже новой эры, поэтому она довольно часто встречается в поволжских среднесарматских памятниках I в. н. э. (Скрипкин А.С., 1990, с. 43–44; с. 160; с. 172; табл. 4, с. 51; рис. 15, 2; табл. 45).

КУРГАН 30. Диаметр 15 x 16 м, высота 0,23 м от уровня современной поверхности и 0,3 м, от уровня поверхности погребенной почвы.

В кургане обнаружено одно погребение (рис. 6, 1). Могила прямоугольной в плане формы была ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Она имела длину 2 м, ширину – 0,9 м (у дна – 0,78 м), глубину 1,32 м от уровня древней поверхности.

На дне ямы, вдоль ее длинной оси, вытянуто на спине, головой на юго-запад (223°) лежал скелет женщины 40–50 лет. Череп завалился набок и покоился на правой стороне.

Справа от черепа, у плеча, находилась алебастровая чашечка (рис. 6, 8) овальной в плане формы с округлым дном и аморфным выступом сбоку. Сверху на выступе имеется слабо выраженный желобок. По верхнему краю чашечка украшена насечками. Под ней лежал обломок панциря черепахи (рис. 6, 9), назначение которого осталось неясным. На правой стороне грудной клетки обнаружена бочковидная стеклянная бусина с внутренней позолотой (рис. 6, 3). Еще несколько бусин (рис. 6, 4–7) найдены в норах грызунов. В районе левого предплечья лежали 8 железных наконечников стрел (рис. 6, 2). Сохранившиеся наконечники – черешковые, трехлопастные, с треугольными головками и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку. Еще 11 железных черешковых наконечников найдены под правой бедренной костью. Все они трехлопастные, с прямыми или дуговидно изогнутыми лопастями, срезанными под прямым углом к черешку (рис. 6, 2).

Рядом с могилой была обнаружена яма овальной в плане формы, не содержащая находок. Возможно, яма являлась грабительским вкопом.

Курган, судя по особенностям обряда и обнаруженным в погребении вещам, был возведен в среднесарматское время и может быть датирован I в. н. э. Одна из обнаруженных в захоронении бусин (рис. 6, 3) – удлиненная бочковидная, с внутренней позолотой, продольной структурой и закраинами вокруг отверстий. Такие бусы встречаются в комплексах римского времени (Алексева Е.М., 1978, с. 30). Три бусины (рис. 6, 6–7) –

усеченно-биконической формы из глухого голубого стекла – характерны для I в. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 69). Еще одна бусина (рис. 6, 4) – укороченная, из глухого серо-голубого стекла, относится к типу, характерному для I–II вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 66). Последняя из найденных в погребении бусин (рис. 6, 5) – округлая, из глухого белого стекла, с закраиной вокруг отверстий (подобные бусы формировались по несколько штук из одной трубочки и потом отделялись друг от друга). Большая часть таких бусин связана с I–II вв. н. э. (Е.М. Алексеева, 1978, с. 63). Найденные в погребении трехлопастные железные наконечники стрел (рис. 6, 2) характерны, прежде всего, для I в. н. э. (А.С. Скрипкин, 1990, с. 140–141).

КУРГАН 31. Современный диаметр 13 x 12 м, первоначальный – примерно 9 м. Высота кургана от уровня современной поверхности – 0,23 м, от уровня погребенной почвы – 0,27 м.

В кургане было выявлено 4 погребения.

Погребение 1 (рис. 7, 1–2) Могила имела в плане удлиненно-овальную форму и размеры: 2,18 x 1,24–1,28 м. Глубина ямы – 1,22–1,23 м от нулевой отметки. Длинной осью яма была ориентирована по линии СВ–ЮЗ.

Некоторые особенности устройства ямы (наклонная стенка, неодинаковая глубина дна), а также расположение скелета вдоль одной из стенок дают основание предположить наличие подбоя вдоль длинной юго-восточной стенки.

Скелет мужчины лежал в деревянном долбленном гробу, поставленном у юго-восточной длинной стенки ямы. Гробище имело плохую сохранность. Длина сохранившейся части колоды 1,71 м, ширина – 0,54–0,55 м, толщина крышки, стенок и днища гроба равнялась 1,5–1,7 см. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой ЮЗ (223°).

Рядом с правой ступней погребенного, вне гроба, стоял лепной горшковидный глиняный сосуд (рис. 7, 4), с округлым приплюснутым туловом, небольшим плоским донцем и невысоким горлом. Второй глиняный сосуд находился вне гроба, вблизи от левой ступни погребенного. Он имеет эллипсоидное тулово, уплощенное невыделенное дно, отогнутый наружу венчик. Плечико и верхняя часть тулова орнаментированы прочерченными линиями (рис. 7, 3). Между двумя сосудами располагался развал третьего (рис. 7, 5), наполювину растащенного грызунами – лепного, плоскостонного, с туловом яйцевидной формы. Сосуд орнаментирован параллельными линиями, прочерченными в основании шейки и по плечикам.

Погребение 2 (рис. 8, 1) Могила имела в плане форму прямоугольника с округлыми углами и размеры 1,8 x 0,6–0,78 м. Торцовая юго-восточная

стенка ее была наклонной, за счет чего у дна образовывалась ниша, а само дно увеличивалось в длину до 1,91 м. Глубина ямы 1,29–1,22 м от нулевой отметки. Могила ориентирована по линии СЗ–ЮВ.

На дне ямы вытянуто на спине головой на юго-восток (141°) лежал скелет взрослого человека.

Слева от погребенного, между стенкой ямы и черепом, стоял глиняный лепной неорнаментированный горшок (рис. 8, 2), имевший слегка приплюснутое округлое тулово, плоское донце, невысокое сужающееся кверху горло и отогнутый наружу венчик. За черепом находился миниатюрный лепной неорнаментированный сосудик (рис. 8, 3) с невысоким горлом и отогнутым наружу венчиком, округлым туловом и утолщенным донцем. Цвет поверхности сосудика – светло-коричневый с серыми пятнами. Рядом с миниатюрным сосудом лежала раковина. На правом плече погребенного был найден кусок мела. У стенки могилы, напротив верхней части левой плечевой кости, обнаружен железный нож (рис. 8, 4), сохранившийся фрагментарно. Судя по этим фрагментам, нож имел прямую спинку, клиновидное в сечении лезвие и невыделенный черенок для насада рукояти. Общая длина ножа составляла 11 см.

Погребение 3 (рис. 9, 2). Могила в плане имела прямоугольную форму и была ориентирована длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Длина ямы на уровне фиксации равнялась 2,1 м, ширина – 1,04–1,07 м. Дно могилы находилось на глубине -1,4 -1,48 м от нуля. Ко дну могила увеличивалась в размерах до 2,32 x 1,17 м. Над могилой было сооружено легкое перекрытие (из травы, камыша и т. п.), основу которого образовывали плахи, опиравшиеся концами на длинные стенки.

На дне ямы лежал скелет взрослого человека. Умерший захоронен в вытянутом на спине положении, головой на ЮЮЗ (190°). Под костями рук и у голени прослеживались остатки подстилки коричневого цвета. Кроме того, под черепом, у таза и ног зафиксирована посыпка дна белым веществом. У кисти правой руки погребенного стоял лепной плоскостонный глиняный кубшин (рис. 9, 3), имеющий приплюснуто-округлую форму тулова, высокое, расширяющееся кверху горло. Поверхность сосуда серовато-черная, заглаженная, на горле отчетливо прослеживаются вертикально расположенные следы заглаживания.

Погребение 4 (рис. 9, 1). Совершенно в подбойной могиле. Входная яма имела в плане удлиненно-овальную форму. Ее длина равнялась 1,5 м, максимальная ширина 0,61 м. Длинной осью яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ. В юго-западной длинной стенке устроен подбой, глубина которого составляла 0,21–0,22 м. Максимальная высота свода подбоя на линии устья – 0,35 м. Дно подбоя

и входной ямы зафиксировано на одной глубине, которая составляла -1,1 м от нуля.

В могиле наполовину на дне входной ямы, наполовину в подбое лежал скелет подростка. Погребенный захоронен вытянуто на спине, головой на северо-запад (304°). Руки располагались вдоль тела, а ноги были отклонены влево относительно оси тела. Череп опущен вперед, нижней челюстью на шейные позвонки.

Вещей в погребении не было.

Погребения 1–3, судя по особенностям погребального обряда и характеру керамики, являются сарматскими. В составе инвентаря этих захоронений отсутствуют комплексы вещей, позволяющих предложить «узкие» даты. Форма и орнаментация лепной керамики (рис. 7, 3–5; 8, 2–3) из погребений 1 и 2 позволяют датировать эти комплексы в пределах III–I вв. до н. э. (Скрипкин А.С., 1990, с. 161–164; рис. 46) и определять их как раннесарматские. Погребение 3, судя по сероглиняному кувшину (рис. 9, 3), может быть отнесено к среднесарматскому времени и датировано I в. н. э.

С погребением 1 связан могильный выкйд в южной части кургана; он лежал на погребенной почве и частично перекрывал погребение 4. Поэтому захоронение 4 является более ранним по сравнению с погребением 1 и относительно одновременно ему погребением 2. Отсутствие инвентаря в погребении 4 затрудняет его точную датировку. Учитывая это, а также некоторые особенности обряда захоронения (вытянутое на спине положение умершего и его ориентировку на запад, правда, с отклонением к северу), можно предположить, что оно совершено в савроматское время. Подобные могилы позднесарматского времени уже были выявлены в бассейне р. Самары (Смирнов К.Ф., Попов С.А., 1972, с. 23). Отсутствие каких-либо следов первичной насыпи, возведенной над погребением 4, может быть объяснено ее небольшими размерами и, вследствие этого, достаточно быстрой нивелировкой. Не исключено также, что в сарматскую эпоху насыпь могла быть разрушена при совершении погребений 1 и 2.

КУРГАН 32. Современный диаметр 14 м. Максимальная высота от уровня современной поверхности 0,26 м, от уровня древней поверхности – 0,42.

В кургане обнаружено 3 погребения.

Погребение 1 (рис. 10, 1) располагалось в центре кургана. На уровне погребенной почвы окружено полукольцом могильного выклада, мощность которого составляла 5–12 см. Могильная яма имела в плане почти квадратную форму и была ориентирована углами по сторонам света. Размеры ямы на уровне фиксации – 2,08 x 1,75 м.

В заполнении ямы фиксировались мелкие фрагменты деревянного перекрытия, а также фрагменты керамики, принадлежавшие одному из сосудов, обнаруженных на дне могилы. Глубина могильной ямы от уровня древней поверхности составляла около 1,48–1,5 м.

В яме обнаружен скелет взрослого человека, лежащий по диагонали ямы в вытянутом на спине положении, со слегка согнутыми в локтях руками, головой на ЮЗЗ (247°).

Слева от погребенного, у северо-западной стенки могилы, находился развал лепного сосуда, который полностью реставрировать не удалось (рис. 11, 1). Сосуд горшковидной формы, с эллипсовидной формой тулова, плоским дном и отогнутым наружу венчиком. Верхняя часть его тулова украшена прочерченными линиями: пятью параллельными горизонтальными – непосредственно у венчика, тремя такими же – в районе максимального расширения тулова. Пространство между ними заполнено «пучками» из четырех параллельных линий, прочерченных наискось.

Рядом с первым находился второй, сохранившийся также частично сосуд (рис. 11, 3). Это сероглиняный кувшин с лошенной поверхностью, орнаментированный горизонтально расположенными желобками. Судя по восстановленной части профиля, кувшин имел округлое тулово, высокое горло с отогнутым наружу венчиком и овальную в сечении петлевидную ручку.

Кости левого предплечья погребенного частично перекрывали железный предмет (рис. 10, 8) – видимо, обломок ножа, на поверхности которого прослеживались остатки деревянных ножен. Нож имел прямую спинку и клиновидное в сечении лезвие.

В районе грудной клетки были обнаружены два железных черешковых наконечника стрел (рис. 10, 4, 5) с треугольными головками и срезанными к черешку под прямым углом лопастями.

Вдоль правого бедра располагался короткий железный меч с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем (рис. 10, 3). Из-за плохой сохранности меча некоторые особенности его формы не определяются. Клинок меча имеет в разрезе линзовидную форму и был выкован из нескольких полос железа. Длина клинка равняется 24,5 см. Овальная в сечении рукоять имела в длину 6 см. Навершие, изготовленное из округлого в сечении прута диаметром 1 см, было, видимо, наварено на стержень рукоятки.

У кисти правой руки найдены две глиняные курильницы (рис. 11, 2, 4), вставленные одна в другую. Меньшая из них (рис. 10, 4) имеет цилиндрическую форму, плоское днище и уплощенный венчик. Высота курильницы 4,3 см. Ее стен-

ки орнаментированы прочерченными линиями, образующими «дерево». Венчик украшен полукруглыми вдавлениями. Вторая курильница (рис. 10, 2), сохранившаяся частично, имеет расширяющуюся кверху тулово, плоское днище с закраиной и уплощенный венчик, немного скошенный внутрь. Ее высота 7,9 см. Рядом с курильницами лежали комочки желтого вещества и кусок дерева.

Северо-восточнее этой группы предметов, приблизительно напротив правой бедренной кости скелета, найдены лопатка и кость ноги барана в сочленении. Рядом с ними лежал железный нож (рис. 10, 2) с прямой спинкой, клиновидным сечением лезвия и коротким черешком для насады рукоятки. Под этими предметами прослеживался деревянный тлен, видимо, от миски или блюда.

В заполнении могилы обнаружены 2 стеклянные бусины. Еще 11 бусин найдены на дне ямы к юго-востоку от правого предплечья погребенного. Кроме того, две бусины были обнаружены юго-восточнее правой голени костяка (рис. 10, 7, 9, 10).

Погребение 2 выявлено восточнее центрального погребения 1. Могильная яма разрушена нормами грызунов и ее первоначальная форма не установлена. Размеры ямы: 1,1 х 0,72 м, глубина - 1,05 - 1,3 м от нулевой отметки. В яме на разной глубине (видимо, в норах) обнаружены разрозненные кости младенца: фрагменты черепа, нижняя челюсть, ключица, ребра, верхняя челюсть, лопатка, бедро, тазовая кость. Вещи не найдены.

Погребение 3 (рис. 12, 1) находилось к ЮОВ от центрального погребения 1. Совершенно в подбойной могиле. Рухнувший свод подбоя искажал первоначальную форму и размеры могилы, затруднил фиксацию ее конструктивных особенностей. Подбой устроен в западной длинной стенке входной ямы, дно его на 5-9 см ниже дна входной ямы. Подбой и входная яма ориентированы по оси ССВ-ЮЮЗ.

На дне подбоя располагался скелет женщины 25-35 лет. Погребенная лежала вытянута на спине, головой на юго-запад (196°). Ее правая рука была слегка согнута. Череп завалился на левую сторону.

У правого плеча стоял лепной плоскодонный горшок с невысоким горлом и отогнутым наружу уплощенным венчиком (рис. 12, 2). Цвет поверхности сосуда светло-серый с черными пятнами. Основание горла и верхняя часть тулова орнаментирована прочерченными линиями.

У правой ступни погребенной была обнаружена глиняная курильница (рис. 12, 3), имеющая цилиндрическую форму, плоское дно и утолщенный венчик. Высота курильницы - 4,2 см. Цвет ее поверхности светло-коричневый. Рядом с курильницей лежало каменное пряслице дисковидной формы (рис. 12, 5), створка раковины (рис. 12, 4),

остатки органического вещества желтого цвета и тлен какого-то деревянного предмета.

У левого локтя скелета, между бедренными костями, а также справа и слева от коленных суставов, обнаружены 28 стеклянных бусин округлой и бочковидной формы (рис. 12, 6-18). Среди них:

- 15 округлых поперечно сжатых бусин из черного непрозрачного стекла (рис. 12, 6), имеющих широкий хронологический диапазон существования (Алексеева Е.М., 1978, с. 63);

- 1 бусина из глухого красного стекла (рис. 12, 11) с тремя глазками, изготовленными из отрезков двух разных прутиков, относящаяся к типу, распространенному во второй половине I-II в. н. э. (Алексеева Е.М., 1975, с. 60);

- 3 бусины из глухого красного стекла с тремя глазками - отрезками сине-белого прутика (рис. 12, 13), относящиеся к типу, наиболее распространенному во II в. до н. э. - I в. н. э. (Алексеева Е.М., 1975, с. 60);

- 1 округлая, поперечно сжатая бусина из глухого красного стекла с 4 сине-белыми глазками (рис. 12, 15);

- 1 укороченная бочковидная бусина (рис. 12, 9) из глухого грязно-синего стекла относится к группе бус, изготовленных из стеклянных трубочек при помощи формовочных шипцов и датированных I-IV вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 64);

- 1 округлая поперечно сжатая бусина из глухого белого стекла (рис. 12, 12), относящаяся к типу, датирующемуся очень широко, но наиболее распространенному в I-II вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 63);

- 1 бочковидная бусина из глухого белого стекла (рис. 12, 18), относящаяся к типу, распространенному в первые века н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 65);

- 1 округлая, поперечно сжатая бусина из прозрачного бесцветного стекла с внутренней позолотой, относящаяся к типу, характерному для эпохи эллинизма, но продолжающему бытовать в первые века н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 29);

- 1 бусина из прозрачного стекла на металлической основе (рис. 12, 14), относящаяся к типу, характерному для I-II в. н. э.

На небольшом участке дна ямы к востоку от правого плеча погребенного прослежены угольки.

В погребении 1 большинство бусин (13 экз.) - короткоцилиндрические, изготовленные из глухого бирюзового стекла (рис. 10, 10), встречающиеся в комплексах I-III вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 63). Одна бусина (рис. 10, 9) имеет усеченно-биконическую форму, изготовлена из глухого голубого (с серым оттенком) стекла - такие бусы характерны для I в. н. э. (Алексеева Е. М.,

1978, с. 63). Крупной глазчатой бусине из серо-черного стекла (рис. 10, 7) аналогий найти не удалось.

Короткие мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем имеют достаточно широкий хронологический диапазон существования (Хазанов А.М., 1971, с. 8, 12; Шилов В.П., 1959, с. 460–462; Скрипкин А.С., 1990, с. 122–125). Увеличение их количества в сарматских памятниках начинается в I до н.э., а время господства приходится на I в. н.э. (Скрипкин А.С., 1990, с. 138). Учитывая этот факт, а также время бытования обнаруженных в погребении I бус и железных черешковых наконечников стрел, погребение I можно датировать I в. н.э.

Погребение 3 являлось, видимо, впускным, хотя непосредственных стратиграфических подтверждений этому нет. Оно также относится к среднесарматской культуре и по комплексу бус может быть датировано I в. н.э., может быть, даже его второй половиной. Детское погребение 2, вероятно, также впускное, и не исключено, что оно совершено в среднесарматское время.

Могильник Гвардейцы I — один из немногих практически полностью раскопанных погребальных памятников Самарского Заволжья со значительным числом сарматских курганов. Из 32 зафиксированных в 1970 году насыпей исследованы 22, остальные разрушены при строительстве шоссейной дороги Борское — Бузулук. В результате выполненных работ были изучены погребальные комплексы эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Среди курганов ранних кочевников в количественном плане преобладают среднесарматские (табл. 1). В этой связи следует отметить два момента.

Из двенадцати среднесарматских погребений, известных к настоящему времени в Самарском Поволжье, тринадцать обнаружены именно в курганном могильнике Гвардейцы I. Значительные сарматские и прохоровские могильники в бассейне р. Самары пока не выявлены. На этой территории известны отдельные впускные погребения в курганы более ранних эпох или единичные курганы в составе разновременных могильников. Данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что именно в среднесарматский период кочевники более стабильно, по сравнению с предшествующим временем, начали заселять бассейн р. Самары.

Представляет интерес сравнение могильника Гвардейцы I с тремя другими памятниками Самарского Заволжья, а именно могильниками у сел Виловатое, Андреевка и Березняки. Все они находятся сравнительно недалеко друг от друга (рис. 1). В названных могильниках также открыто большое количество сарматских курганов, однако ко-

личественное соотношение среднесарматских и позднесарматских погребений в них иное. При раскопках Виловатовского могильника, состоявшего из 24 курганов, было исследовано 15 курганов: из 16 сарматских погребений лишь один комплекс оказался среднесарматским, тогда как к позднесарматской культуре относятся семь захоронений (В.Н. Мышкин, 1992, с. 133). Андреевский могильник на момент раскопок в 1977 году состоял из 21 насыпи, 10 из которых исследовано. В процессе раскопок было выявлено одно среднесарматское погребение и восемь позднесарматских (Васильев И.Б., Скарбовенко В.А., 1982). Из раскопанных В.В. Гольмстен (Гольмстен В.В., 1928) раннекочевнических курганов в могильнике Березняки один был возведен в среднесарматское время и восемь сооружены в позднесарматское.

Не исключено, конечно, что такое соотношение могло бы измениться при полном исследовании рассматриваемых памятников. Однако имеющиеся в настоящее время данные позволяют зафиксировать вполне устойчивую тенденцию: в Березняках, Виловатовском и Андреевском могильниках преобладают позднесарматские комплексы, в могильнике Гвардейцы I — среднесарматские. Можно предположить, что поздние сарматы в пределах Самарского Поволжья или, по крайней мере, бассейна р. Самары изменили местоположение своих родовых кладбищ и практически не использовали территорию могильника, функционировавшего в среднесарматское время. Возможно, это указывает на отсутствие этногенетической связи между группами, кочевавшими на территории степей Самарского Заволжья в среднесарматское и позднесарматское время.

В нашем распоряжении имеются только те антропологические материалы, относящиеся к савромато-сарматскому времени, которые были получены при раскопках курганов 25, 26, 27, 30, 31 и 32. Они состоят из 9 скелетов разной степени сохранности. Для краниологического анализа удалось реставрировать 3 мужских и 6 женских черепов. Из них два (25/1 и 31/4) принадлежали подросткам. Для описательной характеристики и сопоставительного анализа эти черепа были переведены во взрослые по коэффициентам возрастного перехода (Алексеев В.П., 1978, с. 228–231). Индивидуальные данные черепов приведены в таблице 2.

Разное время захоронений не позволяет объединить черепа в общую серию. Малочисленность серии не позволяет также провести полноценное сравнение материалов по курганам. Представляется полезным, абстрагируясь от хронологической привязки, рассмотреть, какие выводы может дать анализ внутрigrуппового соотношения чере-

пов. Возможность подобной работы определяется тем, что могильник, по крайней мере в определенные хронологические периоды, мог функционировать на протяжении жизни ряда поколений одной или нескольких родственных популяций.

Из мужских черепов лишь один (31/3) имеет почти все размеры, другие (25/1, 31/1) представлены измерениями и описательными характеристиками, в основном, мозговых коробок и нижних челюстей. Сравнение по этим отделам, а также визуальное впечатление показывают довольно большое морфологическое сходство мужских черепов. Все они гипербрахикранны (84,0–91,4), визуалью с низким сводом (в одном случае ушная высота малая). Наименьшая ширина лба варьирует слабо (93–96), лобно-поперечный указатель демонстрирует небольшие величины (58,9–65,3). Визуально наклон лба большой (в одном случае 74°). Надпереносье мощное (5–66), сощевидный отросток (1–26) и затылочный бугор (1–36), напротив, развиты несильно. Верхняя ширина лица также варьирует слабо (104–108). Нижняя челюсть имеет средне-высокий симфиз (33,5–35), широкий, средние выступающий подбородок (68°–72°). Ее угловая выступающая имеет величины от средних до гипербольших (99–125). Сохранившиеся фрагменты лицевых отделов предполагают сходство черепов по горизонтальной профилировке. В двух случаях назомаллярный угол довольно умеренный по древнеевропейскому масштабу (142°–144°).

Полную характеристику лицевого отдела можно дать лишь по черепу из к. 31, п. 3. Скуловая ширина большая, верхняя высота средняя. Орбиты средневысокие. Грушевидное отверстие абсолютно и относительно узкое. Зигомаксиллярный угол достаточно большой. Переносье средневысокое, носовые кости резко выступают.

Отмеченные признаки сходства позволяют предположить, что мужские череп относятся, скорее всего, к одному антропологическому типу.

Женские череп также имеют слабо варьирующие признаки – верхнелицевой указатель (52,9–60,0), при моде на средневысокое лицо (58,3%); орбитный указатель (81,3–87,2), при моде на средневысокие орбиты (83,3%); ширина носа (21,7–24,9); назомаллярный угол (139°–147°); зигомаксиллярный угол (123°–130°); наклон лба (83°–90°); при доминировании больших величин (66,7%); параметры макрорельефа мозговой коробки (надпер. – 3–46; соц. отр. – 1–1,56; затыл. бугор – 0–46, при преобладании слабо выраженных – 80%). Нужно отметить, что из этих признаков с мужскими сходны лишь орбитный указатель (средний), ширина носа (малая), назомаллярный угол (умеренный) и признаки макрорельефа.

В целом женские череп по признакам более вариабельны, чем мужские. Один из черепов (к. 26) имеет следы двойной кольцевой деформации. Но и без него очень вариабельны форма мозговой коробки – от долихокранных до брахикранных (73,1–81,5), высота свода (122,6–133,0) и некоторые другие признаки (табл. 1). Следует заметить, что ни один из женских черепов не достигает такого уровня брахикрании, как у мужских. Наибольший черепной указатель фиксируется среди них в выборке из кургана 31. Судя по характеристикам черепов из этого кургана, которые наиболее сближают их из всей серии, он, вероятно, был родовым. Но даже в этом случае женские череп менее короткоголовые, чем мужские, что обычно считается нонсенсом для одной популяции. Возможно, причина подобного различия кроется в наличии у того или иного пола некоей искусственной деформации. Действительно, у мужского черепа из этого кургана (31/3) отмечается необычная для серии форма мозговой коробки, а именно сильное развитие теменных бугров, плоская область лямбды и крышевидность (в затылочной норме). Возможно, это следствие бешкового способа деформации головы. Такой способ деформации зафиксирован Л.Т. Яблонским (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с. 73) в палеоантропологических материалах сакских могильников Приаралья. Другие мужские череп при сходных формах черепной коробки имеют более округлые очертания тех же отделов. Следовательно, настаивать на присутствии в этой мужской серии какой-либо искусственной деформации нельзя.

Отметим, что женские череп отличаются от мужских и другими признаками, такими, как более высокая мозговая коробка, прямой лоб, более узкое и вообще малое относительно мозговой коробки лицо, более резкой профилировкой на нижнем уровне и одновременно менее выступающим носом. Весь набор приведенных различий между мужскими и женскими черепами может свидетельствовать о несколько иной наследственной основе женского контингента, либо, что маловероятно, об особых закономерностях ростовых процессов черепа в популяции (ях), оставших эти захоронения.

Если сопоставить прослеженные нами морфологические особенности черепов серии с хронологической последовательностью погребенных, то наблюдаются некоторые закономерности.

Наиболее ранние (савроматские?) череп (31/4; 25/1) брахикранны, имеют низкий свод и узкий лоб. Лицевой отдел женского черепа сравнительно широкий, средневысокий, уплощенный по горизонтали. Переносье высокое. Выступление носа

большое. Этот комплекс признаков свойствен также мужским черепам ранне- и среднесарматского периодов (31/1; 31/3). На межгрупповом уровне ближайшие территориальные и хронологические аналогии этому комплексу фиксируются среди сакских серий Средней Азии и Казахстана (табл. 3), а в эпоху финальной бронзы — среди групп карасукской и черкаскульской (мог. Красногорский) культур.

Другой комплекс — долихокранный, менее широколицый, уплощенный на назомаллярном уровне, со слабо выступающим носом, прослеживаемый в нашей серии, в основном, на женских черепах, фиксируется ещё с раннесарматского време-

ни (25/2). Этот комплекс, скорее всего, генетически можно связать с древней уральской расой.

Таким образом, можно предположить, что именно контакты носителей двух отмеченных антропологических типов легли в основу формирования ранне- и среднесарматского населения Волго-Уралья.

Единственный череп позднесарматского периода (курган 26) имеет следы искусственной двойной кольцевой деформации. Такой элемент морфологии был зафиксирован Б.В. Фирштейн (Тот Т.А., Фирштейн Б.В., 1970, с. 146) в массе (80%) для поздних сармат степной части Волго-Уралья.

Список литературы

Алексеев В.П., 1978. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.

Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984. Антропология азиатской части СССР. М.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М. Вып. Г 1–12.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М. Вып. Г 1–12.

Васильев И.Б., Скарбовенко В.А., 1982. Позднесарматские погребения могильника у с. Андреевка в Заволжье // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа.

Гольмстен В.В., 1928. Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. М. Т.4.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи. М.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., 1976. Курганный могильник у с. Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья. Труды Средневолжской археологической экспедиции. Вып. 2. Куйбышев.

Мышкин В.Н., 1992. Сарматские погребения Вилатовского курганного могильника в Куйбы-

шевской области // Проблемы хронологии сарматской культуры. Изд-во Саратовского университета.

Тот Т.А., Фирштейн Б.В., 1970. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и Сарматы. Л.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Изд-во Саратовского университета.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Изд-во Саратовского университета.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. Вып. Д1-9.

Смирнов К.Ф., Попов С.А., 1972. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. № 153.

Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Шилов В.П., 1959. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60.

Таблица 1. Культурная принадлежность погребений могильника Гвардейцы I
(учтены комплексы, исследованные в 1970–1972, 1994 гг.)

Культурная принадлежность погребений могильника Гвардейцы I	Номер кургана и погребения	Всего: 1 – курганов, 2 – погребений
Не установлена	К. 28, п. 7; к. 32, п. 2	1 – 0 2 – 2
Срубная культура	К. 7, п. 2, 3, 4, 5; к. 9, п. 2, 3; к. 8, п. 2, 3; к. 13, п. 1, 2; к. 12, п. 1; к. 17, п. 1, 2; к. 22, п. 1; к. 28, п. 1–6	1 – 8 2 – 14
Савроматская культура	К. 25, п. 1, 3; к. 31, п. 4 (?)	1 – 2 2 – 3
Раннесарматская культура	К. 25, п. 2; к. 31, п. 1, 2;	1 – 1 2 – 3
Среднесарматская культура	К. 1, п. 1; к. 2, п. 1, 2; к. 4, п. 2; к. 5, п. 1; к. 7, п. 1; к. 8, п. 1; к. 9, п. 1; к. 27, п. 1; к. 30, п. 1; к. 31, п. 3; к. 32, п. 1, 3	1 – 11 2 – 13
Позднесарматская культура	К. 14, п. 1; к. 8, п. 4, к. 26, п. 1	1 – 2 2 – 3
Эпоха средневековья	К. 3, п. 1; к. 24, п. 1; к. 29, п. 1	1 – 3 2 – 3

Таблица 2. Индивидуальные данные черепов могильника Гвардейцы и параметры изменчивости женской выборки

Признак	к. 25, п. 1		к. 25, п. 2		к. 30, п. 1		к. 31, п. 1		к. 31, п. 2		к. 31, п. 3		к. 31, п. 4		к. 32, п. 3		к. 26		Женщины* min-max	
	муж. 14-16 л.	транс- форм.	жен. senilis	жен. maturus	муж. mat - sen.	жен. adultus	муж. ad-matur	жен. 13-14 лет	трансформ.	жен. adultus	жен. adultus	жен. adultus	жен. adultus	жен. adultus	жен. adultus	жен. adultus				
Линейные размеры																				
1.	Продольный диам.	162	163	184	175	175?	182	174	173	179	176	168	175-184							
8.	Поперечный диам.	148	149	137	128	147	141	158	144	146	139	135	128-146							
17.	Высотный диам.	-	-	133	127	-	132	-	119	122.6	128	135	126-133							
20.	Ушная высота	-	-	114	109	-	113	109	107	117.3	111	120	109-117							
5.	Длина осн. черепа	-	-	102	92	-	99	-	82	87.6	100	92?	87.6-102							
9.	Наим. ширина лба	93	94	92	-	96	95	93	87	89.5	96	93	89.5-96.0							
11.	Ширина осн. черепа	-	-	122	115	-	116	139	121	127.7	128	112	115-128							
12.	Ширина затылка	106	106.3	107	104	-	105	124	115	116.4	111	118	104-115							
45.	Скуловой диам.	-	-	124	115	-	123	141.5	117	127	127	118	115-127							
48.	Верх. высота лица	-	-	-	69?	71?	66	71	59	67.3	69	65	59.0-69.0							
40.	Длина осн. лица	-	-	-	82?	-	95	-	84	90.2	99	88	88.0-99.0							
43.	Верх. ширина лица	100	104	103	-	108	103	104	91	97	102	99	92.3-103							
46.	Средн. ширина лица	-	-	83.5	-	-	94	97	84	92.9	86	86	83.5-94.0							
60.	Длина альв. дуги	-	-	-	-	-	-	61	46.5	-	51	50	50.0-51.0							
61.	Ширина альв. дуги	-	-	-	-	-	-	47.0	57	-	53	58	53.0-58.0							
54.	Ширина носа	-	-	24.5	21?	-	21.7	24.2	22.2	24.9	21.8	24.8	21.7-24.9							
55.	Высота носа	-	-	49.5	53.5	-	51.2	52.2	44.7	50.6	50.6	48.2	48.2-53.5							
51.	Ширина орб. от mf.	-	-	41.3	38.3	-	42.8	44.0	38.4	39.7	40.0	36.8	36.8-42.8							
52.	Высота орбиты	32.2	32.2	36.0	33.3	-	34.8	35.3	31.8	32.8	34.4	32.1	32.1-36.0							
ss.	Симотическая высота	-	-	4.0	-	-	5.0	3.3	3.5	4.6	5.0	2.6	2.6-5.0							
sc.	Симотическая ширина	-	-	8.4	-	9.4	7.5	5.8	8.3	8.8	8.6	7.4	7.4-8.8							
Fc.	Глубина клык. ямки	-	-	6.7	-	-	-	6.4	4.0	-	7.8	3.4	3.4-7.8							
Указатели:																				
8:1.	Черепной	91.4	91.4	74.5	73.1	84.0?	77.5	90.8	83.2	81.5	78.9	80.3	73.1-81.5							
17:1.	Высотно-продольный	-	-	72.3	72.6	-	72.5	-	68.8	68.4	72.7	80.3	68.4-72.7							
17:8.	Высотно-поперечный	-	-	97.1	99.2	-	93.6	-	82.6	83.9	92.1	100	83.9-99.2							
9:8.	Лобно-поперечный	62.8	63.0	67.2	-	68.0	67.4	58.9	60.4	61.3	69.1	68.9	61.3-69.1							
40:5.	Выступания лица	-	-	-	89.1?	-	95.9	-	102.4	103	99.0	95.6?	89.1-103							

Продолжение таблицы 2. Индивидуальные данные черепов могильника Гвардейцы и параметры изменчивости женской выборки

Признак	к. 25, п. 1		к. 25, п. 2	к. 30, п.1	к. 31, п. 1		к. 31, п. 2	к. 31, п. 3		к. 31, п. 4		к. 32, п. 3	к. 26	Женщины* min-max
	муж. 14-16 л.	транс- форм.	жен. senilis	жен. matusus	муж. mat - sen.	жен. adultus	муж. ad-matur	жен. 13-14 лет	трансформ.	жен. adultus	жен. adultus			
48:45. Лицевой	-	-	-	60.0	-	53.7	50.2	50.4	52.9	54.3	55.1	52.9-60.0		
52:51. Орбитный	-	-	87.2	86.9	-	81.3	80.2	82.8	82.6	86.0	87.2	81.3-87.2		
54:55. Носовой	-	-	49.5	39.2?	-	42.4	46.4	49.7	49.2	43.1	51.4	39.2-51.4		
ss/sc. Симотический	-	-	47.6	-	-	66.7	56.8	42.2	52.2	58.1	35.1	35.1-58.1		
Угловые размеры:														
32. Наклона лба	-	-	90°	90°?	-	90°	74°	91°	-	83°	85°	83°-90°		
72. Общий лицевой	-	-	-	-	-	85°	86°	82°	79°	84°	90°	79°-90°		
74. Альвеолярной части	-	-	-	-	-	74°	68°	67°	-	71°	78°	71°-78°		
75(1). Выступания носа	-	-	14°	-	-	25°	42°?	23°	27.8°	23°	28°	14°-28°		
77. Назомаллярный	-	-	141°	-	142°	139°	144°	145°	147°	141°	142°	139°-147°		
Zm. Зигомаксиллярный	-	-	129°	-	-	125°	135°	130°	-	124°	123°	123°-130°		
Размеры челюсти:														
71a. Наим. шир. ветви	34.5	36.4	31	31	36	31.0пр.	31	29	-	36.4	28	28.0-36.4		
65. Мышелк. ширина	120	129	116	108?	119	-	-	100	-	111	117	108-117		
66. Угловая ширина	112	125	87	92	99	-	109	79	-	88	88	87.0-92.0		
69. Высота симфиза	31.0	33.9	31	31	33.5	29.0	35	26	28.4	31	27	27.0-31.0		
C. Угол вист. подбор.	-	-	60	67	72	76	68	78	-	66	75	60.0-76.0		
Рельеф:														
Надпереносье	-	-	4	3	5	3	5	-	-	3	4	3-4		
Наружн. затыл. бугор	1	-	0	4	-	1	3	-	-	0	0	0-4		
Сосцевидный отросток	2	-	1	1	1	1	1	-	-	1.5	1	1-1.5		
Передне-носовая кость	3	-	2	-	-	2	1	-	-	3	2	2-3		

Примечание: * - Измерения мозговой коробки черепа из к.26, вследствие её искусственной деформации, не включены в размах изменчивости признаков.

Таблица 3. Некоторые серии эпохи бронзы-железа в сравнении. Мужчины

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Продольный диаметр	174.5(2)	184.2(24)	184.7(19)	179.8(9)	178.2(6)	181.0(4)	177.8(12)	178.0(6)	183.0	183.2
8. Поперечный диаметр	152.5(2)	145.3(25)	148.2(19)	148.4(9)	144.3(6)	143.2(4)	143.9(12)	147.0(6)	147.4	148.3
8/1. Черепной указатель	87.4(2)	78.9	80.5(19)	82.7(9)	81.3(6)	79.2(4)	81.0(12)	82.8(6)	80.9	81.1
17. Высотный диаметр	-	134.3(15)	129.7(10)	131.1(8)	132.0(2)	129.5(4)	130.0(10)	134.0(5)	133.0	132.7
9. Наименьшая ширина лба	94.5(2)	98.7(26)	99.1(24)	100.0(9)	97.6(7)	95.8(4)	98.6(13)	98.5(6)	98.4	98.4
45. Скуловой диаметр	141.5(1)	138.0(24)	137.4(17)	137.5(8)	139.8(5)	137.5(4)	137.8(14)	137.0(6)	139.7	142.2
48. Верхняя высота лица	71.0(2)	71.3(25)	70.8(21)	72.9(8)	74.4(5)	72.5(4)	70.6(14)	71.0(6)	73.4	74.6
48/45. Верхнелицевой указатель	50.2(1)	51.7	51.2(17)	53.0(8)	53.2(5)	52.7(4)	51.3(14)	51.8(6)	51.7	52.5
52/51. Орбитный указатель	80.2(1)	77.3	74.4(19)	78.4(8)	78.9(5)	78.6(4)	75.9(14)	81.2(5)	76.0	80.2
54/55. Носовой указатель	46.4(1)	48.5	47.8(20)	47.0(8)	49.1(5)	48.2(4)	50.7(14)	50.4(6)	49.9	49.3
32. Угол наклона лба	74.0° (1)	80.8° (22)	82.4° (14)	81.6° (8)	79.0° (3)	79.0° (4)	79.7°(11)	82.6°(5)	81.7°	84.4°
77. Назомаллярный угол	143° (2)	139.5°(23)	138.3°(11)	141.4°(9)	144.6°(4)	144.5°(4)	141.0°(8)	141.8°(4)	141.3°	143.7°
zm. Зигмаксиллярный угол	135° (1)	129.5° (20)	130.4° (9)	132.2° (8)	133.6° (4)	130.5° (4)	132.7° (13)	132.0° (6)	130.8°	135.0°
75(1). Угол выступания носа	42° (1)	31.5° (18)	30.3° (16)	29.3° (8)	25.3° (3)	33.8° (4)	26.2° (11)	31.0° (4)	30.9°	27.2°

Примечание: 1 - мог. Гвардейцы; 2 - Савроматы Нижнего Поволжья (Фирштейн, 1970); 3 - Сарматы ранние, Саратовская группа (Фирштейн, 1970); 4 - Саки, мог. Асар, Приаралье (Алексеев, Гохман, 1984); 5 - Саки, мог. Тагискен, Приаралье (Алексеев, Гохман, 1984); 6 - Саки, Сев. Казахстан (Алексеев, Гохман, 1984); 7 - Саки, Вост. Казахстан (Алексеев, Гохман, 1984); 8 - Саки Тянь-Шаня (Алексеев, Гохман, 1984); 9 - Карасукская культура, эпоха бронзы (Шевченко, 1980); 10 - Черкаскульская культура, мог. Красногорский (Шевченко, 1980).

**ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ
из КУРГАНОВ № 25, 26, 27, 31 и 32
ГВАРДЕЙСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА**

Технологическому исследованию подвергнуты 18 сосудов, из которых 5 проанализированы по полной программе, включающей в себя пластические и пирометрические характеристики основного исходного сырья, состав формовочных масс, способ конструирования начин и полых тел, навыки обработки поверхностей. Для остальных 13 сосудов, найденных в целом виде, анализ конструирования начин и полых тел не проводился.

С целью определения пирометрических свойств основного исходного сырья фрагмент от каждого сосуда подвергался дополнительному нагреванию в окислительной среде с выдержкой при конечной температуре около 900° не менее четырех часов. Для определения степени запесоченности основного исходного материала изучаемые образцы сравнивались с эталонными, определение крупности и концентрации песка в которых проводилось в геологической лаборатории Самарского политехнического университета.

Определение естественных включений в составе основного исходного сырья и искусственных компонентов формовочных масс проводилось в соответствии с разработанным списком признаков (Бобринский А.А., 1978).

В тех случаях, когда органическая примесь представлена в незначительной концентрации без четких качественных признаков, ей дано общее название — органика. По причине отсутствия разработанной методики определения количества органических добавок в работе введены относительные (словные) характеристики — высокая, средняя или малая концентрация.

Исследование проводилось при помощи бинокулярного микроскопа МБС-10 по методике, предложенной А.А. Бобринским.

Описание сосудов.

КУРГАН 25, погребение 2.

Сосуд 1 (рис. 3, 4). В качестве основного исходного сырья для изготовления сосуда использовалась ожелезненная илистая масса, в которой присутствуют: мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,5 мм, обломки раковин прудовиков, бурый железняк оолитовой формы, фрагменты насекомых и органика растительного происхождения.

В качестве искусственной добавки определен мелкий шамот крупностью до 2 мм в концентрации 1:5 (т. е. на одну часть шамота приходится 5 частей основного исходного сырья).

Начин сконструирован по донно-емкостной программе. Относится к группе составных, подгруппе лоскутных, спирально-лоскутному виду. Полое тело (до шейки), как и начин, изготовлено

спирально-лоскутным способом. Шейка состоит из двух жгутов, наложенных по кольцу.

Наружная поверхность обработана орудием с мягкой рабочей частью, которое не оставило четких следов для его идентификации.

Сосуд 2 (рис. 3, 2). Плоскодонный. Изготовлен из слабозапесоченной ожелезненной глины, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы.

Для приготовления формовочной массы в сырье введены: мелкий шамот с крупностью частиц до 2 мм в концентрации приблизительно 1:4/5, органика в малой концентрации.

Начин сосуда сконструирован по донно-емкостной программе. Принадлежит к группе составных, подгруппе жгутовых, спирально-жгутовому виду.

Полое тело изготовлено также из жгутов, наложенных по спирали.

Наружная поверхность обработана орудием с мягкой рабочей частью.

КУРГАН 25, погребение 3.

Сосуд (рис. 3, 16) изготовлен из слабозапесоченной ожелезненной глины, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы.

В качестве искусственных добавок определены шамот крупностью до 4 мм в концентрации 1:3 и навоз жвачных животных в средней концентрации.

Начин сосуда изготовлен по донной программе. По форме порций относится к группе монолитных.

Полое тело сосуда сформовано спирально-жгутовым способом.

Наружная поверхность заглажена рукой (хорошо видны следы папилляров).

КУРГАН 26, погребение 1.

Сосуд (рис. 4, 15) изготовлен из слабозапесоченной ожелезненной глины, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы.

В качестве искусственных добавок определены: шамот крупностью до 2 мм в концентрации 1:4 и навоз жвачных животных в средней концентрации. В составе шамота обнаружен только шамот.

Наружная поверхность заглажена рукой.

КУРГАН 27, погребение 1.

Сосуд 1 (рис. 5, 4). Основным исходным сырьем сосуда является среднезапесоченная слабоожелезненная глина, в состав которой входит квар-

цевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,5 мм и слюда.

Единственной искусственной добавкой является органика (возможно, навозная выжимка).

При изготовлении сосуда использовался гончарный круг.

Наружная поверхность заглажена рукой.

Сосуд 2 (рис. 5, 3). Изготовлен из среднезаспесоченной слабожелезистой глины, в составе которой присутствует только остроугольный кварцевый песок.

В качестве искусственной примеси использовалась только органика (возможно, выжимка из навоза жвачных животных).

Сосуд изготовлен с применением гончарного круга.

Наружная поверхность обработана рукой.

Сосуд 3 (рис. 5, 5). Изготовлен из среднезаспесоченной слабожелезистой глины, в составе которой присутствует только остроугольный кварцевый песок.

В качестве искусственной примеси использовалась только органика (возможно, выжимка из навоза жвачных животных).

При изготовлении сосуда применялся гончарный круг.

Наружная поверхность залощена.

КУРГАН 31, погребение 1.

Сосуд 1 (рис. 7, 4). Изготовлен из слабозаспесоченной ожелезистой глины, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы.

Формовочная масса состоит из вышеописанного сырья и шамота крупностью до 2,5 мм в концентрации 1:4.

Начин сосуда сформован по донно-емкостной программе. По особенностям порций он относится к группе составных, подгруппе жгутовых, по способу конструирования – к спирально-жгутовому виду.

Полое тело, как и начин, изготовлено спирально-жгутовым налепом.

Наружная поверхность обработана орудием с мягкой рабочей частью.

Сосуд 2 (рис. 7, 3). Изготовлен из слабозаспесоченной ожелезистой глины, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы.

Формовочная масса состоит из вышеописанного сырья и шамота крупностью до 2 мм в концентрации 1:4 и органики в малой концентрации.

Наружная поверхность обработана рукой.

Сосуд 3 (рис. 7, 5). Изготовлен из слабозаспесоченной ожелезистой глины, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм, бурый железняк оолитовой формы и слюда.

Формовочная масса состоит из вышеописанного сырья, шамота крупностью до 2,5 мм в концентрации 1:4/5 и органики в малой концентрации.

Начин сосуда сформован по донно-емкостной программе. По особенностям порций он относится к группе составных, подгруппе жгутовых, по способу конструирования – к спирально-жгутовому виду.

Полое тело сосуда также изготовлено способом спирально-жгутового налепа.

Наружная поверхность обработана рукой.

КУРГАН 31, погребение 2.

Сосуд 1 (рис. 8, 3). Изготовлен из слабозаспесоченной ожелезистой глины, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы.

Формовочная масса состоит из вышеописанного сырья и шамота крупностью до 2 мм в концентрации 1:4 и органики в малой концентрации.

Наружная поверхность обработана рукой.

Сосуд 2 (рис. 8, 2). Изготовлен из слабозаспесоченной ожелезистой глины, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы.

Формовочная масса состоит из вышеописанного сырья и мелкого шамота крупностью до 2 мм в концентрации 1:4.

Наружная поверхность обработана рукой.

КУРГАН 31, погребение 3.

Сосуд (рис. 9, 3) изготовлен из слабозаспесоченной ожелезистой глины, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы.

Формовочная масса состоит из вышеописанного сырья и шамота крупностью до 2 мм в концентрации 1:4.

Наружная поверхность обработана рукой.

КУРГАН 32, погребение 1.

Сосуд 1 (рис. 11, 1). В качестве основного исходного сырья для его изготовления использовалась слабозаспесоченная ожелезистая глина, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы.

Формовочная масса состоит из вышеописанного сырья и шамота крупностью до 2 мм в концентрации 1:4.

Наружная поверхность обработана рукой.

Сосуд 2 (рис. 11, 3). Основным исходным сырьем данного сосуда является среднезаспесоченная слабожелезистая глина, в состав которой входит кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,5 мм и слюда.

Единственной искусственной добавкой является органика (возможно, навозная выжимка).

При изготовлении сосуда использовался гончарный круг.

Наружная поверхность залощена.

Сосуд 3 (рис. 10, 4). Изготовлен из слабозапеченной ожелезненной глины, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы.

Формовочная масса состоит из вышеописанного сырья и шамота крупностью до 2 мм в концентрации 1:4 и органики в малой концентрации.

Наружная поверхность обработана рукой.

Сосуд 4 (рис. 10, 2). Изготовлен из слабозапеченной ожелезненной глины, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы.

Формовочная масса состоит из вышеописанного сырья и шамота крупностью до 2 мм в концентрации 1:4 и органики в малой концентрации.

Наружная поверхность обработана рукой.

КУРГАН 32, погребение 3.

В качестве основного исходного сырья для изготовления курильницы из этого погребения (рис. 12, 3) использовалась слабозапеченная ожелезненная глина, в состав которой входит мелкий кварцевый остроугольный песок с крупностью минералов до 0,1 мм и бурый железняк оолитовой формы 9.

Формовочная масса состоит из вышеописанного сырья и шамота крупностью до 2 мм в концентрации 1:4.

Наружная поверхность обработана орудием с мягкой рабочей частью.

Технологическое изучение керамической коллекции показало, что неоднородность, фиксируемая как по приспособительным, так и по субстратным навыкам, объясняется не только принадлежностью посуды к различным культурам (раннесарматской, среднесарматской и позднесарматской) и наличием импортных изделий. Различия, проявившиеся в приемах изготовления раннесарматской и среднесарматской керамики, свидетельствуют о сосуществовании носителей различных технологических традиций в рамках одной культуры.

Литература

Бобринский А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.

Подписи к рисункам

Рис. 1. Карта расположения курганного могильника Гвардейцы I. 1 – курганный могильник Гвардейцы I; 2 – Вилатовский курганный могильник; 3 – Андреевский курганный могильник; 4 – курганный могильник Березняки.

Рис. 2. План курганного могильника Гвардейцы I (съёмка 1972 года).

Рис. 3. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган 25: 1 – план погребения 2, 2–4 – сосуды, 3 – обломок костяного предмета – погр. 2; 5 – браслет, 6–14 – бусы, 15 – серьга – погр. 1; 16 – сосуд из погр. 3 (2, 4, 16 – глина; 5, 15 – бронза; 6–14 – стекло).

Рис. 4. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган 26, погребение 1: 1–14 – бусы, 15 – сосуд, 16 – фибула, 17 – пряслице, 18 – план погребения (1–4 – гранат, 5–14 – стекло, 15–17 – глина, 16 – бронза).

Рис. 5. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган 27, погребение 1: 1 – план погребения, 2 – пряслице, 3 – миниатюрный сосудик, 4 – ойнохоа, 5 – миска (2–5 – глина).

Рис. 6. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган 30, погребение 1: 1 – план погребения, 2 – наконечники стрел, 3–7 – бусы, 8 – чашечка, 9 – обломок панциря черепахи (?) (2 – железо, 3–7 – стекло, 8 – алебастр).

Рис. 7. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган 31, погребение 1: 1 – деревянное гробовище в погребении, 2 – план погребения, 3–5 – глиняные сосуды.

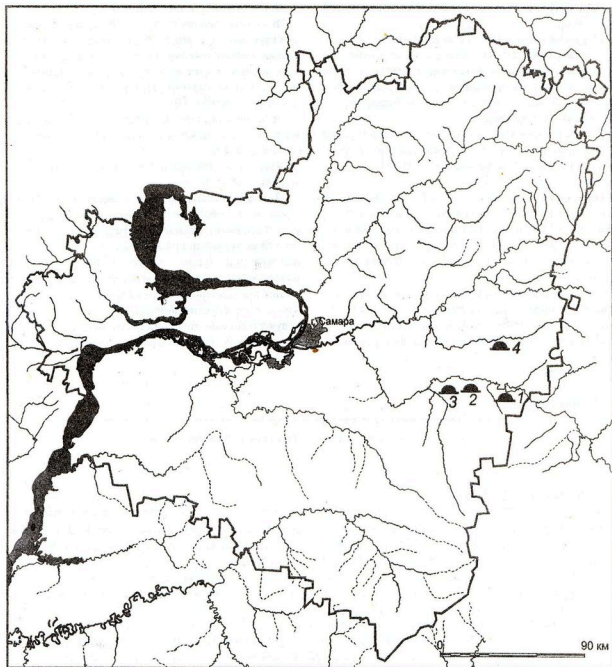
Рис. 8. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган 31, погребение 2: 1 – план погребения, 2–3 – глиняные сосуды, 4 – железный нож.

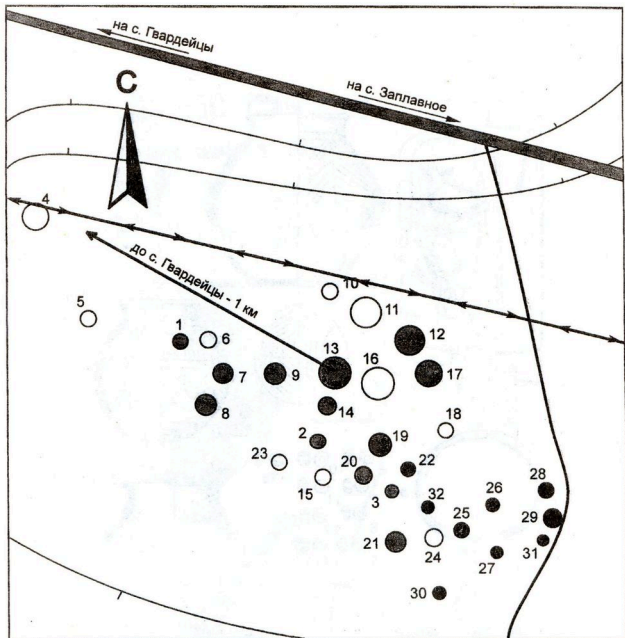
Рис. 9. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган 31: 1 – план погребения 4, 2 – план погребения 3, 3 – глиняный сосуд из погр. 3.

Рис. 10. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган 32, погребение 1: 1 – план погребения, 2, 5 – ножи, 3 – меч, 4, 5 – наконечники стрел, 6 – фрагмент кожи, 7, 9, 10 – бусы (2–5, 8 – железо, 7, 9, 10 – стекло).

Рис. 11. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган 32, керамические изделия из погребения 1: 1, 3 – сосуды, 2, 4 – курильница.

Рис. 12. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган 32, погребение 3: 1 – план погребения, 2 – сосуд, 3 – курильница, 4 – створка раковины, 5 – пряслице, 6–18 – бусы (2, 3 – глина, 5 – камень, 6–18 – стекло).

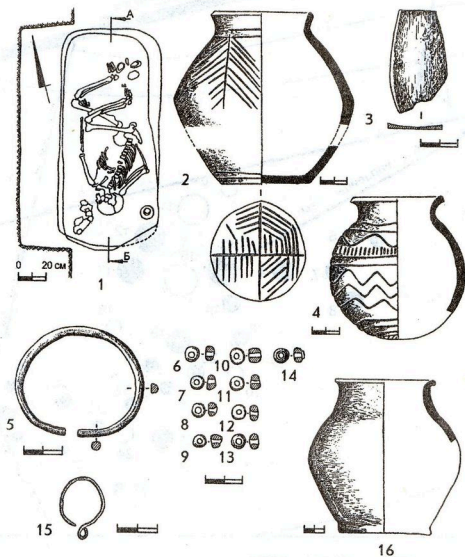

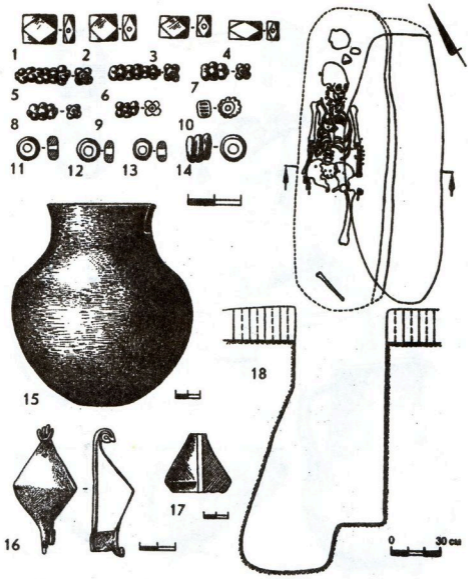
0 120 м

Условные обозначения:

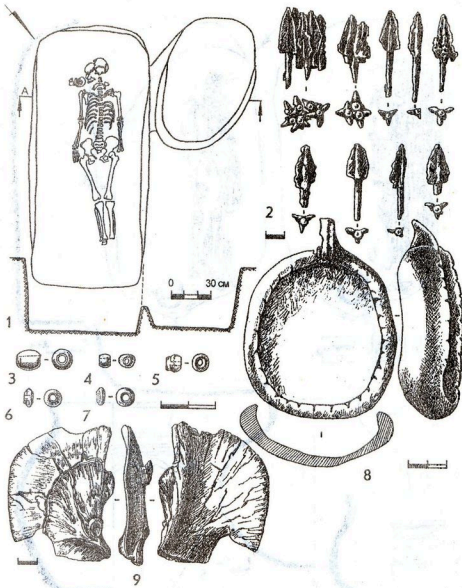
- 1 - курганы, исследованные в 1994, 2 - курганы, исследованные в 1970-1972 гг.,
3 - грунтовая дорога, 4 - ЛЭП, 5 - шоссе

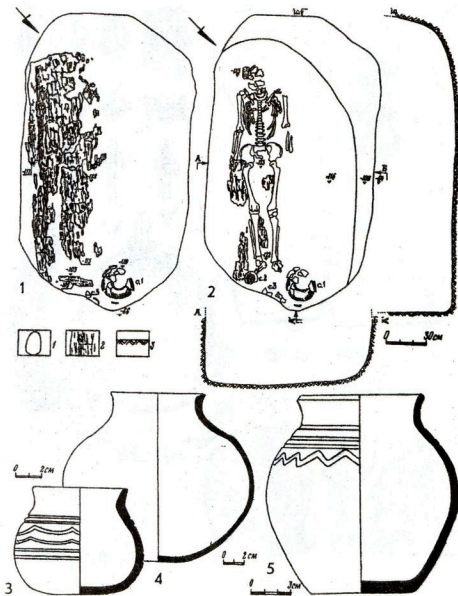
Сечение горизонталей - через 1 м

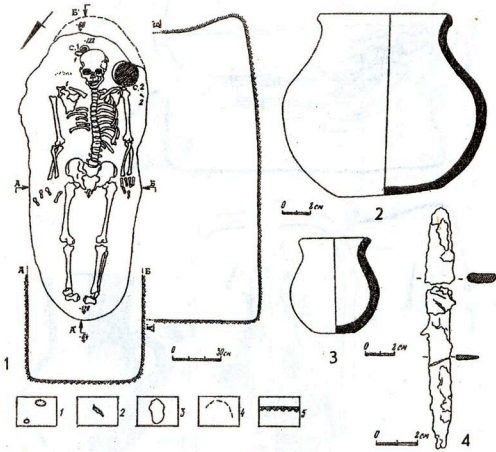

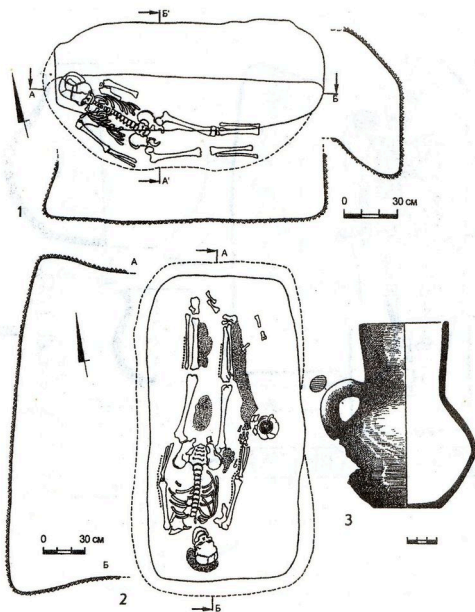

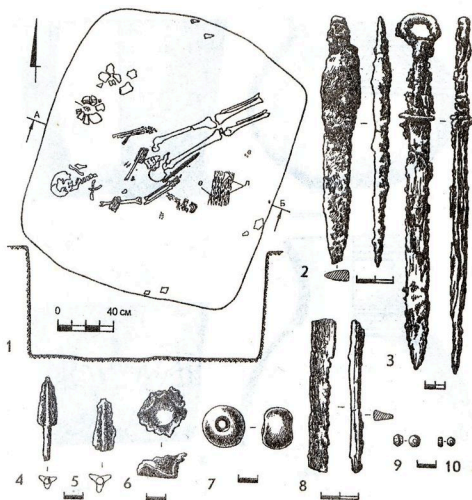

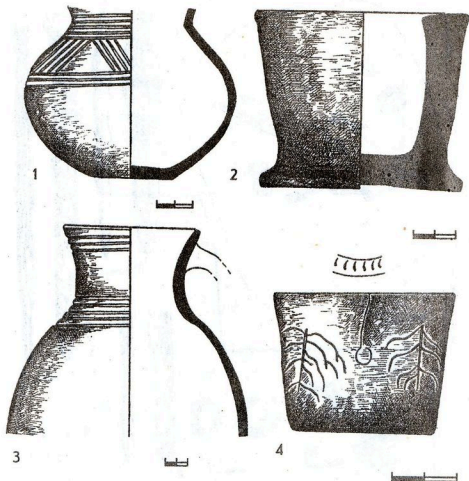

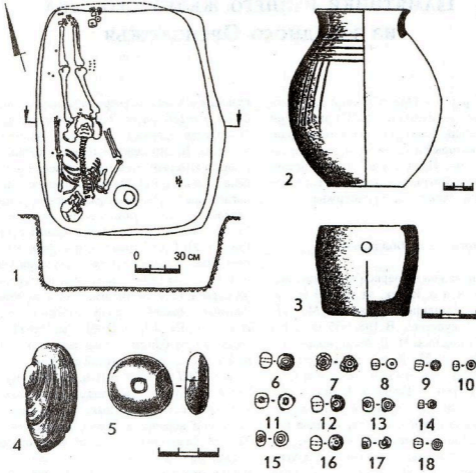

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ

За годы работы Оренбургской археологической экспедиции (ОАЭ) накоплен значительный материал по истории ранних кочевников, который до недавнего времени оставался малоизвестен. Предлагаемая статья посвящена публикации памятников раннего железного века с территории Западного Оренбуржья.¹

Курганный могильник Болдырево I

Памятник расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Иртек, за южной окраиной с. Болдырево Ташлинского района. Могильник состоял из 11 курганов. В 1984–85 гг. отрядом ОАЭ под руководством Н. Л. Моргуновой раскопано 9 насыпей (1, с. 23–36; 2, с. 1–3, 11–12; 3, с. 120–137). К РЖВ относятся 4 захоронения.

КУРГАН 1. Н=5–6 м, D=64 м. Курган окружен рвом шириной 8–9 м, глубиной 1–1,5 м, восточная пола сильно повреждена строительными работами. По сообщению местных жителей, там находили глиняную посуду, бусы, копыя и другие предметы, разыскать которые не удалось. Курган сохранил одно погребение древнейшей культуры. При вскрытии крайней восточной траншеи обнаружен лепной сосуд сарматской культуры (рис. 5, 5). Сосуд круглодонный, грушевидной формы, со слегка отогнутым венчиком. Нс=12 см, Dг=8,7 см, толщина стенок 8–9 мм, цвет поверхности черно-коричневый.

КУРГАН 4. Н=0,3–0,4 м, D=13 м. Погребение РЖВ впущено в курган древнейшей культуры, над ним возведена вторая насыпь мощностью 40–45 см. На глубине 105 см от 0 выявлен костяк в позе всадника, ориентированный головой на В. Кости правой руки были сдвинуты в сторону. Видимо, грызунами были растасканы также некоторые кости грудной клетки и таза (рис. 1, 2). Погребальный инвентарь отсутствовал.

КУРГАН 6. Н=0,3–0,5 м, D=14 м. Основное погребение относится к эпохе бронзы. В слое насыпи,

главным образом в северо-западном секторе, на глубинах 70–130 см от 0 выявлены разбросанные в беспорядке обломки неполного скелета взрослого человека. In situ лежали только нижние кости ног, судя по которым и по расположению обломков черепа, можно предположить западную ориентировку погребенного. Причины разрушения установить не удалось — следы грабительских ям не прослежены. Возле костей черепа найден целый лепной сосуд (рис. 5, 2). Сосуд грушевидной формы с уплощенным дном, у шейки имеется налпная ушковидная ручка со сквозным цилиндрическим отверстием, ее размеры 4,5 x 2 см. Видимо, такая же имелась и на противоположной стороне, которая не сохранилась. Нс=16 см, Dг=9,4 см, Dт=14 см, Dд=11 см, толщина стенок от 0,5 см (у венчика) до 1,5 см (у дна), поверхности сильно патинизированы.

КУРГАН 9. Н=0,3–0,4 м, D=13 м. Курган относится к РЖВ. В слое насыпи на разных глубинах найдены кости животных, в том числе челюсти лошади и коровы, а также фрагменты керамики. Могильная яма неправильной овальной формы, ориентирована по линии З–В, ее стенки во многих местах нарушены суслиными норами. Южная стенка по мере углубления ямы имела постепенный наклон. Размеры могильного пятна на глубине 148 см от 0: 260 x 150 см, ширина на дне 115 см, глубина ямы 60 см от материка. На дне ямы лежал вытянуто на спине скелет подростка 10–12 лет, головой на З (рис. 1, 1). Дно могилы, сам костяк и кости жертвенных животных, обнаруженные слева и в ногах погребенного, были обильно посыпаны мелом. Рядом с правым плечом погребенного лежали три раковины grifea с красками: в одной находились 2 небольших кусочка реалгарга, в другой — кусочки ярко-желтого вещества, в третьей — блестящий порошок черного цвета. Вместе с раковинами находилась речная галька. На тазовых костях с левой стороны лежало плоское бронзовое зеркало с центральной ручкой-петелькой на обороте (рис. 6, 1). Диаметр зеркала 9 см, толщина 3–4 мм. Интересно, что на обеих поверхностях

¹Выражаю благодарность Н. Л. Моргуновой за предоставленную возможность публикации материалов.

зеркала сохранились следы тканевого мешочка. К северу от погребенного, среди костей барана, найден железный однолезвийный нож длиной 9,5 см и шириной лезвия 2,5 см (рис. 5, 3). На рукоятке ножа сохранились следы деревянной ручки.

КУРГАН 10. Н=1,6–1,7 м, D=33 м. Центр кургана смещен к северу, поверхность повреждена позднейшими перекопами. В кургане выявлено 3 погребения, одно из них относится к РЖВ.

Погребение 1 (рис. 1, 5). Находилось в северной половине кургана, в восточной стенке бровки. Оно выявлено на глубине 150 см от 0, в слое насыпи. Границы могильной ямы не прослеживались. Погребенный лежал вытянуто на спине, с небольшим наклоном на левый бок, головой на З. Левая рука была вытянута вдоль туловища, кисть правой лежала на тазовых костях. Такое ощущение, что погребенный был положен на левый бок, а впоследствии завалился на спину. Вещи в погребении не обнаружены, за исключением одного мелкого фрагмента керамики без орнамента.

Курганный могильник Болдырево IV

Памятник расположен на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Иртек, в 5 км к югу от с. Болдырево Ташлинского района. В могильнике насчитывалось 3 кургана, расположенных тесной группой. В 1986 г. под руководством Н. Л. Моргуновой было раскопано 2 насыпи. Четыре погребения относятся к эпохе бронзы (3, с. 127–132), одно к средневековью. РЖВ датируется 8 захоронений (4, с. 31–12).

КУРГАН 2. Н=2,8–3 м, D=34 м. Центр насыпи смещен на север. Курган окружен рвом шириной 11–15 м, глубиной 2,5–3 м от уровня погребенной почвы. Насыпь состояла из двух горизонтов. Сверху она представляла собой серо-желтоватую супесь с материковыми включениями мощностью до 1 м. Этот горизонт насыпи постепенно переходил в темно-серую гумусированную супесь. Чередование слоев насыпи и глубина рва свидетельствуют о том, что земля для ее сооружения бралась исключительно вокруг места погребения.

Погребение 1 (рис. 1, 4). Выявлено на глубине 25 см от 0 в восточной поле кургана. Границы могильной ямы не прослеживались. Погребенный лежал, вытянуто на спине, головой на СВ. У локтя левой руки обнаружен бронзовый колчаный крючок (рис. 6, 5). У левой кисти два точильных камня (рис. 7, 4, 5) и 6 бронзовых наконечников стрел (2 трехлопастных и 2 трехгранных с выступающими втулками, 2 трехгранных с внутренней втулкой) (рис. 6, 3). У правого бедра найден неопределенный железный предмет.

Погребение 3 (рис. 1, 3). Обнаружено в восточной половине, в насыпи, на глубине 74 см от 0. Границы ямы не прослеживались. Захоронение было частично разрушено более поздним погребением № 1. Погребенный лежал на спине головой на З, лицевая часть черепа повернута на Ю. К северу от костяка находился развал лепного плоскостенного сосуда (рис. 5, 6). Дд=10,3 см, толщина дна 1,3 см, стенок 0,6–0,7 см, цвет поверхности черно-коричневый со следами нагара.

КУРГАН 3. (рис. 2, 1–3). Высота составила от 1,15 м (в южной поле) до 1,5 м (в северной), D=24 м. К РЖВ относятся 6 впускных захоронений.

Погребение 1 (рис. 2, 7). Обнаружено в юго-восточном секторе кургана, на глубине 110 см от 0. Форма могильной ямы не определена. Костяк ребенка 8–9 лет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В ногах погребенного один над другим стояли два сосуда.

Сосуд 1 (нижний) (рис. 7, 9) – плоскостенный лепной с заостренным валиком по горлу. Цвет поверхности черно-оранжевый. Нс=15,5 см, Dг=9,5 см, Dт= 15 см, Dд=8,5 см, толщина стенок – 0,8 см. По плечу сосуда прочерчен орнамент из двух линий, между которыми нанесены неглубокие наборы рыбьей костью. **Сосуд 2 (верхний)** (рис. 7, 8) круговой красноглиняный с трапециевидным поддоном. Нс=7,8 см, Dг= 9 см, Dт=10,3 см, Dд=6,4 см, толщина стенок 0,5 см. Под венчиком просверлены два несковозных отверстия – следы ремонта. Верхняя половина сосуда, за исключением венчика, имеет следы ручного вертикального лощения по влажной поверхности.

Погребение 2 (рис. 2, 8). Выявлено в центре кургана под бровкой на глубине 72 см от 0. Костяк ребенка 10–12 лет лежал на спине в вытянутом положении, головой на З. Сохранность костей плохая. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 3 (рис. 2, 4). Обнаружено в 1,5 м к югу от центрального кола под бровкой на глубине 104 см от 0. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на З. Ступни ног не сохранились, остальные кости хорошей сохранности лежали в анатомическом порядке. Границы могильной ямы хорошо прослеживались по травяной подстилке под костяком и на стенках ямы. Яма овальных очертаний, ее размеры 200 x 80 см. У южной стенки, на дне, находилось скопление углей. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 4 (рис. 2, 5). Располагалось в центре кургана под нулевым колом, на глубине 40 см от 0. Оно находилось над погребением № 2. Границы погребения слабо прослеживались по распространению углей, которыми был посыпан костяк. Скелет взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ. Череп несколько

сдвинут вверх. Большинство костей были обожжены. Видимо, покойник был засыпан погребальным костром. У правого плеча найдено костяное диско-видное пряслице (рис. 7, 2), $d=3,5$ см, d сквозного отверстия 7 мм, толщина 7 мм. У правой ступни погребенного находился развал сосуда, от которого сохранилась лишь верхняя часть (рис. 7, 1), цвет поверхности светло-коричневый с черными пятнами, $Dg=10$ см, толщина стенок – 0,6 см. По плечу сосуда деревянным орнаментом нанесен орнамент, шейка украшена двумя каннелюрами.

Погребение 6 (рис. 2, 6). Обнаружено на глубине 34 см от 0, в углу северо-западного сектора кургана. Одним углом оно соприкасалось с погребением № 4. Границы ямы не прослеживались. От костяка ребенка 4–5 лет сохранились лишь кости черепа, некоторые ребра и позвонки. Судя по их расположению, погребенный лежал головой на З, с небольшим отклонением к Ю. За черепом стоял лепной плоскодонный сосуд (рис. 5, 7), цвет поверхности черно-коричневый, $Hc=10,3$ см, $Dg=8,3$ см, $Dt=11$ см, $Dd=7,3$ см, толщина стенок – 0,7–1 см. На внутренней и внешней поверхностях есть следы нагара.

Погребение 8. Вероятно, было разрушено более поздним погребением № 1. Остатки его обнаружены немного южнее, на глубине 166 см от 0. Вместе с ними находился развал лепного сосуда (рис. 7, 7). $Hc=14$ см, $Dg=10,5$ см, $Dd=8$ см. По плечу сосуда проходит орнамент из зигзагов, заключенных между двумя линиями, прочерченных деревянным орнаментом. На внутренней и внешней поверхностях фиксируются следы нагара. Вероятно, первоначально весь сосуд был черного цвета и лощеный. Со временем, в результате бытового использования (воздействия огня) верхняя часть сосуда приобрела светло-коричневый цвет и утратила следы лощения. В 80 см южнее сосуда на глубине 96 см от 0 найдена пастовая спаренная бусина черного цвета, украшенная восьмерковидным орнаментом желтого цвета и тремя красно-синими глазками, помещенными в центр каждого овала (рис. 6, 4).

Курганный могильник у с. Медведка

Памятник расположен в пойме левого берега р. Самара, в 2 км к западу от с. Медведка Тоцкого района. В могильнике 15 курганов. Условно все курганы можно разделить на три группы (рис. 3, 1). В 1984 г. Н. Л. Моргуновой было расплано 6 курганов западной группы, содержащих разновременные захоронения. Интересно, что для совершения погребений использовались сурчины. Видимо, могильник не являлся стабильным местом захоронения,

а использовался время от времени, о чем свидетельствует расположение памятника в пойме и временной разброс погребений (1, с. 9–19).

КУРГАН 3. $H=0,7-0,8$ м, $D=20-30$ м. Насыпь овальной формы с пологими склонами. В юго-восточном секторе кургана на глубине 60 см от 0 встречено 3 фрагмента лепной керамики с расчесами на внутренней поверхности. На уровне материка в центре кургана выявлено два пятна. Одно из них при вскрытии оказалось сурчиной норой. Другое – могильной ямой неправильной прямоугольно-овальной формы, размерами 80 x 175 см. Ширина восточной половины 90 см, глубина в материк не более 20 см. В западной части ямы на глубине 5 см от материка прослежена ступенька, на этом уровне выявлен костяк ребенка 3–4 лет, лежавший вытянуто на спине, головой на З (рис. 3, 2). Под погребенным прослеживались остатки травяной подстилки. В юго-восточном углу ямы, на уровне первого костяка, и на дне ямы встречены кости взрослого человека. В северо-восточном углу ямы на уровне костяка № 1 найден череп собаки. Видимо, край ступеньки представляет собой западную границу могильной ямы, в которой был погребен костяк № 2. Позднее было совершено другое захоронение. Вещи в погребении отсутствуют.

КУРГАН 7. $H=0,9-1,15$ м, $D=28$ м. Курган имел правильные округлые очертания, но центр насыпи смещен к северу. Все слои кургана сильно нарушены норами. По северному краю кургана, в профиле, было видно углубление, видимо, от канавы, из которой брался грунт для насыпи. В восточной поле кургана, в насыпи, найдено 4 фрагмента керамики с расчесами, а также зубы и обломки челюсти лошади. Основное погребение относится к полтавкинской культуре. РЖВ датируется одно захоронение.

Погребение 2 (рис. 3, 3). Выявлено в бровке на расстоянии 130 см к югу от центрального кола, на глубине 117 см от 0, на уровне погребенной почвы. Костяк подростка 14 лет лежал на спине в позе всадника, головой на СЗ, руки вытянуты вдоль туловища. К северо-востоку от черепа обнаружен лепной сосуд котловидной формы (рис. 5, 1), цвет поверхности черно-коричневый. $Hc=10,5$ см, $Dg=8,5$ см, $Dd=7,5$ см, толщина стенок 0,6–1 см. На расстоянии 0,5–1 см от верхнего края сосуда имеется ряд наколов, нанесенных по всей окружности, некоторые из наколов сквозные. С одной стороны сосуда наколы разных размеров составляют неправильный треугольник.

КУРГАН 8. $H=0,3-0,4$ м, $D=16$ м. Курган имел правильную круглую форму. С северной стороны кургана прослежена канава глубиной 150 см от 0, из которой, видимо, брался грунт для насыпи. В

насыпи кургана найдены: 1) 2 фрагмента керамики эпохи бронзы; 2) 2 косточки животных, в том числе обломок овечьей челюсти; 3) погребение собаки, которое обнаружено на глубине 77 см от 0 в юго-западном секторе кургана. Скелет сохранился полностью. Собака лежала на левом боку, головой на СВ (рис. 4, 1). В юго-западном секторе кургана очень часто встречались углистые вкрапления, особенно около южной бровки, где на глубине 45 см от 0 выявлено могильное пятно размерами 215 x 180 см (рис. 4, 1). По краю пятна прослеживалась полоса, насыщенная углем, шириной 50–55 см. По мере вскрытия границы пятна приобретали более четкие очертания и значительно расширились. В заполнении ямы от глубины 45 см до 100 см уголь встречался по всей площади ямы. На глубине 87 см от 0 были обнаружены 2 обгоревшие плашки. Размеры ямы на уровне материка: 235 x 170 см, глубина 168 см от 0, от уровня погребенной почвы 95 см. От уровня материка, с западной и северной стороны, стенки ямы постепенно сужались, на дне она имела размеры 158 x 135 см. В засыпке могильной ямы найдена бусина из синего стекла с шестью бело-синими глазками (рис. 4, 4). Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ (рис. 4, 2). Череп чуть приподнят, под ним обнаружен плоский камень неправильных очертаний, размерами 6,3 x 10 см, толщиной 0,7–1,5 см (рис. 6, 2). Рядом с левой рукой находились: обломки железного предмета (рис. 5, 4); 8 бронзовых наконечников стрел (4 трехгранных с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами, 2 трехгранных и 2 трехлопастных с выступающими втулками) (рис. 4, 3), лежавших на крупном рыбном позвонке. На четырех наконечниках имеются сквозные отверстия. У правого колена погребенного стоял лепной сосуд с трубчатым носиком-сливом и отогнутым венчиком, срезанным наклонно наружу (рис. 4, 5), цвет поверхности черно-коричневый. Нс=23 см, Dг=17 см, D(носика)=3 см, толщина стенок 1,3 см.

Курганная группа у хут. Барышникова

Памятник расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Кинделя Новосергиевского района. Могильник состоял из 6 курганов. В 1963 г. К. Ф. Смирновым было раскопано 5 насыпей. В 1992 г. Н. Л. Моргуновой и М. А. Турецким был исследован оставшийся самый большой курган № 6 (5). Н=3,3 м, D=40 м. Курган окружал ровик шириной 9–11 м и глубиной от современной поверхности до материка 2,35–2,70 м. Основное погребение принадлежало древнеямной культуре (6, с. 4–5). Два впускных погребения относятся к РЖВ.

Погребение 1. Располагалось в насыпи центральной части кургана, в 2,5 м к западу от нулевой точки, на глубине 200 см от 0. Границы могильной ямы не прослеживались. Захоронение было разрушено. Сохранились лишь кости ног, судя по которым погребенный был ориентирован головой на ЮЗ. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 (рис. 3, 5). Обнаружено по центру кургана в насыпи, в 0,5 м к югу от нулевой точки на глубине 110 см от 0. Следы могильного пятна не прослеживались. К сожалению, нижняя часть скелета была разрушена трактором. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ. Правая рука отставлена в сторону, левая плотно прижата к ребрам, плечи слегка приподняты. С правой стороны грудной клетки, на ребрах, лежал фрагмент венчика от лепного сосуда размерами 3,4 x 3,5 см (рис. 7, 6). Поверхность и изломы черепка равномерно окрашены в светло-коричневый цвет. Видимо, фрагмент керамики испытал вторичное воздействие огня. В районе грудной клетки найдено 15 мелких пастовых бусин из синего, белого и желтого стекла (рис. 7, 3). У левого предплечья находился каменный «жертвенник» овальной формы с углублениями с обеих сторон (рис. 8, 1, 2). Общая высота изделия 5 см, толщина бортика 1–1,5 см. Размеры верхней части: 9,4 x 13,4 см, глубина – 2,8 см. Размеры нижней части: 7 x 11,8 см, глубина 2 см. Внешняя поверхность бортика украшена сложным орнаментом. В центре блюда имеется отверстие с неровными краями (d=1,5 см), пробитое снизу. Вдоль обеих сторон блюда видны следы от растирания твердым предметом. Почти по всему «жертвеннику», за исключением небольшого участка бортика 7 x 5 см, зафиксированы следы красной краски. Возможно, «жертвенник» был окрашен в красный цвет. Одна половина бортика и частично внутренние поверхности закопчены. Над погребением № 2, на глубине 80 см от 0, находился неполный скелет лошади (рис. 3, 4).

Таким образом, в четырех рассмотренных могильниках учтено 17 разновременных захоронений раннего железного века.

11 погребений относятся к савроматскому времени, большинство из них имеют западную ориентировку, 2 костяка ориентированы головами на СВ и СЗ. Наиболее ранним является погребение 2 кургана 7 Медведковского могильника с СЗ-ориентировкой костяка и весьма архаичной формы сосуда (рис. 5, 1), характерной, по мнению К. Ф. Смирнова, для «переходного» времени (7, с. 91, 112, рис. 61). Брон-

зовое зеркало без бортика с петелькой в центре из кургана 9 могильника Болдырево I (рис. 6, 1), учитывая его массивность, может быть датировано в пределах VII–VI вв. до н. э. (8, с. 216). Зеркала такого типа типичны для тагарской культуры, а также найдены в Китае, Монголии, Туве, Приобье, Казахстане, на Алтае (9, с. 88), в Южном Зауралье (10, с. 12).

Дату погребения 1 кургана 2 IV Болдыревского могильника определяет колчаный набор. Бронзовые наконечники стрел (рис. 6, 3) представлены массивными трехгранными со скрытой (типы 11, 15) и выступающей (типы 2, 4) втулками, трехлопастными с выступающей втулкой (тип 6), характерными для конца VI–V вв. до н. э. (11, с. 46–47, 52, 55–57, табл. II, IV). Бронзовый колчаный крючок с центральным отверстием для подвешивания (рис. 6, 5) из этого же погребения аналогичен савроматскому крючку Липовского могильника (12, с. 12, 20, рис. 5Л). Погребение 1 разрушило более раннее погребение 3, содержащее сосуд «савроматского» облика (рис. 5, 6).

Погребение из кургана 6 I Болдыревского и погребение 6 кургана 3 IV Болдыревского могильников датируются по сосудам.

Сосуд из кургана 6 (рис. 5, 2) находит близкие аналогии среди керамики V отдела, по классификации К. Ф. Смирнова (7, с. 114, рис. 65, 16, 24; 13, табл. 8, 21, 33), но отличается наличием двух ушковидных ручек. Находки сосудов с подобными ручками, но только с раздутым туловом, происходят с территории Оренбуржья (Оренбург, урочище Маячная гора, случайные находки; Аландское III, курган 6; Тара-Бутак, курган 3; оренбургский музей) (14, с. 88, рис. 2, 6) и относятся к концу VI–V вв. до н. э. (13, табл. 9, 2; 15, с. 69). Похожий горшочек грушевидной формы с ручками был найден в сакском кургане 52 могильника Южный Тагискен, датированном началом V в. до н. э. (16, с. 69, рис. 4, 10).

Сосуд из погребения 6 кургана 3 (рис. 5, 7) принадлежит к наиболее распространенной группе керамики, бытующей в течение всего «савроматского» периода (14, с. 90, рис. 1Б; 7, с. 112).

Три погребения (Барышников, к. 6 п. 3; Медведка, к. 8; Болдырево IV, к. 3 п. 4) следует отнести к группе захоронений, сочетающих в погребальном обряде «савроматские» (яркое проявление культа огня, обильная заупокойная пища) и «прохоровские» (ориентировка в южный сектор) черты. То же сочетание наблюдается в вещевом материале.

Среди пастовых бус из курганной группы у хутора Барышникова (к. 6 п. 3) выделяются два типа: мелкие дисковидные и биконическая бусина желтого цвета (рис. 7, 3), которые имеют довольно широкий хронологический диапазон, ко-

нец VI в. до н. э. – III в. н. э. (17, с. 68, табл. 33, 27). Каменный «жертвенник» (рис. 8, 1–2) из этого погребения точных аналогий не имеет. Близок ему алтарик из кургана 3 II Верхне-Кардаилловской группы, датированный V в. до н. э. (18, с. 157, 160, рис. 3, 4). Овальные блюда без ножек наиболее характерны для тасмолинской культуры (8, табл. 54, 12–18, 20), отдельные экземпляры происходят с территории Зауралья и Южного Приуралья (7, с. 65, рис. 75, 6, 7, 9), известны они и у саков Низовьев Сырдарьи (могильники Уйгарак и Тагискен) (16, с. 41; 19, табл. 24, 2, 3). Но почти все они без орнаментации, имеют плоское дно и более грубо обработаны. Интересно, что аналогичный орнамент, состоящий из таких же деталей, украшал бронзовые пронизи из кургана 36 могильника Южный Тагискен, датированный первой половиной VI в. до н. э. (16, с. 68, рис. 17, 1–5). Принимая во внимание следы значительной стертости «жертвенника» (края отверстия завальцованы, видимо, даже после его образования блюдом продолжали пользоваться), можно предположить, что он был помещен в могилу значительно позже даты своего изготовления. Говоря о функциональном назначении этого изделия, следует отметить, что характер расположения следов заочпченности поверхностей не дает основания говорить о возжигании на нем ароматических веществ. Скорее всего, блюдо было частично помещено в огонь в ходе какого-то очистительного ритуала. Наличие такого ритуала, возможно, косвенно подтверждает фрагмент керамики со вторичными следами воздействия огня, найденный на груди погребенного.

Исходя из анализа имеющихся находок, курган 8 Медведковского могильника нужно датировать началом IV в. до н. э. Бронзовые наконечники стрел (рис. 4, 3) находят тождество в колчаных наборах конца V – первой половины IV вв. до н. э. (11, рис. 31, 13–14, 47, рис. 32, А30–31, Б16, рис. 37, 25). Синяя глазчатая бусина (рис. 4, 4) относится к 54 типу (вариант В, по Е. М. Алексеевой), распространенному в IV–III вв. до н. э. (20, с. 65, табл. 15, 16). Сосуды с трубчатым носиком-сливом (рис. 4, 5) довольно частая находка в погребениях VI – рубежа V/IV вв. до н. э. в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье (7, с. 113–114, рис. 66, 1–8; 21, с. 166). Встречаются они и в сакских комплексах Средней Азии (19, табл. 23, 1–2; 16, рис. 3, 8–9). Однако, по справедливому замечанию О. А. Вишневской, «савроматская» посуда этого типа по форме отличается от сакской (19, с. 79), их сближает только наличие носика-слива. Возможно, сходство объясняется общим функциональным назначением таких сосудов (хранение и разлив жидкости).

Круглодонный сосуд (рис. 5, 5) из насыпи кургана I могильника Болдырево I относится к раннесарматской керамике I отдела, по классификации М. Г. Мошковой (22, с. 27, табл. 9, 6–7). Он является единственной находкой эпохи раннего железного века в кургане и, вероятно, содержал жертвоприношение духам.

Первыми веками нашей эры, датируются погребения 1 и 8 кургана 3 IV Болдыревского могильника. Погребение 8 было разрушено более поздним погребением 1. Бусина с восьмерковидным орнаментом с глазками (рис. 6, 4) из погребения 8 встречается в комплексах I–IV вв. н. э. (17, с. 55). Лепной чернолощенный сосуд (рис. 7, 7) аналогичен по форме и орнаменту круговому сосуду из кургана 5 рубежа I–II вв. н. э. Сусловского могильника (24, рис. 14, 9; 25, с. 87).

Красноглинная чашечка (рис. 7, 6) из погребения 1, вероятно, принадлежит к группе позднемеотской круговой керамики с ручным лощением. Близкая по форме чашечка найдена в могильнике Тахтамукай (23, с. 243, табл. 97, 4).

Не противоречит предложенной датировке и юго-западная ориентировка погребения 1, распространение которой характерно для среднесарматской (24, с. 184) и раннего этапа позднесарматской (25, с. 72–73) культуры.

Список литературы

1. Моргунова Н.Л. Отчет о разведках в Красногвардейском районе, о разведках и раскопках в Ташлинском и Тощком районах Оренбургской области за 1984 г. // Архив ИА РАН.
2. Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках археологических памятников в Ташлинском районе Оренбургской области в 1985 г. // Архив ИА РАН.
3. Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л. Погребения древнейшей культуры на р. Иртек в юго-западном Оренбуржье // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара, 1991.
4. Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках археологических памятников в Ташлинском районе Оренбургской области в 1986 г. // Архив ИА РАН.
5. Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках кургана у хут. Барышников в Новосергиевском районе Оренбургской области в 1992 г. // Архив ИА РАН.
6. Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Курганный группа у хут. Барышников // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург, 1998.
7. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
8. Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
9. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время. Часть I. Барнаул, 1997.
10. Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II вв. до н. э. // Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1991.
11. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.
12. Смирнов К.Ф., Попов С.А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972.

кне курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972.

13. Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1–9. М., 1963.

14. Очир-Горыева М.А. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.

15. Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972.

16. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.

17. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М., 1978.

18. Васильев В.Н., Федоров В.К. Разведочные раскопки в Северо-Восточном Оренбуржье // Башкирский край. Вып. 5. Уфа, 1994.

19. Вишневская О.А. Культура сакских племен Нижнего Поволжья в VII–V вв. до н.э. М., 1973.

20. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М., 1978.

21. Таиров А.Д., Боталов С.Г. Могильник Карсакабас // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара, 1996.

22. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1–10. М., 1963.

23. Археология СССР. Стелы европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

24. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.

25. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

Подписи к рисункам

Рис. 1. КМ Болдырево I: 1 - к. 9; 2 - к. 4 п. 1; 5 - к. 10 п. 1. КМ Болдырево IV: 3 - к. 2 п. 3; 4 - к. 2 п. 1.

Рис. 2. КМ Болдырево IV, к. 3: 1-3- план и разрезы к. 3; 4 - п. 3; 5 - п. 4; 6 - п. 6; 7 - п. 1; 8 - п. 2.

Рис. 3. КМ Медведка: 1 - план могильника; 2 - к. 3; 3 - к. 7 п. 2. КМ хут. Барышников: 4,5 - к. 6 п. 2.

Рис. 4. КМ Медведка, к. 8: 3 - бронза; 4 - стекло; 5 - глина.

Рис. 5. КМ Медведка: 1 - к. 7 п. 2; 4 - к. 8. КМ Болдырево I: 2 - к. 6; 3 - к. 9; 5 - к. 1. КМ Болдырево IV:

6 - к. 2 п. 3; 7 - к. 3 п. 6. 1, 2, 5-7 - глина; 3-4 - железо.

Рис. 6. КМ Болдырево I: 1,6 - к. 9. КМ Медведка: 2 - к. 8. КМ Болдырево IV: 5 - к. 2 п. 1; 4 - к. 3 п. 8. 1, 3, 5 - бронза; 2, 6 - камень; 4 - стекло.

Рис. 7. КМ Болдырево IV: 1, 2 - к. 3 п. 4; 4, 5 - к. 2 п. 1; 7 - к. 3 п. 8; 8, 9 - к. 3 п. 1. КМ хут. Барышников: 3, 6 - к. 6 п. 2. 1, 6, 7-9 - глина; 2 - кость; 4-5 - камень; 3 - стекло.

Рис. 8. КМ хут. Барышников к. 6 п. 2: 1 - каменный «жертвенник»; 2 - он же, вид сверху и разрезы.

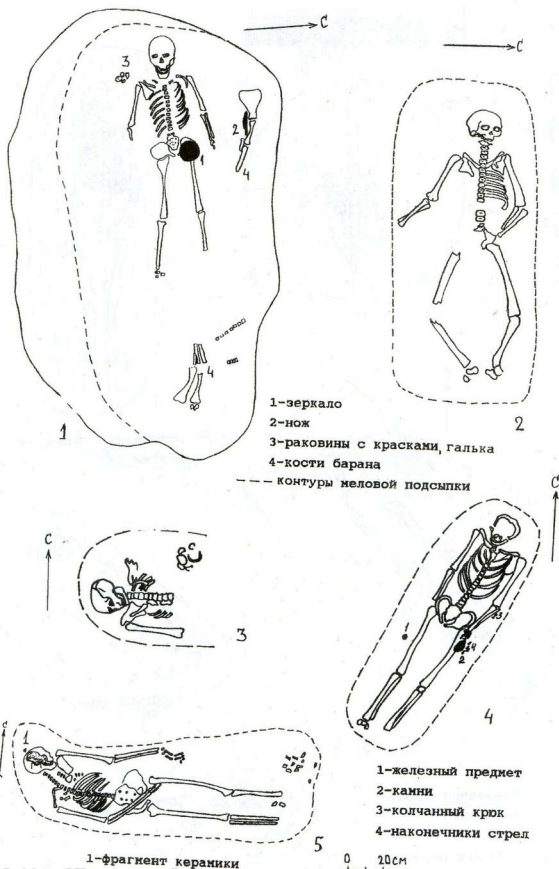

Рис. 1

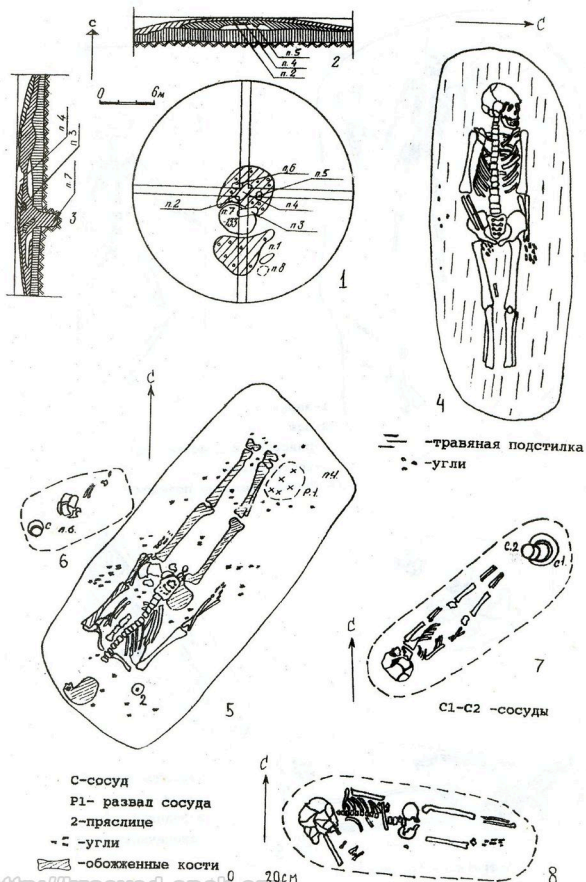
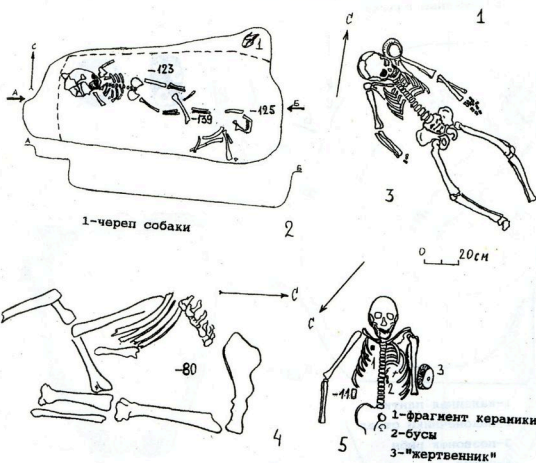
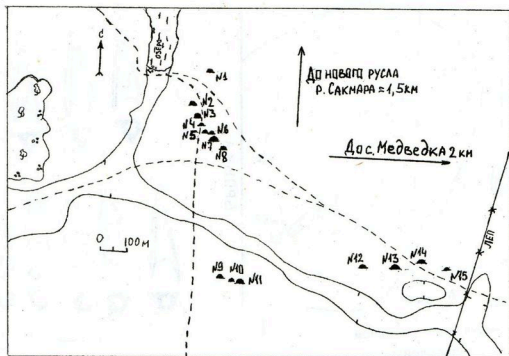
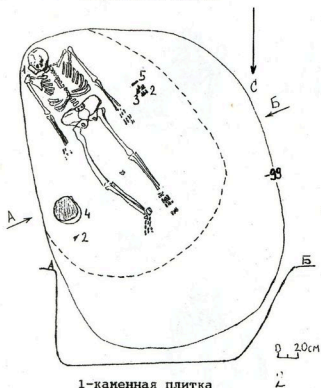
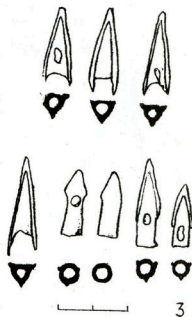
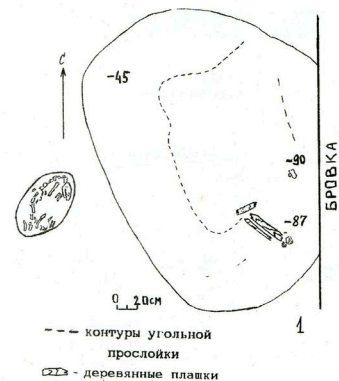

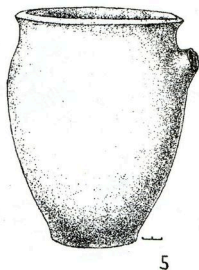
Рис. 2

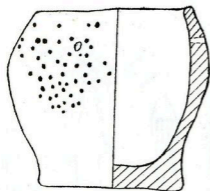

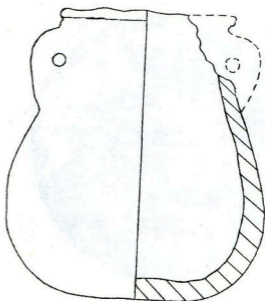
- 1-каменная плитка
- 2-наконечники стрел
- 3-позвонок рыбы
- 4-сосуд
- 5-железный предмет

--- очертания дна могильной ямы

1

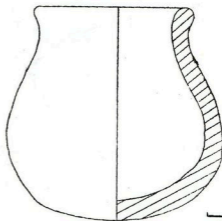
2

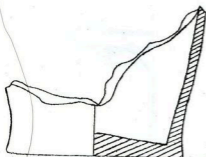
3

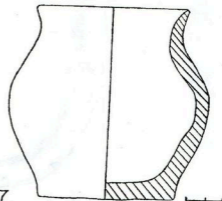
4

5

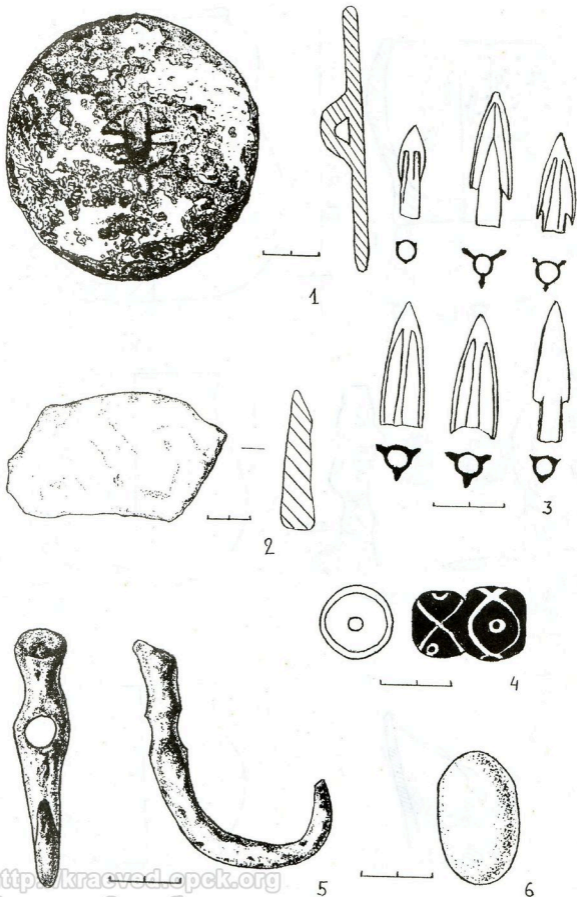

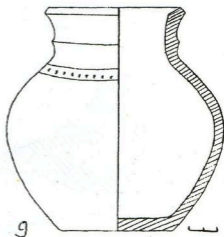
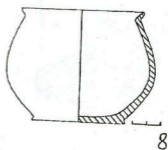
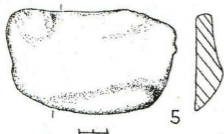
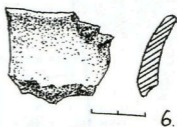
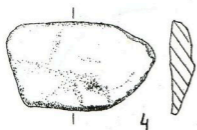
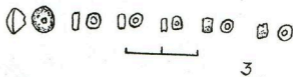
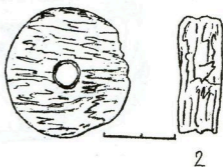
6

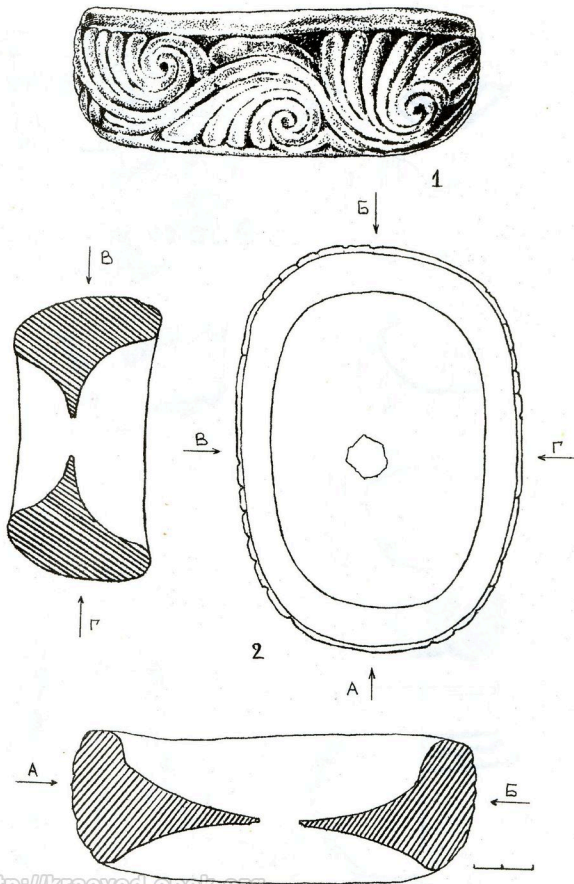

7

<http://kraeved.orск.org>
История Оренбуржья

Рис. 8

ТЕХНОЛОГИЯ КЕРАМИКИ МОГИЛЬНИКА У С. СЪЕЗЖЕЕ

Могильник у с. Съезжее, расположенный в левобережье Волги на р. Самаре, был открыт и исследован четверть века назад (Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1979, с. 147–166). В последующие годы был обнаружен целый пласт памятников этого круга в Самарской, Оренбургской и Саратовской областях (Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габышев Р. С., Моргунова Н. Л., Пеннин Г. Г., 1980, с. 170–172; Моргунова Н. Л., 1986, с. 35; она же, 1989, с. 122–123; Лопатин В. А., 1989, с. 135; Юдин А. И., 1986, с. 37–39; Барынкин П. П., Козин Е. В., 1995, с. 136–163) и получен значительный материал, позволивший выделить самарскую энеолитическую археологическую культуру как часть мариупольской культурно-исторической области (Васильев И. Б., 1981, с. 6–12). По мнению ряда исследователей, в эпоху энеолита в Волго-Урале, в отличие от западных регионов, «фиксируется эволюционная последовательность явлений стадийного порядка: самарская и прикаспийская культуры определили основную линию становления хвалынской, а последняя – древнеямной культуры восточного региона» (Васильев И. Б., Синюк А. Т., 1985, с. 72–73). В целом значение Съезжинского могильника для понимания процессов, происходивших на данной территории в предьямное время, трудно переоценить, поэтому вполне понятен интерес к материалам памятника и стремление более глубокого их изучения с помощью различных методических разработок.

Данная статья посвящена результатам исследования керамики могильника, проведенного в рамках системы технико-технологического анализа глиняной посуды, которая была разработана А. А. Бобринским (Бобринский А. А., 1978). Выявление информации о технологии изготовления археологической керамики и характеристика навыков труда по ступеням гончарной технологии базируются на бинокулярной микроскопии, физическом моделировании, сравнительном анализе по эталонным сериям и трасологии, картографировании и статистике. Важно учитывать то обстоятельство, что

получение данных о технологии является не самоцелью, а лишь средством для привлечения их в качестве источника для решения вопросов историко-культурного характера. Правомерность и возможность этого обоснованы методологией историко-технологических исследований, включающей положения об исторически складывающейся системе культурных традиций в гончарстве, о существовании механизма передачи этих традиций из поколения в поколение, в основном, по кровнородственным каналам, об устойчивости их в стабильных условиях и различном поведении в процессах смешения носителей гончарных традиций (Бобринский А. А., 1978, с. 242–244; он же, 1997).

Основными задачами исследования являются, во-первых, выделение и систематизация данных о технике и технологии гончарства населения, оставившего могильник у с. Съезжее, а во-вторых, использование полученной информации для изучения некоторых вопросов истории этого населения. Отметим, что круг этих вопросов ограничен рамками изучаемого памятника. Обращение к проблемам более общего характера будет возможно только после технико-технологического анализа керамики других энеолитических памятников данной территории и сопредельных территорий.

Для погребального обряда населения, оставившего могильник, характерно отсутствие обычая ставить глиняную посуду в погребения. Развалы и обломки 27 сосудов были обнаружены на жертвенных площадках и в слое рядом с погребениями (Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1979, с. 153). Технологическому анализу было подвергнуто 20 сосудов из коллекции Съезжинского могильника, доступных в настоящее время для изучения. Они представлены обломками венчиков, придонных частей, а также несколькими развалами сосудов. Степень сохранности исследованных образцов различна, поэтому информация о технологии по всем ступеням естественной структуры гончарного производства может быть получена не по каждому из них. Наиболее полными являются

данные о приемах отбора исходного сырья, составления формовочных масс и механической обработки поверхностей. Значительно меньше сведений о навыках конструирования полого тела и начиннов, а также формообразования. В Приложении 1 дана информация о технологии изготовления по каждому сосуду. Ниже предлагается общая характеристика гончарных традиций населения, оставившего могильник у с. Съезжее, по ступеням гончарного производства.

Отбор исходного сырья. Зафиксировано два основных вида пластического сырья: 1) глиноподобное сырье (илы) и 2) глиноподобное сырье (глины, условно названные «илистыми»).

Обоснованию тезиса об использовании илов в первобытном гончарстве и обобщению уже накопленного опыта их изучения по материалам археологии посвящена недавно опубликованная статья (Бобринский А. А., Васильева И. Н., 1998, с. 193–217). Илистое сырье, выявленное при исследовании керамики Съезжинского могильника, состоит из глинистой фракции и естественных примесей минерального и органического происхождения: песка, буроугольного железняка, часто комочков нерастворившейся глины округлой формы, обломков речных раковин, органических остатков растительного и животного характера.

Песок – кварцевый, светлый и бесцветный, преимущественно окатанный. Иногда встречаются частицы плоского темно-серого полупрозрачного песка. Размер зерен обычно меньше 0,5 мм, лишь в редких случаях он достигает 1 мм. Поскольку общепринятой точной оценки степени запесоченности глин и илов по обожженному черепку с помощью бинокулярной микроскопии пока не разработано, то мною, вслед за Е. В. Волковой (Волкова Е. В., 1996, с. 33), используется шкала оценки относительной степени запесоченности применительно для изучаемой коллекции. Предлагается выделить слабо-, средне- и сильнозапесоченные подвиды глиноподобного сырья. Критерии их выделения в целом соответствуют предложенным Е. В. Волковой (Волкова Е. В., 1996, с. 33). Нужно отметить, что сравнительный анализ керамики с одними и теми же эталонными сериями с песком и взаимные консультации определенным образом нивелируют противоречия и приводят исследователей, использующих методику А. А. Бобринского, к одинаковым определениям степени запесоченности материала. Степень запесоченности является основополагающим критерием для выделения подвидов глиноподобного сырья, применявшегося для изготовления керамики Съезжинского могильника. Дело в том, что различие сырья по данному признаку физически ощутимо. По этнографическим

данным гончары на ощупь или «на зуб» определяли запесоченность, считая ее очень важным свойством глины, и определяли таким образом «тощую» или «жирную» глины (Бобринский А. А., 1978, с. 76). Представляется, что наличие или отсутствие песка учитывалось и древними гончарами, которые руководствовались при отборе сырья определенными представлениями об этом сырье: оно должно было быть с песком или без него, что легко определялось руками. Правомерно заключить, что в рамках общих представлений об илистом сырье существовали также и различные традиции его отбора: с песком и без него.

Важной, также легко визуальной фиксируемой примесью илистого сырья являются обломки речных раковин. Для естественной примеси раковины характерны: незначительная концентрация, степени которой условно названы «единичной», когда на 1 кв. см приходится 4–8 включений; и «небольшая», когда на 1 кв. см – не более 40 включений разного размера; преобладание окатанных частиц раковины над остроугольными и белых матовых включений над сохранившимися перламутр и сероватый цвет (рис. 5; 1, 3); размерность частиц от 7 мм до 1 мм и меньше, причем последних в черепке значительно больше; не одинаковая концентрация раковин в разных подвидах глиноподобного сырья, выявленных по материалу одного памятника, что было обусловлено, по-видимому, различными процессами осадконакопления в разных источниках сырья. Так в сосудах, сделанных из сильно- и среднезапесоченных подвидов глиноподобного сырья, зафиксированы два варианта концентрации раковины: единичная и небольшая, в слабозапесоченном сырье раковина встречается только единично. Различная концентрация раковины может выступать доказательством использования разных источников сырья. С другой стороны, данный факт может быть результатом разновременности добычи сырья в одном источнике. Экспериментальные исследования современных водоемов и наблюдения за качественным составом илов показали, что имеют место некоторые различия в концентрации раковины и растительных остатков в пробах илов, взятых одновременно из одного водоема, но в разных местах на протяжении 10–50 м. Исследование одного места залежи илистых отложений у берега пойменного озера, под водой (пойма р. Волги, у пос. Прибрежный) в течение трех лет дает основание предполагать, что на качественном составе сырья отражается и временной фактор, т. е. в один год раковин и растительности может быть несколько больше, чем в предыдущий и наоборот. Более постоянным для конкретного слоя ила является содержание и качествен-

ный состав песка, именно поэтому данный признак может быть положен в основу выделения подвидов глиноподобного сырья.

Бурый железняк представлен в илстом сырье в значительном количестве. Он имеет оолитовую форму и размеры 1–3 мм.

Практически постоянной естественной примесью данного сырья свезжинской керамики являются округлые, рыхлые и плотные, комочки нерастворившегося в воде глинистого вещества. Иногда они содержат песок и пропитаны окислами железа, отчего имеют красновато-коричневый цвет. При изучении глин как исходного сырья для археологической керамики присутствие нерастворившихся округлых комочков глины является одним из признаков дробления сырья как способа его подготовки. Экспериментальные исследования показали, что подобные включения – довольно устойчивый элемент состава природных илов (Бобринский А. А., Васильева И. Н., 1998, с. 202), поэтому наличие их в черепке керамики не может быть использовано для доказательства дробления илстого сырья в сухом состоянии. По нашему мнению, факт существования нерастворившихся комочков глины в современных илах, наличие их в запесоченных подвидах илстого сырья, которые во влажном состоянии должны были бы терять комковатость подобно глинам, а также отсутствие следов дробления бурого железняка – все эти признаки указывают на то, что сырье для изготовления керамики изучаемого памятника находилось во влажном состоянии. Учитывая значительную влагонасыщенность данного сырья, можно предполагать этап его подсушивания до степени вязкости, необходимой для лепки.

Растительные остатки представлены обрывками растительных тканей неопределенного вида меньше 1 мм, фрагментами листьев, стеблей растений длиной до 10 мм и более, а также отдельными нитевидными отпечатками и их переплетенными сгустками (водорослями). В работе введены также условные степени концентрации этой смеси. Аналогично раковине подсчитывается количество отпечатков на 1 кв. см: «единичная» – 1–2 включения, «небольшая» – 3–5 включений; «средняя» – более 5 включений.

Органика животного происхождения встречается в черепке изучаемой керамики значительно реже, чем растительная: чешуя и фрагменты костей рыб; пустоты, оставленные водными организмами типа личинок, червячков и других. Подобные остатки обнаружены лишь в некоторых сосудах (рис. 5; 3, 4, 6).

Обобщая данные изучения илстого сырья по керамике Свезжинского могильника, можно отметить, что, во-первых, факт использования по-

добного сырья подтверждается совокупностью признаков, присущих илам (Бобринский А. А., Васильева И. Н., 1998, с. 202–204); во-вторых, по особенностям концентрации песка, обломков пресноводных раковин и растительных остатков выделяются три подвида такого сырья:

1) *Сильнозапесоченное сырье*, для которого характерен песок – кварцевый, цветной и бесцветный, преимущественно окатанный. Размер частиц песка менее 0,1–0,2 мм, единичны включения до 0,5 мм. Бурый железняк оолитовый, мелкий, размером до 1 мм. Обломки раковин, в основном, окатанные и белые, менее 3–4 мм, в условно «небольшой» концентрации. Концентрация растительных остатков также «небольшая». В одном случае обнаружен отпечаток чешуи (рис. 5; 4) и фрагмент кости рыбы (рис. 5; 6). Из этого подвида сырья изготовлены пять сосудов (рис. 4; 4–8). Среди них выделяется сосуд баночной формы (рис. 4; 7). В составе сырья, из которого он был сделан, несколько большее содержание раковин и растительности, а также присутствуют комочки глинистого вещества, насыщенные окислами железа. Можно предполагать, что ил для его изготовления был взят в другом месте.

2) *Среднезапесоченное сырье*. Песок того же типа, что и в первом подвиде, только встречается еще частицы плоского серого полупрозрачного песка. Бурый железняк оолитовый, размер его колеблется в пределах 1–3 мм. Значительно содержание комочков глинистого вещества. Выделяется два типа комочков: плотные без песка и более рыхлые с песком, размером 1–2 мм. Концентрация раковины «небольшая», в двух случаях – «единичная». Размер обломков раковины не более 3–4 мм, преобладающая фракция – менее 1 мм. Растительность присутствует в небольшой концентрации. В двух сосудах найдены фрагменты костей рыбы. Из данного подвида сырья сделано пять сосудов (рис. 3).

3) *Слабозапесоченное сырье*. Песок представлен двумя фракциями: пылевидный, частицы которого до 0,01 мм и фиксируются под микроскопом как «блеск», и песок такого же типа, как и в предыдущих подвидах, только его присутствие в сырье очень незначительно. Бурый железняк имеет оолитовую форму и размеры 1–2 мм. Комочки глинистого вещества – плотные, округлые, темные в черной прослойке черепка и красновато-коричневые в осветленных слоях, их размер составляет в среднем 1–2 мм. Раковина представлена единичными фрагментами менее 2 мм, хотя некоторые достигают 4–7 мм. Растительные остатки имеются в небольшой концентрации. В одном сосуде обнаружен отпечаток чешуи рыбы размером 4 мм (рис. 5; 3). Из данного подвида сырья изготовлено три сосуда (рис. 4; 1–3).

Второй вид пластического глиноподобного сырья условно назван «илистыми глинами». Разделение илов и подобного сырья обосновывается существенными различиями в их составе: для второго вида характерно наличие крайне редких во всем черепке мелких остатков перегнившей растительности и полное отсутствие органики животного происхождения (чешуи и костей рыб), что свидетельствует о принципиально разных условиях их местонахождения. Если илистое сырье было связано с литоральной береговой зоной действующих водоемов, то «илистые глины» располагались по берегам в ложе проток, стариц рек и озер, освобожденных от воды и доступных для разработок. По-видимому, именно недавняя близость с водой и процессы заиления оставили в них следы в виде обломков раковин, оолитового буро-желтого железняка и комочков глинистого вещества, а также мелких фрагментов растительности. Дальнейшие исследования позволяют уточнить и конкретизировать характеристику данного вида пластического сырья. Термин «илистые глины» следует считать рабочим термином в рамках данной статьи.

В материалах памятника фиксируется два подвиды илистых глин. Первый подвид представляет собой *слабозапесоченную железненную глину*, содержащую пылевидный песок с размером частиц около 0,01 мм и единичные включения кварцевого цветного и бесцветного песка размером менее 0,1 мм. В одном сосуде обнаружен песок размером 0,5–1 мм (рис. 2; 1). Бурый железняк оолитовый, размером не более 1 мм. Встречаются охристые красные рыхлые включения до 0,5 мм. Значительна примесь округлых глинистых комочков. Растительные остатки практически отсутствуют. Иногда в черепке фиксируются очень мелкие (менее 1 мм) обрывки растительной ткани неопределенного вида. Допустимо наличие единичных включений раковины, но их определение затруднено из-за искусственно введенной примеси дробленной раковины, обладающей специфическими чертами. Из глины первого подвиды изготовлено шесть сосудов (рис. 2; 1–5).

Второй подвид илистых глин – *сильнозапесоченная глина* с кварцевым цветным и бесцветным,

а также плоским темно-серым песком. Размер зерен песка – до 0,1–0,2 мм. Бурый железняк аморфной формы, размером не более 1 мм. Имеются рыхлые глинистые включения, насыщенные оксидами железа и песком. Единично встречаются обломки раковины преимущественно менее 1 мм, но отдельные из них достигают 7 мм (на 1 кв. см – 4–5 включений раковины). Они в основном белые и окатаные, но есть остроугольные и сохранившие слой перламутра. Растительные остатки не обнаружены. Из этого сырья сделан один сосуд (рис. 1, 6).

На ступени составления **формовочных масс** зафиксированы следующие навыки труда: 1) введение в исходное сырье *органических растворов*, которые оставляют после сушки и обжига аморфные пустоты с белым «паутинообразным» налетом, а также белое вещество по спаям между строительными элементами. В настоящее время начаты экспериментальные работы по изучению различных клеящих природных веществ растительного и животного происхождения, которые могли использоваться древними гончарами. Однако окончательные результаты еще не получены, и идентификация выявленного по материалам могильника органического раствора пока невозможна; 2) добавление к пластическому сырью *органического раствора и дробленной раковины*. Искусственная примесь раковины в черепке характеризуется следующими признаками: а) ее концентрация в массе значительно больше естественной, (на 1 кв. см приходится включений размером 2–4 мм – 5–6 шт.; включений размером менее 1 мм – 60–120 шт.); б) остроугольные фрагменты раковины преобладают над окатанными; в) преобладающее количество обломков искусственно введенной раковины сохраняет перламутр и сероватый цвет. Для дробления использовались раковины пресноводных улиток и двустворок.

Корреляция видов пластического сырья и рецептов формовочных масс показала, что традиция добавления дробленной раковины вместе с органическим раствором связана с использованием илистых глин первого подвиды. В среде гончаров, применявших в качестве сырья илы и глину второго подвиды, в формовочные массы вводился только органический раствор (табл. 1).

Таблица 1. Исходное сырье и формовочные массы керамики Съезжинского могильника

Рецепты формовочных масс	Органический раствор	Дробленная раковина + орг. раствор	Итого	Группы керамики
виды сырья:				
<i>илы:</i>				
запесоченные	5	-	5	2-1
среднезапесоченные	5	-	5	2-2
слабозапесоченные	3	-	3	2-3
<i>илистые глины:</i>				
запесоченная	1	-	1	3
слабозапесоченная	6	6	6	1
всего	14	6	20	

Фрагментарность изучаемого керамического материала обусловила немногочисленность данных о **приемах конструирования** сосудов. В коллекции памятника имеется четыре придонных и донных части сосудов, позволяющих сделать заключения о конструировании *начинов*. Один сосуд (рис. 2; 1) представлен днищем со стенками на высоту 6 см и фрагментом верхней части. Волнообразные следы на внешней поверхности горловины и придонной части соответствуют отпечаткам плетения (рис. 6; 1–4) и позволяют предполагать использование формы-емкости из плетеного материала. Изготовление верхней и нижней частей сосуда происходило раздельно, и для каждой части имелась, по-видимому, своя форма-емкость. Характер наложения строительных элементов указывает на то, что верхняя часть сосуда наращивалась небольшими лоскутами в форме-емкости сверху вниз, т. е. от плечиков к венчику. Форма-емкость расширялась книзу и могла сниматься с заготовки сосуда в верхнем направлении. Не совсем ясен принцип конструирования нижней части. Очевиден факт лоскутного налепа и то, что уже вылепленная округлодонная часть сосуда вставлялась в форму-емкость с плоским основанием, а днище изнутри укреплялось дополнительным жгутом по спирали (рис. 7, 4 и 6). Определение программы начина в данном случае затруднительно. По-видимому, придонная часть составля-

ной лепкой над отверстием. Следы присоединения придонной части снаружи к уже частично изготовленному начину достаточно четко фиксируются во всех трех случаях. Данный вид конструирования может быть связан с емкостной программой изготовления *начинов*. Впоследствии заготовка сосуда снималась с формы-основы и ставилась на плоскость, возможно, именно в этот момент образовывалась складка в месте перехода днища в стенки. В таком положении нижней части наращивалась верхняя часть горшковидных сосудов: плечики и горловина, примазывание которых начиналось с наружной стороны. Следует отметить часто применяемый прием загибания остатков лоскутков наружу, для создания «воротничков», которые в целом же делались из дополнительных порций формовочной массы. В коллекции имеется четыре баночных сосуда без днищ. Способ конструирования верхних частей этих сосудов был аналогичен вышеописанному за исключением операции по дополнительному наращиванию зоны плечиков и горловины. Изучение основной массы фрагментов венчиков позволило лишь определить прием лоскутного налепа. Корреляция видов пластического сырья и способов конструирования выявила связь первого вышеописанного способа (форма-емкость) с традицией использования глин, а второго (форма-основа) – с традицией отбора илистого сырья, (табл. 2).

Таблица 2. Распределение способов конструирования по группам керамики

Способы конструирования	1 группа	2 группа	3 группа
лоскутный налеп	5	6	1
форма-емкость	–	–	–
форма-основа	–	7	1
емкостный начин	–	3	–
наращивание верхней части способом скульптурной лепки	–	4	–

ла вторую, меньшую по высоте половину сосуда. Сделанные таким образом заготовки сосуда соединялись в единое целое, возможно, в тот момент, когда нижняя часть еще находилась в форме-емкости из плетеного материала.

Иной способ конструирования обнаруживают три других сосуда с сохранившимися придонными участками (рис. 3; 2; рис. 4; 1, 4). В данном случае конструирование происходило на форме-основе с прокладкой из кожи или шкуры животных, оставившей специфичные следы на внутренней поверхности сосудов. Характер линии спаев указывает на наращивание лоскутов снизу вверх, от какой-то части тулова к днищу. Сама модель представляла собой, по-видимому, полуку конструкторию без дна, поэтому небольшой придонный участок и донышко конструировались скульптур-

Приемы формообразования были связаны с применением моделей: форм-емкостей и форм-основ, а также с выдавливанием и частичным выбиванием. Последний прием был больше распространен в среде гончаров, использовавших в качестве сырья илистые глины. Возможно, поэтому сосуда данной группы более тонкостенные (4–6 мм), в отличие от других, толщина стенок которых достигает 10–12 мм.

Основным способом **механической обработки** поверхностей являлось простое **заглаживание**. При камеральной обработке были практически утрачены следы обработки, поэтому основная часть информации утрачена. Возможно выделить только два материала, применявшихся в этой операции: мягкий материал, возможно, кусочек кожи, после которого оставалась глад-

кая поверхность, и твердое орудие типа гребенчатого штампа, который оставлял на поверхности следы с развитым рельефом, регулярностью и параллельностью выпуклых и вогнутых линий. Бороздки обладают довольно устойчивыми очертаниями ложа, по ширине соответствуют зубцам гребенчатого штампа. Все пять случаев заглаживания гребенчатым штампом связаны с сосудами, изготовленными из илов. Этим орудием обрабатывалась только внутренняя поверхность горла и плечиков в виде горизонтальных и косонаправленных мазков. Зафиксирован еще один способ обработки поверхности – *лощение*, сплошное уплотнение по подсушенной основе. Наиболее четкие следы горизонтального лощения в виде бороздчатых «канавок» имеются на внутренней поверхности двух сосудов, один из которых изготовлен из глины, другой – из илесто слабозапесоченного сырья. Можно предполагать, что внешняя поверхность большинства сосудов данной коллекции также была уплотнена, только лощение производилось по сухой поверхности и не оставило четких признаков. Сплошное орнаментирование и камеральная обработка щетками сделали невозможными более точные заключения (табл. 3).

Изучение приемов **термической обработки** проводилось с помощью наблюдений за особенностями цветовых прослоек в изломе черепка, сравнения их с эталонными сериями, а также с использованием метода, предложенного А. А. Бобринским для определения низкотемпературного обжига (Бобринский А. А., 1989, с. 20–23). В результате проведенного исследования выяснено, что все изучаемые сосуды были обожжены с определенной выдержкой при температурах каления (650–700 градусов) и необратимо потеряли свойство пластичности. Сравнительный анализ керамики с эталонными сосудами, обожженными в экспериментальной экспедиции по программе, включающей сочетание различных обжиговых устройств, разных режимов и топлива, позволяет предполагать костровой обжиг с резким подъемом температуры, нестабильной атмосферной средой и перепадами температур, что нашло свое отражение в пятнистости поверхностей большинства сосудов и трехслойности их изломов. Были выявлены некоторые различия в способах термической обработки. Более совершенный режим

обжига, обусловленный использованием какого-либо примитивного обжигового устройства типа углубленного в землю очага или большой тщательностью в выборе топлива и его укладке в костре, применялся для обжига посуды, сделанной из илестых глин первого подвиды. Внешняя поверхность этих сосудов имеет светло-коричневый цвет с розоватым оттенком. Толщина осветленных поверхностных прослоек составляет в среднем 2–4 мм. Сердцевина черепка имеет серый или светло-серый цвет. Механическая прочность данных сосудов значительно выше других. По-видимому, сосуды охлаждались в зоне горения топлива по мере его затухания. Сосуды из илесто сырья преимущественно имеют в изломе очень тонкие поверхностные осветленные прослойки мощностью до 1 мм и сердцевину черного цвета мощностью 6–7 мм в среднем, достигающая 10 мм. Для них характерна и более выраженная пятнистость поверхностей. Их обжиг производился с более кратковременной выдержкой в режиме каления.

Значительная часть сосудов могильника у с. Съезжее имеет следы красной краски как на внутренней, так и на внешней поверхности. В настоящий момент остатки краски фиксируются в отпечатках орнамента, в виде пятен на поверхностях сосудов. В некоторых случаях сплошной слой краски выявлялся под слоем известковой корки при ее ликвидации. Остатки красной краски зафиксированы на всех пяти сосудах, изготовленных из первого подвида глин, и на девяти сосудах из глиноподобного сырья, причем на трех из них слабые следы краски имелись только на внешней поверхности. Учитывая то обстоятельство, что способы камеральной обработки были одинаковыми для всех сосудов коллекции, можно предполагать более тесную связь приема *окрашивания сосудов* с традицией изготовления их из глин. Характер данной операции до конца не ясен. Возможно, красная краска (охра?) смешивалась с жиром или разводилась в воде и «втиралась» в поверхность обожженных сосудов, после чего производилась полировка. Окончательное выяснение особенностей этого приема требует постановки эксперимента.

Суммируя все вышеизложенное, мы считаем возможным выделить три **технологические группы** керамики Съезжинского могильника, принадлежавшие разным группам населения. Следует

Таблица 3. Способы заглаживания керамики

Способы заглаживания	1 группа	2 группа	3 группа
гладкое	6/100%	8/66%	1/100%
гребенчатое штампом	–	4/34%	–
всего учтено сосудов	6/100%	12/100%	1/100%

отметить, что расположение сосудов разных технологических групп на территории могильника было приурочено к жертвенным площадкам, где они располагались в перемешанном состоянии (рис. 1). Данный факт доказывает их относительную одновременность и принадлежность к одному культурному комплексу:

1) Совокупность культурных традиций в гончарстве данной группы следующая: использование в качестве пластического сырья илстых глин первого подвида; введение в формовочные массы искусственных добавок в виде дробленной раковины пресноводных моллюсков и органического раствора; конструирование сосудов в формах-емкостях посредством лоскутного налепа, зафиксирован плетеным материалом модели; выбивание как способ формообразования; простое заглаживание мягким материалом и лошение; обжиг с более значительной выдержкой при температурах каления и прием постепенного охлаждения в костре; прием окрашивания сосудов после обжига.

2) Гончарство второй группы характеризуется следующими чертами: представления об илах как пластическом сырье; существование двух традиций отбора этого сырья – с песком и без него, с преимущественным распространением первой; добавление в формовочные массы органических растворов; конструирование сосудов на формах-основах с прокладкой из кожи и шкуры животных, посредством зонального лоскутного налепа; распространение емкостной программы конструирования начинов; простое заглаживание мягким материалом и гребенчатым штампом, лошение по подсушенной и сухой поверхности; обжиг с кратковременной выдержкой при температурах каления; частичное применение способа окрашивания сосудов после обжига.

3) Третья группа выделена условно, так как представлена всего одним сосудом. Однако он имеет технологические отличия от первой и второй групп, а также выделяется морфологически, чем обращает на себя особое внимание. Сосуд баночной формы (рис. 2; 6) изготовлен из илистой запесоченной глины (второй подвида). Наличие каких-либо растительных остатков не зафиксировано. В формовочной массе не было искусственной добавки раковины, как в первой группе. Зафиксирована лишь традиция введения органического раствора. Способ конструирования опре-

деляется как лоскутный налп. Сосуд был заглажен мягким материалом и обожжен с кратковременной выдержкой при температуре каления.

Корреляция технологических групп керамики с морфологическими типами, выделенными авторами публикации материалов памятника (Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1979, с. 154–155), позволила выявить такую взаимосвязь между ними: сосуды первой технологической группы имеют только горшковидную «колоколовидную» форму (рис. 2; 1–5); во вторую технологическую группу входят три баночных сосуда, два «колоколовидных» и восемь горшковидных сосудов с «яйцевидным» туловом и небольшим вогнутым дном (рис. 3 и 4). К третьей технологической группе отнесен, как уже говорилось, всего один баночный сосуд (рис. 2; 6) (табл. 4).

В результате изучения особенностей очертаний венчиков горшковидных сосудов, имеющих в настоящее время в коллекции памятника, сделаны некоторые наблюдения (табл. 5). Наибольшее разнообразие оформления венчиков выявлено в первой группе: практически каждый сосуд обладает особенностями очертаний верхней части. Общей чертой, объединяющей сосуды первой группы, является некоторая уплощенность края венчика. Ее наличие, по-видимому, может быть объяснено технологией конструирования, которая предусматривала этап, на котором сосуд ставился вверх дном. Кроме того, само конструирование верхних частей происходило в форме-емкости, и край венчика находился внизу на плоскости, на которой стояла модель. Интересно, что только три сосуда данной группы имеют четкое оформление «воротничка». У одного сосуда он полностью отсутствует (рис. 2; 2), хотя подчеркнутый желобок в месте перехода горловины в плечики и создает впечатление утолщения внешней стороны венчика. У второго сосуда он выражен очень слабо, скорее, в виде наплыва на внешней стороне венчика, что было обусловлено изготовлением его в форме-емкости (рис. 2; 1). Все же горшковидные сосуды второй группы имеют плавно расширяющуюся наружу горловину, приоткрытый край венчика и четко выраженный «воротничок» (табл. 5). Эти наблюдения свидетельствуют о несформированности представлений о форме «воротничка» среди изготовителей керамики первой группы и определенной устойчивости форм во второй группе (табл. 5).

Таблица 4. Корреляция форм сосудов и технологических групп

Типы керамики	1 группа	2 группа	3 группа
баночные	–	3	1
горшки с яйцевидным туловом	–	8	–
колоколовидные	6	2	–
всево сосудов	6	13	1

Таблица 5. Морфологические особенности венчиков

Форма венчиков					Всего учтено сосудов
1 группа	1	2	1	1	5
2 группа	–	–	–	7	7

Таблица 6. Основные приемы орнаментирования

Способы орнаментирования	1 группа	2 группа	3 группа
<i>прочерчивание</i>	5/83%	7/54%	1/100%
<i>штампование</i> : всего	1/17%	6/46%	–
гребенчатый длинный прямой штамп	1/17%	3/23%	–
гребенчатый длинный изогнутый штамп	–	1/8%	–
гребенчатый короткий штамп	–	2/16%	–
<i>шагание с протаскиванием</i> , зубчатый штамп	3/50%	9/64%	–
<i>накальвание</i>			
круглые ямки снаружи	–	4/32%	–
круглые ямки изнутри	–	1/8%	1/100%
круглые неглубокие ямки снаружи	–	1/8%	–
овальные насечки	1/17%	4/32%	–
<i>Отступление</i>	–	–	1/100%
% от общего количества сосудов	6	13	1

Интересные результаты получены при сравнении *технологических групп и способов орнаментации* (табл. 6). Вначале следует уточнить термины, которые употребляются в работе для обозначения орнаментов. Под «гребенчатым» штампом мы понимаем искусственно созданный из твердых материалов орнаментир с четкими и, как правило, одинаковыми зубцами (рис. 7; 1, 2). К гребенчатым штампам может быть отнесен и штамп, сделанный на раковине, т. к. зубцы на ней пропиливались тоже сознательно. Чтобы отделить от них орнаменты естественного происхождения, оставляется на глине также гребенчатые оттиски, предлагается обозначить их как «зубчатые» штампы. Работы И. В. Калининой и Е. А. Устиновой убедительно показали связь их с челюстями животных. (Калинина И. В., Устинова Е. А., 1990). Такие штампы характеризуются различиями в размерах и форме зубцов. Дело в том, что изменение угла наклона челюсти к поверхности сосуда отражается на форме оттисков: появляются или исчезают отпечатки отдельных зубов или незубчатых частей челюсти, изменяется форма зубчиков (Калинина И. В., 1993, с. 16). Судя по публикации, наблюдаются некоторые черты сходства зубчатых отпечатков на части керамики Съезжинского могильника с оттисками, оставленными челюстями животных (Калинина И. В., Устинова Е. А., 1990). Для точ-

ной идентификации этих отпечатков с челюстными орнаментами определенных животных необходима эталонная база с оттисками орнаментов. Поэтому предположение об использовании подобных орудий для нанесения орнамента на изучаемом материале делается только в предварительном плане. Однако уже сейчас важно различать два основных вида орудий, использованных для орнаментации съезжинской керамики, каждый из которых обладает морфологическими особенностями. Для их разделения и вводятся термины «гребенчатый» и «зубчатый» орнаменты (сравним: рис. 6; 5–6 и рис. 7; 1–2) (табл. 6).

В таблице 6 представлены результаты корреляции технологических групп и способов нанесения орнаментов. Процент каждого способа нанесения и вида орнамента определялся отдельно, от общего числа сосудов, так как на одном сосуде довольно часто имеется их сочетание. Поэтому общее число сосудов представляет собой 100% по отношению к каждому способу. В рамках первой группы преимущественное распространение имело *прочерчивание* («протаскивание» по И. В. Калининой; далее мы придерживаемся терминологии, предложенной И. В. Калининой и Е. А. Устиновой, 1990). В качестве орнамента выступал твердый предмет с заостренным концом, ширина рабочего края которого составляла 1–2 мм.

Вторым по распространенности было шагание с протаскиванием, которое осуществлялось зубчатым штампом. Единично представлены штампование длинным прямым штампом и накальвание в виде глубоких овальных ямок под воротничком, но без жемчужин на внутренней стороне. Следует обратить внимание на следующее обстоятельство: в публикации материалов памятника орнамент на сосуде (Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1979, рис. 7, 5) обозначен как «резной» аналогично другому сосуду (там же, рис. 7, 4). На фотографии (рис. 6; 3-4 и 6) видно, что характер волнистых линий на сосудах различен. Если в первом случае они похожи на отпечатки плетения (рис. 6; 1-2, сравним с рис. 6; 3-4), то во втором они прочерчены твердым орудием (рис. 6; б). Может быть, мы имеем здесь дело с «псевдо-орнаментом» и «орнаментом в полном смысле», когда соответствующие узоры делаются от руки, или когда для воспроизведения плетения применяются специально изготовленные для этой цели штампы (Иванов С. В., 1963, с. 14-15).

Для второй технологической группы характерно большее разнообразие в приемах и орудиях орнаментирования. Прочерчивание по сравнению с первой группой использовалось реже (табл. 6). Устойчивым приемом орнаментирования было штампование гребенчатыми штампами разного размера и формы. Достаточно широкое распространение имело шагание с протаскиванием зубчатого штампа. В 4 случаях характер нанесения зубчатого штампа не ясен в силу плохой сохранности поверхности сосуда или затертости этого орнамента. можно предполагать как шагание с протаскиванием, так и отстушение с протаскиванием. Масовой была традиция накальвания на месте перехода горловины в плечики, под воротничком, круглых глубоких ямок, остающихся на другой стороне «жемчужины». В некоторых случаях вместо ямок в этом же месте наносился ряд овальных вдавлений. При осмотре сосуда второй группы (рис. 4; 2) было замечено, что внешняя поверхность воротничка первоначально была орнаментирована зубчатым штампом в технике шагания или отступания с протаскиванием. Потом этот орнамент был частично затерт еще по сырой глине, а поверх него нанесены отпечатки гребенчатого штампа (рис. 7; 5). Подобная ситуация отмечена и для сосуда с ушками, на поверхности которого заметны затертые следы зубчатого штампа. Факт использования одного и того же гребенчатого орнамента («крупнозубчатого штампа») для орнаментации двух сосудов разной формы: баночного и горшковидного с воротничком — был отмечен еще авторами публикации (Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1979, с. 157) (рис. 3, 2 и 5). Микроскопическое изучение

показало, что отпечатки штампа на этих двух сосудах действительно идентичны (рис. 7; 1-2). Орнамент общей длиной 3,9 мм и шириной 2 мм имел 14 зубцов прямоугольной и трапециевидной формы и был изготовлен из какого-то твердого материала (кость или камень). В отпечатках этого орудия на обоих сосудах фиксируются даже одни и те же погрешности, в частности двоедностность зубцов в одном месте. Различие состоит в механизме использования этого орудия или в разном положении сосудов во время операции орнаментирования: направленность штампа различна по отношению к венчику сосудов. Оба сосуда отнесены ко второй технологической группе. Однако в пластическом сырье этих сосудов имеются некоторые отличия, которые могли быть обусловлены особенностями осадконакопления вследствие определенного промежутка времени между двумя случаями добычи сырья из одного источника. Для сосуда баночной формы использовано илистое среднезапасоченное сырье с несколько большим содержанием раковины, имевшей более мелкие размеры, а бурый железняк крупнее (1-3 мм). Кроме того, на баночном сосуде отсутствуют следы красной краски, которые в незначительном количестве имеются на горшковидном сосуде. Конструирование обоих сосудов производилось на форме-основе по-видимому, с прокладкой из шкуры, лоскутным напелом. Только потом верхняя часть горшковидного сосуда наращивалась на начин, поставленный на плоскость или в какое-нибудь углубление, способом скульптурной лепки. Отмеченные особенности общих черт и различия технологии сосудов позволяют предполагать неодновременность их изготовления. Возможно, оба сосуда были сделаны одним и тем же человеком, но через определенный промежуток времени. Нельзя отрицать и вероятность изготовления горшковидного сосуда представителем следующего поколения гончаров, находившимся в родственной связи с первым и получившим от него орнаментир в «наследство».

Обращают на себя внимание стилистические особенности орнаментов на сосудах, относящихся к разным технологическим группам. Для первой и третьей групп характерно *неполное* заполнение поверхности сосуда орнаментом: украшена в основном зона венчика и верхней части тулова, иногда — придной части. Сосуды второй группы имеют преимущественно *полное* заполнение внешней поверхности орнаментом. Существенные различия отмечены в самих орнаментальных образах. Первой группе принадлежат образы в виде волнистых линий, сложных фигур — меандров, овальных и прямоугольных контуров, заполненных отпечатками зубчатого штампа; ромбов и косой решетки в единичных случаях. Сосудам второй группы свойствен-

ны горизонтальный зигзаг, горизонтальные ряды вертикальных и наклонных линий, а также ямок с жемчужинами. Орнаментальные зоны с повторяющимися образами ограничены разделителями в виде горизонтальных прямых и волнистых прочерченных линий, а также рядов овальных насечек.

Анализ орнаментальных традиций, распространенных в среде населения, оставившего могильник у с. Съезжее, позволяет выделить три различные группы, которые соответствуют выделенным технологическим группам. Они характеризуются совокупностью черт на трех структурных уровнях изобразительной деятельности: 1) на уровне общих представлений о содержании изображения, к которым относятся в том числе представление о полном или частичном заполнении пространства, обусловленного поверхностью сосуда; мотивы и образы орнамента; 2) на уровне воспроизведения изображения, т. е. инструментов-орнаментиров; 3) на уровне технологии создания изображения, т. е. способов выполнения орнамента (Цетлин Ю. Б., 1998, с. 95). Для *первой группы* характерны следующие черты: традиция неполного заполнения орнаментального пространства; сложные образы в виде меандров, овальных и прямоугольных фигур; инструменты, использованные при этом, представляли собой заостренный орнаментир и зубчатый штамп, реже гребенчатый штамп; способы нанесения орнамента – прочерчивание и шагание с протаскиванием, реже штампование и накальвание. Во *второй группе* были распространены: представления о полной заполненности орнаментального пространства; зональность с повторяющимися образами, подчеркнутая разделителями, – горизонтальными зигзагами, рядами вертикальных и наклонных линий, ямок с жемчужинами; орнаментами служили гребенчатые штампы разной формы, зубчатый штамп, заостренный орнаментир и округлый в сечении инструмент для нанесения ямок; техника воспроизведения орнамента – штампование, накальвание, шагание с протаскиванием, прочерчивание. Для *третьей группы* можно предполагать существование традиции неполного заполнения поверхности сосуда орнаментом; инструментов в виде плоской палочки и округлого в сечении орнамента, подобного второй группе; техники накальвания, отступления и прочерчивания.

Подводя общие итоги исследования керамики из могильника у с. Съезжее, мы пришли к следующим выводам. Несомненно, что данный памятник был оставлен несколькими, по крайней мере тремя, глубоко различными в культурном отношении группами населения.

Первой группе принадлежат горшковидные сосуды «колоколовидной» формы, изготовленные из истыстых глин с искусственно введенной дробле-

ной раковиной и органическим раствором, по-видимому, лоскутным налепом в формах-емкостях. Глина выступает здесь в роли основного пластического материала, т. е. гончарство данной группы населения можно отнести к архегончарным (Бобринский А. А., Васильева И. Н., 1998, с. 208). Этой же стадии гончарных производств соответствуют и более совершенные приемы обжига посуды данной группы с более длительными выдержками при температурах каления. Именно этой группе населения принадлежит идея формы горшковидного сосуда с четко выделенным горлом и «воротничковым» оформлением внешней стороны венчика. Обращает на себя внимание нестабильность и разнообразие в оформлении этого, впоследствии «культурозначимого», признака керамики самарской энеолитической культуры в первой группе сосудов Съезжинского могильника. Можно предположить, что сама эта группа населения была неоднородна, хотя и объединена общностью происхождения. Несомненно то, что под влиянием первой группы распространилась идея «воротничкового» оформления сосудов, нашедшая впоследствии устойчивую форму технологического выполнения этого элемента во второй группе населения, в среде которого подобный прием оформления ранее отсутствовал. В гончарстве населения, изготавливавшего керамику первой группы, были распространены традиции неполного заполнения орнаментом поверхности сосуда, сложные орнаментальные образы и технические способы их нанесения в виде прочерчивания и шагания с протаскиванием, а также прием окрасивания обожженных сосудов красной краской.

Вторая группа характеризуется смешанностью культурных традиций в гончарстве. Попробуем разделить их, исходя из морфологических особенностей сосудов. Баночные сосуды из коллекции Съезжинского могильника находят очень близкие аналогии в местном неолите (Васильев И. Б., Выборнов А. А., 1988, с. 28–30; Барыкин П. П., Козин Е. В., 1995, с. 149–150). Съезжинские сосуды подобного облика сделаны из илстого, содержащего песок, сырья, выступающего в роли моносурья; сконструированы в формах-основах лоскутным налепом; для них характерно в основном полное орнаментальное заполнение и использование гребенчатого штампа, а также накальвание ямок с жемчужинами на обратной стороне; обжиг производился с кратковременной выдержкой при температурах каления. В целом, на основании данных об использовании глиноподобного сырья в качестве моносурья и обжига с кратковременными выдержками, уровень гончарства этой группы населения можно определить как протогончарный. Технология изготовления горшко-

видных сосудов с воротничками, относящихся ко второй группе, практически ничем не отличается от баночных: глиноподобное сырье, лоскутный налет на форме-основе, режим обжига с кратковременной выдержкой, т. е. гончарство оставалось на стадии протогончарства. Однако появились новые черты: традиция использования слабозащеченных подвидов глиноподобного сырья; изготовление дополнительной зоны – верхней части сосудов посредством скульптурной лепки; распространение новых образов в орнаментах – волнистых линий (рис. 3, 4) и сложных геометрических фигур (рис. 4, 3 и 6); неполное заполнение поверхности орнаментом (рис. 4, 2); применение зубчатого штампа и частичное окрашивание сосудов красной краской. Необходимо отметить и прочное «закрепление» идеи воротничкового оформления венчика, что привело к созданию единообразного профиля у горшковидных сосудов. Можно предполагать, что все изменения, зафиксированные в гончарстве населения второй группы, произошли под воздействием первой группы в период их сосуществования на одной территории и активного смешения между ними. По мнению А. А. Бобринского, смешение носителей культурных традиций в гончарстве отражает также смешение и древнего населения в целом (Бобринский А. А., 1978, с. 242). Оставляем за рамками обсуждения роль и значение в этих процессах носителей гончарных традиций третьей группы, керамика которой представлена в материалах могильника одним сосудом.

Все вышеприведенные факты, полученные при изучении керамического материала могильника у с. Съезжее, склоняют к выводу о «пришлом» характере первой группы, т. к. материалы второй группы находят аналогии в памятниках предшествующего неолитического периода. Как известно, в ходе любых процессов культурного смешения между их участниками всегда возникают особые отношения *доминантности и рецессивности*, которые указывают направление распространения инокультурных традиций (Бобринский А. А., 1980, с. 57–59). Для эпохи первобытности степень доминантности и рецессивности контактирующих групп населения в конечном счете определяется их относительной численностью (Цетлин Ю. Б., 1998, с. 59). В процессе смешения между носителями различных культурных традиций, выявленном по материалам Съезжинского могильника, в качестве рецессивной оказалась «при-

шлая», по-видимому, немногочисленная группа. Она была ассимилирована местной средой, но дала толчок развитию новой культуры, археологически выделенной как «самарская» культура. Факт проникновения нового населения в Волго-Уралье в эпоху энеолита подтверждают и данные антропологии (Хохлов А. А., 1998, с. 16). С его появлением распространяется сама идея создания особых мест захоронения умерших сородичей, обособленных от поселений, и обряд погребения, характерный для мариупольского круга культур (Васильев И. Б., 1981). Возможно, именно данной группе населения принадлежали зооморфные изделия из кости, выполненные профессионально и в высокохудожественной манере (Васильев И. Б., 1981, табл. 7, 1–5, 7, 10–12), которые послужили объектом для подражания при изготовлении подобных предметов из кости и раковины, но с меньшим умением и мастерством (Васильев И. Б., 1981, табл. 7, 6, 13 и 18).

В археологической литературе весь комплекс могильника у с. Съезжее отнесен к самарской культуре. Результаты проведенного технологического исследования керамики памятника не противоречат этому заключению, а лишь позволяют вычленивать разные группы населения, участвовавшие в процессе культурного смешения, который в конечном счете привел к образованию новой культуры, и детализировать его. Передача культурной информации, которая происходит во время взаимодействия и смешения разных групп населения, приводит к взаимному культурному обогащению и развитию, а иногда к появлению качественно нового культурного явления. Необходимо учитывать, что процесс образования новой культуры, состав его «участников» в Среднем Поволжье мог быть значительно более сложным и неоднозначным, чем тот, что мы зафиксировали по материалам изучаемого памятника. Небольшое количество погребенных в могильнике у с. Съезжее говорит о непродолжительности его существования. Материалы данного памятника отражают лишь какой-то момент общего процесса культурных контактов в Волго-Уралье и образования нового энеолитического облика культуры населения данного региона, вероятнее всего, его начало. Возможно, дальнейшее всестороннее исследование технологии керамики других известных памятников этого периода Поволжья и сопредельных территорий поможет конкретизировать различные стороны данного процесса.

Список литературы

- Барынкин П. П., Козин Е. В. Стоянка Лебяжинка 1 и некоторые проблемы соотношения неолитической культуры в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья: межвузовский сборник, Самара, 1995.
- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский А. А. Гончарная технология как источник информации о процессах смещения древнего населения // Тезисы докладов советской делегации на 4 международном конгрессе славянской археологии. М., 1980.
- Бобринский А. А. К методике изучения обжига керамики // Первая Кубанская археологическая конференция: тезисы докладов. Краснодар, 1989.
- Бобринский А. А. О структуре и происхождении гончарной технологии // Памятники старины. Т. 1. С.-Пб. – Псков, 1997.
- Бобринский А. А., Васильева И. Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Поселение и могильник у села Съезжее (предварительная публикация) // Очерки истории и культуры Поволжья: межвузовский сборник. Куйбышев, 1976.
- Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА, 1979, № 4.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С., Моргунова Н. Л., Пенин Г. Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы: межвузовский сборник. Куйбышев, 1980.
- Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь // Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1981.
- Васильев И. Б., Синюк А. Т. Энеолит восточно-европейской лесостепи // Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1985.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь // Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1988.
- Волкова Е. В. Гончарство фатьяновских племен. М., 1996.
- Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – нач. XX вв.) // ТИЭ, 1963, т. 81.
- Калинина И. В., Устинова Е. А. Технологическая классификация нео-энеолитической керамики Уральского региона // АСГЭ, 1990, № 30.
- Калинина И. В. Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона // Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к. и. н. Санкт-Петербург, 1993.
- Лопатин В. А. Стоянка Озинки 2 в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: межвузовский сборник. Куйбышев, 1989.
- Моргунова Н. Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: межвузовский сборник. Куйбышев, 1989.
- Овчинникова Н. В. Лебяжинка 3 – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья: межвузовский сборник. Самара, 1995.
- Хохлов А. А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья эпохи неолита-бронзы // Автореферат канд. дисс. на соискание уч. ст. к. и. н. Москва, 1998.
- Цетлин Ю. Б. О древнейших культурных традициях предметной изобразительной деятельности человека // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998, вып. 3.
- Цетлин Ю. Б. Культурные контакты в древности // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998, вып. 3.
- Юдин А. И. Новые энеолитические памятники на р. Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия: межвузовский сборник. Куйбышев, 1986.

Приложение 1

Технология изготовления сосудов
из могильника у с. СЪЕЗЖЕЕ¹

1. Сосуд (63/863, 816, 817, 809) (рис. 2, 4) — имеет колоколовидную форму с воротничковым оформлением венчика. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда — светло-коричневые с розоватым оттенком. Излом черепка трехцветный: поверхностные слои мощностью 1–1,5 мм — светло-коричневые, сердцевина темно-серая мощностью 4,5–5 мм. Механическая прочность черепка значительная. На некоторых участках внешней поверхности и особенно в отпечатках орнамента прослеживается тонкий слой красной краски (охры?). Орнамент нанесен орудием с шириной закругленного рабочего края 3 мм, в виде прямых и ломаных линий, а также зубчатым штампом в технике шагания с протаскиванием. ИС — илистая глина первого подвиды. Естественные примеси: песок — очень мелкий, с размером частиц до 0,01 мм, единичны частицы кварцевого окатанного песка размером 0,1–0,2 мм. Бурый железняк оолитовой формы размером в пределах 1 мм. Значительно количество округлых плотных комочков слабозапесоченной глины размером 1–3 мм, красновато-коричневого цвета в поверхностных прослойках и темно-серого цвета — в среднем темно-сером слое. Единичные включения растительной органики представляют собой обрывки растительной ткани размером меньше 1 мм, в одном случае — фрагмент стебля растения размером диаметром 0,5 мм, длиной 1 см. ФМ — дробленая раковина с размером частиц 1–4 мм в условно средней концентрации + орг. раствор. Способ конструирования — зональный лоскутный налп с использованием выбивания. Спаи между элементами покрыты, как правило, белым налетом. Внутренняя и внешняя поверхности тщательно заглажены мягким материалом. Обжиг произведен с выдержкой при температуре каления. Сосуд отнесен к I технологической группе.

2. Сосуд (63/588; 590) (рис. 2, 1) — колоколовидной формы, с отогнутым наружу венчиком, имеющим небольшое внешнее утолщение. Дно — плоское, диаметром 5,5 см. Поверхность сосуда — желтовато-коричневая с серыми пятнами. В изломе черепок двухслойный: фрагмент верхней части сосуда имел внешний слой желтовато-коричневого цвета мощностью 0,5 мм и внутренний темно-серый слой 5 мм. Фрагмент придонной части сосуда наоборот изнутри имел осветленный слой мощностью 1 мм и остальной черепок (6 мм)

темно-серого цвета. Механическая прочность значительная. На внешней поверхности сосуда под слоем известковой корки фиксировались остатки красной краски. Орнамент нанесен орудием с шириной рабочего края 2 мм в технике прочерчивания, и зубчатым штампом в технике шагания с протаскиванием. Отпечатки волнистых линий на венчике, плечиках и на придонной части, по нашему мнению, являются результатом соприкосновения с плетеным материалом типа корзины, а не прочерчивания. ИС — илистая глина первого подвиды. Песок — мелкий, с размером частиц до 0,01 мм, встречаются единичные включения кварцевого окатанного песка 0,5–1 мм. Зерна бурого железняка оолитовой формы, размером 1 мм, встречаются в меньшем количестве, чем в сосуде № 1. Глинистые комочки имеют округлую форму и размеры в пределах 1–4 мм. В сером черепке они черные, на осветленных участках — красно-коричневые. Включения растительного характера — единичны, представляют собой обрывки растительной ткани меньше 1 мм. ФМ — глина + дробленая раковина с добавлением органического раствора. Раковины улиток и двусторок дробились до размера в основном меньше 2–3 мм, хотя отдельные включения достигают 1 см. Концентрация — условно средняя. Использование органического раствора фиксируется наличием пустот аморфной формы, размером от 1–7 мм, с белым и черным «кожистым» налетом. Способ конструирования — зональный лоскутный налп. Сосуд изготавливался в два приема, а потом составлялся. Дно сосуда «двойное»: прослеживаются четкие признаки его утолщения за счет навивания жгута от центра по спирали и на высоту 3 см. Орудие заглаживания не определяется. Обжиг сосуда произведен в нестабильной температурной среде (костер?) с выдержкой при температуре каления. Сосуд отнесен к I технологической группе.

3. Сосуд (63/439, 461) (рис. 2, 3). Судя по публикации И. Б. Васильева и Г. И. Матвеевой, сосуд имел колоколовидную форму с воротничковым венчиком. Поверхности светло-коричневого цвета с красноватым оттенком некоторых внешних участков, что было результатом, по-видимому, уплотнения или втирания красной краски после обжига. Черепок в изломе трехцветный: поверхностные светло-коричневые слои (1–2 мм) и сердце-

¹ Коллекция материалов могильника у с. Сьезжее хранится в фондах археологической лаборатории Самарского государственного университета. № 63.

вина серого цвета (4 мм). Некоторые участки сосуда были прокалены на половину черепка или насквозь. Орнамент нанесен на всю поверхность в технике прочерчивания орудием с узким рабочим краем шириной 1 мм. *ИС* – илистая глина первого подвида, аналогичная сырью сосуда № 1. *ФМ* – глина + раковина улиток и двустворок, дробленая до размеров меньше 2 мм с единичными включениями 4–5 мм + орг. раствор. *Конструирование* – лоскутный налеп. Внутренняя поверхность покрыта «приклепанным» слоем известковой корки. Внешняя – гладко заглажена, а впоследствии, видимо, затерта красной краской. Обжиг сосуда произведен с выдержкой при температуре каления. Сосуд отнесен к первой группе.

4. Сосуд (63/810, 813, 827) (рис. 2, 5) относится к типу колоколовидных сосудов с воротничковым венчиком. Поверхность сосуда изнутри и снаружи – светло-коричневая. Некоторые участки внешней поверхности имеют красноватый оттенок за счет нанесения ровного слоя красной краски. Следы красной краски встречаются и на внутренней поверхности. Излом черепка трехслойный: поверхностные слои – светло-коричневые, мощностью 1–2 мм, сердцевина – темно-серая (3–4 мм). Орнамент нанесен орудием с рабочим краем шириной 2 мм в виде волнистых линий и зубчатым штампом в технике шагания с протаскиванием. *ИС* – илистая глина, аналогичная сосуду 1. *ФМ* – глина + дробленая раковина + органический раствор. Раковина улиток и двустворок дробилась в основном до размера меньше 2 мм, хотя встречаются фрагменты 5–6 мм. Характер органического раствора аналогичен предыдущим. *Конструирование* – зональный лоскутный налеп. Довольно четко фиксируются следы крепления зоны, включающей венчик и участок перехода в плечики: наложение происходило с внешней стороны. Поверхности сосуда гладко заглажены, внутренняя – уплотнена по подсушенной основе твердым орудием типа гальки или костяного лощила. Механическая прочность черепка значительная. Обжиг сосуда произведен с выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к I технологической группе.

5. Сосуд (63/303) (рис. 2, 2) относится к типу колоколовидных сосудов, с расширяющейся наружу, четко выраженной горловиной и незначительным утолщением внешней стороны горловины. Внутренняя поверхность сосуда имеет темно-серый цвет, под слоем известковой корки фиксировался сплошной слой нагара черного цвета. Внешняя поверхность – пятнистая, серовато-коричневая; на некоторых участках венчика – следы красной краски. Излом двухслойный: снаружи слой светло-коричневого цвета, мощностью 1–2 мм, остальная часть – буровато-серая (3–4 мм).

Орнамент на тулове нанесен гребенчатым штампом с четко выраженными трапецевидными и прямоугольными зубчиками высотой 3 мм. Орнамент на венчике нанесен другим штампом с узкими, нечетко выраженными зубчиками. *ИС* – илистая глина, аналогичная сосуду № 1. *ФМ* – глина + дробленая раковина в концентрации несколько меньшей, чем в предыдущих сосудах + органический раствор, оставляющий после высыхания и обжига значительное количество аморфных пустот с интенсивным белым налетом. *Способ конструирования* определяется как лоскутный с выбиванием. Заглаживание гладкое, внутренняя поверхность уплотнялась орудием типа гальки или кости по подсушенной основе. Механическая прочность сосуда значительная. Обжиг производился с выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к I технологической группе.

6. Сосуд (63/102, 564) – небольшого размера, имеющий колоколовидную форму с воротничковым оформлением внешней стороны горловины. Имеет светло-коричневый цвет поверхностей и трехслойный излом: поверхностные слои светло-коричневые, мощностью 0,1–3 мм, сердцевина – серая (2 мм). Орнамент нанесен острым орудием с рабочим краем шириной 1 мм в технике прочерчивания. Под воротничком имеется ряд овальных глубоких наколов. Менее глубокие отпечатки такого же орнамента расположены на внутренней стороне пристроенного венчика. Механическая прочность значительная. *ИС* – илистая, аналогичная сосуду 1. *ФМ* – глина + дробленая раковина, в несколько меньшей концентрации, чем в сосуде 1 (аналогично сосуду 5), + органический раствор. *Конструирование*: лоскутный налеп. Внутренняя поверхность заглажена мягким материалом. Обжиг производился с выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к I технологической группе.

7. Сосуд (63/819, 346, 829, 812, 846) (рис. 4, 4) имеет колоколовидную форму с воротничковым оформлением венчика. Внешняя поверхность пятнистая: светло-коричневая с серыми пятнами. Внутренняя, в основном, темно-серая. Излом верхней части сосуда трехслойный: поверхностные слои – светло-коричневые, мощностью 0,5 мм, сердцевина – черная, мощностью 6 мм. В придонной части черепок двухслойный: внешний слой коричневый (1 мм); остальная часть черная (6 мм). Механическая прочность черепка меньше, чем в I группе. Незначительные остатки красной краски фиксируются в отпечатках орнамента, под слоем известковой корки. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда. Он нанесен зубчатым штампом, характер техники нанесения штампа не ясен из-за плохой сохранности поверхности и за-

тертости самого орнамента, поверх которого прорисованы волнистые линии орудием с рабочим краем шириной 2 мм. Место перехода венчика в плечики подчеркнуто рядом овальных насечек. *ИС* – запесоченное илистое сырье с естественными примесями *песка* (0,1–0,5 мм), окатанного кварцевого и плоского темно-серого; *бурого железняка* оолитовой формы 1 мм; обломков *раковины* улиток и двусторок в небольшой концентрации; *растительной органики*, представленной обрывками растительных тканей меньше 1 мм, стеблями длиной до 1 см, участками переплетенных нитевидных растений (водорослей?) до 4 мм, в небольшой концентрации. О возможности добавления в это сырье органического раствора свидетельствуют пустоты с прозрачным блестящим и белым налетом. *Конструирование*: зональный лоскутный налеп. По-видимому, отдельно делались верхняя и нижняя половины сосуда. Поверхности гладко заглажены. Обжиг – костровой, с незначительной выдержкой при температурах каления. Сосуд относится к группе II-1.

8. **Сосуд** (63/2) (рис. 4, 5) – имеет горшковидную форму с отогнутым наружу горлом и слабо выраженным воротничком. Цвет поверхностей: светло-коричневый, черепок в изломе трехслойный: поверхностные светло-коричневые слои – 0,1–1 мм, сердцевина черного цвета – 7 мм. В отпечатках орнамента прослеживаются незначительные остатки красной краски. Сосуд орнаментирован по венчику зубчатым штампом в технике отступания или шагания с протаскиванием, поверх чего нанесены узкие насечки. Место перехода венчика в плечики и край венчика с обеих сторон орнаментировано округлыми неглубокими вдавлениями штампа со своеобразными неровностями, напоминающими поверхность коренного зуба. На плечиках прорисованы две параллельные волнистые линии орудием с рабочим краем 1 мм. *ИС* – запесоченное илистое сырье, аналогичное сосуду 7. В *ФМ* возможно присутствие органического раствора. *Способ конструирования* не определяется вследствие небольшого размера фрагмента. Внешняя поверхность имеет гладкое заглаживание, на внутренней поверхности венчика поверх гладкого заглаживания фиксируются следы наклонного заглаживания твердым предметом типа гребенчатого штампа. Обжиг произведен с незначительной выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к группе II-1.

9. **Сосуд** (6/15) (рис. 4, 7) баночной формы с серовато-коричневым цветом поверхностей. Черепок в изломе трехслойный: поверхностные светло-коричневые слои мощностью 1–2 мм, сердцевина черного цвета – 6–7 мм. Сосуд орнаментирован тремя рядами оттиков короткого гребенча-

того штампа длиной 1,5 см, с нечеткими зубцами. По краю венчика – овальные насечки. *ИС* – запесоченное илистое сырье с естественными примесями: *песок* – бесцветный и цветной размером 0,1–0,2 мм, *включения окислов железа* в виде округлых и аморфных красных комочков размером меньше 0,5 мм; *глинистые комочки* округлой формы размером 1 мм; *раковина* улиток и двусторок в условно средней концентрации; *растительная органика* – обломки листьев, стеблей, скопления нитевидных растений (водоросли?), в концентрации, несколько большей, чем в предыдущих сосудах. Обнаружен фрагмент кости рыбы размером 1 мм. В *ФМ* присутствовал органический раствор, от которого остались пустоты с белым налетом. Способ конструирования точно не определяется, предположительно – лоскутный налеп. Сосуд гладко заглажен. Обжиг произведен с кратковременной выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к группе II-1.

10. **Сосуд** (63/679, 438, 685) (рис. 4, 8) представлен крупным фрагментом верхней части горшковидного сосуда с невысоким отогнутым наружу горлом и приотстренным краем венчика. Воротничок практически не фиксируется. Поверхность светло-коричневого цвета. Излом черепка трехслойный: поверхностные светло-коричневые слои 0,5–1 мм; сердцевина черного цвета – 6 мм. На внешней и внутренней поверхностях фиксируются следы красной краски. В обожженном сосуде были просверлены два отверстия под венчиком. Орнамент нанесен на всю поверхность сосуда зубчатым штампом в технике шагания с протаскиванием, а также прямыми и ломаными прорисованными линиями. Переход венчика в плечики обозначен рядом округлых ямок на внешней поверхности, с внутренней стороны – жемчужинами. *ИС* – запесоченное илистое сырье, аналогичное сосуду № 8. Возможно присутствие в *ФМ* органического раствора. *Способ конструирования*: лоскутный налеп посредством небольших лоскутков (около 2 см). Внешняя поверхность гладко заглажена. Изнутри горло сосуда обрабатывалось деревянным ножом; тулово – кожей, фиксируются участки со статическими отпечатками шкуры животного, что позволяет предполагать использование при конструировании формы-основы с прокладкой из шкуры. Обжиг производился с кратковременной выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к группе II-1.

11. **Сосуд** (63/693) (рис. 4, 6) записован и находится в экспозиции музея СамГУ. Имеет горшковидную форму, яйцевидное тулово и расширяющееся наружу горло с воротничком. Цвет – светло-коричневый. Черепок трехслойный: поверхностные светло-коричневые слои 0,1–4 мм, сер-

дцевина – черная, мощностью 2–3 мм. Орнамент нанесен зубчатим штампом в технике шагания с протаскиванием и прочерчиванием; место перехода венчика в плечики подчеркнуто рядом ямок, оставшихся с внутренней стороны жемчужины. По плоскому краю венчика идет ряд дузубого гребенчатого штампа. *ИС* – запесоченное илистое сырье с естественными примесями песка размером 0,1–0,2 мм и меньше, хотя единично встречаются частицы до 0,5 мм; включениями окислов железа ярко-красного цвета в виде комочков 0,5 мм и бурого оолитового железняка 1 мм; раковины – в небольшом количестве. Растительная органика – фрагменты листьев, стеблей, нитевидных включений в концентрации, несколько большей по сравнению с сосудом № 8. Обнаружен отпечаток чешуи рыбы овальной формы длиной 1 см. Возможно присутствие в *ФМ* органического раствора. *Способ конструирования* не определяется, сосуд полностью заглипсован. Обжиг – с кратковременной выдержкой при температурах каления. Отнесен к группе П–1.

12. **Сосуд (63/852, 855)** (рис. 3, 5) представляет собой развал верхней части сосуда баночной формы (на плане раскопа – развал № 5). Поверхность сосуда светло-коричневая с серыми пятнами. Черепок в изломе трехслойный: поверхностные слои светло-коричневого цвета мощностью 0,5 мм, сердцевина – черная, 6 мм. Внешняя поверхность гладко заглажена и орнаментирована гребенчатым штампом в виде прямых горизонтальных линий. Штамп длинный – 3,5 см, состоит из стоящих отдельно 14 зубцов трапециевидной и прямоугольной формы. По внутреннему срезу венчика расположены отпечатки гребенчатого штампа, состоящего из 3 зубцов. С внешней стороны под краем венчика нанесен горизонтальный ряд округлых ямок, оставшихся на внутренней стороне жемчужины, которые были заглажены впоследствии. В 2 см ниже пояса ямок идет ряд овальных неглубоких вдавлений. Механическая прочность черепка меньше, чем у сосудов I группы. *ИС* – среднезапесоченное илистое сырье с естественной примесью песка, бурого железняка, раковины и растительной органики. Имеются комочки среднезапесоченной глины, насыщенной окислами железа, глины размером 1–3 мм. Встречаются также более плотные, темно-серые комочки глины. Обломки раковин улиток и двустворок единичны. Растительные остатки представлены фрагментами стеблей, листьев, нитевидных растений длиной 0,1–1 см. Концентрация – условно средняя. Обнаружено два включения костей рыбы размером 1–2 мм. Введение органического раствора в *ФМ* фиксируется наличием белого вещества в аморфных пустотах и на спаях между стро-

ительными элементами. *Конструирование* – спиральный лоскутный налеп. Размеры лоскутков: в пределах 2 см. Направление слаяв указывает на наращивание строительных элементов от устья сосуда ко дну. Наличие слабо заглаженных участков на внутренней поверхности сосуда со статическими отпечатками волос свидетельствует об использовании формы-основы с кожаной прокладкой. Можно предполагать, что конструирование сосуда велось спиральным наложением небольших лоскутков на форму-основу снизу вверх. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда тщательно заглажены мягким материалом. Обжиг производился с кратковременной выдержкой при температуре каления. Сосуд отнесен к группе П–2.

13. **Сосуд (63/3, 63/1)** (рис. 3, 3) представлен развалом верхней части баночного сосуда. Внешняя поверхность – светло-коричневая с серыми пятнами, внутренняя – темно-серая. Черепок в изломе двухслойный: внешний слой светло-коричневый, мощностью 2–3 мм, внутренний – черный, мощностью 5 мм. Механическая прочность меньше сосудов I группы. Сосуд орнаментирован оттисками слегка изогнутого гребенчатого штампа длиной 2,5 см с 6 зубцами в виде наклонных разнонаправленных рядов. В 1,5 см ниже края венчика с внутренней стороны нанесен ряд округлых глубоких ямок, оставшихся на внешней поверхности горизонтальный ряд четко выраженных «жемчужин». Обращает на себя внимание последовательность нанесения орнамента: вначале была орнаментирована внешняя поверхность гребенчатым штампом, а затем изнутри сделаны ямочные вдавления. *ИС* – среднезапесоченное илистое сырье с естественной примесью песка, бурого железняка, раковины и растительной органики. Характер этих примесей аналогичен предыдущему сосуду за исключением количества обломков раковины: в данном сосуде концентрация условно «небольшая». В черепке обнаружено два фрагмента кости рыбы. На внешней поверхности сосуда имеется обломок ребра длиной 2 мм, в изломе – фрагмент костной ткани черного цвета размером 1,5 мм. В *ФМ* фиксируются пустоты с черным маслянистым и белым веществом. *Конструирование* аналогично сосуду № 12. Верхняя часть внутренней поверхности на 5 см вниз заглажена горизонтальными и наклонными мазками деревянного ножа типа гребенчатого штампа. Внизу фиксируются статические складки и отпечатки волос, заглаженные впоследствии кусочком кожи – следы прокладки в форме-основе. Обжиг произведен с кратковременной выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен у группе П–2.

14. **Сосуд (63/696, 977)** (рис. 3, 4) в настоящее время представлен двумя фрагментами «ушек» – овальных, приподнятых над краем венчика участ-

ков с двумя отверстиями под ними. Поверхность сосуда светло-коричневая. Излом трехслойный: поверхностные слои светло-коричневые мощностью 1–2 мм, сердцевина – темно-серая, 4 мм. На внешней и внутренней поверхностях наблюдаются остатки красной краски. Орнамент нанесен зубчатым штампом в технике отступания или шагания с протаскиванием, поверх него – орудием с шириной рабочего края 1 мм прочерчены волнистые линии. *ИС* – среднезапасоченное илистое сырье с естественной примесью песка размером меньше 0,1 мм, бурого железняка, округлых плотных комочков глины 1–2 мм, раковины и растительной органики, аналогичных сосуду № 13. По-видимому, пустоты с белым и ржавым налетом связаны с органическим раствором. *Способ конструирования* не определяется. Поверхность гладко заглажена. Обжиг произведен с кратковременной выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к группе П–2.

15. **Сосуд (63/884)** (рис. 3, 1) относится к горшковидным сосудам с яйцевидным туловом и отогнутым наружу горлом с внешним воротничковым оформлением. Внутренняя и внешняя поверхности – светло-коричневые с серыми и темно-серыми пятнами. Поверхностные осветленные слои неравномерны: от 0,1 до 1,5 мм. Серцевина черная, мощностью 4–6 мм. На внешней поверхности венчика имеются следы красной краски. Механическая прочность меньше сосудов I группы. Внешняя поверхность сосуда полностью орнаментирована зубчатым штампом в технике отступания и шагания с протаскиванием. По воротничку поверх отпечатков зубчатого штампа прочерчена волнистая линия орудием с рабочим краем шириной 1,5 мм. По тулову нанесены прямые горизонтальные линии также в технике прочерчивания. Ширина ложбинок 2 мм. Под воротничком имеется ряд овальных вдавлений. *ИС* – среднезапасоченное илистое сырье с естественной примесью песка, бурого железняка, многочисленных комочков глины 1–2 мм, раковины и растительных остатков, аналогичных сосуду 13. В черепке обнаружены аморфные пустоты с белым налетом. *Конструирование*: зональный лоскутный налеп. По имеющимся в наличии обломкам фиксируется по крайней мере две зоны: горловина и часть плечиков (ширина зоны – 6 см) и зона нижней части, которая имеет признаки налепливания лоскутов по спиралевидной траектории на форме-основе, снизу вверх (от устья к дну). На внутренней поверхности сосуда прослежены морщинистые незаглаженные участки и статические отпечатки волос, что может говорить об использовании прокладки из шкуры. Размер лоскутов 2–3 см. Внешняя поверхность «замы-

та», характер орудия заглаживания не определяется. Внутренняя поверхность нижней части сосуда заглажена мягким материалом. Горловина и часть плечиков первоначально были обработаны деревянным ножом (гребенчатым штампом?), а сверху уплотнены. Обжиг производился с кратковременной выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к группе П–2.

16. **Сосуд (63/353, 342, 361)** (рис. 3, 2) является самым крупным в коллекции и имеет яйцевидное тулово и небольшое вогнутое дно. Горловина отогнута наружу, внешняя сторона оформлена в виде воротничка. Поверхность сосуда светло-коричневая с серыми пятнами. Излом в разных местах сосуда различен: в одном случае он двухслойный: внутренний осветленный слой – 1 мм, остальная часть черная – 10 мм, в другом – трехслойный: поверхностные осветленные слои по 0,5 мм, сердцевина черная, мощностью 7 мм. Внешняя поверхность полностью орнаментирована оттисками гребенчатого штампа в виде горизонтальных параллельных линий. На венчике оттиски штампа вертикальные. Орнамент разделен на зоны шириной 4–5 см, разграниченные горизонтальными рядами вертикальных овальных вдавлений. Нужно отметить, что гребенчатый штамп, использованный при орнаментации данного сосуда, идентичен орудью, которое применялось для орнаментации сосуда 12. Полностью совпадают размерности, форма, последовательность и особенности зубцов (рис. 7, 1 и 2). По краю венчика и на дне обнаружены слабые следы красной краски. *ИС* – среднезапасоченное илистое сырье с естественной примесью песка, бурого железняка, глинистых комочков, раковины, растительной органики, аналогичное сосуду 12. Отличием является меньшее количество растительных остатков. В черепке присутствуют аморфные пустоты с белым веществом. На спаях также отмечены белые паутинообразные пленки. *Конструирование*: зональный спиралевидный лоскутный налеп. Размеры лоскутов 2–3 см. На внутренней поверхности фиксируются участки со складками и статическими отпечатками волос. Сосуд конструировался на форме-основе с прокладкой из шкуры, снизу вверх. Форма-основа была, видимо, полая, и дно наращивалось над отверстием. После того, как заготовка после некоторого просушивания ставилась на дно, оно слегка прогибалось вовнутрь. Программа начина определяется как емкостная. Верхняя часть сосуда: венчик и часть плечиков на высоту 5–6 см – примазывалась к этой заготовке, стоящей уже на дне. Внутренняя поверхность заглаживалась мягким материалом. Внешняя уплотнялась лошилком. Обжиг сосуда производился с кратковременной выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к группе П–2.

17. **Сосуд** (63/87) (рис. 4, 3) относится к горшковидным сосудам с отогнутым горлом и воротничковым оформлением венчика. Поверхность светло-коричневая со светло-серыми пятнами. Излом трехслойный: поверхностные осветленные слои мощностью 0,5 мм и сердцевина черная – 6,5–7 мм. Сохранившаяся часть сосуда орнаментирована следующим образом: под воротничком идет горизонтальный ряд округлых ямок, образующих на внутренней стороне «жемчужины». Под ним нанесены две параллельные волнистые линии, прочерченные орудием с рабочим краем 1 мм. Этим же орудием наносились очертания, по-видимому, меандровых фигур, заполненных полностью зубчатым штампом в технике шагания с протаскиванием. На внешней поверхности зафиксированы следы красной краски. *ИС* – слабозапесоченное илистое сырье с естественной примесью небольшого количества кварцевого окатанного бесцветного песка с размером зерен меньше 0,5 мм; оолитового бурого железняка 1–2 мм; комочков слабозапесоченной глины округлой формы 1–2 мм; единичных мелких включений обломков раковины улиток и двустворок; растительных остатков в условии небольшой концентрации, представленных мелкими обрывками листьев, стеблей, нитевидных растений. В *ФМ* присутствуют аморфные пустоты с белым паутинообразным налетом. Подобный налет прослеживается и по спаям между строительными элементами. *Конструирование*: зональный лоскутный налет: при данной сохранности сосуда фиксируется только одна зона высотой 6–7 см (горло и место перехода в плечики). Внешняя поверхность тщательно заглажена мягким материалом, внутренняя – деревянным ножом типа гребенчатого штампа, горизонтальными и наклонными мазками. Обжиг сосуда произведен с кратковременной выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к группе II–3.

18. **Сосуд** (63/79, 410) (рис. 4, 2) представляет собой развал верхней части с отогнутым наружу горлом и воротничковым оформлением венчика. Поверхность – коричневая с серыми пятнами. Излом трехслойный: поверхностные осветленные слои 1–2 мм, сердцевина черная – 6 мм. Сосуд орнаментирован оттисками зубчатого и гребенчатого штампов. Причем зубчатым штампом в технике отступания или шагания с протаскиванием был первоначально орнаментирован воротничок, а потом поверх этих отпечатков, которые были частично затерты, нанесены вертикальные оттиски прямого гребенчатого штампа длиной 1,5–1,6 мм. Характер отпечатков на тулове говорит о том, что орнамент наносился разными штампами. Следы красной краски обнаружены на внутренней и внешней поверхностях сосуда. *ИС* – слабо-

запесоченное илистое сырье, аналогичное сосуду 17. Отличен песок – в данном сосуде он представлен фракцией < 0,01 мм и единичными включениями меньше 0,1–0,2 мм. Присутствие органического раствора фиксируется по пустотам с белым налетом. *Конструирование* аналогично сосуду 17. Внутренняя поверхность уплотнена лошилом по подсушенной основе. Внешняя поверхность имеет гладкое заглаживание, характер орудия не определяется. Обжиг произведен с кратковременной выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к группе II–3.

19. **Сосуд** (63/88, 24,) (рис. 4, 1) имеет горшковидную форму с воротничковым оформлением венчика. Поверхность сосуда светло-коричневая с серыми пятнами. Излом трехслойный: верхние осветленные слои 0,5–2 мм, сердцевина черная, мощностью 6 мм. Орнамент нанесен зубчатым штампом по тулову в виде вертикальных зигзагообразных линий; на дне – гребенчатым штампом по периметру. На линии перехода стенок в днище – ряд овальных вдавлений. *ИС* – слабозапесоченное илистое сырье с естественной примесью песка, бурого железняка, комочков глины – темно-серых плотных и рыхлых, насыщенных окислами железа, размером 1–2 мм; единичных включений раковины, в основном, меньше 1 мм, иногда достигающих 6–7 мм; растительных остатков (стебли, листья, нитевидные растения). В черепке обнаружен овальный отпечаток чешуи рыбы (рис. 5, 3). Органический раствор фиксируется по пустотам с прозрачной пленкой и белым паутинообразным налетом. *Конструирование*: зональный лоскутный налет, аналогичный способу изготовления сосуда 16: с использованием поллой формы-основы с прокладкой. Внутренняя поверхность заглажена мягким материалом. Характер обработки внешней поверхности не определяется. Обжиг произведен с кратковременной выдержкой при температурах каления. Сосуд отнесен к группе II–3.

20. **Сосуд** (63/810, 814) (рис. 2, 6) представлен фрагментом верхней части баночного сосуда. Поверхность темно-серая с небольшими осветленными участками. Излом трехцветный: поверхностные слои – темно-коричневые 0,1–1 мм, сердцевина – черная, мощностью 6 мм. Сосуд орнаментирован овальными глубокими ямками, нанесенными изнутри в 1,5 см от края венчика, образующими на внешней поверхности «жемчужины». Край венчика украшен такими же вдавлениями. Ниже жемчужин расположены три горизонтальные линии, нанесенные орудием с рабочим краем 3 мм в технике отступания. Поверх этих линий прочерчен орнамент в виде зигзага орудием с острым концом (ширина меньше 1 мм). *ИС* – илис-

тая глина второго подвида. Песок – бесцветный и цветной, в основном, меньше 0,1–0,2 мм, единично встречается более крупный до 0,5 мм, а также плоский темно-серый и черный песок с размером частиц до 1 мм. Включения окислов железа в виде красных, аморфных комочков, размером до 1 мм. Встречаются рыхлые глинистые включения размером около 1 мм, с песком, насыщенные окислами железа. Обломки раковины единичны (на 1 см² – 5–6 включений), размером в основном

меньше 1 мм, хотя отдельные достигают 6–7 мм. Растительные остатки не зафиксированы. Наличие органического раствора определяется по пустотам и спаям с белым и пепельно-серым налетом. *Конструирование*: лоскутный налеп. Внешняя поверхность была, по-видимому, залощена, внутренняя – шероховатая. Точно характер обработки не определяется. Сосуд обожжен при кратковременной выдержке в температуре каления. Отнесен к группе III.

Подписи к рисункам

Рис. 1. Фрагмент плана раскопа могильника у с. Съезжее с месторасположением технологических групп керамики.

Рис. 2. Керамика могильника у с. Съезжее. 1–5 – группа I; 6 – группа III

Рис. 3. Керамика могильника у с. Съезжее (группа II–2).

Рис. 4. Керамика могильника у с. Съезжее. 1–3 – группа II–3; 4–8 – группа II–1

Рис. 5. Исходное сырье и формовочные массы керамики могильника у с. Съезжее. 1 – включение фрагмента раковины естественного характера (№ 63/679); 2 – раковина, искусственно введенная в формовочную массу (№ 63/810); 3 – отпечаток чешуи (№ 63/88); 4 – отпечаток чешуи (№ 63/693); 5 – обломок улитки (№ 63/590); 6 – включение кости рыбы (№ 63/265)

Рис. 6. Конструирование и орнаментация керамики могильника у с. Съезжее. 1 – фрагмент поверхности корзины, сплетенной из стеблей рогоза; 2 – отпечаток этой корзины в глине; 3–4 – следы плетения на сосуде (№ 63/588); 5 – зубчатый штамп (№ 63/88); 6 – прочерчивание и зубчатый штамп (№ 63/863).

Рис. 7. Конструирование и орнаментация керамики могильника у с. Съезжее. 1 – гребенчатый штамп (№ 63/855); 2 – гребенчатый штамп (№ 63/342); 3 – следы тканевой прокладки на днище сосуда (№ 63/588); 4 – профиль днища сосуда (№ 63/588); 5 – отпечаток зубчатого штампа и нанесенного поверх него гребенчатого штампа на сосуде (№ 63/79); 6 – прорисовка профиля днища сосуда (№ 63/588)

В Г Д Е Ж З И К Л М Н

6
5
4
3
2
1

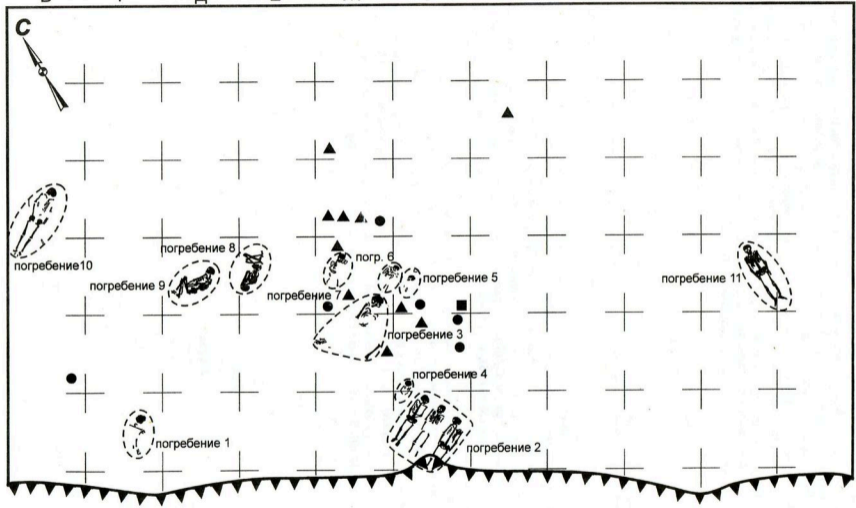
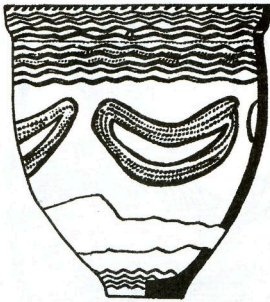

Рис. 1

210

● керамика I группы
 ▲ керамика II группы
 ■ керамика III группы

0 400 см

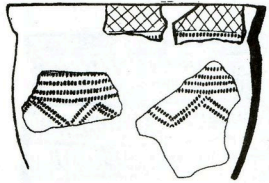
1

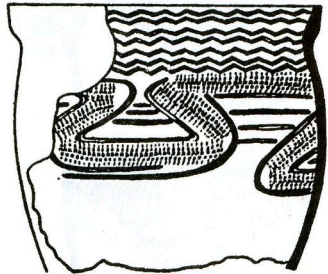
3

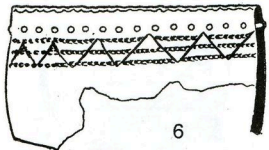
5

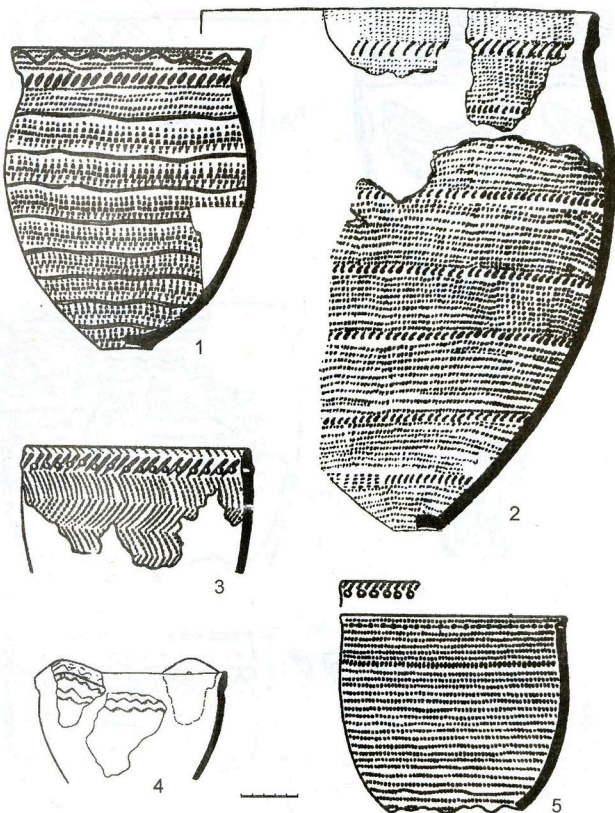
2

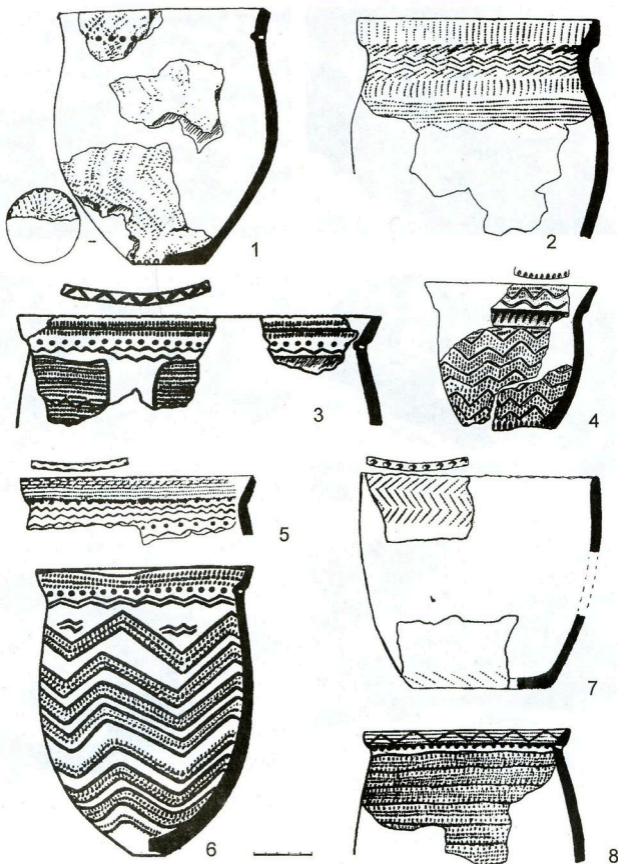

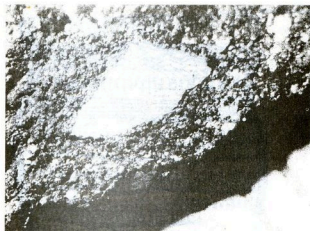
4

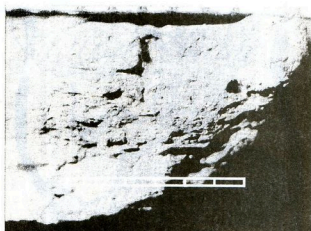
6

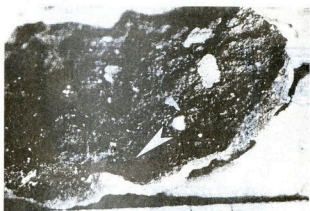

1

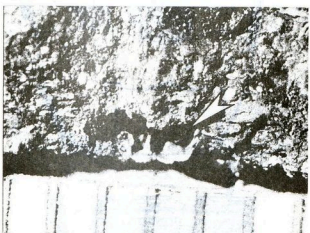
2

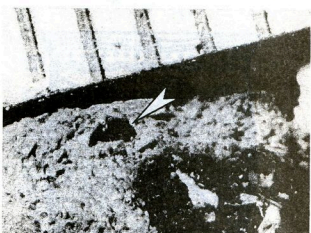
3

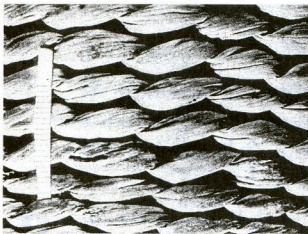
4

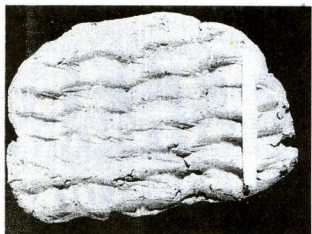
5

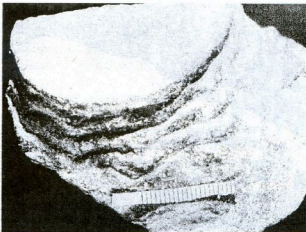
6

1

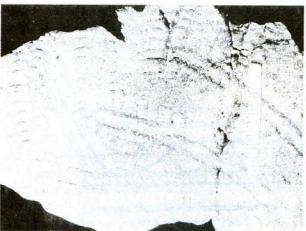
2

3

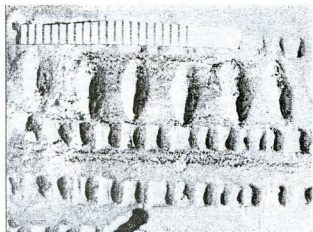
4

5

6

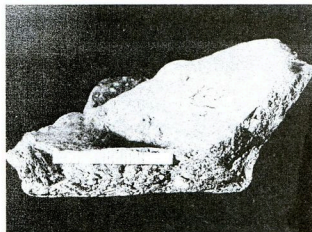
1

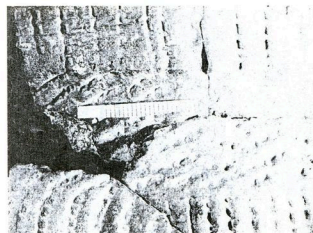
2

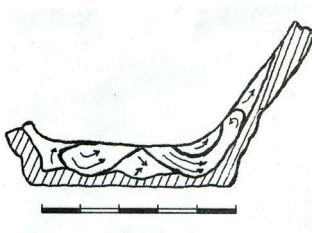
3

4

5

6

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ПАЛЕОПОЧВОВЕДЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ИЛЕКСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ НА ЮГЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В составе комплексной Илекской экспедиции Института археологии РАН (рук. д. и. н. Яблонский Л. Т.) у с. Покровка Соль-Илецкого района Оренбургской области в 1992–1997 годы помимо археологических работ по почвоведению. Ими проводились исследования палеопочв и природной обстановки прошлых эпох на данной территории, а также изучались различные археологические объекты с использованием комплекса методов не только почвоведения, но и других естественных наук. Цель данной работы – рассмотреть разнообразие методов, использованных почвоведом при исследовании палеопочв, природной обстановки и различных археологических объектов, оценить возможности методов в применении конкретно для изучения палеопочв могильников у с. Покровка, а также подвести итоги палеопочвенного изучения указанной территории за пять лет, сопоставить выводы, полученные разными исследователями. При рассмотрении набора методов и полученных результатов схематично описаны ранее опубликованные данные и более подробно – те методы и результаты, которые публикуются впервые.

ОБЗОР МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

1. Исследование собственно почв

За пять лет исследованы палеопочвы 62 курганных могильников Покровка 1, 2, 7, 8, 10, расположенных на 1-ой и 2-ой надпойменных террасах рек Илека и Хобды (Демкин, Рысков, 1993, 1994; Песочина, Зайцев, 1996; Рысков, Демкин, 1995; Хохлова, 1996 и наши неопубликованные данные полевого сезона 1997 года). Был использован набор методов, не только традиционно применяемых почвоведом, но и используемых в других науках.

Основным, базовым методом при изучении палеопочв, как обычно, явился полевой морфологический метод. Его применение предполагает детальное описание морфологических особенностей

почв в поле. При этом проводится сопряженный анализ почв курганных насыпей, ровиков (если таковые имеются), почв, погребенных под курганами, и современных почв неподалеку от памятника. Современные почвы служат фоновыми для остальных описанных почв, они должны занимать одинаковую с курганом или курганной группой позицию в рельефе и располагаться на ненарушенной поверхности, с которой не отбирался материал для сооружения курганов. В самом общем виде метод позволяет представить себе морфологические особенности, свойственные почвам того или иного хроносреза, провести сравнительный анализ.

При изучении почв курганных насыпей устанавливается стратиграфия и технология сооружения насыпи, степень переработки верхней ее части почвообразованием. Сравнение морфологических особенностей погребенной почвы и почвы насыпи позволяет ответить на вопрос, какие почвообразовательные процессы продолжают формирование почв данной территории и после момента погребения, а какие уже прекратили свою работу. Так, например, было выяснено для почв, погребенных в эпоху бронзы (3500 лет назад), что языковатость нижней границы гумусового горизонта имеет в этих почвах реликтовый характер и сформирована в предыдущие эпохи, поскольку в почвах насыпей курганов этого времени языковатость отсутствует (Демкин, Рысков, 1996 б).

При исследовании почв ровиков необходимо учитывать, что создание человеком искусственного понижения в микрорельефе сухостепной территории играет большую роль при перераспределении осадков по рельефу. В почвы ровиков влаги поступает больше, и они формируются при участии гидроморфного процесса. Это может сказаться на мощности темного гумусового горизонта, нижняя граница которого часто ошибочно принимается за нижнюю границу ровика, тогда как на деле исходная глубина ровика меньше. Корректировка исходной глубины ровиков проводится при рассмотрении материала, слагающего курганную насыпь. Так, например, если в погребенной почве

исследуемого кургана мощность горизонтов A1+B, из материала которых сложена курганная насыпь, составила не более 40 см, а мощность темного гумусового горизонта в почве ровика превышает эту величину, следует признать, что исходная мощность ровика была не более 40 см, а далее, после сооружения кургана, при дополнительном увлажнении в почве понижения образовался более мощный темный гумусовый горизонт. Такой случай описан, например, для кургана 12 курганной группы Покровка 1 (Рысков, Демкин, 1995).

При изучении фоновых почв, существующих на данной территории в современное время, проводится сравнительный анализ свойств современных и погребенных почв для выявления их сходства и различий.

Наиболее информативными морфологическими почвенными параметрами, изучаемыми в хронорядках почв с целью проведения палеоклиматических реконструкций в сухостепной зоне, к которой относится изучаемая территория, являются мощность гумусового горизонта, особенности проявления его нижней границы (ровная или языковатая граница), глубина вскипания от HCL, то есть граница появления карбонатов, мощность карбонатного горизонта, видимые формы карбонатных аккумуляций, их размер, количество, граница с вмещающим почвенным материалом, граница появления гипса и формы гипсовых аккумуляций, глубина залегания легкорастворимых солей, признаки солончатости.

Как правило, во времени мощность гумусового горизонта почв, погребенных во второй половине голоцена, растет и таким образом связана с абсолютным и относительным возрастом почв. Этот признак указывает на то, что в процессе эволюции почвообразованием прорабатывается все большая толща почвообразующей породы, и (в нормальном тренде) гумусовый горизонт (A1+B) «растет» вниз. Иногда из-за резкого изменения климатических условий в сторону, неблагоприятную для интенсивного гумусоаккумулятивного процесса, увеличение мощности гумусового горизонта может тормозиться, и тогда рассматриваемый параметр связан с биоклиматическими условиями.

Также необходимо учитывать, что наиболее значительное увеличение мощности гумусового горизонта отмечается в первые 200–400 лет почвообразования и затем резко снижается (Иванов, Черянский, 1996). При достижении почвой квазиравновесного состояния с факторами почвообразования и/или неизменности этих факторов мощность гумусового горизонта может оставаться постоянной довольно длительное время. Например, не отмечается изменения этой мощности

для рассматриваемой территории последние 1500–2000 лет, что свидетельствует о неизменности климатических условий в течение этого времени и «зрелости» гумусового профиля данных почв по отношению к существующим условиям среды. Иногда мощность гумусового горизонта современных почв может быть даже меньше по сравнению с почвами позднесарматского времени из-за неблагоприятного антропогенного воздействия (длительная пахота, агрогенная эрозия, перевыпас).

Языковатость границы гумусового горизонта свидетельствует о процессе растрескивания почвенной массы и засыпании гумусового материала в трещины. Проявляется процесс растрескивания может либо в результате резкого иссушения верхней части профиля летом, либо значительно промораживания (морозобойное растрескивание) в зимнее время. Процесс растрескивания может происходить и под влиянием этих двух причин одновременно, что указывает на резкую континентальность климата – с суровой морозной зимой и сухим жарким летом. Именно под влиянием как иссушения в летнее время, так и морозобойного растрескивания зимой была сформирована языковатая граница гумусового горизонта в палеопочвах рассматриваемого региона.

Состояние карбонатных профилей в современных и погребенных почвах является высокоинформативным признаком или комплексом признаков, интегрально отражающим события почвообразования как в прошлом, так и в настоящем. Показатели карбонатного состояния палеопочв еще недостаточно используются в практике палеопочвенных исследований, поскольку многие проблемы, связанные с карбонатами, далеки от разрешения. В качестве показателей миграции карбонатов в почвенном профиле в ряде работ рассматриваются изменения во времени глубины вскипания от HCL, общего содержания и запасов CaCO_3 в верхнем метре или двухметровой толще, иногда при морфологических описаниях указывается, в какой форме обнаружены сегрегированные карбонаты (Геннадиев, 1984, Демкин и др., 1985, 1988, Иванов, 1978, 1983, 1992 и др.).

Бесспорной считается связь глубины вскипания от соляной кислоты, то есть появления карбонатов в профиле, с глубиной промачивания почвы, фактически с биоклиматическими условиями. Однако этот показатель имеет очень значительную сезонную и пространственную вариабельность (Платонова, 1968, Крупеников, 1974, Синкевич, 1989), поэтому необходимо рассматривать его только в комплексе с другими параметрами. Кроме того, в поле бывает трудно определить линию вскипания в связи с появлением в погребенных почвах диагенетических карбонатов.

При отнесении параметров карбонатного профиля палеопочв семиаридных и аридных регионов мира к признакам, отвечающим либо возрасту почв, либо климатическим изменениям в процессе почвообразования, в научной литературе не сложилось единого мнения. Так, например, в работе Рыскова, Демкина (1995) параметры карбонатного профиля почв сухостепной зоны: мощность карбонатных горизонтов, размер КНО и концентрация в них карбонатов – рассматриваются в связи с изменением климатических параметров. В работах Gile (1993, 1995) утверждается, что стадии карбонатных аккумуляций (по существу – размеры карбонатных стяжений), количество сегрегированного в них карбонатного материала – главный индикатор возраста почв семиаридных и аридных регионов. В статье Vincent с соавторами (1994) толщина карбонатных кутов в почвах на щебнистых грунтах также рассматривается как показатель возраста почв на протяжении плейстоцена. По нашему мнению, решение этой проблемы может быть различным в зависимости от экологических условий формирования тех или иных почв.

На основе проведенного морфометрического анализа строения карбонатных профилей почв хронорядов Покровка 1, 2, 10 (Рысков, Демкин, 1995; Демкин, Рысков, 1996; Хохлова, 1996) можно предположить, что размеры карбонатных новообразований (в данном случае белоглазки) и размеры площади, занимаемой новообразованиями в иллювиально-карбонатных горизонтах ВСса и ВДса, связаны с возрастом почв. Вместе с тем, внешний вид, форма карбонатных новообразований, характер границ новообразования – почва отражают биоклиматические колебания. Для исследованных хронорядов почв у с. Покровка не отмечается значительной перестройки карбонатных профилей в течение второй половины голоцена, не изменяется их морфология, здесь можно говорить об аккумуляции карбонатов в профилях изученных палео- и современных почв в результате протекания карбонатно-аккумулятивного процесса в этот отрезок времени.

Граница появления гипса и глубина залегания легкорастворимых солей связаны с особенностями водного режима почв. В почвах аридных территорий соли обнаруживаются ближе к поверхности, чем в почвах гумидных. Сравнивая глубину залегания легкорастворимых солей и гипса в почвах хронорядов, можно получить представление о том, какой из профилей промачивался на большую (меньшую) глубину.

Формы проявления гипсовых аккумуляций и новообразования солей свидетельствуют об условиях испарения влаги. В почвах рассматриваемой территории аккумуляция легкорастворимых со-

лей и гипса приурочена к нижней части профиля, и количество их в почвах всех изученных эпох было сравнительно небольшим. Развитие почв во времени за 3500 лет привело к практически полному выносу водорастворимых компонентов за пределы двухметрового почвенного профиля к настоящему времени. Морфологически как гипс, так и легкорастворимые соли в почвах хронорядов представлены редкими прожилками.

Признаки солонцеватости (глянец на гранях структурных отдельностей, призматическая или столбчатая структура, уплотнение почвенной массы) свидетельствуют о сульфатно-хлоридно-натриевом типе химизма соленаккопления и проявляются в более аридных условиях, чем, например, гидркарбонатно-кальциевый тип, свойственный современным почвам рассматриваемой территории. В почвах хронорядов отмечалась лишь остаточная солонцеватость, что говорит о том, что условия для ее проявления существовали в предшествующие эпохи, а к моменту погребения почв (3500 лет назад) уже носили реликтовый характер, признаки солонцеватости постепенно стирались или исчезали совсем в современных почвах.

Помимо метода визуального изучения морфологических признаков, в поле использовались методы вариационной статистики, и получены среднестатистические параметры мощностей и глубин горизонтов (Хохлова, 1996), а также морфометрический метод, когда измерялись параметры карбонатно-аккумулятивных горизонтов (размеры карбонатных новообразований, площадь и количество новообразований на срезе 10x10 см), затем также проводился статистический анализ полученных данных (Рысков, Демкин, 1995; Хохлова, 1996). Метод морфометрии позволяет помимо качественных морфологических отличий признаков почв в хроноряде получить и некоторые количественные параметры, что повышает объективность оценки наблюдаемых сходств или различий.

Также в поле были использованы некоторые инструментальные методы: метод магнитной восприимчивости, геодезический метод нивелирования поверхностей.

Магнитная восприимчивость отражает состояние форм железа в профиле почвы в данный момент времени. Эта величина определяется наличием в почвах сильномагнитных железистых минералов – магнетита, маггемита и других. При педогенезе происходит изменение магнитной восприимчивости почвенных горизонтов по сравнению с почвообразующей породой, величина и знак которой зависят от факторов почвообразования. В автоморфных почвах, развивающихся в окислительных условиях, величина магнитной восприимчивости по сравнению с почвообразующей по-

родой возрастает за счет новообразования магнетита в илистой фракции, а в гидроморфных почвах под влиянием преимущественно восстановительных условий, как правило, уменьшается (Вадюнина, Бабанин, 1972). Следовательно, величина магнитной восприимчивости отражает климатические колебания во время формирования почв. А. О. Алексеевым, Я. Г. Рысковым (1988) предлагается использование величины магнитной восприимчивости для датирования палеочув в случае отсутствия резких колебаний климатических условий, например, смены автоморфных условий почвообразования гидроморфными, когда отмечается закономерный рост величины магнитной восприимчивости почв во времени.

Для почв рассматриваемой нами территории у с. Покровка с эпохи средней бронзы отмечается закономерный рост магнитной восприимчивости. Эта закономерность нарушается для почв раннесарматского хроносреза, когда величина магнитной восприимчивости несколько меньше, чем в савроматских (Демкин, Рысков, 1996, рис. 1 на стр. 16).

Метод нивелирования поверхностей почв, современных и погребенных под курганами разного возраста, был использован нами в 1995 г. для исследования процесса динамики поверхности на участке курганной группы Покровка 10. Этот участок был выбран ввиду относительно выровненного мезо- и микрорельефа и возможности учесть имеющиеся небольшие колебания в наших расчетах. Определение проводилось с помощью нивелирного хода, схема измерений и методика приведены на рисунке 1. В основном порядок измерений соответствовал общепринятому, только вводилась поправка на колебания по микро- и мезорельефу для вычисления нулевого уровня современной поверхности.

Курганы, исследованные на территории могильника Покровка 10, относятся к VI–V вв. до н. э. (3 кургана). Получено, что поверхность савроматских почв здесь была устойчиво ниже современных: на 9, 15 и 29 см для курганов 2, 3 и 4 соответственно. Эти результаты, а также проведенные исследования гранулометрического и минералогического состава почв этого участка (подробнее об этом сказано ниже) позволяют говорить о протекании на данной территории в течение второй половины голоцена геологического процесса, проявляющегося в эоловом перераспределении пыли по крайней мере, на локальном уровне (Хохлова, Ковалевская, 1996).

В поле отбирались различные образцы почв и растительности для последующего исследования в лабораторных условиях. Набор аналитических методов, использованных для изучения почв рассматриваемой территории, разнообразен и вклю-

чает определение содержания гумуса, карбонатов, гипса, суммы солей и их состава, реакции среды (рН), содержания и состава катионов, гранулометрический анализ. Совершенно очевидно, что определение всего перечисленного набора показателей дополняет или корректирует выводы, полученные при полевых морфологических исследованиях, и отдельного пояснения необходимости определения всех этих параметров, очевидно, не требуется. Ниже мы рассмотрим только отдельные из них, где почвоведными были использованы некоторые оригинальные подходы.

Так, известно, что после погребения почв из-за процессов минерализации исходное содержание гумуса в погребенных почвах уменьшается в 2–3 раза, поэтому для установления первоначального содержания предложено несколько подходов (Иванов, 1992; Демкина, Демкин, 1994). Для почв рассматриваемой территории характерно невысокое содержание гумуса – около 3%, максимумом эта величина достигала в I тысячелетии н. э., в эпоху бронзы содержание гумуса было меньше примерно в половину, а в современных почвах за счет интенсивной расщепки также стало меньшим (Демкин, Рысков, 1996).

Гранулометрический анализ – определение абсолютного и относительного содержания составляющих почву частиц разного размера (фракций разной размерности). Используется при исследовании палеочув сухостепной зоны для характеристики почвообразующей породы, для определения ее однородности или неоднородности. При установлении факта однородности почвообразующей породы распределение различных гранулометрических фракций по профилю, а также отношение содержания физической глины (частиц <0,01 мм) в горизонте Вк ее содержанию в горизонте А1, указывает степень текстурной, элювиально-иллювиальной дифференциации профиля. Например, при интенсивном развитии солонцового процесса степень текстурной дифференциации профиля должна повышаться за счет большей подвижности тонкодисперсных гранулометрических фракций. По данным Демкина, Рыскова (1996, табл. 1 на с. 8–9), степень элювиально-иллювиальной дифференциации в почвах всех хроносрезов различных курганов могильников у с. Покровка близка, хотя морфологические и некоторые аналитические признаки солонцового процесса в почвах различны. При этом авторами не обсуждается вопрос об однородности-неоднородности почвообразующей породы. По нашим данным, почвообразующие наносы, на которых формируются почвы двух аллювиальных террас, неоднородны как в результате слоистости аллювиальных отложений, так и привноса эоловой пыли на поверхность почв во второй половине голоцена.

Помимо традиционно используемых морфологического и аналитических методов, в исследовании отдельных свойств почв хронорядов территории курганных могильников у с. Покровка почвоведомы были использованы некоторые инструментальные методы, требующие особого умения, высокой квалификации, применяемые не столь часто в нашей стране для изучения палеопочв и свидетельствующие о том, что исследования почв курганных могильников у с. Покровка были проведены на самом современном мировом уровне. К таковым можно отнести изотопный анализ, минералогический анализ крупной фракции и исследования почвенных образцов в тонких срезах – шлифах (микроморфологический метод), а также биоморфный анализ, (результаты последнего для изучаемого региона публикуются впервые в этой работе).

Изотопный анализ на основе изучения соотношения изотопов $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ и $^{18}\text{O}/^{16}\text{O}$ в гумусе и почвенных карбонатах позволяет реконструировать растительность – определять долю участка С3 и С4 растений при формировании почв различных хроносрезов, а также климатические условия в период формирования почв. Результаты, полученные по данным изотопного состава гумуса и карбонатов, показали, что гумус современных темно-каштановых почв сформировался из растительных остатков С3 растений, наиболее распространенных в умеренных широтах. Погребенные под курганами почвы близки по изотопному составу к современной почве, что говорит о стабильности растительного покрова в течение 3500 лет. Вместе с тем, некоторые тенденции увеличения доли С4 растений и, следовательно, признаки усиления аридизации отмечены для позднебронзового и раннесарматского времени. Что касается изотопного состава карбонатов, то для данного региона специфической особенностью является исходная карбонатность почвообразующих пород, на которых сформированы рассматриваемые почвы, и поэтому при реконструкциях природных условий по педогенным карбонатам примесь литогенных карбонатов является сильным мешающим фактором (Рысков, 1996; Рысков, Демкин, 1995; Рысков и др., 1996).

Минералогический анализ крупной фракции был использован нами для установления факта эолового перераспределения-накопления пыли на поверхности голоценовых почв на данной территории. Для этого изучались современная и погребенная под курганом позднебронзового века (XVI в. до н. э.) почвы курганного могильника Покровка 2. Получено, что по гранулометрическому и минералогическому составу современная и погребенная почвы совпадают по всей глубине, за исключением верхних 30 см современной почвы. Содержание

изученных фракций в погребенной почве монотонно растет с глубиной от 50 до 61%, в современной почве с глубины 30 см – от 49 до 63%. Современный нанос довольно неоднороден, содержание крупных фракций меняется от 54 до 28% (рисунок 2), наибольший вклад в различия вносит тонкопесчаная фракция (0,25–0,1 мм). Содержание лёссовой фракции составляет 8–9% от содержания крупных фракций в верхних 30 см современной почвы, а в нижних горизонтах современной и в верхней части профиля позднебронзовой почв составляет 5,5–6,5% (таблица 1).

По данным минералогического состава легкой части крупных фракций (таблица 1) в составе фракции >0,5мм содержание кварца в верхних горизонтах современной почвы составило 78–82%, тогда как в остальных горизонтах этой почвы и во всех – погребенной его содержание довольно однородно и составляет 50–60%. Особенно резко заметна разница в содержании кварца в составе этой фракции при сравнении верхних горизонтов современной и погребенной почв. Среди силикатов распределение кварца наиболее показательно для характеристики этих почв, поскольку кварц – достаточно устойчивый к выветриванию минерал и, например, его уменьшение в нижних горизонтах современной почвы по сравнению с верхними, где процесс выветривания протекает наиболее интенсивно, может свидетельствовать о привносе кварца в верхние горизонты.

Обращает на себя внимание закономерность распределения величин кварц-полевошпатового коэффициента ($K = \text{содержание кварца, \%} / \text{содержание полевых шпатов, \%}$) по профилю современной почвы: в крупно- и тонкопесчаной фракциях эти величины меньше в верхних горизонтах по сравнению с нижележащими. Как известно, чем больше величина этого коэффициента, тем осадочная порода более выветрелая. Таким образом, получается, что верхний почвообразующий нанос современной почвы наименее выветрелый.

Отличия в наборе минералов верхнего наноса современных почв от нижележащей толщи породы и от погребенных почв являются весомым аргументом в пользу гипотезы о различии генезиса рассматриваемого наноса и основной части почвообразующего субстрата. Решение этой проблемы очень важно для установления закономерностей протекания почвообразовательного процесса во времени: нормальный тренд, когда почвообразованием постепенно захватываются все более глубокие слои почвообразующей породы, и почвенный профиль «растет» вниз, или аккумулятивный тренд, когда почвообразованием прорабатываются свежие порции поступающего на поверхность почвы материала, и почва «растет» вверх. В зави-

симости от ответа на поставленную проблему являются посылки для палеоклиматических реконструкций. Повторим, что для данного района на основании проведения нивелирования, гранулометрического и минералогического анализов крупной фракции можно сделать вывод о перераспределении (накоплении) оловоы пыли на поверхности почв во второй половине голоцена.

В дальнейшем необходимо выявить площадное (или локальное) распространение этого процесса. Неясным остается также вопрос о влиянии распахивания на выявленный процесс. В литературе имеются данные о резком усилении дефляции после вовлечения степных целинных земель Оренбуржья в обработку. Этому способствуют многие факторы: сравнительно ровный рельеф, слабая противоэрозийная устойчивость почвенного покрова, засушливый и резко континентальный климат, постоянные ветры, скорость которых часто достигает 30–40 м/сек, в то время как дефляция пахотного слоя, не защищенного растительным покровом, проявляется уже при скорости движения воздушного потока в 15 м/сек. Выдуванию и перетолжению в эрозионных отложениях больше всего подвержены наиболее плодородные пылевато-илистые частицы (Хопреинов и др., 1983).

В наших данных не прослеживается возможность разграничения этих двух процессов (дефляции, с одной стороны, оловоого накопления пыли, с другой). Следовательно, для выявления пространственного распространения указанного процесса и антропогенного воздействия на перераспределение материала верхних пахотных горизонтов почв необходимы дальнейшие исследования.

Микроморфологический метод основан на изучении тонких срезов почв с ненарушенным строением в шлифах под микроскопом. Широко используется в практике почвоведения, а в применении к палеопочвам позволяет отметить микропризнаки процессов перестройки почвенной массы, передвижения и перераспределения различных компонентов внутри почвенного профиля; которые пока не проявились на макроморфологическом уровне, или же реликтовые, исчезающие признаки процессов предшествующего этапа почвообразования (Герасимова и др., 1992; Губин, 1984; Морозова, 1963, 1981).

Микроморфологическое изучение было проведено нами для палеопочв курганного могильника Покровка 2, образцы для изготовления шлифов были отобраны в 1992–1993 году Я. Г. Рысковым, В. А. Демкиным. Были изучены разрезы Д–391 (почва, погребенная под курганом 18, XV–XIV вв. до н. э.), Д–351 (курган 1, VI–V вв. до н. э.), Д–398 (IV–II вв. до н. э.), Д–393 (современная почва); полевые данные для этих почв опубликованы

ранее (Демкин, Рысков, 1994). На основе микроморфологического описания погребенных и современных почв курганного могильника Покровка 2 были получены данные о почвообразующем субстрате, на котором формируются почвы расматриваемого участка, и о признаках некоторых почвообразовательных процессов в палеопочвах, заметных лишь на микроуровне и имеющих значение для палеоклиматических реконструкций на данной территории.

Так, было однозначно выявлено, что почвообразующие породы, на которых формируются почвы курганного могильника Покровка 2 на II-ой надпойменной террасе рр. Илек и Хобда, слоисты. На микроуровне это выражается в чередовании «микрослояков» с более крупными – более мелкими зернами минерального скелета, имеющими аллювиально-фашиальное происхождение, поскольку минералы окатаны. Этот факт необходимо учитывать при интерпретации распределения тех или иных признаков почв по профилям, поскольку неоднородность почвообразующей породы может вносить корректировку в ожидаемые закономерности, усиливать комплексность почвенного покрова.

Интересно отметить еще одну деталь, полученную в ходе микроморфологического анализа. В почве, погребенной в бронзовое время, отмечаются признаки подвижности глинистого материала в нижней части профиля: уплотнение плазмы вокруг пор, трещин, неоднородность маскировки глиной минеральной основы. В почве, погребенной в раннесарматское время, р. Д–363, в горизонте ВС1с, 38–58 см и ниже, обнаружены ооидоподобные карбонатно-глинистые образования, содержащие оптически-ориентированную глину и, по данным В. И. Маковой (1976), являющиеся свидетелями палеогидроморфизма. По мнению этого автора, сочетание оптически ориентированной глины с карбонатностью можно объяснить тем, что на каких-то этапах развития почвенная масса не была пропитана карбонатами и была возможной оптическая ориентировка глины. Последующая пропитка карбонатами, очевидно, связана с поступлением бикарбонатных грунтовых вод. Эти признаки заставляют задуматься о роли грунтовых вод в генезисе почв данного участка за отрезки времени 4000–3500 лет и от сарматского к раннесарматскому периодам и продолжать исследования в этом направлении.

2. Исследование археологических объектов

Помимо изучения почвенных признаков, микроморфология может быть успешно использована при решении вопросов собственно археологии. Микроморфологические методы могут давать дополнитель-

ную или уникальную информацию в следующих направлениях. *Технология сооружения курганных насыпей*: возможные перестройки, досыпки насыпей, длительность нахождения ранних курганов на дневной поверхности в случаях досыпки, способ сбора материала для сооружения насыпи, определение исходной глубины ровика, а в ряде случаев – сезон сооружения кургана и захоронения. *Погребальный обряд* – изучение подстилок, перекрытий в могильных ямах, а также некоторых минеральных соединений, используемых при погребении. *Ритуалы погребения*, например, использование огня и его интенсивность при погребении. *Изучение погребальных предметов*: состав шамота может указывать на место отбора материала, методы изготовления; содержимое керамических сосудов, особенно придонной части, может помочь при установлении хозяйственной или ритуальной принадлежности сосудов, растительного или животного происхождения материала в них. Этот вопрос проработан нами теоретически (Gubin, Khokhlova, 1996) и отобраны образцы для дальнейшего изучения.

Для установления исходного содержимого сосудов в погребениях курганных могильников у с. Покровка использовался метод определения соединений фосфора в придонной и верхней частях грунта сосудов, обнаруженных в погребениях, (Демкин, Рысков, 1993, 1994; Рысков, Демкин, 1995; Песочина, Зайцев, 1996). Химическая суть метода заключается в следующем. При минерализации органической составляющей (растительного или животного происхождения) заупокойной пищи высвобождающийся фосфор соединялся с минеральными солями грунта, попавшего в сосуд при обвале перекрытия или свода могильной ямы. В результате придонный грунт обогащался минеральными соединениями фосфора. Определение P_2O_5 проводилось по методу Мачигина (в 1%-ном растворе $(NH_4)_2CO_3$) (Демкин и др., 1988). Далее была разработана определенная градация в содержании P_2O_5 , представляющем собой разницу в количестве фосфора в придонном грунте и фоновом – грунте верхней части сосуда (мг/100г): менее 2 – вода, 2–8 – «каша 1», более 8 – «каша 2». Применение дополнительно ботанического и биохимического методов позволило идентифицировать «кашу 1» как мясной бульон или молочные продукты, «кашу 2» – как собственно кашу растительного происхождения. Также установлено, что помимо пищи в сосуды помещались и другие вещества растительного происхождения, в частности, наркотические (Рысков, Демкин, 1995).

На основе обобщения всего имеющегося материала сделана попытка провести историко-социологические и демографические реконструкции. Сравнительный анализ степени заселенности изу-

чаемого региона в различные археологические эпохи в связи с динамикой палеоэкологических условий во второй половине голоцена позволил установить, что особенно высокая концентрация населения в долине Илека имела место в ямно-полтавкинское (конец III тыс. до н. э.) и раннесарматское (IV–II тыс. до н. э.) время, на которое приходилась и существенная аридизация климата. Высказано предположение, что увеличение численности населения в данные эпохи происходило вследствие его миграции из других регионов, где складывалась более критическая палеоэкологическая ситуация, как, например, в Средней Азии, а Южное Приуралье явилось своего рода «накопительным коридором» сарматского населения азиатских пустынь и полупустынь для их последующей миграции в восточноевропейские степи (Демкин, Рысков, 1996; Демкин и др., 1997).

3. Методы реконструкции растительности

Реконструкция растительности для изучаемой территории проводилась на основе биоморфного анализа. Детально методика и возможности данного анализа описаны ранее (Гольева, 1997), здесь мы скажем о нем кратко, чтобы можно было понять полученные результаты. Биоморфный анализ – это изучение макро- и микроостатков биоты (биоморф), рассеянных в почвенной массе, в связи с условиями их образования. Возможности данного анализа следует понимать шире, чем просто реконструкция исходной растительности. Задачами анализа являются диагностика современных и былых условий почвообразования, природных и антропогенных педоседелитов, почвообразующих пород, также почвенного покрова по данным анализа биоморф, в основном через реконструкцию произраставшей растительности. Анализ представляет собой последовательное изучение под микроскопом компонентов биогенной фракции образца (пыльца, спор, древесного и растительного детрита, остатков корней, микроскопических углистых частиц, грибных гифов, копролитов и биогенного кремнезема, то есть фитоцитов, диатомовых водорослей, спилку губок) с последующим обзором всего комплекса в целом. Информативность отдельных компонентов биогенной фракции или биоморф приведена в таблице 2. Подобный многокомпонентный подход позволяет получать достоверную и объемную информацию об условиях формирования конкретного образца и эволюции окружающего ландшафта в пространстве и во времени.

Как видно из описания анализа, его проведение подразумевает и изучение пыльцы и спор, являющихся также объектами изучения споропыльцевого или палинологического анализа, хо-

рошо известного и достаточно часто используемого в совместных с археологами работах. Здесь следует только добавить следующее. Сохранность пыльцы в почвах значительно ниже сохранности ее в торфяниках ввиду высокой микробиологической и биохимической активности почв. Поэтому пыльцевых зерен в почвах содержится значительно меньше (на несколько порядков), чем в торфяниках, причем семейства ряда растений могут полностью выпадать из споропыльцевого спектра за счет своей малой устойчивости (семейства злаковых, осоковых, большинства широколиственных пород деревьев). Кроме этого, известна хорошая летучесть пыльцы, поэтому даже палинологические спектры торфяников характеризуют средний состав растительности региона, иногда существенно выходя за рамки исследуемого участка. Следовательно, при использовании данных споропыльцевого анализа почв надо помнить об ограничениях этого метода. Комплексный подход, реализуемый в биоморфном анализе, позволяет в значительной степени преодолеть ограничения споропыльцевого и получить существенно более разностороннюю и обоснованную информацию о конкретном объекте, часто выходящую за рамки собственно реконструкции растительности былых эпох. Таким образом, биоморфный анализ, составной частью которого является и палинологический, — это шаг вперед в проблеме реконструкции растительного покрова.

Для биоморфного анализа были отобраны образцы верхних гумусовых и иногда подгумусовых горизонтов современных и палеопочв курганных групп Покровка 2, 7, 10. По хроносрезам эти образцы располагались следующим образом:

- 1 — V–VI вв. до н. э., Покровка 2, курган 8, [A], 0–10 см.
- 2 — V–VI вв. до н. э., Покровка 2, курган 9, [A], 0–10 см.
- 3 — IV–II вв. до н. э., Покровка 7, курган 1, [A], 0–5 см.
- 4 — IV–II вв. до н. э., Покровка 7, курган 9, [A], 0–20 см.
- 5 — II–III вв. нашей эры, Покровка 10, курган 90, [A], 0–5 см.
- 6 — II–III вв. нашей эры, Покровка 10, курган 90 [A], 5–10 см.
- 7 — современная пахотная почва, Покровка 10, Алах 0–5 см.

Основные результаты приведены в таблицах 3 и 4, ниже приводим описание полученных данных. Как видно из данных таблицы 3, пыльцевые зерна содержатся единично лишь в одном из отобранных образцов, поэтому проведение только споропыльцевого анализа для почв изучаемого участка было невозможно.

1 — V–VI вв. до н. э. Образец выделяется высоким содержанием практически всех компонентов биоморфной фракции. Интересно присутствие панцирей диатомовых водорослей — показателей периодов кратковременного (сезонного) переувлажнения. Фитолитов много. Среди них преобладают фитолиты растений лугово-степных, степ-

ных и сухо-степных группировок. Отмечается большое количество фитолитов культурных злаков. Столь разнообразный набор фитолитов может характеризовать пастбище и привнос фитолитов разных групп с экскрементами животных.

2 — V–VI вв. до н. э. Образец содержит обилие растительного детрита и большое количество фитолитов при практически полном отсутствии корневых растений и кутикулярных слепков. Это не типично для поверхностных горизонтов почв, а ближе к переотложженной органической массе. Единично отмечены спикулы губок и панцири диатомовых водорослей — диагностики повышенного увлажнения. Состав фитолитов достаточно оригинален: образец представляет собой смесь фитолитных комплексов практически всех фитоценозов — от лесного до степного. Это возможно в случае постоянного привноса разнообразных форм фитолитов, например, в водных отложениях, а также при выпасе скота на различных пастбищах.

Итак, для рассматриваемого хроносреза — V–VI вв. до н. э. на момент создания курганов растительный покров представлял собой достаточно богатую по разнотравью степь, в составе которой были растения как луговой, так и сухостепной группировок. Подобное сочетание растений типично для типа каштановых почв. Кроме этого, вероятно, в окрестностях росли леса, фитолиты лесных трав могли быть занесены с экскрементами животных. Появление диатомей — признак не только повышенного увлажнения и богатства растительного покрова, но и замедленного процесса разложения органического вещества, вероятно, за счет сезонного застоя вод.

3 — IV–II вв. до н. э. Образец содержит крайне малое количество всех компонентов биоморфной фракции, что не характерно для верхних почвенных горизонтов. Поскольку несомненно данный образец был взят из верхнего горизонта погребенной почвы (насыпь и поверхность почвы отличались четко морфологически), это значит, что перед созданием кургана верхние горизонты почвы были ликвидированы при антропогенном воздействии (вытаптывание перед сооружением кургана или перевыпас — пастбищная дигрессия) или в силу естественных причин (усиление эрозии как результат опять же более изреженного растительного покрова), поверхностным стал нижележащий минеральный почвенный горизонт или материнская порода.

4 — IV–II вв. до н. э. По составу биоморфных фракций образец близок к образцу 3 и также являлся верхним горизонтом погребенной почвы, соответственно, выводы аналогичны. Итак, поскольку по представленным образцам невозможно говорить о растительном покрове данного хроносреза, скажем лишь, что несомненно в это вре-

мя непосредственно перед сооружением кургана верхний слой почвы (это могли быть верхние 2–3 см, что существенно не сказывается на мощности гумусового горизонта, но достаточно для того, чтобы образцы были «пустыми» для определения растительного покрова) удалялся либо из-за изменения ритуала погребения — снималась дернина, либо хоронили на непригодных уже для выпаса скота участках (пастбищная дигрессия), либо в это время из-за разрежения растительного покрова усилилась эрозия почв.

5 — II–III вв. нашей эры. Содержание компонентов биоморфной фракции в образце типично для поверхностных горизонтов почв. Растительный покров, сформировавшийся фитолитный комплекс образца, можно однозначно определить как лугово-степной. Присутствие полыни и отсутствие диатомей — признаки несколько более сухих условий, чем в V–VI вв. до н. э.

6 — II–III вв. нашей эры. Содержание всех компонентов биоморфной фракции существенно меньше. Это обычно для подповерхностных горизонтов почвы, каковым и является данный образец.

7 — современная пахотная почва. Образец содержит типичный для верхних горизонтов почв биоморфный комплекс. Небольшое количество панцирей диатомовых водорослей и спиклур губок свидетельствуют о кратковременных периодах переувлажнения участка, скорее всего, в весенний период. Среди фитолитов отмечаются формы, характерные для культурных злаков, что свидетельствует о распашке почвы. Состав фитолитов достаточно пестрый: встречаются формы фитолитов растений различных фитоценозов. Очень вероятно внесение в почву органических удобрений, например, навоза.

Основные выводы, которые вытекают из биоморфного анализа образцов: в савроматское время в рассматриваемом регионе господствовали степи, в составе которых присутствовали растения как луговых, так и сухостепных ценозов, то есть был достаточно богатый флористический состав. Местами росли леса. Затем в раннесарматское время что-то произошло. Начались интенсивные эрозийные процессы, которых не было раньше. Возможно, это результат антропогенных воздействий. Скорее всего, стало суше, поскольку единичные фитолиты, какие есть, — это степные (нет луговых и лесных, но и нет сухостепных). В позднесарматский период все стабилизировалось, эрозийные процессы или существенно стали слабее или исчезли совсем. И в составе растительного покрова снова преобладание лугово-степных группировок с очень незначительным участием сухостепных. На современном этапе растительный покров близок по составу к тому, что был в 5–6 вв. до н. э. и

II–III вв. нашей эры. Кроме этого, в растительном покрове современности отражается существенное антропогенное воздействие: распашка, внесение удобрений, сведение лесов, создание лесополос и т. п. в течение многих лет, десятилетий. Хотя и за 25 веков рассматриваемого хроносеиза антропогенное воздействие проявляется достаточно четко: выпас и перевыпас скота, возможное усиление эрозии за счет деятельности человека, изменение ритуала погребения.

Обсуждение полученных результатов

Итак, на основе комплексного изучения современных и палеопочв курганных могильников у с. Покровка разными авторами проводились палеопочвенные реконструкции территории для второй половины голоцена. В самом общем виде можно согласиться с предложенной схемой климатических событий в изучаемом регионе с эпохи ранней бронзы до настоящего времени, предложенной Демкиным, Рысковым (1996), согласно которой эпоха максимальной аридизации в конце III тыс. до н. э. — первой половине II тыс. до н. э. сменилась периодом более мягких и влажных климатических условий с небольшими колебаниями как в сторону аридности, так и гумидности и смягчения климата за это время. По вопросу о выделении конкретных хроноинтервалов колебаний климата за изученный период второй половины голоцена (3500 лет) у разных авторов находятся доказательства и приводятся различные соображения, часто не совпадающие и даже противоречащие друг другу.

Вполне обоснован, по нашему мнению, вывод о том, что эпоха погребения наиболее молодых почв изученной территории (эпоха средней бронзы) — не период максимальной аридизации для данного региона, так как многие из рассмотренных признаков погребенных почв несут реликтовый характер или стираются. В палеопочвах этого хроносеиза обнаружены наименьшая мощность гумусового горизонта с наименьшим содержанием гумуса, однако уже отмечаются признаки его начинающегося роста, слабые признаки языковатости гумусового горизонта и солонцеватости — в средней части профиля.

Следующий временной отрезок между бронзовым и савроматским временем (XV–V вв. до н. э.) характеризовался дальнейшим развитием почв в относительно смягченных условиях континентальности климата и повышенной его гумидности. В почвах, погребенных в савроматское время (VI–V вв. до н. э.), отмечается увеличение мощности гумусового горизонта, усиление его гумусированности и ослабление

степени его языковатости, рассоление, рассолонцевание по сравнению с почвами, погребенными в бронзовое время, а в растительном покрове фиксируются различные группировки — от сухостепных до лесных. Поскольку на данной территории не встретилось палеопочв, погребенных в период между XV и V веками до н. э., мы не можем говорить о колебаниях климата за данное тысячелетие и характеризовать этот хроноинтервал более подробно.

Для палеоклиматических характеристик периода между савроматским и раннесарматским временем (V—II вв. до н. э.) у исследователей, работавших в разные годы на данной территории, имеются наиболее противоречивые соображения.

Демкиным, Рысковым (1996) на основе перемещения значительных масс легкорастворимых солей и гипса из третьего метра почвенного профиля во второй существенного сокращения мощности карбонатного горизонта за счет подъема его нижней границы и резкого возрастания содержания CaCO_3 в зоне аккумуляции и численности белоглазки в профилях почв, погребенных в раннесарматское время, по сравнению с савроматским делается вывод о кратковременном аридном эпизоде в раннесарматское время.

По нашему мнению, в данном выводе не все бесспорно. Примечательно, что поднималась не верхняя граница карбонатной и гипсовой аккумуляции (как обычно при более аридных условиях) в раннесарматских почвах, а нижняя граница залегания этих солей. Противоречит выводу об аридизации выявленный, но не объясненный: авторами провал на кривой магнитной восприимчивости: снижение этой величины с 100×10^6 единиц СИ в савроматских почвах до 85×10^6 — в сарматских. Как известно (Вадюнина, Бабанин, 1974), снижение этой величины происходит в гидроморфных условиях. Также нашими данными по микроморфологии в раннесарматской почве отмечена ооидная ориентировка глинистой плазмы, указывающая в карбонатных почвах на палеогидроморфные условия. Не подтверждается гипотеза об аридизации и данными об изотопном составе гумуса и карбонатов этих почв, поскольку колебания их изотопного состава весьма незначительны (Рысков, Демкин, 1995).

Вероятно, необходимо более детально разобраться с ролью грунтовых вод в генезисе этих почв, расположенных на речных террасах и являющихся, по существу, аллювиальными почвами, поскольку, например, высоким уровнем стояния грунтовых вод в пределах почвенного профиля в рассматриваемый период и возникновением сезонного гидроморфизма в весеннее время при смыкании уровня грунтовых вод и верховодки, образующейся при таянии снежного покрова, можно

объяснить все имеющиеся в распоряжении разных авторов наблюдения. Можно согласиться с утверждением, что период климатических колебаний в рассматриваемый хроноинтервал был непродолжительным, поскольку в профилях почв все же не зафиксировано значительных изменений почвенных параметров.

По данным биоморфного анализа образцов из верхних горизонтов погребенных под двумя раннесарматскими курганами Покровка 7 почв выявлен факт отсутствия поверхности почв при сооружении изученных курганов, что могло произойти в результате усиления эрозии по разным причинам (антропогенное воздействие, естественные причины), и этот факт требует дальнейшего изучения. Вполне вероятно, что именно биоморфный анализ позволит установить временные рамки происходивших изменений.

По данным Песочной, Зайцева (1996), смена природных условий в отрезок времени между савроматским и раннесарматским периодами произошла строго в III веке до н. э. Гипотеза выдвинута на основе анализа двух почвенных профилей кургана 10 курганного могильника Покровка 7, характеризующегося, по данным этих же авторов, резкими различиями в литолого-геоморфологическом строении территории и морфолого-стратиграфических свойствах самих почв, и поэтому нуждается в более основательном подтверждении.

С раннесарматского времени до наших дней климатические условия данной территории оставались более или менее стабильными, колебания в сторону смягчения или усиления континентальности климата были незначительными, шло эволюционное развитие почв, причем примерно 1700—2000 лет назад почвы достигли квазиравновесного состояния с факторами среды, и скорости протекания почвообразовательных процессов резко снизились по сравнению с другими хроноинтервалами (Демкин, Рысков, 1996; Хохлова, 1996).

Необходимо подчеркнуть, что практически не рассматривались проблемы, касающиеся характеристики современных литолого-геоморфологических условий и комплексности почвенного покрова как следствия варьирования этих условий на разных участках курганных групп, расположенных на I и II террасах рр. Илек и Хобда и характеризующихся часто совершенно различными почвообразующими породами. Примером такого анализа может служить исследование палеопочв курганной группы Покровка 7 (Песочина, Зайцев, 1996). Для остальных участков подобный анализ не проводился, хотя очевидна его необходимость для того, чтобы исключить или учесть естественную вариабельность почвенных признаков в связи с изменчивостью геоморфоло-

го-литологических факторов и не принимать подобные вариации за изменения, происшедшие в почвах во времени в связи с различиями климатических условий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критический обзор результатов, полученных почвоведом при изучении палеопочв в составе Илекской экспедиции на юге Оренбургской области, позволил выявить обоснованные выводы и успехи в решении поставленной проблемы палеоклиматических реконструкций и наметить перспективы дальнейшей работы.

В заключение рассмотрения набора методов, использованных при палеопочвенном изучении курганных могильников у с. Покровка, можно сказать, что исследования проводились на самом

современном мировом уровне, были использованы как уже хорошо зарекомендовавшие себя и широко применяемые при подобных исследованиях методы, так и сложные инструментальные, а также новейшие методические достижения, часто предложенные самими исследователями. На основе комплексного изучения палео- и современных почв, а также анализа природной обстановки разных эпох в целом для данной территории выявлен общий ход климатических изменений во второй половине голоцена. Вероятно, эпоха максимальной аридизации в конце III тыс. до н. э. — первой половине II тыс. до н. э. сменилась периодом более мягких и влажных климатических условий с небольшими колебаниями как в сторону аридности, так и гумидности и смягчения климата. Детализация климатических реконструкций требует дальнейших исследований.¹

Список литературы

- Алексеев А.О., Рысков Я.Г. Магнитная восприимчивость почв как показатель направленности и скорости развития степных ландшафтов в голоцене // Естественная и антропогенная эволюция почв. Пушино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1988. С. 16–20.
- Вадюнина А.Ф., Бабанин В.Ф. Магнитная восприимчивость некоторых почв СССР // Почвоведение, 1972, № 10. С. 55–66.
- Вадюнина А.Ф., Корчагина З.А. Методы исследования физических свойств почв. М.: Агропромиздат, 1986. 416 с.
- Геннадиев А.Н. Изменчивость во времени свойств черноземов и эволюция природной среды (Ставропольская возвышенность) // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 1984. № 5. С. 10–16.
- Герасимова М.И., Шоба С.А., Губин С.В. Микроморфология почв природных зон СССР. Пушино, 1992. 215 с.
- Губин С.В. Диагенез почв зоны сухих степей, погребенных под искусственными насыпями // Почвоведение, 1984, № 6. С. 5–13.
- Демкин В.А., Иванов И.В. Развитие почв Прикаспийской низменности в голоцене. — Пушино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1985. 164 с.
- Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С., Скрипниченко И.И. О возможности историко-социологических реконструкций при почвенно-археологических исследованиях. Препринт. Пушино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1988. 20 с.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г. О палеопочвенном обследовании курганных групп Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. М., 1993. Вып. 1. С. 55–66.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г. Состояние и тенденции развития почв и ландшафтов долины р. Илек в эпохи бронзы и раннего железа // Курганы левобережного Илека. М., 1994. Вып. 2. С. 57–75.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г. Палеоэкологические условия сухостепного Предуралья во II тыс. до н. э. — I тыс. до н. э. и их роль в жизни населения бронзового и раннежелезного веков. // Курганы левобережного Илека. М., 1996 а. Вып. 4. С. 49–53.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г. Почвы и природа сухих степей Южного Урала в эпохи бронзы и раннего железа (II тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). — Препринт. Пушино, 1996 б. 37 с.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г., Демкина Т.С. Погребенные почвы в песках степного Приуралья как индикаторы палеоэкологических условий в голоцене // Почвоведение, 1997. № 11. С. 1293–1305.
- Демкина Т.С., Демкин В.А. Изменение гумусного состояния почв сухих и пустынных степей за историческое время // Почвоведение, 1994, № 9. С. 5–11.
- Иванов И.В. Почвоведение и археология // Почвоведение, 1978. № 10. С. 17–28.
- Иванов И.В. Изменение природных условий степной зоны в голоцене // Известия АН СССР, сер. географическая. 1983. № 2. С. 26–41.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 97-05-65513.

Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.: Наука, 1992. 144 с.

Иванов И.В., Чернянский С.С. Общие закономерности развития черноземов Евразии и эволюция почв Зауралья // Почвоведение, 1996. № 9. С. 1045–1055.

Крупеников И.А. Черноземы Молдавии // Черноземы СССР. М.: Колос, 1974, т. 1. С. 282–524.

Макеева В.И. Микроморфология почв лесостепи Русской равнины. Автореф. дисс.... канд. биол. наук, 1976. 27 с.

Морозова Т.Д. Микроморфологическое изучение погрешных почв // Почвоведение, 1963, № 9. С. 49–56.

Морозова Т.Д. Развитие почвенного покрова Европы в позднем плейстоцене. М.: Наука, 1981. 282 с.

Песочина Л.С., Зайцев С.В. Палеопочвы курганного могильника «Покровка 7» как индикаторы природных условий раннесарматского времени // Курганы левобережного Илека. М., 1996. Вып. 4. С. 53–60.

Платонова Г.Ю. Особенности карбонатного режима в черноземе обыкновенном мицелярно-карбонатном Закарпаття Украины // Почва, плодородие, урожай. Докл. конф. мол. ученых. М., 1968. С. 36.

Рысков Я.Г. Реконструкция истории развития почв и природной среды степного Предуралья в голоцене (с использованием методов геохимии стабильных изотопов). Автореф. дисс.... канд. биол. наук, 1996. 23 с.

Рысков Я.Г., Демкин В.А. Результаты естественно-научного изучения курганов левобережного Илека // Курганы левобережного Илека. М., 1995. Вып. 3. С. 48–68.

Рысков Я.Г., Демкин В.А., Мержель С.В., Олейник С.А. Формирование карбонатного профиля темно-каштановой почвы по данным изотопного состава углерода и кислорода // Почвоведение, 1996, № 9. С. 1055–1072.

Синкевич З.А. Современные процессы в черноземах Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1989. 214 с.

Хопреинов В.Д., Лысак Г.Н., Абрашин В.Н. Меры борьбы с эрозией на востоке Оренбуржья // Земледелие, 1983, № 4. С. 27–28.

Хохлова О.С. Морфолого-генетический анализ хронология почв курганных групп Покровка 1, 2 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. М., 1996. Вып. 4. С. 61–72.

Хохлова О.С., Ковалевская И.С. Влияние выпадения эоловой пыли на почвы Урало-Казахстанских степей во второй половине голоцена // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Тез. докл. конференции 18–20 декабря 1996 года, Самара, 1996. С. 113–115.

Gile L.H. Carbonate stages in sandy soils of the Leasburg surface, Southern New Mexico // Soil Sci., 1993. V. 156, p. 101–110.

Gile L.H. Pedogenic Carbonate in Soils of the Isaacks' Ranch Surface, Southern New Mexico // Soil Sci. Soc. of Am. J., 1995. V. 59, p. 501–508.

Gubin S.V., Khokhlova O.S. Application of micromorphological method to archaeological research // Soil micromorphology. Studies on soil diversity, diagnostics, dynamics. 10th Int. Working Meeting on Soil Micromorphology. Moscow, 1996. P. 140.

Simonson R.W. Airborne dust and its significance to soils // Geoderma, 1995, 65: 1–43.

Vincent K.R., Bull W.B., Chadwick O.A. Construction of a Soil Chronosequence Using the Thickness of Pedogenic Carbonate Coatings // J. of Geol. Education, 1994, 42: 316–324.

Приложение

Методика определения относительного уровня современной и древней поверхности.

Относительный уклон современной поверхности в точке O_i определяется выражением:

$$\sin a_i = (H_i - H_0) / O_i O,$$

где H_i – уровень по линейке в точке O_i , $i = (1, n)$,

n – число измерений;

H_0 – высота нивелира;

O_0 – расстояние от нивелира до точки O_i .

Поскольку угол a_i мал, то приблизительно:

$$\sin a_i \approx a_i$$

Средний по измеренным точкам уклон определяли как среднее арифметическое:

$$a_{cp} = \sum a_i / n$$

Расчетное значение уровня по линейке в точ-

ке B – расчетном относительном уровне современной поверхности находили по формуле:

$$H_B = H_0 O - BD = H_0 O - OB \sin a_{cp},$$

что приблизительно при $OB \approx OC$ и малом a_{cp}

$$H_B = H_0 O - OC a_{cp},$$

где H_B – расчетный уровень по линейке в точке B ;

B_0 – расстояние от нивелира до точки B ;

O_C – расстояние до стенки разреза.

Уровень погребенной почвы относительно расчетного уровня современной поверхности равен:

$$P = (H_A - H_B),$$

где P – уровень погребенной почвы относительно современной поверхности;

H_A – уровень границы горизонта погребенной почвы по линейке;

H_B – расчетный уровень по линейке в точке B .

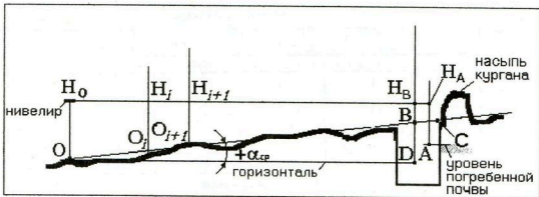

Рис. 1 Схема нивелирного хода

Рис. 2. Содержание крупных фракций в профилях современной и погребенной в позднебронзовое (XVI в. до н.э.) время почв курганного могильника Покровка 2

Таблица 1. Минералогия крупных легких фракций (>0,05) в современной и погребенных почвах.

Крупнопесчаная фракция									
Глубина, см	Содержание в почве	Терригенные минералы			Аутигенные минералы				
		Кварц	Полевой шпат	Кремень	Кальцит аллотигенный	Агрегаты Fe ₂ O ₃	Кальцит педогенный	Гипс	Агрегаты почвенные
<i>Разрез Д-393 – современная почва</i>									
0–20	2,57	82,1	11,6	2,6	но	3,7	но	но	но
20–30	2,14	78,5	14,5	1,8	1,1	4,1	но	но	но
33–44	0,91	61,6	11,3	2,3	21,1	2,4	но	но	1,2
44–100	2,03	55,1	9,7	1,4	27,0	2,0	но	но	4,7
100–150	2,99	62,9	6,1	1,6	26,3	2,9	но	но	0,17
<i>Разрез Д-391 – погребенная почва</i>									
0–20	2,90	45,7	9,5	4,9	12,9	2,5	7,5	но	16,9
20–37	2,98	50,1	11,2	3,0	28,0	1,9	2,7	3,1	но
37–85	2,53	54,7	11,0	2,5	26,1	2,7	3,0	но	но
85–133	2,49	58,0	10,4	3,5	23,5	2,1	2,2	0,2	но
Тонкопесчаная фракция									
Глубина, см	Содержание в почве	Терригенные минералы						K = кварц / полевые шпаты	
		Кварц	Na-Ca плагиоклаз	Калиевый полевой шпат	Кальцит	Аморфное вещество			
<i>Кварц Разрез Д-393 – современная почва</i>									
0–20	30,80	95,8	1,7	2,4	но	—	23,3		
20–30	3,00	96,3	1,5	2,2	но	—	26,0		
33–44	32,00	96,3	1,3	2,0	0,4	—	29,2		
44–100	32,80	96,7	0,8	1,6	0,9	—	40,3		
100–150	27,10	96,1	—	2,9	0,7	0,3	33,1		
<i>Разрез Д-391 – погребенная почва</i>									
0–20	27,50	96,3	1,3	2,4	НО	—	26,0		
20–37	27,30	96,3	1,4	2,0	0,3	—	28,3		
37–85	33,60	96,7	101	105	0,7	—	37,2		
85–133	35,2	95,9	0,9	2,2	0,9	—	30,9		
Лессовая фракция									
Глубина, см	Содержание в почве	Терригенные минералы						K = кварц / полевые шпаты	
		Кварц	Na-Ca плагиоклаз	Калиевый полевой шпат	Кальцит	Аморфное вещество			
<i>Разрез Д-393 – современная почва</i>									
0–20	8,72	82,6	5,5	10,3	но	1,6	5,2		
20–30	8,28	84,6	6,4	9,0	но	—	5,5		
33–44	5,52	83,8	5,6	9,6	1,0	—	5,5		
44–100	5,77	82,2	6,1	10,2	1,5	—	5,0		
100–150	4,72	79,1	7,2	11,6	2,1	—	4,2		
<i>Разрез Д-391 – погребенная почва</i>									
0–20	5,75	84,9	6,7	6,8	но	1,6	6,3		
20–37	6,50	85,0	5,8	6,4	1,7	1,1	7,0		
37–85	8,74	83,2	5,3	8,2	2,0	1,3	6,2		
85–133	8,07	83,8	5,9	6,3	2,2	1,8	6,9		

Примечание: но – не определяли, — – не обнаружено.

Таблица 2. Информативность отдельных биоморф

Биоморфы	Характер интерпретации
Пыльца и споры Фитолиты	Состав и эволюция региональной флоры Состав и эволюция локальной флоры, индикация антропогенного воздействия, процессов эрозии и т. п.
Диатомовые водоросли и спикулы губок	Свидетельство повышенного (застойного или проточного) гидроморфизма территории, характеристика водоема
Окремневшие кутикулярные слепки	Индикаторы поверхностных горизонтов, показатели быстрого погребения
Угли и древесина	Следы пожаров, естественных или антропогенных катаклизмов, культурных или антропогенных катаклизмов, культурных слоев, погребений, состав региональной древесной флоры, история различных древесных пород, границы леса
Детрит	Диагностика культурных слоев, поверхностных горизонтов, заболоченных и оторфованных горизонтов почв, локальной и региональной флоры

Таблица 3. Содержание и распределение основных компонентов биоморфной фракции

Образец	Детрит	Корни	Кутик. слепки	Фитолиты	Диатомовые	Спикулы губок	Пыльца
1	+++	+++	++	+++	ед.	—	—
2	+++	—	—	+++	ед.	ед.	—
3	++	ед.	ед.	ед.	—	—	—
4	+	ед.	—	ед.	—	—	ед.
5	+++	+	++	+++	—	—	—
6	++	ед.	—	+	—	—	—
7	+++	+++	—	+++	+	ед.	—

Примечание: крестиками показано полуколичественное сравнительное содержание компонентов биоморфной фракции; +++ много; ++ средние; + мало; — отсутствуют; ед. — представлены единично.

Таблица 4. Содержание кремнеземистых биоморф (шт. / %)

Образец	Всего	Диатом.	Спикулы	Фитолиты	1	2	3	4	5	6	7
1	203/100	2/1	—	201/99	91/45	—	9/5	38/19	5/2	8/4	50/25
2	110/100	1/1	2/2	107/97	75/70	6/6	5/5	13/12	—	—	8/7
3	6/100	—	—	6/100	5/83	—	—	1/17	—	—	—
4	2/100	—	—	2/100	2/100	—	—	—	—	—	—
5	150/100	—	—	150/100	69/46	—	18/12	24/16	—	2/1	37/25
6	30/100	—	—	30/100	17/57	—	1/3	3/10	—	—	9/30
7	170/100	4/2	1/1	165/97	97/59	6/4	7/4	17/10	3/2	—	35/21

Примечание. Цифрами показано распределение форм фитолитов отдельных растений и фитолитные комплексы различных фитоценозов: 1 — эпителиальные клетки двудольных трав; 2 — лесные злаки; 3 — луговые злаки; 4 — степные злаки; 5 — культурные злаки; 6 — сухостепные и полупустынные растения; 7 — другие формы фитолитов (в том числе фитолиты мхов).

Борданов Сергей Вячеславович – археолог, научный сотрудник Института степи УрО РАН.

Васильева Ирина Николаевна – археолог, научный сотрудник института истории и археологии Поволжья, кандидат исторических наук, специалист по истории гончарства.

Гольева Александра Амуриевна – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института географии РАН.

Зуев Вадим Юрьевич – археолог, научный сотрудник Государственного Эрмитажа.

Исмагилов Рамиль Бакирович – археолог, научный сотрудник Башкирского научного центра.

Кабанова Елена Владимировна – научный сотрудник Бугурусланского музея краеведения.

Краева Людмила Анатольевна – археолог, научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного университета.

Мещеряков Дмитрий Владимирович – археолог, научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного университета.

Моргунова Нина Леонидовна – археолог, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного университета.

Мышкин Владимир Николаевич – археолог, кандидат исторических наук, научный сотрудник археологической лаборатории Самарского государственного университета.

Овчинникова Надежда Викторовна – археолог, научный сотрудник Самарского государственного университета.

Салугина Наталья Петровна – археолог, кандидат исторических наук, специалист по технологии керамики Института истории и археологии Поволжья.

Скарбовенко Вера Александровна – археолог, научный сотрудник Самарского государственного университета.

Туецкий Михаил Александрович – археолог, кандидат исторических наук, научный сотрудник археологической лаборатории Самарского государственного университета.

Халяпин Михаил Викторович – археолог, научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного университета.

Хохлов Александр Александрович – специалист по антропологии, научный сотрудник археологической лаборатории Самарского государственного университета.

Хохлова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института фундаментальных проблем биологии РАН.

- АО – «Археологические открытия».
АСГЭ – Археологический сборник государственного Эрмитажа.
АЮС – «Археология Южной Сибири».
АЭБ – «Археология и этнография Башкирии».
АЭМ – «Археология и этнография Монголии».
ВДИ – Вестник древней истории.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
ОПИ (У) – Оренбургский государственный педагогический институт (университет).
РА – «Российская археология».
СА – «Советская археология».
САИ – Свод археологических источников.
СЭ – «Советская этнография».

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	3
Турецкий М.А. (Самара) Проблемы сложения средневожско-приуральского варианта ямной культуры.....	6
Богданов С.В. (Оренбург) Курганы начала бронзового века в окрестностях с. Курманаевка.....	12
Салугина Н.П. (Самара) Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья.....	20
Моргунова Н.Л. (Оренбург) Могильник у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках.....	40
Кабанова Е.В. (Бугуруслан), Овчинникова Н.В. (Самара) Исследование кургана срубной культуры в Бугурусланском районе.....	65
Халяпин М.В., Богданов С.В. (Оренбург) Погребальные памятники эпохи бронзы с территории Оренбургского Приуралья.....	75
Зуев В.Ю. (С.-Петербург), Исмагилов Р.Б. (Уфа) Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье.....	105
Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. (Оренбург) «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника.....	124
Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. (Самара) Сарматские курганы у с. Гвардейцы.....	147
Краева Л.А. (Оренбург) Памятники раннего железного века из Западного Оренбуржья.....	176
Васильева И.Н. (Самара) Технология керамики могильника у с.Съезжее.....	191
Хохлова О.С., Хохлов А.А. (Пушино), Гольева А.А. (Москва) Использование методов палеопочвоведения при изучении курганных могильников Илекской экспедицией на юге Оренбургской области.....	217

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ ОРЕНБУРЖЬЯ**

Выпуск III

Лицензия ЛР №064076 от 5 мая 1994 г.
Сдано в набор 23.02.1999. Подписано в печать 20.07.1999.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 27,53.
Тираж 400 экз. Бумага офсетная.